311

Музей Краеведения

ПОВѢСТИ П. А. КУЛИША

III

ПОВѢСТИ

П. А. КУЛИША

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА НИКОЛАЯ М*

2243
Библіотека Университета

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1860

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25-го марта 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА

НИКОЛАЯ М*

ѲЕКЛУША. — ЯКОВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ. — ИСТОРІЯ УЛЬЯНЫ ТЕРЕНТЬЕВНЫ.

ΑΠΑΡΧΗ

ОБЕКЛУША.

Посвящается П. Е. Чуйкевичу.

I.

ПЕРВАЯ МОЯ КВАРТИРА.

Начну я свой разсказъ съ того важнаго момента, когда меня привезли изъ хутора въ городокъ Н** для помѣщенія въ училище. Давно, очень давно это случилось; можетъ быть, уже нѣтъ и слѣдовъ стараго деревяннаго домика, въ которомъ батюшка нанялъ для меня квартиру; но воображеніе мое хранитъ всѣ характерныя черты его. Домикъ этотъ стоялъ въ отдаленной части города, на косогорѣ, и не отличался веселою наружностью. Онъ нахлобучилъ свою темную, позеленѣлую крышу съ мрачнымъ видомъ и какъ-то искоса посматривалъ своими четырьмя окнами на другіе дома. Между этихъ оконъ прорублена была дверь съ улицы въ сѣни, куда мы и вошли

съ батюшкой, а кучеру велѣно было взъѣзжать на дворъ.

Въ сѣняхъ встрѣтила насъ старушка въ коленкоровомъ чепцѣ и въ ситцевомъ коричневомъ капотѣ. Это была хозяйка дома, госпожа Хлопотова. У нея было предоброе лицо, — блѣдное и все въ морщинахъ, но предоброе. Она замѣтно намъ обрадовалась и очень привѣтливо говорила: »Пожалуйте! милости просимъ!« при чемъ дѣлала правой рукой самый пріятный жестъ.

Сѣни вели съ одной стороны въ кухню, съ другой — въ комнаты, съ третьей — въ чуланъ. Мнѣ показалось, какъ-будто чей-то молодой и свѣтлый глазъ смотритъ на меня изъ чулана въ дырочку, прорѣзанную на-подобіе сердца въ двери; и дѣйствительно послѣ узналъ я, что то́ смотрѣла на меня изъ своей лѣтней спальни Ѳеклуша, дочь старушки Хлопотовой, хорошенькая и живая дѣвушка, которая затѣмъ только не выбѣжала къ намъ на-встрѣчу, что должна была надѣть въ чуланѣ новое ситцевое платье.

Батюшка послѣдовалъ за старушкой Хлопотовой направо въ комнату, съ видомъ человѣка, которому давно знакомы всѣ окружавшіе его предметы. Ни дубовая дверь съ желѣзною бренчащею щеколдою, ни высокій порогъ, ни картина, представлявшая разбойника, убивающаго въ лѣсу прохожаго (странный сюжетъ!), ни три низкія оконца съ звенящими на тусклыхъ стеклахъ мухами, ни-

что, по-видимому, не обратило на себя ни малѣйшаго его вниманія.

Напротивъ, для меня все было здѣсь ново и выразительно; всѣ мелкія особенности моего новоселья рѣзко бросились мнѣ въ глаза и какъ-будто заговорили со мной на своемъ языкѣ. На меня повѣяло какою-то грустною, грустною повѣстью отъ этихъ потемнѣвшихъ деревянныхъ стѣнъ, отъ этихъ тусклыхъ стеколъ, пропускавшихъ въ комнату лишенный яркости солнечный свѣтъ, и отъ картины.... всего больше отъ этой странной картины, писанной масляными красками и, сколько могу судить по воспоминанію, довольно искусною кистью. Пускай бы это былъ портретъ какого-нибудь господина съ золотою табакеркою въ рукѣ, или одно изъ временъ года, или Адамъ и Ева въ раю; нѣтъ, надобно было непремѣнно висѣть здѣсь, на черномъ толстомъ гвоздѣ, изображенію человѣкоубійства! Странная случайность: эта картина—какъ послѣ я узналъ—попала сюда безъ всякаго выбора со стороны хозяина, или хозяйки дома; никому она не была нужна; никто не обращалъ на нее никакого вниманія; но она была какъ-то подъ стать этой комнатѣ и ея зеленой печкѣ, съ изображеніемъ на изразцахъ чего-то въ родѣ летучихъ мышей, и голымъ дубовымъ стульямъ, и желѣзной кровати безъ тюфяка, съ синимъ ситцевымъ одѣяломъ и кожаною, на видъ очень твердою, головной по-

душкой. Все въ этой комнатѣ было одинаково жестко, пасмурно и непріютно.

Отсюда дверь вела въ небольшую коморку объ одномъ окнѣ, которое было прорублено не посрединѣ стѣны, а съ-боку, такъ что я, заглянувъ туда, тотъ-часъ началъ искать глазами другого окна, воображая, что оно притворено ставнемъ. Больше и не было комнатъ на правой половинѣ дома.

Но что́ это бѣлѣетъ въ темномъ углу одногазой коморки? Вглядываюсь и узнаю свою кроватку, съ чистымъ бѣльемъ и новешенькимъ одѣяльцемъ, подъ которымъ я началъ спать еще очень недавно.

»Поздравляю тебя!« сказалъ я мысленно: »это твоя комната!«

Но не успѣлъ я проникнуться чувствомъ трагическаго смѣха надъ самимъ собою, какъ оно было подавлено другимъ, болѣе сильнымъ чувствомъ. Батюшка, разговаривая съ старушкой Хлопотовой, назвалъ ее именемъ, которое сильно меня поразило: онъ назвалъ ее *Софьей Карловной*.

Софья Карловна!... Съ этимъ именемъ въ моей памяти соединялся разсказъ няни объ одной красавицѣ ея времени, »которая заткнула бы за поясъ всѣхъ нынѣшнихъ красавицъ, сколько ихъ ни есть въ нашемъ околоткѣ«. Разсказъ состоялъ въ томъ, что́ Софья Карловна была дочь одной Нѣмки-вдовы, что она жила съ своею матерью въ

Ку́стовцахъ (такъ называлась небольшая усадьба въ нашемъ сосѣдствѣ, съ тремя вросшими въ землю мужичьими хатами и завалившимся господскимъ домикомъ), что она — неслыханное для меня тогда событіе! — бѣжала отъ матери съ офицеромъ и что потомъ о ней не было ни слуху, ни духу. Занимательности въ этомъ разсказѣ было для меня мало, и я бы давно забылъ и Софью Карловну, и ея бѣгство изъ Ку́стовцевъ; но интересъ былъ усиленъ до невѣроятной степени тѣмъ, что батюшка, услышавъ изъ другой комнаты мою бесѣду съ няней, вбѣжалъ къ намъ съ несвойственнымъ ему волненіемъ и назвалъ няню старою сорокою. Няня въ то время зашивала полу моего панковаго сюртука и, можетъ быть, избрала воспоминанія о Софьѣ Карловнѣ, какъ средство удержать меня на мѣстѣ, пока кончитъ работу; но батюшка не посмотрѣлъ на это и увелъ меня въ свою комнату съ иголкою въ полѣ. Съ тѣхъ поръ я не могъ вывѣдать у няни ни полъслова болѣе о Софьѣ Карловнѣ. Она боязливо указывала на комнату »стараго барина«, когда онъ былъ дома, или просто на дверь въ сѣни, когда его не было, какъ-будто онъ тотъ-часъ долженъ былъ появиться передъ нами, съ своимъ грознымъ взглядомъ, лишь только она заикнется о Софьѣ Карловнѣ.

Я скоро убѣдился, что прежде узна́ю что́-нибудь отъ своей аспидной доски, чѣмъ отъ ня-

нюшки, и оставилъ старуху въ покоѣ. Но за то сколько задачъ перемаралъ я, доискиваясь причины батюшкина гнѣва! То воображалъ я, что Софья Карловна была его близкая родственница, то убѣждалъ себя, что она — его смертельный врагъ; наконецъ разныя мелочи дѣтской жизни заняли меня въ свою очередь. Мало-помалу я успокоился на счетъ загадочности Софьи Карловны, и Кустовская пустошь перестала занимать мое воображеніе.

Но теперь, когда я очутился лицемъ къ лицу съ героинею стариннаго деревенскаго романа (я былъ почти увѣренъ, что это она), когда я случайно отыскалъ послѣднюю избитую часть этого романа въ этомъ меланхолическомъ, пасмурномъ домѣ, любопытство мое разгорѣлось вновь съ такою силою, что я могъ назваться больнымъ отъ любопытства....

Я смотрѣлъ на нее, не сводя глазъ, какъ-будто хотѣлъ въ этой невзрачной старушкѣ, въ ея потухшемъ взорѣ, въ ея разбитомъ голосѣ, въ ея невѣрныхъ движеніяхъ, найти что-нибудь общее съ красавицей, которая, какъ на картинѣ, рисовалась въ моемъ воображеніи посреди Кустовскаго саду, — не того, который спускался теперь къ засоренному пруду, съ своими заглохшими, косматыми дорожками, а того, о которомъ наказала мнѣ няня кучи чудесъ, — саду, полнаго цвѣтовъ, рѣдкихъ вьющихся лозъ и желтѣющихъ на солнцѣ лимоновъ.... Нѣтъ, въ ней можно было

найти что-нибудь общее развѣ съ почернѣвшею крышею ветхаго домика въ Кýстовцахъ, съ сухой вербой, выжженной внутри и повалившейся въ прудъ, покрытый широкими листьями плавучихъ маковокъ, да съ этимъ видомъ глубокаго запустѣнья, въ какомъ находилась теперь цвѣтущая нѣкогда усадьба.

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ Софья Карловна, дивная несравненная Кýстовская красавица, превратилась въ такую жалкую старушку! Да и какимъ бы чудомъ очутилась она женою Хлопотова, о которомъ я успѣлъ уже составить себѣ, по его жилищу, невыгодное для него понятіе? Нѣтъ, это невозможно!

Рѣшивъ такимъ образомъ возникшій въ умѣ моемъ странный вопросъ на-счетъ моей хозяйки, я опять погрузился въ разсматриванье своего новоселья. Оно не обѣщало мнѣ никакихъ удовольствій. Напротивъ, я предвидѣлъ много, много печальныхъ дней, когда я буду сидѣть одинъ у окна и думать о нашемъ хуторѣ, о его зеленыхъ пригоркахъ и о высокихъ дубахъ, на которые, бывало, я карабкался, какъ бѣлка, чтобъ съ ихъ верхушекъ разсматривать вдали сельскія церкви и нити сверкающихъ на солнцѣ рѣчекъ. Я чувствовалъ себя въ такомъ упадкѣ духа, какъ-будто рѣзвое дѣтство мое уже миновало и мнѣ оставалось заниматься только скучными и утомительными предметами. Сидя на стулѣ, я взглядывалъ

почти такъ же серьезно на добродушную старуш-, ку, хозяйку моей квартиры, какъ и батюшка, и если не вступалъ съ нею, какъ онъ, въ степенный разговоръ о прекрасной погодѣ и уборкѣ хлѣбовъ, то вслушивался въ его бесѣду съ такимъ суровымъ настроеніемъ мыслей, какъ-будто я тоже пятидесятилѣтній старикъ, озабоченный хозяйствомъ.

Вслушиваюсь и вижу, что разговоръ о прекрасной погодѣ и хорошей уборкѣ хлѣбовъ склоняется къ толкамъ о нѣкоторомъ Померанцевѣ, по-видимому уже извѣстномъ батюшкѣ. Я никакого Померанцева не знаю, но машинально повторяю въ умѣ вопросы отца и освѣдомляюсь вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ теперь находится эта особа и скоро ли воротится.

Померанцевъ — пріятное имя, и я съ удовольствіемъ узнаю изъ отвѣтовъ хозяйки, что человѣкъ, которому оно принадлежитъ, живетъ здѣсь, въ этой комнатѣ, и спитъ на этой желѣзной кровати. Досадно однакожъ, зачѣмъ онъ спитъ на постели покойнаго Хлопотова, къ которому я уже получилъ антипатію, еще не зная, что́ это былъ за человѣкъ. Но онъ не спитъ на постели Хлопотова; у него есть своя собственная, которую онъ увезъ съ собой въ хуторъ. Госпожа Хло́потова для того только застлала кровать мужниннымъ одѣяломъ и положила на ней мужнину подушку, чтобы въ комнатѣ не было безобразно.

Въ хуторъ.... зачѣмъ же въ хуторъ? Этотъ вопросъ егозитъ уже въ головѣ моей. Но я хорошо знаю батюшкинъ обычай и не имѣю даже помышленія вмѣшаться въ разговоръ. Я сижу смирно на своемъ жесткомъ стулѣ и ожидаю молча, что́ будетъ говорить батюшка и что́ станетъ отвѣчать ему старушка Хлопотова.

Оказывается, что Померанцевъ — скромный молодой человѣкъ, служащій въ уѣздномъ судѣ. Я желалъ бы знать, мастеръ ли онъ говорить сказки, или напѣвать пѣсни, какъ моя няня. Но объ этомъ не говорятъ, а говорятъ — и, по-видимому, съ большимъ удовольствіемъ — о томъ, что онъ единственный наслѣдникъ двадцати ревизскихъ душъ, которыми владѣетъ старушка его мать. Я радуюсь, что Померанцеву есть чѣмъ жить, кромѣ службы, хотя не совсѣмъ понимаю восхищенія, съ которымъ докладываетъ объ этомъ батюшкѣ госпо́жа Хлопотова.

Ничего, оставляю это въ-сторонѣ, какъ и хорошую уборку хлѣбовъ, и слѣжу за дальнѣйшимъ развитіемъ разговора. По этому разговору я, точно по рѣкѣ, выплываю изъ какого-то душнаго мрака на широкій просторъ. Я вижу Померанцева, живущаго въ своемъ хуторѣ, гдѣ, вѣроятно, онъ ѣздитъ съ косарями на луга, или считаетъ на широкомъ полѣ копны хлѣба. Я съ восхищеніемъ уношусь къ нему мыслью отъ этихъ щелистыхъ, темныхъ стѣнъ, и мнѣ кажется, что онъ,

воротясь въ свою квартиру, внесетъ въ нее запахъ полей и луговую свѣжесть. Я отъ всей души желаю ему скорѣе воротиться и почти не могу усидѣть на стулѣ, узнавъ отъ госпожи Хлопотовой, что она ждетъ его сегодня. Слава Богу! я не одинъ буду ночевать въ этихъ комнатахъ, и мнѣ не будетъ являться призракъ разбойника, написаннаго на картинѣ.

Батюшка тоже, по-видимому, очень доволенъ, что у меня будетъ такой хорошій человѣкъ товарищемъ по квартирѣ. Онъ очень жалѣетъ, что долженъ поспѣшить сегодня же домой къ своему хозяйству и что, можетъ быть, не увидится съ Померанцевымъ. Но онъ увѣренъ, что Померанцевъ будетъ ласковъ съ его Николашею. Въ этомъ я не сомнѣваюсь: я уже какъ-будто познакомился и сошелся съ товарищемъ своей квартирной жизни. Теперь мнѣ веселѣе будетъ идти съ батюшкой къ смотрителю училища, или, что́ все равно, къ аптекарю, потому что смотрителемъ училища былъ аптекарь. Можетъ быть, воротясь оттуда, мы уже застанемъ Померанцева въ квартирѣ. Всё однакоже не хотѣлось бы такъ скоро разстаться съ батюшкой, и я не могу понять, что́ за надобность ему спѣшить къ своему хозяйству, лишь только воротится отъ аптекаря. Грустно думать, что, проснувшись на слѣдующее утро, я не увижу на дворѣ ни нашей брички, ни лошадей, ни кучера Клима, — очень грустно! Не-

чего, однакожъ, дѣлать, иду. Старушка Хлопотова хотѣла удержать насъ чаемъ; но батюшка сказалъ, что мы будемъ пить чай у аптекаря и поднялся съ мѣста, чтобъ идти.

Въ это время брякнула порывисто щеколда у двери, какъ-будто кто давно желалъ войти въ комнату, но его что-нибудь удерживало. Именно съ такимъ видомъ вошла, или даже, пожалуй, вбѣжала къ намъ Ѳеклуша, молоденькая дочь старушки Хлопотовой. Я никогда не забуду, какой сдѣлала она книксенъ батюшкѣ. Она какъ-будто совсѣмъ не прикасалась къ землѣ и сдѣлала его на воздухѣ. Такіе прыжки дѣлаетъ только козленокъ на плетнѣ. Ѳеклуша была удивительно прыткая дѣвушка. Всѣ жилки въ ней играли. Молодое здоровьѣ такъ и дышало въ каждомъ ея движеніи. Въ ней, казалось, текла не кровь, а огонь. Надъ ея манерами, очевидно, трудилась одна природа; зато въ нихъ, вмѣстѣ съ дикостью, выказывалась какая-то особенная, ей одной свойственная грація. И сколько смѣху было на ея губахъ, немножко толстыхъ, но свѣжихъ, какъ роза, и округленныхъ прелестно! Щеки ея могли бы быть овальнѣе; глазамъ придать бы задумчивости. Она бы тогда была привлекательнѣе. Но зато она тогда не была бы Ѳеклушею. Нѣтъ, ужъ пускай останется такою, какой создала ее природа, — съ этими пылающими румянцемъ, круглыми щеками, съ этимъ полнымъ, нѣжнымъ, какъ пухъ, под-

бородкомъ и этимъ прямымъ, немножко вздернутымъ носикомъ.

Еслибъ я увидѣлъ ее одинъ только разъ и потомъ никогда больше не видалъ, я былъ бы очень доволенъ произведеннымъ ею на меня впечатлѣніемъ. Ато съ этимъ оживленнымъ, смѣющимся отъ избытка жизни образомъ, тѣснится въ мою душу такое трагическое чувство, что я, нарисовавъ Ѳеклушу въ воображеніи читателя, не могу удержаться, чтобъ не опустить на сверкающую свѣжими красками свою живопись завѣсу грустныхъ воспоминаній....

Мнѣ кажется — или это уже память чувствъ рѣшительно мнѣ измѣняетъ, и я смѣшиваю нынѣшнее свое воззрѣніе съ тогдашнимъ — мнѣ кажется, что батюшка, отвѣчая на книксенъ рѣзвой Ѳеклуши, устремилъ на нее долгій, печальный взглядъ. Но она его не замѣтила и, назвавъ меня съ чувствомъ сестры Николашею, взяла меня за голову обѣими руками и поцѣловала такъ нѣжно, какъ ни одна еще родственница не цѣловала меня. Она сказала мнѣ, что знала меня еще ребенкомъ, что ждала съ нетерпѣніемъ и что будетъ очень, очень любить меня. Я не совсѣмъ понималъ, зачѣмъ ей увѣрять меня въ томъ, и не зналъ, что́ отвѣчать ей. Но тутъ батюшка поклонился старушкѣ и ея дочери, и мы вышли изъ комнаты.

На улицѣ голова моя занялась рѣшеніемъ труднаго вопроса: почему батюшка избралъ именно

домъ госпожи Хлопотовой для помѣщенія меня въ немъ на квартирѣ? Ужъ, конечно, не дешевизна прельстила его. Онъ, правда, быть очень расчетливъ въ своихъ расходахъ; но гдѣ дѣло касалось моей пользы, тамъ онъ не пощадилъ бы никакихъ издержекъ. Удобствъ тоже особенныхъ не представлялъ этотъ пасмурный домикъ, поставленный безъ толку надъ самой дорогою. Да и въ училище отсюда ходить не близко. А въ ненастную погоду какая должна быть грязь по этимъ косогорамъ и промоинамъ, которыми лѣпится дорога отъ моей квартиры до самаго дома купца Сорокина! Знакомые люди.... но я зналъ, что у батюшки въ городкѣ Н** были знакомые люди и безъ Хлопотовой. Нѣтъ, тутъ есть что-то особенное. Софья Карловна, о которой батюшка запретилъ нянѣ болтать со мной, и Софья Карловна, у которой онъ помѣстилъ меня на квартирѣ, — неужели это только случайное сходство именъ?

Я крѣпко задумался объ этомъ, идучи съ батюшкой; я мало обращалъ вниманія на все, что́ мы встрѣчали; даже золоченый орелъ, означавшій аптеку, заинтересовалъ меня не столько, какъ бы въ другое время. Неужели я буду жить у той самой женщины, о которой няня начала было разсказывать мнѣ такую интересную повѣсть? Этотъ вопросъ должна была разрѣшить мнѣ Феклуша, которая не даромъ же сказала, что знала меня еще ребенкомъ. Надобно было только дождаться

удобнаго къ тому случая. И я рѣшился терпѣливо ждать его.

II.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ПОМЕРАНЦЕВЫМЪ.

Батюшка уѣхалъ, лишь только мы возвратились отъ аптекаря. Мнѣ было очень грустно, и только присутствіе постороннихъ людей, какими считалъ я тогда еще Ѳеклушу и ея мать, удерживало меня отъ слезъ. Ѳеклуша, кажется, это замѣтила и, чтобъ меня развлечь, повела меня по всему своему жилищу. Она показала мнѣ сперва свою лѣтнюю спальню — въ чуланѣ, гдѣ я увидѣлъ на стѣнѣ небольшое зеркальце, пары двѣ платьевъ и, къ моему удивленію, старый хомутъ со шлеею (какъ онъ попалъ въ чуланъ и для чего онъ былъ нуженъ госпожѣ Хлопотовой, которая не держала лошадей, это оставалось для меня покамѣсть тайною). Потомъ она показала мнѣ свою зимнюю спальню на другой половинѣ дома, возлѣ кухни, которая соотвѣтствовала комнатѣ разбойника и прихожаго. Здѣсь я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ кухаркой и единственною прислугой во всемъ домѣ, по имени Степанидой. Далѣе слѣдовало знакомство съ собакой Буркой, которая такъ и норовила укусить

меня за ногу. Послѣ того Θеклуша повела меня на огородъ.

Саду при домѣ не было, зато огородъ напоминалъ висячіе сады Семирамиды, о которыхъ разсказывалъ мнѣ батюшка. Огородъ былъ раскинутъ на косогорѣ, до такой степени крутомъ, что я дивился, какъ умудрились люди сдѣлать въ немъ гряды. Но еще больше удивляла меня постройка дома надъ этой крутизной. Хотя съ огорода подпирали его высокія сваи, но мнѣ казалось, что онъ каждую минуту готовъ обрушиться и съѣхать внизъ. Я вообразилъ себя живущимъ въ этомъ домѣ во время проливныхъ дождей или сильныхъ вѣтровъ, и мнѣ стало страшно за свою жизнь. Многихъ безпокойствъ стоило мнѣ привыкнуть къ нему, и никогда не могъ я совершенно освободиться отъ чувства, что мы висимъ надъ пропастью.

Между тѣмъ, какъ воображеніе мое заносилось въ осеннее время, до котораго было еще далеко, Θеклуша вдругъ бросилась по грядамъ къ забору. Я спѣшу вслѣдъ за ней туда же, вообразивъ себѣ какую-нибудь диковинку на улицѣ, въ родѣ ручного медвѣдя, или странствующихъ пѣвцевъ. Но на улицѣ не было никакой диковинки, а только проходилъ мимо забора какой-то господинъ въ соломенномъ картузѣ.

»Ахъ, Боже мой«! сказала Θеклуша, я думала, это Селезневъ!«

»Кто же этотъ Селезневъ?« спросилъ я.

»Пріятель Померанцова.... Онъ часто у него бываетъ. Чудесный молодой человѣкъ! Какой щеголь! Ужъ не то, что Померанцевъ!«

Я не обратилъ никакого вниманія на эти слова и только въ-послѣдствіи понялъ все ихъ значеніе....

»Ѳекла Петровна«, сказалъ я, »вы мнѣ сказали, что знали меня еще ребенкомъ. Какъ это могло случиться? Я такъ совсѣмъ не помню васъ.«

»Куда же тебѣ помнить меня?« отвѣчала она. »Тебѣ было только два года, когда мы переѣхали въ городъ.«

»Откуда же вы переѣхали?«

»Изъ Ку́стовцевъ.«

»Какъ! вы жили въ Ку́стовцахъ?« вскрикнулъ я радостно, какъ-будто нашелъ потерянную вещь.

»Да, жили. Что́ жъ тутъ удивительнаго? Это былъ нашъ хуторъ.«

»Слѣдовательно ваша маменька....«

Я остановился.

»Что́ моя маменька?«

»Вышла за военнаго?«

»Да, папенька служилъ тогда въ уланахъ, какъ увезъ маменьку.«

»*Увезъ*, вы говорите?« сказалъ я, упираясь на слово, которое она произнесла съ такимъ спокойствіемъ.

Ѳеклуша весело засмѣялась.

»Да, вѣдь маменька была въ свое время красавицею.«

Эти слова застучали въ моихъ ушахъ, какъ камни. Я безотчетно почувствовалъ всю грубость такого объясненія со стороны Ѳеклуши, и, не смотря, однакожъ, на то, въ воображеніи моемъ представился въ картинномъ видѣ удалый офицеръ, похищающій красавицу. Неужели этотъ офицеръ былъ тотъ самый Хлопотовъ, который жилъ въ этомъ домѣ? Соединить одно лице съ другимъ я былъ рѣшительно не въ состояніи, и я уже готовилъ въ умѣ для Ѳеклуши рядъ вопросовъ, какъ вдругъ за заборомъ застучало что-то въ родѣ повозки.

»Померанцевъ!« воскликнула радостно Ѳеклуша. »Это его таратайка.«

И побѣжала къ нему на-встрѣчу по грядамъ.

Западъ начиналъ уже потухать; въ воздухѣ вмѣстѣ съ прохладой распространялась тишина; съ рѣки звучно несся говоръ лягушекъ. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній я въ первый разъ увидѣлъ Померанцева.

Онъ въѣхалъ въ ворота, отворенныя ему Степанидой, на простой деревенской телѣгѣ, въ одну лошадь, которою правилъ хлопчикъ въ сѣрой свиткѣ и войлочной шапкѣ, надвинувшейся ему на глаза. Я совсѣмъ не такимъ воображалъ Померанцева. Онъ оказался приземистымъ парнемъ лѣтъ двадцати-двухъ, въ коричневомъ сюртукѣ

изъ толстаго сукна, не разъ уже заплатанномъ, и въ старомъ, запыленномъ картузѣ. Онъ былъ очень плечистъ и съ перваго взгляда казался силачемъ. У него было простое круглое лице, свѣтлорусые волосы и крупный, прямой носъ. Но это лице улыбалось такъ привѣтливо, что каждому тоже хотѣлось улыбаться, на него глядя.

Померанцевъ, казалось, былъ очень радъ, что воротился въ городъ, но трудно было рѣшить и самому наблюдательному человѣку, кто или что́ радовало его въ-особенности. Онъ смотрѣлъ тѣмъ же веселымъ и кроткимъ взглядомъ на Степаниду, на Ѳеклушу, на собаку Бурку, которая, обрадовавшись его пріѣзду, перестала слѣдить за моими движеніями, и на самого меня, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ.

»Кто это у васъ?« спросилъ онъ у Ѳеклуши.

»Постоялецъ, Матвѣй Никитичъ«, отвѣчала она своимъ радостнымъ и нѣжнымъ голосомъ (у нея былъ какой-то трепещущій, нѣжный, очень пріятный голосъ).

»А«, сказалъ Померанцевъ, »такъ это тотъ Николаша, о которомъ у насъ была рѣчь передъ моимъ отъѣздомъ? Ну, я радъ, что у меня наконецъ есть товарищъ (и дѣйствительно его лице и голосъ выражали, что онъ былъ мнѣ радъ). Мы будемъ вмѣстѣ ходить и за раками.«

»За какими?« спросилъ я.

Ѳеклуша поспѣшила объяснить мнѣ смѣясь, что

Матвѣй Никитичъ большой любитель прогулокъ за рѣку, на озера, и что онъ постоянно доставляетъ имъ для стола раковъ, которыхъ ловитъ собственными руками. Она, очевидно, находила своего постояльца очень забавнымъ и не скрывала отъ него своего смѣха.

»Смѣйтесь, смѣйтесь, Ѳекла Петровна«, сказалъ Померанцевъ, взваливая на себя одной рукой старый чемоданъ, какъ послѣ я увидѣлъ, съ постелью, »а наловить руками раковъ — вовсе не шутка. Ты умѣешь нырять, Николаша?«

Я смиренно сознался въ своемъ невѣжествѣ.

»Ничего, я научу тебя«, сказалъ онъ.

И мнѣ понравилось, какъ онъ кивнулъ мнѣ при этомъ головой, немного наклонясь подъ тяжестью чемодана. У него была самая добродушная манера кивать головой и подмигивать бровью.

Я послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ Ѳеклушей въ домъ. Ѳеклуша расхохоталась отъ всей души, увидѣвъ, какъ онъ раскланивается передъ ея матерью съ чемоданомъ на спинѣ, и назвала его медвѣдемъ. Дѣйствительно, въ пріемахъ и движеніяхъ Померанцева было что-то, напоминавшее мишку. Но онъ мнѣ нравился со всей своею неуклюжестью. При немъ было какъ-то легко, и весь домъ какъ-будто сдѣлался уютнѣе съ его пріѣздомъ.

»А Селезневъ приходилъ безъ меня?« спросилъ

Матвѣй Никитичъ, опустивъ чемоданъ на полъ и готовясь выгружать изъ него свою постель.

Θеклуша объявила, что Селезневъ не давалъ имъ покою, безпрестанно справляясь, не пріѣхалъ ли Матвѣй Никитичъ, и это видимо доставило Померанцеву большое удовольствіе.

»Я не понимаю, за что́ Селезневъ такъ любитъ васъ«, сказала она, и засмѣялась звонкимъ своимъ смѣхомъ.

»Я самъ не понимаю«, отвѣчалъ Померанцевъ. »Мы совсѣмъ другъ на друга не похожи, да и ни въ чемъ не соотвѣтствуемъ. Онъ панъ, а я простой человѣкъ; онъ щеголь, а я такъ себѣ, сермяжникъ; онъ водится съ богатыми людьми, а я сижу дома да хожу на ловлю раковъ. Но вотъ привязался человѣкъ: »Будемъ, Матвѣй Никитичъ, друзьями.« — »Ну, будемъ.« И сперва мнѣ было съ нимъ какъ-то неловко, а теперь ужъ я такъ привыкъ къ нему, что не придетъ, — мнѣ ужъ и скучно.«

»Скучно, а просидѣли цѣлыхъ двѣ недѣли въ хуторѣ«, сказала Θеклуша.

»Что́ дѣлать, Θекла Петровна? Надобно было помочь матушкѣ въ хозяйствѣ.«

»А мы съ вашего отъѣзда ни разу ни ѣли раковъ.«

Померанцевъ добродушно засмѣялся.

»Завтра наловлю«, сказалъ онъ. »Хочешь со мной, Николаша, ловить раковъ?«

Я согласился на его предложеніе съ величайшей охотой, но тотъ-часъ вспомнилъ, что мнѣ надобно идти въ училище. Померанцевъ объявилъ мнѣ, что по середамъ и по субботамъ не ходятъ послѣ обѣда въ училище, и этимъ очень меня обрадовалъ.

Я уже освоился съ Померанцевымъ — такъ его наружность была дружелюбна — и въ свою очередь спросилъ:

»Зачѣмъ вы, Матвѣй Никитичъ, возите съ собой постель?«

»Матушка велитъ всегда забирать съ собой, когда уѣзжаю въ хуторъ«, отвѣчалъ онъ.

»Матушка его очень скупа«, замѣтила Ѳеклуша: »она боится, чтобъ мы не спали на его подушкахъ.«

»Не говорите этого, Ѳекла Петровна, о моей матушкѣ«, возразилъ Померанцевъ: »матушка моя — почтенная женщина.«

»Только скупа«, сказала Ѳеклуша.

»Съ чего вы это взяли?«

»Какъ съ чего? Да развѣ она даетъ вамъ хоть копейку въ годъ изъ своихъ доходовъ! Я думаю, вы отъ роду ничего отъ нея не получали, кромѣ этихъ подушекъ; да и тѣ велитъ всякой разъ привозить домой, чтобъ мы не натаскали изъ нихъ себѣ пуху. Она воображаетъ, что весь свѣтъ жадничаетъ на ея дрянныя подушки.«

»Ѳекла Петровна«, отвѣчалъ спокойно Поме-

ранцевъ, приводя въ порядокъ свою постель и складывая на стулѣ одѣяло и подушку покойнаго Хлопотова, »а вотъ у васъ и нѣтъ справедливости. Вы говорите, что матушка ничего мнѣ не даетъ....«

»Ато даетъ?

»На что́ же мнѣ давать изъ доходовъ, когда я получаю такое жалованье?«

Эти слова разсмѣшили Θеклушу до такой степени, что она долго не могла ничего сказать.

»Жалованье!« воскликнула наконецъ она. »Знаешь ли, Николаша, сколько онъ получаетъ жалованья?«

Я, разумѣется, этого не зналъ, и мнѣ было любопытно освѣдомиться о доходахъ Померанцева.

»Сто двадцать рублей ассигнаціями въ годъ!« продолжала Θеклуша.

»Что́ жъ? развѣ мало?« сказалъ Померанцевъ, взглянувъ на меня.

Мнѣ тоже казалось, что это не малая сумма. (Самъ я обладалъ тогда только гривенникомъ, который подарилъ мнѣ батюшка на мои надобности.)

»Изъ этого числа«, продолжала Θеклуша, »онъ платитъ намъ за квартиру восемьдесятъ-семь рублей, а ему остается тридцать-три рубля на сапоги и на одежду.«

»Такъ развѣ мало?« повторилъ безмятежно Померанцевъ, и, казалось, былъ очень доволенъ, что

могъ призвать своимъ взглядомъ въ посредники меня.

Его спокойствіе вывело Ѳеклушу изъ терпѣнія.

»Разумѣется, не мало для человѣка, у котораго вѣчно одинъ и тотъ же сюртукъ на плечахъ! Селезнева лакей одѣвается лучше васъ!«

Я думалъ, Померанцевъ теперь ужъ рѣшительно разсердится. Ничего не бывало. Онъ поправилъ свое рябенькое ситцевое одѣяло на постели и отошелъ немного въ-сторону, чтобъ посмотрѣть хорошо ли такъ будетъ. Это занимало его, по-видимому, сильнѣе нападковъ Ѳеклуши. Онъ наклонилъ нѣсколько на бокъ голову и отвѣчалъ между прочимъ:

»А вотъ вы опять сказали неправду, Ѳекла Петровна: сюртукъ у меня домашній и дорожній, а для службы есть у меня новый.«

»Новый съ заплатами!« подхватила съ хохотомъ Ѳеклуша.

Мнѣ было жаль Померанцева. Но онъ очень спокойно отвѣчалъ:

»Всего одна маленькая заплатка на локтѣ. Вотъ хоть и сами посмотрите. Да и то отъ того, что зацѣпился за гвоздь въ присутствіи.«

Тутъ онъ досталъ рыжій сюртукъ и развернулъ предъ нами.

»Видите?« сказалъ онъ. »Когда бъ не проклятый гвоздь, онъ былъ бы совершенно цѣлъ.«

Съ какимъ добродушіемъ посматривалъ онъ при

этомъ то́ на сюртукъ съ заплаткой, то́ на насъ! Въ эту минуту онъ былъ почти красавецъ, только не для Θеклуши.

»Право, Матвѣй Никитичъ«, сказала она, »и вы будете такимъ скрягой, какъ ваша матушка.«

»Отъ чего же мнѣ быть скрягою?« спросилъ онъ, складывая бережно *новый* сюртукъ.

»Да вотъ точно такъ, какъ она, забьетесь въ свой хуторъ — хорошо, что получили чинъ — да и будете копить деньги.«

»Если я буду любить своихъ дѣтей такъ, какъ меня любитъ матушка«, отвѣчалъ на это Померанцевъ, »то пожалуй и деньги буду копить.«

»Она васъ любитъ!« воскликнула съ негодованіемъ Θеклуша. »Да она́ любитъ только ваши подарки, Матвѣй Никитичъ, а не васъ!«

»Какъ!« вмѣшался тутъ я; »вы, Матвѣй Никитичъ, изъ тридцати трехъ рублей можете еще дѣлать подарки матушкѣ?«

»Да какъ же!« воскликнула съ энтузіазмомъ Θеклуша: »самому пуговицы не на что купить, а матери всякой разъ припасетъ къ празднику или къ имянинамъ то́ платокъ, то́ ситцу на капотъ, то́ новые башмаки.«

Тутъ она совершенно вышла изъ себя и, казалось, готова была поколотить Померанцева за то, что онъ такъ преданъ своей матери.

Померанцевъ, глядя на нее, тихо смѣялся.

»Да́, Θекла Петровна«, сказалъ онъ, давъ но-

гой окончательный толчокъ своему чемодану, отправленному подъ кровать, »матушка любитъ меня больше, чѣмъ я заслуживаю, и я не знаю, чѣмъ бы мнѣ отплатить ей за всю доброту ея ко мнѣ!«

Но эти слова онъ произносилъ спокойнымъ, почти разсѣяннымъ тономъ. Мнѣ становилось даже досадно, зачѣмъ онъ такъ равнодушно выражаетъ свои прекрасныя сыновнія чувства! Еслибъ онъ придалъ своему голосу хоть немножко больше жару, онъ бы, мнѣ кажется, больше нравился Ѳеклушѣ. А мнѣ очень хотѣлось, чтобъ онъ ей нравился хоть столько, сколько мнѣ. Мнѣ казалось, что она и сама сдѣлалась бы добрѣе, полюбивъ Померанцева.

Разговоръ между ними былъ прерванъ тихимъ голосомъ старушки Хлопотовой, которая показалась въ дверяхъ и пригласила насъ ужинать. Мы отправились вслѣдъ за нею въ кухню, которая служила вмѣстѣ и столовою.

III.

ИСТОРІЯ СОФЬИ КАРЛОВНЫ.

Меня посадили между Померанцевымъ и Ѳеклушей, противъ перегородки, по которой трепетно двигалась тѣнь старушки Хлопотовой. Передо мной, мигая, пылала сальная свѣча, мѣшая

мнѣ всматриваться въ спокойное и доброе лице старушки, которая сидѣла напротивъ.

Степанида подала чашку горячаго супу, котораго паръ совершенно поглотилъ ея ветхую особу, оставивъ на виду только сухія и загорѣлыя руки.

Я съ удовольствіемъ принялся за деревянную ложку, новенькую и блестящую прозрачнымъ лакомъ. Такія ложки были положены только передо мной да передъ Ѳеклушей: у старушки и у Померанцева были какіе-то старые, почернѣвшіе ковшики.

Глаза мои то и дѣло бродили по комнатѣ. Я никакъ не могъ привыкнуть къ эволюціямъ этой тѣни, которая какъ-будто одарена была собственною волею и распоряжалась своими уродливыми членами независимо отъ госпожи Хлопотовой. То́ вдругъ я нырялъ въ темноту и отыскивалъ въ ея глубинѣ неясную фигуру Степаниды, которая возилась съ посудою въ углу возлѣ печки и разговаривала сама съ собой въ полъ-голоса.

»Кушай, Николаша, кушай, мой милый!« говорила мнѣ старушка, и это, по-видимому, не нравилось Ѳеклушѣ.

»Что́ вы, маменька, его подгоняете?« перебивала она: »онъ не трехъ-лѣтній ребенокъ. Кушай, Николаша: у насъ только и всего на ужинъ, что супъ да каша съ молокомъ.«

Софья Карловна.... странно мнѣ называть ста-

рушку этимъ именемъ.... Софья Карловна и не замѣчала грубости своей ненаглядной Ѳеклуши, и только спрашивала, есть ли у нея хлѣбъ, или подана ли ей салфетка?

»Да есть, маменька!« отвѣчала отрывисто Ѳеклуша, какъ-будто ей мѣшали заниматься очень важнымъ дѣломъ.

И дѣйствительно, она была занята ужиномъ такъ серьезно, какъ нельзя больше. У нея былъ отличный аппетитъ. Въ этомъ съ нею могъ равняться только Померанцевъ, который отрѣзалъ себѣ страшный ломоть хлѣба и, рѣшительно не обращая ни на что́ вниманія, весь погрузился, если можно такъ выразиться, въ свою тарелку.

»Видно, матушка не очень сытно кормила Матвѣя Никитича!« говорила мнѣ въ полъ-голоса Ѳеклуша.

Померанцевъ это слышалъ, но нимало не обидѣлся.

»Пожалуйте мнѣ еще тарелочку супу, сударыня«, обратился онъ къ Софьѣ Карловнѣ. »Не надобно оставлять хлѣба недоѣденнымъ, ато, говорятъ, ночью приснится и всё будетъ просить: доѣжь, доѣжь меня!... Правда, Степанида?«

»Слава Богу, здравствую, Матвѣй Никитичъ«, отозвалась Степанида изъ своего темнаго угла.

И всѣ засмѣялись, кромѣ меня: я не зналъ, что она туга на ухо.

»Вотъ ужъ, я думаю, вамъ-то никогда не снит-

ся недоѣденный кусокъ, Матвѣй Никитичъ«, продолжала разговоръ Ѳеклуша: »потому что вы всегда доѣдите и съ кашею, когда нѣтъ супу.«

»И хорошо дѣлаетъ Матвѣй Никитичъ«, замѣтила ея маменька. »Покойный Петръ Сысоичъ мой....«

»Петръ Сысоичъ!« воскликнулъ я невольно, пораженный этимъ страннымъ для меня именемъ, и тутъ же спохватясь, что неприлично высказывать свое удивленіе, спросилъ: »Такъ звали вашего мужа?«

»Да́, мой милый«, начала было Софья Карловна.

»Эхъ, ужъ вы бы, маменька, съ этимъ молчали!« перебила ее Ѳеклуша. »Ужъ такія, право, у насъ въ роду имена.... Вотъ и меня не придумали лучше назвать, какъ Ѳеклою. Точно какъ-будто вамъ было запрещено дать своему ребенку другое имя. Назвать бы Юлія или Раиса, ато....«

Она остановилась, ей было досадно произнести свое имя.

»Не говори этого, Ѳеклуша«, сказала Софья Карловна: »Богъ знаетъ, еслибъ ты не звалась Ѳеклою, то, можетъ, и на свѣтѣ тебя давно бы не было.«

»Это какъ же, маменька?« спросила Ѳеклуша и засмѣялась, посмотрѣвъ на меня и на Померанцева.

»Да какъ же, душа моя!« отвѣчала кротко мать:

»назвали тебя Ѳеклой по *встрѣчной* кумѣ. Я, кажется, не разъ тебѣ разсказывала. Всё у насъ умирали дѣти«, продолжала она, обращаясь къ Померанцеву и ко мнѣ. »Вотъ я и говорю Петру Сысоичу....«

»Маменька!« перебила Ѳеклуша, »это давно всѣ знаютъ (а не правда, я не зналъ). Вотъ лучше налейте третью тарелку супу Матвѣю Никитичу.«

»Нѣтъ, благодарю васъ«, сказалъ простодушно Померанцевъ, глотая послѣдній кусочекъ хлѣба отъ своего ломтя. »А горько, я думаю, было вамъ, Софья Карловна, терять дѣтокъ?« спросилъ онъ съ участіемъ.

»Конечно, Матвѣй Никитичъ«, отвѣчала старушка съ спокойнымъ выраженіемъ лица. »Только дѣтьми, бывало, и на свѣтѣ держусь.«

»Какъ это, Софья Карловна?« спросилъ я, радуясь завязавшемуся разговору; и живость моего вопроса, казалось, удивила старушку.

Не смотря на то, она продолжала въ прежнюю ноту:

»Бывало, изобьетъ всю; думаешь: пойду, брошусь въ рѣку! потомъ припадешь къ колыбелькѣ и все забудешь....«

»Изобьетъ?... Что́ вы, Софья Карловна?« могъ только проговорить я отъ изумленія.

»Охота, право, маменька, вамъ этакое разсказывать!« вмѣшалась тутъ Ѳеклуша. »Какъ-будто

для кого диковинка, что папенька въ пьяномъ видѣ васъ колачивалъ. Это давно всѣ знаютъ.«

Мнѣ было больно слышать эти слова, — такъ больно, какъ-будто покойный Хлопотовъ ожилъ въ образѣ этой грубой дѣвушки и колотитъ передъ моими глазами Софью Карловну.

»Боже мой! за что́ же?« воскликнулъ я, бросивъ съ горя на столъ свою ложку.

Софья Карловна добродушно засмѣялась въ отвѣтъ на мое горячее участіе.

»Таковъ ужъ у него былъ характеръ«, отвѣчала она спокойно. »Какъ подгуляетъ, такъ и пошелъ.... Разъ я сижу на сундукѣ и кормлю ребенка. У насъ былъ большой походный сундукъ; тамъ помѣщалось наше и платье, и постель, и всѣ вещи. Прекрасный былъ сундукъ; послѣ онъ сгорѣлъ въ одной квартирѣ. Петръ Сысоичъ былъ на ученьи, какъ сдѣлался пожаръ; а я съ денщикомъ не ододѣла вытащить изъ избы.... Сижу, а онъ входитъ. Я вижу, что у него ужъ глаза играютъ, и думаю: какъ бы мнѣ развлечь его? »Петръ Сысоичъ«, говорю: »давно ужъ у насъ го»стей не было.« А онъ.... Что же ты, Николаша, не кушаешь?«

»Ничего, ничего!« отвѣчалъ я съ внутреннимъ трепетомъ. »А онъ...?«

»А онъ какъ вскрикнетъ: »Гостей? Знаю, ка»кихъ гостей тебѣ надобно!« да какъ схватилъ меня за косу.... Я ужъ и не помню, что́ со мной

было. Очнулась только, какъ вспрыснули холодной водой. А ребенокъ на другой день умеръ....«

Боже мой! какимъ убійственно-равнодушнымъ голосомъ она это разсказывала! Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ это была ея собственная исторія! Она читаетъ сквозь мутныя очки памяти лѣтопись чужихъ воспоминаній. Бездушная тѣнь ея, и та содрогается у нея за спиною, а она въ это время преспокойно отдаетъ глухой Степанидѣ тарелки и приказываетъ накормить Бурку.

»И вы могли полюбить человѣка, способнаго на такіе поступки!« вскричалъ я въ ужасѣ.

»Я была тогда еще почти такимъ ребенкомъ, какъ моя Ѳеклуша«, сказала Софья Карловна.

»Я, слава Богу, уже не ребенокъ, маменька«, возразила Ѳеклуша. »Лучше скажите, что ваша маменька держала васъ взаперти, и вы отъ роду не видали мужчины, не только офицера.«

»Да́, да́«, отвѣчала Софья Карловна. »Покойная маменька моя боялась, чтобъ и со мной не случилось того, что́ съ нею.«

»А съ нею что́ случилось?« спросилъ я.

Померанцевъ тоже обнаружилъ нѣкоторое любопытство. А Ѳеклѣ Петровнѣ такъ очень хотѣлось выслушать еще разъ знакомое уже ей романическое семейное преданіе.

Я не рѣшаюсь повторять разсказа Софьи Карловны ея языкомъ и тономъ. Многія выраженія уже навсегда ускользнули у меня изъ памяти.

Но общій характеръ вечерней нашей бесѣды и все ея содержаніе удержались въ моей памяти неизмѣнно. Я передамъ ихъ въ собственныхъ выраженіяхъ, съ моимъ нынѣшнимъ взглядомъ на вещи.

Мать Софьи Карловны была дочь небогатаго Лифляндскаго дворянина и уже не въ первой молодости влюбилась страстно въ какого-то франта и рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Только скоро обнаружилось, что пламенный любовникъ былъ самый безхарактерный человѣкъ. У нихъ уже родилась дочь, эта самая Софья Карловна, когда онъ влюбился такъ же пламенно въ другую женщиину, моложе ея, былъ вызванъ соперникомъ на дуэль и убитъ на мѣстѣ. Мать Софьи Карловны осталась безпріютною вдовою посреди родни своего мужа, которая чуждалась ея, какъ бѣглянки. Между тѣмъ отецъ ея умеръ въ горести еще прежде, завѣщавъ имѣніе дальнему родственнику. Она получила отъ него только письмо, наполненное упреками и оканчивавшееся предсказаніемъ, что Богъ накажетъ ее въ ея дѣтяхъ и что они поступятъ съ нею такъ, какъ она поступила съ отцемъ своимъ.

Это предсказаніе играло важную роль въ разсказѣ старушки Хлопотовой: оно какъ-будто оправдывало ея собственное бѣгство изъ родительскаго дома, дѣлая ее неизбѣжною жертвою гнѣва огорченнаго старика-дѣдушки.

Мать Софьи Карловны, собравъ остатки своего состоянія, выселилась изъ родины своего покойнаго мужа, купила въ нашей губерніи нѣчто въ родѣ деревушки и жила въ своемъ маленькомъ домикѣ очень скромно, молясь Богу и воспитывая дочь. Люди жестоко обманули ея любовь и дружбу; она боялась людей и изъ всѣхъ сосѣдей была знакома только съ моимъ батюшкой да съ отцемъ Лукой.

Исторія моего батюшки тоже очень замѣчательна, только не здѣсь для нея мѣсто. Онъ остался, по смерти своего отца, десятилѣтнимъ мальчикомъ. Матушка его, а моя бабушка, тотъ-часъ взяла его изъ училища, гдѣ онъ успѣлъ узнать только четыре ариѳметическія дѣйствія, и держала при себѣ неотлучно, не опредѣляя ни въ учебное заведеніе, ни на службу. Вмѣсто того, она начала пріучать его къ хозяйству, и дѣйствительно, съ теченіемъ времени, образовала изъ него отличнаго хозяина для нашего маленькаго имѣнія. Но не въ томъ дѣло; дѣло въ томъ, что бабушка моя овдовѣла почти въ одно время съ матерью Софьи Карловны. Сходство судьбы сблизило ихъ. Батюшкѣ было десять лѣтъ, когда Софьѣ Карловнѣ было два года, и ихъ маменьки, какъ это очень естественно, нарекли ихъ еще тогда женихомъ и невѣстою. Такимъ образомъ, судьба Софьи Карловны была, по-видимому, обезпечена. Но вышло напротивъ.

Не извѣстно почему, Софья Карловна была совершенно равнодушна къ моему батюшкѣ. Она, пожалуй, любила его, но такъ она любила и мою бабушку. А родителямъ молодыхъ людей хотѣлось, чтобы между ними существовала болѣе нѣжная привязанность, для большей прочности ихъ взаимнаго счастья. Судьба и тутъ какъ-будто благопріятствовала маменькамъ. Въ нашемъ сосѣдствѣ, то есть, въ сосѣдствѣ моей бабушки и матери Софьи Карловны, стоялъ пустой домъ какого-то промотавшагося барина. Въ домѣ была небольшая библіотека, составленная изъ современныхъ Французскихъ романовъ въ Русскомъ переводѣ. Батюшка мой давно уже открылъ себѣ, черезъ сельскаго старосту, доступъ въ эту сокровщницу, но до сихъ поръ лакомился искусительными вымыслами одинъ, потому что мать Софьи Карловны просила его не давать молодой дѣвушкѣ въ руки такихъ опасныхъ книгъ и позволяла ей читать только »Кадма и Гармонію«. Но теперь, когда ужъ Софья Карловна была настоящею невѣстою и когда обѣ сосѣдки назначили между собой время ея свадьбы, благочестивая старушка сама разрѣшила молодымъ людямъ читать вмѣстѣ, что́ имъ угодно. И вотъ батюшка мой читаетъ своей прелестной сосѣдкѣ романъ за романомъ, то́ въ тѣни садовъ, то́ при свѣтѣ сальной свѣчки, между тѣмъ какъ маменьки ихъ тихо дремлютъ подлѣ дѣтей надъ своими чулками.

Все это я разсказываю такъ, какъ оно извѣстно мнѣ теперь, по собраннымъ и приведеннымъ въ порядокъ фактамъ. Софья Карловна за ужиномъ вспоминала о своихъ дѣвическихъ и замужнихъ приключеніяхъ отрывочно и о многомъ совсѣмъ умалчивала, я думаю, потому, что въ ней память чувствъ совершенно притупилась. Такъ, напримѣръ, она не объяснила намъ, какое дѣйствіе производило на нее и на батюшку чтеніе сантиментальныхъ романовъ прошлаго столѣтія; а между тѣмъ я очень хорошо знаю, какое. Батюшка въ нѣжныхъ и очаровательныхъ героиняхъ стариннаго романтизма видѣлъ изображеніе своей прелестной, игривой, чувствительной сосѣдки, между тѣмъ какъ въ ея воображеніи скромная, деревенская, такъ сказать, хозяйственная фигура его никакъ не совпадала съ о́бразами отважныхъ, драпированныхъ въ живописные плащи любовниковъ. Онъ всѣ плѣнительные вымыслы сновалъ, какъ тонкій, блестящій шелкъ, вокругъ Ку́стовцевъ, а она блуждала воображеніемъ въ какой-то безвѣстной, невиданной ею странѣ, и охотно стала бы на мѣсто какой-нибудь похищенной красавицы, чтобы увидѣть этотъ широкій, разнообразный свѣтъ, который такъ хорошъ и пріютенъ для мечтателя въ романахъ.

Въ то время въ Ку́стовцы повадилась ѣздить изъ сосѣдняго города одна торговка. Барышнѣ нужны были то́ перчатки, то́ бумажные чулки,

то́ какая-нибудь косыночка; а за всѣ такія вещи барышница охотно брала мѣру, или двѣ гороху, крупы и тому подобныхъ деревенскихъ произведеній: сдѣлка, выгодная для обѣихъ сторонъ. Она же привозила въ Кустовцы сахаръ и чай; ей поручали продать въ городѣ нѣсколько мотковъ домашнихъ нитокъ; отъ нея узнавали всѣ городскія и домашнія новости. Словомъ, Бакланиха, какъ ее называли, сдѣлалась необходимою женщиною для Ку́стовцевъ; и кто бы могъ подумать, что она будетъ причиною разоренія дома, который, можно сказать, обогащалъ ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ? А между тѣмъ она сама, можетъ быть, не понимая, что́ дѣлаетъ, подрывалась подъ его основаніе.

Она начала нашептывать барышнѣ о какомъ-то офицерѣ, который »очень ее любитъ«. Еслибъ это было сказано о комъ-нибудь другомъ, барышня, смѣясь, передала бы тотъ-часъ маменькѣ слова Бакланихи и обезпечила бы себя такимъ образомъ отъ искушенія. Но маменька Софьи Карловны, по какимъ-то особеннымъ причинамъ, больше всего опасалась знакомствъ съ военными: она и слышать о нихъ не хотѣла. Это обстоятельство придало извѣстію Бакланихи, въ умѣ красавицы, очарованіе тайны. Зерно, брошенное въ молодое сердце, развивалось; романы помогали воображенію дѣвушки создавать плѣнительный образъ отважнаго мужчины, похожаго на вымышленныхъ

плащеносцевъ. Она влюбилась въ призракъ собственныхъ мечтаній: ей хотѣлось видѣть собственный идеалъ, и она увидѣла — странно вымолвить — Хлопотова.... Безсовѣстная сваха все для этого устроила.... Но что́ за человѣкъ былъ Хлопотовъ?

Скажу о немъ немногое (мнѣ непріятно много говорить о немъ), но и это немногое узналъ я не отъ Софьи Карловны: для нея онъ былъ Петръ Сысоичъ и больше ничего. Онъ не былъ даже злодѣемъ въ ея глазахъ. Бѣдняжка до того была уничтожена, что потеряла сознаніе своихъ человѣческихъ правъ и понятіе о претерпѣнныхъ ею обидахъ. »Таковъ ужъ у него характеръ«: вотъ все, что́ она говорила для объясненія его жестокостей.

Хлопотовъ никогда не могъ сказать, кто былъ его отецъ. Онъ взросъ въ крестьянской семьѣ, гдѣ-то въ Тульской губерніи; но зналъ, что бородачъ, котораго курная изба была его домашнимъ кровомъ, не отецъ ему, нужды нѣтъ, что его звали Сысоемъ Хлопотовымъ, а баба этого бородача ему не мать. Зналъ онъ также, что онъ и не пріемышъ мужика; но мужикъ кормилъ и одѣвалъ его не только не хуже своихъ мальчугановъ, но даже лучше, и мальчуганы звали маленькаго пучеглазаго Петьку полу-насмѣшливо и полу-серьезно барченкомъ. Барченку этому, однакожъ, приходилось взяться за соху, потому что онъ

прошелъ уже, вмѣстѣ съ своими сверстниками, степень пастуха телятъ и гусей; какъ вдругъ мужикъ — неизвѣстно, по какой причинѣ, по чьей просьбѣ, или по чьему приказанію — отвозитъ его въ городъ и отдаетъ какому-то господину, какъ онъ выразился, »на выучку«. Господинъ этотъ былъ старый холостякъ, въ сѣромъ суконномъ козакинѣ, изъ котораго онъ почти не вылѣзалъ ни лѣтомъ, ни зимою, такъ что толстое, сѣрое, слегка лоснящееся сукно можно было считать его природною шкурою. Онъ какъ-будто только о томъ и думалъ, за что́ бы поколотить маленькаго Хлопотова. Причинъ впрочемъ было довольно: мальчуганъ взялся за грамоту очень тупо и никогда не могъ научиться писать такъ, чтобъ его каракульки не походили на валящійся во всѣ стороны частоколъ. Больше, кажется, ничему и не выучилъ его сѣрый козакинъ, да едва ли и самъ онъ что-нибудь больше смыслилъ. Это былъ отставной сутяга, занимавшійся перепродажею разныхъ вещей, которыя онъ покупалъ, при какихъ-нибудь несчастныхъ случаяхъ, за дешевую цѣну. Хлопотовъ у него, въ свободное отъ ученія время, смазывалъ жиромъ хомуты, чистилъ мѣдную посуду, выколачивалъ палкою пыль изъ ковровъ и, казалось, всю жизнь свою долженъ былъ провести въ такихъ занятіяхъ; какъ вдругъ является, Богъ знаетъ откуда, какой-то старый, сѣдой ротмистръ уланскаго полка и беретъ Хлопотова къ себѣ.

Тутъ небо для затасканнаго мальчугана прояснилось. Онъ подружился съ деньщикомъ ротмистра Лалыкина (имя новаго его Ментора), выучился у него курить трубку, ѣздить верхомъ и началъ вести жизнь привольную. Лалыкинъ обходился съ нимъ дружески, только называлъ его безпрестанно мошенникомъ. Впрочемъ въ устахъ Лалыкина это не была брань, потому, что онъ точно такъ же величалъ и своего деньщика, незамѣченнаго ни въ какомъ мошенничествѣ, и даже своего стараго коня, особу рѣшительно ужъ безукоризненной честности.

Проведя такимъ образомъ годъ, или два, въ совершенномъ удовольствіи и въ искренней дружбѣ съ деньщикомъ Лалыкина, Хлопотовъ, въ довершеніе своего блаженства, записанъ былъ вольноопредѣляющимся въ тотъ же полкъ, въ которомъ служилъ его покровитель.

»Служи, мошенникъ, честно«, сказалъ ему при этомъ торжественномъ случаѣ Лалыкинъ, »такъ и ты будешь лѣтъ черезъ двѣнадцать офицеромъ.«

Честно ли служилъ Хлопотовъ, или нѣтъ, этого я не знаю. Надобно, однакожъ, думать, что честно, ибо дѣйствительно лѣтъ черезъ двѣнадцать онъ надѣлъ офицерскіе эполеты. Тутъ-то онъ вполнѣ развернулся, и первою его спекуляціей была женитьба. »Офицеръ! кто за офицера не отдасть дочки?« думалъ онъ въ первомъ чаду своего восторга. Но когда оглянулся кругомъ на

деревни и деревушки, по которымъ квартировалъ полкъ, въ который онъ былъ переведенъ, какъ выслужившійся изъ рядовыхъ; то увидѣлъ ясно, что въ нѣкоторыхъ домахъ ему никогда не бывать, такъ какъ помѣщики находили между офицерами досадную для него разницу, а другіе, побѣднѣе и понеобразованнѣе, хоть и были для него открыты, но жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія — что́ за находка для Хлопотова?

Тутъ онъ столкнулся какъ-то съ свахой Баканихой, и та, по своему ремеслу, натрубила ему въ уши о богатствѣ »Ку́стовской Нѣмки« и о томъ, какъ полюбила его барышня, увидавъ въ церкви. Все, разумѣется, была ложь. »Ку́стовская Нѣмка существовала прилично только своими неусыпными хозяйственными хлопотами, стоившими ей здоровья; а Софья Карловна видала Хлопотова только въ своемъ воображеніи, подъ живописными складками романтическаго плаща. Хлопотовъ задумалъ, во что́ бы ни стало, увезти красавицу. Этимъ онъ надѣялся даже пріобрѣсть хорошее о себѣ мнѣніе у офицеровъ, которые почти всѣ чуждались его и не принимали въ свое общество.

Дѣйствительно, въ то время на похищеніе невѣстъ смотрѣли нѣсколько иначе, нежели теперь. Такая женитьба, на Сабинскій образецъ, считалась тогда чѣмъ-то рыцарскимъ и придавала человѣку, въ глазахъ военной молодежи, характеръ

какого-то особеннаго личнаго благородства. Понравиться хорошенькой дѣвушкѣ, вскружить ей голову, околдовать совершенно и овладѣть ею, какъ своимъ законнымъ завоеваніемъ — все это предполагало въ женихѣ, во-первыхъ, красоту, потомъ нѣкоторую образованность, далѣе искусную сердечную тактику и наконецъ героизмъ. Какъ же было офицерамъ, при такомъ взглядѣ на вещи, не уважать похитителей красавицъ?

Хлопотовъ смекалъ это и рѣшился разомъ достигнуть двухъ цѣлей — разбогатѣть и возвысить себя въ глазахъ своихъ сослуживцевъ. Онъ былъ дерзкій мужикъ и исполнилъ свою затѣю съ свойственною его характеру грубостью. Къ часу перваго свиданія у него уже все было приготовлено для свадьбы. Нашлись изъ подобныхъ ему людей свидѣтели для вѣнчанья; нашлись другіе для ролей кучера и лакея. Бѣдная дѣвушка не успѣла опомниться отъ смущенія, съ которымъ она увидѣла, при свѣтѣ луны, усы и эполеты своего обожателя, какъ уже была посажена въ экипажъ и неслась, точно Свѣтлана, по гладкой степной дорогѣ, въ сосѣднюю деревню, гдѣ въ церкви дожидался ее священникъ.

Богъ ее знаетъ, чѣмъ показался ей Хлопотовъ, когда, возвратясь изъ церкви — гдѣ она стояла, какъ въ туманѣ среди вѣнчальныхъ свѣчей — она вглядѣлась въ его лице, при свѣтѣ ранняго утра. Софья Карловна никогда не говорила намъ

объ этомъ; а впрочемъ, какъ бы ни поразили ее въ то время глаза жениха, жадно пожиравшіе, какъ я воображаю, ея нѣжную красоту, она теперь, послѣ десятковъ лѣтъ жизни, убитой въ самомъ расцвѣтѣ, сказала бы такъ же мало объ этомъ чувствѣ, какъ и о томъ, съ которымъ она увидала, послѣ вѣнчанья, бездушное тѣло своей матери....

Да́, возвратясь въ Ку́стовцы, чтобъ испросить, какъ водится, прощеніе у оскорбленной матери, молодые нашли бѣдную женщину мертвою. И Софья Карловна упомянула объ этомъ въ своемъ разсказѣ такъ спокойно, какъ-будто прочитала на надгробномъ камнѣ: »Преставися раба Божія такая-то«. Даже Ѳеклуша, слышавшая ея разсказъ не впервые, воскликнула: »Ахъ Боже!« Даже Померанцевъ пересталъ на минуту ѣсть гречневую кашу, до которой былъ большой охотникъ; а она ни одною нотою не возвысила своего голоса и ни малѣйшаго волненія не замѣтно было въ его дрожаніи. Это были разбитыя гусли съ ослабѣвшими струнами, на которыхъ дряхлая старость бренчала, безъ сочувствія, полузабытую пѣсню для забавы ребятишекъ.

Не смотря на то, сцена выхода замужъ Софьи Карловны представляется моему воображенію во всемъ ужасѣ своего трагическаго характера. И знаете ли? Еслибы Хлопотовъ былъ пылкій юноша, увлекшійся безумною страстью, и еслибъ,

увидѣвъ ужасное послѣдствіе своего увлеченія, онъ былъ пораженъ горемъ и раскаяньемъ, тогда бы мое сочувствіе къ несчастнымъ жертвамъ низости Хлопотова не томило бы такъ моего сердца. Ато нѣтъ! онъ радовался, что старушка, какъ послѣ онъ выражался, »откочевала къ праотцамъ«. Не обращая особеннаго вниманія на положеніе своей молодой жены, онъ спокойно сдѣлалъ распоряженія къ похоронамъ и пошелъ осмотрѣть Кустовцы, какъ свою собственность, — эти Кустовцы, гдѣ до тѣхъ поръ видали только двухъ тихихъ, мечтательныхъ, благочестивыхъ старушекъ, да чету молодыхъ людей, готовыхъ начать новую жизнь, да еще отца Луку, который никакъ не ожидалъ, чтобъ ему предстояли здѣсь похороны, а не свадьба. Воображаю, каково было цвѣтамъ и нѣжнымъ кустарникамъ покойницы, воспитаннымъ съ тою заботливостью, къ которой такъ способны, такъ склонны уединенныя старушки, выносить взгляды Хлопотова, жаждавшіе только корысти, и каково было Кустовскимъ людямъ смотрѣть на новаго своего господина, убійцу ихъ доброй госпожи!...

Хлопотовъ остался недоволенъ своею ревизіей. Все было такъ убого, въ такихъ маленькихъ размѣрахъ, что трудно было предполагать, чтобы покойная помѣщица получала значительные доходы. Но у нея, по словамъ свахи, лежалъ капиталъ въ банкѣ. Хлопотовъ не имѣетъ терпѣнія и удо-

стовѣряется отъ своей новобрачной, что все состояніе покойницы заключалось въ этомъ ничтожномъ хуторѣ. Онъ чувствуетъ себя несчастнымъ и съ горя задаетъ пирушку товарищамъ своего подвига.

Какъ ужасна должна была быть эта пирушка для романтической дѣвушки, оцѣпенѣвшей всѣми своими чувствами у бездушнаго тѣла матери! Гдѣ она? что́ съ нею?... И это тотъ чудный, тотъ отважный, пламенный и благородный мужчина, котораго ея воображеніе видало въ картинныхъ складкахъ романтическаго плаща? Это его рѣчи, его чувства, его поведеніе?... И никто изъ друзей ея матери не явится къ ней на помощь.... Она оставлена одна въ жертву этимъ жестокимъ и буйнымъ людямъ, которыхъ даже языка она не понимаетъ....

Впрочемъ это *я* за нее чувствую; а ка́къ отразились въ ней эти странныя и ужасныя явленія жизни, объ этомъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ. Я думаю такъ, какъ отражается зимній холодъ, съ сверкающими иглами своего инея, на цвѣткѣ, вынесенномъ изъ оранжереи. Она перестала чувствовать ужасъ своего положенія, она умерла сердцемъ въ первыя минуты своего несчастья. Иначе я не могу понять, какимъ образомъ могла бы дожить до старости женщина, такъ быстро выхваченная изъ тихаго рая, въ которомъ протекла ея юность и съ-разу окунутая въ омутъ

противуположной жизни. Да́, Софья Карловна должна была съ перваго дня своего замужства обратиться въ эту тупо-добродушную, въ эту спокойно-несчастную, въ эту безчувственно-страдающую женщину, которая, много тому лѣтъ назадъ, сидѣла передо мной за ужиномъ и равнодушно баяла свою быль, заставляя содрогаться отъ нея собственную тѣнь на перегородкѣ....

Въ какомъ величественномъ образѣ является теперь, въ моемъ воспоминаніи, батюшка, назвавшій мою няню старой сорокой и уведшій меня за руку изъ кухни съ иголкою въ полѣ! Послѣ стольких лѣтъ собственной своей семейной жизни, онъ сохранилъ уваженіе къ чувствамъ своей первой молодости и дружбу къ безсознательно-несчастной Софьѣ Карловнѣ.

»Ай да каша!« воскликнулъ Померанцевъ, проглотивъ послѣднюю ложку. »Ну, Степанида, спасибо!«

»Гдѣ у насъ возметься рыба?« отвѣчала, не дослышавъ, по своему обычаю, Степанида: »у насъ и раковъ безъ васъ нѣту.«

И мы встаемъ изъ-за стола съ веселымъ смѣхомъ, какъ-будто послѣ бесѣды о самыхъ пріятныхъ вещахъ. Я молюсь Богу и цѣлую Софью Карловну въ руку. Еслибъ я не зналъ, что она была нѣкогда невѣстою моего батюшки, я бы только поклонился ей, какъ сдѣлалъ Померанцевъ. Теперь я смотрѣлъ на нее другими глаза-

ми, и мнѣ было и стыдно, и больно разспрашивать не только ее, но и кого бы то ни было другого о дальнѣйшей ея жизни съ Хлопотовымъ.

И однакожъ я узналъ въ разныя времена, что Хлопотовъ, заложивъ женино имѣньице, перешелъ съ полкомъ въ другую губернію; что на полученныя деньги онъ затѣялъ въ полку разныя спекуляціи; что эти спекуляціи были не совсѣмъ честны, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ долженъ былъ оставить уланскій полкъ и перейтп въ пѣхоту; что и тамъ онъ не покаялся, завелъ неприличную для офицера торговлю разными подержанными вещами, которыя онъ добывалъ не совсѣмъ изъ чистыхъ рукъ; однакожъ кое-какъ еще держался нѣсколько лѣтъ на службѣ, и, не смотря на то, что его за разгульное поведеніе обходили раза два чиномъ, »схватилъ таки — какъ онъ выражался — штабсъ-капитана.«

Но тутъ уже не стало ни у товарищей, ни у полкового командира снисходительности, чтобы терпѣть его долѣе на службѣ. Онъ вздумалъ разыграть въ лотерею свой тарантасъ, роздалъ билеты, собралъ деньги, а тарантасъ передѣлалъ на коляску и продалъ какому-то помѣщику. Офицеры громко возопили противъ такого сослуживца, и Хлопотовъ волей-неволей долженъ былъ выйдти въ отставку.

Онъ воротился съ женой въ Кустовцы. Боже! какъ непохожа была уже Софья Карловна на ту,

которая нѣкогда, гуляя надъ этимъ прудомъ, бредила героями романовъ! Видалъ ли ее въ ту пору мой батюшка, и какія возбуждала она въ немъ чувства—объ этомъ и о многомъ другомъ умалчиваю.... Скажу коротко, что Хлопотовъ разорилъ Кýстовское имѣньице своими спекуляціями, которыя не всегда были удачны, наконецъ продалъ его какой-то богатой экономіи и переѣхалъ въ городъ. Кýстовскій домикъ, въ которомъ новые владѣльцы не нуждались, пустѣлъ; люди переселены были изъ Кýстовцевъ въ большое село, и, только за недосугомъ, экономія не разобрала Кýстовской ветоши на топливо, не расчистила всей мѣстности и не обратила ее въ табачную плантацію.

Что́ же касается до Хлопотова, то онъ построилъ себѣ въ городѣ этотъ пасмурный домикъ и, не находя для себя лучшаго общества, вступилъ въ товарищество съ такъ называемыми *прасолами* и *кулаками*, людьми, похожими на того господина, которому мужикъ отдалъ его, какъ медвѣженка, »на выучку«. Грамота плохо далась мальчугану, но зато ремесло своего наставника понялъ онъ въ совершенствѣ. Теперь онъ не стѣснялся болѣе служебнымъ своимъ положеніемъ, какъ въ полку, не развлекался пахарскими забо-тами, какъ въ хуторѣ; городская жизнь давала ему возможность развернуть свое ремесло въ полномъ его видѣ и повторить уроки, полученные имъ въ юности, когда онъ смазывалъ хомуты и

чистилъ старую мѣдь своего Ментора. Онъ даже завелъ себѣ сѣрый суконный козакинъ и вылѣзалъ изъ этой шкуры тогда только, когда являлся къ какой-нибудь вдовѣ, нуждавшейся въ деньгахъ и готовой отдать за безцѣнокъ вещи покойнаго мужа. Въ городѣ его не любили, да и самъ онъ какъ-то дичился всѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ людей. Къ нему хаживали только люди, прикосновенные къ его ремеслу, и бѣдная Софья Карловна должна была проводить все свое время въ такомъ обществѣ.

До какой степени прибыльно было ремесло покойнаго Хлопотова, я не знаю. Онъ никогда не показывалъ женѣ своихъ денегъ, отпускалъ ей только по нѣскольку рублей для расхода, а прочіе хранилъ въ окованномъ желѣзномъ сундукѣ, въ которомъ, однакожъ, послѣ его смерти нашли только нѣсколько старыхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Впрочемъ собравшіеся на похороны пріятели Хлопотова толковали много о деньгахъ, которыя какъ-то замоталъ у него откупщикъ Еврей, и это, вмѣстѣ съ штофомъ спирту, который былъ почти полонъ съ вечера, а утромъ найденъ пустымъ, объяснило бѣдной вдовѣ Хлопотова причину его смерти. Онъ воротился откуда-то вечеромъ очень не въ духѣ, отказался отъ ужина, долго ходилъ по комнатѣ въ потемкахъ, пилъ что-то изъ бутылки, какъ это было слышно изъ сосѣдней комнатки, служившей тогда Софьѣ Кар-

ловнѣ спальнею, наконецъ тяжело повалился на свою кровать не раздѣваясь, а поутру нашли его мертвымъ.

Этотъ послѣдній фактъ сообщила мнѣ Ѳеклуша на сонъ грядущій, прибавя таинственно, что послѣ того нѣсколько разъ слышны были по ночамъ его тяжелые шаги въ комнатѣ, гдѣ виситъ разбойникъ съ прохожимъ, и потомъ трескъ его кровати. Такимъ образомъ я унесъ въ свою спальню готовую канву, которую потомъ сонъ заткалъ своими фантастическими узорами.

IV.

НОЧНЫЯ ГРЕЗЫ. — ПЕРВОЕ ПИСЬМО КЪ БАТЮШКѢ.

Это я теперь называю свои ночныя видѣнія сномъ, но въ то время онѣ были для моей встревженной души такою же дѣйствительностью, какъ и тихія, долгія слезы, которыя я пролилъ, улегшись на своей постели и закутавшись въ новенькое одѣяльце. Да́, мнѣ сдѣлалось очень, очень грустно послѣ вечерней бесѣды съ Софьей Карловной. Теперь я подозрѣваю, что моя грусть подготовлена была удаленіемъ изъ дому, скучнымъ новосельемъ и холодною перспективою школьной жизни; но тогда я не отдавалъ себѣ отчета въ

происхожденіи моихъ страданій или радостей. Я былъ доволенъ, втайнѣ отъ самого себя, что нашелъ истокъ для своихъ чувствъ, и вознаградилъ себя облегчительными слезами за всѣ тягостныя впечатлѣнія этого дня.

Сладкія слезы! сколько въ нихъ было простой, наивной поэзіи! Это были рѣчи дѣтской души моей. Я плакалъ, а моя фантазія нашептывала мнѣ между тѣмъ новыя темы для слезъ. Она мнѣ представляла въ дивномъ блескѣ счастья спокойно цвѣтущую равнину полей, мою родную равнину, которую глубоко прорѣзывало зеленое корыто рѣчки, индѣ все въ камышѣ, индѣ блистающее широкимъ воднымъ зеркаломъ. Какъ я люблю до сихъ поръ эту простую степную мѣстность, заключавшую тотда весь извѣстный мнѣ міръ, этотъ скудный населеніемъ лоскутокъ земли, въ центрѣ котораго стоялъ нашъ хуторъ, а на сѣверѣ, у верховьевъ рѣчки, грустно-поэтическіе Кýстовцы! Лежа на постели въ скучной коморкѣ Софьи Карловны, я перенесся туда душею; я исчезъ въ собственномъ сознаніи; меня не было больше въ этой длинной и печальной комнаткѣ, въ которую наискось падалъ узкою полосою лунный свѣтъ, какъ-будто усиливаясь добраться до моей кроватки; я даже какъ-бы пересталъ существовать въ своемъ дѣтскомъ образѣ, ибо не о себѣ думалъ и не за себя чувствовалъ. Я весь перенесся во времена первой молодости моего батюшки. Его прошедшее

воскресло чрезъ посредство души моей; оно повторилось во мнѣ до такой степени, что меня, можно сказать, не было больше на свѣтѣ. Я любилъ, какъ онъ, Софью Карловну, дивную нянюшкину красавицу, и образъ ея нарисовался теперь въ моей душѣ живѣе, нежели когда-либо. Да́, я любилъ ее, какъ онъ — въ первой порѣ его молодости, и пускай это никого не удивляетъ. Она какъ-будто съ самого рожденія моего на свѣтъ существовала уже въ моемъ воображеніи, и няпя своимъ недоконченнымъ разсказомъ какъ-будто только сдернула съ нея легкое покрывало.

Теперь я переселился душею въ мѣста ея дѣтства и тихой юности. Свѣтло и спокойно было въ душѣ моей. Я былъ счастливъ призракомъ давно улетѣвшаго ея счастья. Но какая-то темная, непонятная мнѣ сила отрываетъ меня отъ этихъ благословенныхъ мѣстъ, отъ этой безсмертной весны и уноситъ Богъ знаетъ куда.... Я теряю изъ виду милые мнѣ предметы, какъ-будто между мною и ими протягивается, постепенно сгущаясь, туманная завѣса. Куда мчитъ меня эта непонятная для меня сила — я не знаю, но дѣлаю усилія постигнуть свое положеніе и, дѣйствіемъ напряженія моихъ способностей, смутно сознаю себя лежащимъ на постели въ этой темной, узкой комнаткѣ, съ длиннымъ потокомъ луннаго свѣту, льющимся наискось въ окно и захватившимъ уже часть моего новенькаго одѣяльца. Я

не оборачиваю головы къ окну, но мнѣ сквозь сократившееся его пространство виденъ лунный кругъ, обрѣзанный съ двухъ сторонъ оконными рамами. Я какъ-будто одаренъ другимъ зрѣніемъ. Все, что́ меня окружаетъ — эти овраги съ уснувшими садами и домами вокругъ моей квартиры, эти щелистыя, потемнѣвшія стѣны, эти стулья, эта картина, уцѣлѣвшая случайно, вмѣстѣ съ хомутомъ въ чуланѣ, какъ-будто на память прасольскаго ремесла покойнаго Хлопотова, — все это представляется мнѣ теперь какъ-бы яснѣе, нежели днемъ, при сіяніи солнца. И вижу (странный образъ!) женщину подъ окномъ, печально наклонившуюся надъ колибелью. Она сидитъ на томъ самомъ сундукѣ, о которомъ такъ безсмысленно распространилась Софья Карловна посреди своего патетическаго разсказа. Неужели это только сонъ? Нѣтъ, я не сплю, хотя боюсь повернуть въ ту сторону голову, чтобъ разсмотрѣть, дѣйствительно ли въ моей комнатѣ сидитъ женщина надъ колыбелью, или это она представляется тому моему зрѣнію, посредствомъ котораго я вижу обрѣзанный темными рамами кругъ луны и длинную полосу свѣта, лежащую вдоль всего пола до самой моей кроватки, и городъ, тонущій въ зеленыхъ оврагахъ, и кудрявые сады его, взбѣгающіе на косогоры. Почему же я боюсь повернуть голову и разсмотрѣть внимательно это явленіе? Потому что, еслибъ я увидѣлъ его такъ

осязательно, какъ вижу, свою руку, или ногу, то, мнѣ казалось, я умеръ бы въ ту самую минуту. Но я и безъ того вижу очень ясно, при мѣсяцѣ, ея прелестную наклоненную голову съ блестящими косами. Кто же это? Это она, Софья Карловна, моя дивная красавица, въ квартирѣ Хлопотова. Да́, это она! Нужды нѣтъ, что уже изчезла живость ея движеній, что взглядъ ея печально опущенъ на ребенка въ колыбелькѣ и что на ея тонкихъ, гармоническихъ чертахъ лица проступили уже слѣды глубокаго сердечнаго унынія. Это она!

Но что́ это за странный шумъ доносится до меня съ улицы? Кто-то стучится въ наружную дверь.... разъ, въ другой разъ, въ третій.... Но все остается въ неподвижности. Померанцевъ какъ-будто и не пріѣзжалъ еще отъ своей матери, или отправился на службу, или ушелъ за раками. Не слышно и въ кухнѣ ни малѣйшаго движенія, никакого звука. Что́ же это еще?... Стукъ прекратился, и я слышу тонененькій визгъ задвижки. Это Ѳеклуша отворяетъ свой чуланъ. Она торопливо перебѣгаетъ черезъ сѣни. Половницы едва скрипятъ подъ ея легкими шагами. Дернула засовъ и убѣжала въ свою спальню.

Какъ тяжело зашагалъ кто-то по сѣнямъ и прямо къ нашей половинѣ! какъ страшно скрипитъ подъ нимъ полъ! Громко, въ ночной тишинѣ, звякнула щеколда у двери, ведущей изъ сѣней къ

Померанцеву, и кто же перешагнулъ черезъ высокій порогъ? Хлопотовъ! Кровь во мнѣ замерла. Но я видѣлъ въ немъ не выходца съ того свѣта. Онъ мнѣ представился живымъ и подгулявшимъ. Онъ идетъ прямо къ Софьѣ Картовнѣ и — Боже, какое злодѣйство! налагаетъ руку на эти блестящія косы, обвитые трижды вокругъ прелестной головы, наклоненной надъ колыбелью.... Я вскрикиваю отъ сердечной боли, я вскакиваю съ своего мѣста.... сонъ и дѣйствительность смѣшиваются для меня безразлично.... Я бѣгу къ Померанцеву, я тереблю его тяжелую сонную руку, я кричу ему на ухо изо всей силы:

»Ради Бога!... онъ убьетъ ее! онъ убьетъ ее!«

»Кого убьетъ?« спрашиваетъ Померанцевъ полусоннымъ, полуиспуганнымъ голосомъ.

»Софью Карловну! Софью Карловну! Матвѣй Никитичъ, спасите ее!«

И Матвѣй Никитичъ тоже вскакиваетъ съ постели и глядитъ вокругъ себя съ нѣкоторымъ испугомъ. Но никого, кромѣ насъ, въ обѣихъ комнатахъ нѣтъ. Лунная ночь смотритъ въ окна съ сіяющей улицы. Все тихо, какъ и прежде. Онъ креститъ меня, онъ увѣряетъ меня, что все это мнѣ пригрезилось и говоритъ про себя:

»Бѣдный мальчикъ! напуганъ глупыми нянь-ками.«

Но я не могу съ нимъ согласиться. Я увѣренъ, что я видѣлъ самого Хлопотова, о которомъ и

Феклуша говорила, что онъ бродитъ ночью по всему дому. Я не соглашаюсь возвратиться на свою постель; я хочу просидѣть до утра на кровати Померанцева. И добрый Матвѣй Никитичъ ложится къ самой стѣнкѣ и даетъ мнѣ подлѣ себя мѣсто. Онъ покрываетъ меня своимъ рябенькимъ одѣяломъ, и я не боюсь подлѣ него Хлопотова. Я долго, однакожъ, думаю о своемъ видѣніи и наконецъ засыпаю.

Сонъ мой возлѣ Померанцева былъ такъ глубокъ, что мнѣ рѣшительно ничего больше не приснилось, и потому первое воспоминаніе мое, по пробужденіи, отнеслось непосредственно къ ночному посѣщенію Хлопотова и къ ужасной сценѣ, которой я былъ свидѣтелемъ. Я никакъ не хотѣлъ думать, чтобъ это былъ только сонъ. Мнѣ не разъ случалось слышать, что грѣшники по смерти являются на мѣстахъ своихъ преступленій и повторяютъ ихъ въ видѣ призраковъ, на муку себѣ и въ предостереженіе прочимъ; а нянюшка даже утверждала, что пятна на мѣсяцѣ представляютъ изображеніе Каина, несущаго на плечахъ тѣло убитаго имъ брата. Правда, батюшка однажды, на вопросъ мой объ этомъ важномъ предметѣ, сказалъ, что это вздоръ и чтобъ я не слушалъ глупыхъ басенъ старухи, а думалъ бы больше о своихъ задачахъ. Но я, ни сколько не желая поступать противъ его воли, часто думалъ за задачами о нянюшкиныхъ легендахъ про мертве-

цевъ, про страшныя убійства и тому подобное. Теперь я очень жалѣлъ, что доброй старушки не было со мной: она бы много сообщила мнѣ мудрыхъ замѣчаній о моемъ ночномъ видѣніи и, вѣрно, упросила бы батюшку перевести меня на другую квартиру, такъ какъ въ этомъ домѣ нечисто.

Я впрочемъ и самъ рѣшился просить объ этомъ батюшку, хоть мнѣ и жаль было разстаться съ Померанцевымъ и съ Софьей Карловной, этой движущейся тѣнью самой себя, которой не было ни-какого дѣла до того, что́ сталось съ Кустовской красавицей; жаль было разстаться даже и съ Θеклушей, которая, не смотря на свои грубыя выходки, привлекала меня къ себѣ какою-то неопредѣленною прелестью характера.

Я еще размышлялъ обо всемъ этомъ, надѣвая сапоги, какъ вошелъ въ комнату Померанцевъ, уже совсѣмъ одѣтый и съ картузомъ въ рукѣ. Онъ всталъ давно уже, позавтракалъ и приготовился итти въ судъ.

»Ну, братъ, проказникъ ты, Николаша!« сказалъ онъ смѣясь. »Мертвецы.... Залѣзетъ же этакое въ голову!«

»А вы развѣ никогда не видали покойнаго Петра Сысоича?« спросилъ я.

»Я, братъ, никогда такой чепухи не вижу«, отвѣчалъ Померанцевъ, »да и сновъ мнѣ никакихъ не снится. У меня привычка: какъ только легъ, то хоть изъ пушекъ пали—мнѣ ни до чего

нѣтъ дѣла. Пойдемъ, я покажу тебѣ, гдѣ у насъ умываются. Мнѣ уже пора идти въ присутствіе.«

Я хотѣлъ было прибавить къ своему утреннему полукостюму по крайней мѣрѣ жилетъ, но Померанцевъ сказалъ мнѣ, чтобъ я не церемонился, что здѣсь у нихъ все дѣлается запросто и что самъ онъ всегда такъ ходитъ умываться. Поэтому я нисколько не стѣснялся встрѣчею съ Ѳеклушей, которая тоже только что встала съ постели и набросила на плеча только бѣлую коленкоровую кофточку, придерживая ее на груди обнаженными по локоть розовыми и нѣжными руками.

Ѳеклуша не нашла ничего страннаго въ моемъ утреннемъ костюмѣ. Мало того, она даже вызвалась дать мнѣ умыться вмѣсто Степаниды. Она была добрая дѣвушка — это я видѣлъ, хотя не мѣшало бы ей обращаться лучше съ матерью.

»Вы ничего не видали въ эту ночь?« спросилъ я, умываясь.

»Нѣтъ, видѣла тебя во снѣ«, отвѣчала она, смѣясь.

»Напрасно вы скрываете«, сказалъ я. »Быть не можетъ, чтобъ вы ничего не видали.«

»Что́ это ты мелешь?« отвѣчала она нѣсколько принужденнымъ голосомъ.

»А что́ вы вчера мнѣ говорили, когда я зашелъ къ вамъ проститься?« сказалъ я, понизя голосъ.

»А ты неужели его видѣлъ?« спросила она тоже съ таинственнымъ видомъ.

»Да́, я увѣренъ, что это былъ онъ. Но неужели вы не отворяли ему двери?«

»Что́ ты? Богъ съ тобою!« воскликнула Ѳеклуша, и я даже замѣтилъ, что она немножко поблѣднѣла.

»Такъ неужели это былъ сонъ?« сказалъ я. »Нѣтъ, быть не можетъ. Я слышалъ очень явственно, какъ взвизгнула ваша задвижка.«

»Какіе пустяки! Вотъ тебѣ полотенце«, сказала Ѳеклуша и покрыла полотенцемъ мое мокрое лице. Когда я отъ него освободился, Ѳеклуша уже изчезла.

Меня, однакожъ, трудно было однимъ словомъ разувѣрить въ томъ, что такъ живо представилось мнѣ ночью. Я слишкомъ искренно повѣрилъ вчерашнему разсказу Ѳеклуши о покойномъ ея отцѣ и слишкомъ ясно видѣлъ собственными глазами ночные призраки. Мысли мои не были развлечены ни завтракомъ, ни сборами въ училище, ни самою дорогою черезъ городъ. Я твердо рѣшился написать къ батюшкѣ письмо и просить у него освобожденія изъ этого ужаснаго для меня дома. Жаль мнѣ было оставлять Померанцева, Софью Карловну и даже Ѳеклушу, но я не находилъ въ себѣ силъ переносить подобные ужасы.

Планъ письма сложился уже въ головѣ моей; у меня не доставало только бумаги. Бумага-то была

положена батюшкой мнѣ въ сундукъ, но простая; а я былъ убѣжденъ, что письма должны писаться непремѣнно на золотообрѣзной. Сколько я ни видалъ у батюшки писемъ, всѣ были на золотообрѣзной бумагѣ. Гдѣ-то она продается, и какъ ее купить? Я отъ роду ничего еще не покупалъ, и денегъ никогда у меня не водилось; мнѣ дали гривенникъ только теперь, при прощаньи. Эта сумма казалась мнѣ однакожъ огромною, и я думалъ, что никогда ея не истрачу. Я освѣдомился, гдѣ продается золотообрѣзная бумага, у одного изъ своихъ товарищей, по имени Діонисія. Нѣтъ надобности называть его по фамиліи, потому что ученики называли его просто Діонисіемъ. Разумѣется, онъ у меня спросилъ, на что́ мнѣ золотообрѣзная бумага, и когда я объяснилъ ему, что хочу написать къ батюшкѣ письмо, онъ указалъ мнѣ лавку своего родственника и даже согласился зайти въ нее со мной и купить для меня одинъ листъ. Съ этого и началось наше знакомство. Въ-послѣдствіи мы сблизились, какъ нельзя больше, когда узнали — онъ, что я мастеръ рисовать, а я, что онъ великій сказочникъ. Бывало, во время такъ называемыхъ »рисовальныхъ классовъ«, мы забьемся на заднюю скамейку, я беру его рисунокъ, обыкновенно головку, и выдѣлываю его »самою нѣжною фумовочкою«, какъ училъ насъ нашъ наставникъ, Яковъ Яковлевичъ,

а онъ нашептываетъ мнѣ разсказы изъ »Тысячи Одной Ночи«, и оба мы довольны.

Удивила, однакожъ, меня дороговизна письменнаго матеріала: я истратилъ на него цѣлую четверть всей своей суммы. Но я объ этомъ не жалѣлъ: я радовался, что пріобрѣлъ средство избавиться отъ мучительныхъ посѣщеній Хлопотова. Одно только меня затрудняло: какъ написать письмо къ батюшкѣ втайнѣ отъ всѣхъ моихъ сожителей? Степанида-то, пожалуй, неграмотна; Софья Карловна, я думаю, вовсе не любопытна; даже Померанцевъ едва ли захочетъ знать, о чемъ я пишу къ батюшкѣ; но зато Ѳеклуша — я въ этомъ былъ увѣренъ — будетъ всѣми средствами добиваться моей тайны. Надобно написать такъ, чтобъ она и не знала, писалъ ли я, или нѣтъ, какое-нибудь письмо. Я опасался, чтобъ она не догадалась о моемъ намѣреніи по одной золотообрѣзной бумагѣ, которую я бережно несъ въ трубочкѣ, ежеминутно мучась страхомъ столкнуться съ какимъ-нибудь покачивающимся на стороны пьяницею. Я даже съ безпокойствомъ посматривалъ на небо, не полился бы дождь и не испортилъ бы моей бумаги. Но небо было совершенно безоблачно. Солнце сіяло такъ весело, такъ невозмутимо спокойно, какъ-будто его золотые лучи освѣщали только Кýстовцы во времена дѣвичества Софьи Карловны, или мою дѣтскую голову съ ея радужными грезами о

красавицѣ, »какой не бывать ужъ больше на свѣтѣ.«

Я замедлилъ шаги, приближаясь къ своей квартирѣ. Вѣрно, ужъ Θеклуша выглядываетъ въ окно между звенящихъ мухъ. Я въ каждомъ стеклѣ вижу ея румяное, полное цвѣтущаго здоровья лице и влажные, блестящіе глаза. Нѣтъ, однакожъ; ея нигдѣ не видно. Я прохожу мимо двери.... прохожу мимо кухни. Нигдѣ нѣтъ Θеклуши.

Но вотъ за домомъ покойнаго Хлопотова строится еще какой-то домикъ, и уже на самомъ краю обрыва, такъ что его огибаетъ только узенькая дорожка. До сихъ поръ я не подозрѣвалъ его существованія. Мѣсто это, заросшее бурьяномъ, кажется, давно уже не слыхало стука топоровъ, срубившихъ до половины нѣчто въ родѣ избы на углу и обтесавшихъ эту колоду; оно поразило меня своею пустынностью. Начатое и брошенное на половинѣ строеніе, посинѣлое отъ дождей и вѣтра, этотъ буйно разросшійся бурьянъ, этотъ черный, покривившійся частоколъ, отдѣляющій его отъ сосѣдняго огорода, и ветхій досчатый заборъ моей квартиры, — все это отзывалось чѣмъ-то въ родѣ стараго сельскаго кладбища, на которомъ люди появляются только по какому-нибудь грустному случаю. Чего лучше желать мнѣ для сочиненія письма о тѣхъ ужасахъ, которые представились мнѣ ночью? Здѣсь никто мнѣ не по-

мѣшаетъ. Одного только боюсь: чтобъ въ этомъ бурьянѣ не водились змѣи. Я такъ былъ нашуганъ, что въ головѣ моей раждались только однѣ тревожныя мысли.

До обѣда я еще успѣю написать письмо. Я зналъ, что Померанцевъ долженъ былъ придти изъ суда гораздо позже меня. Пускай теперь Ѳеклуша выглядываетъ, сколько хочетъ, — я таки сдѣлаю свое дѣло тайкомъ. Итакъ располагаюсь на толстомъ бревнѣ, отесанномъ съ четырехъ сторонъ, расправляю свой золотообрѣзный листъ бумаги.... Чувство особеннаго, не испытаннаго еще удовольствія и даже гордости раждается въ душѣ моей.... Становлюсь возлѣ колоды на колѣни и пишу:

»Дражайшій батюшка....«

Въ какихъ именно выраженіяхъ описалъ я свое ночное видѣніе, не могу теперь припомнить; помню только, что описалъ я его такими ужасными красками, что мнѣ самому сдѣлалось страшно, и я началъ съ безпокойствомъ озирать свою пустыню. Никого не было видно; только показалось мнѣ, какъ-будто кто-то смотритъ сквозь вывалившійся сучекъ въ заборѣ, со двора моей квартиры. Ужъ не Ѳеклуша ли?... Вскакиваю, подбѣгаю — никого нѣтъ. Посмотрѣлъ — на дворѣ пусто; только Бурка валяется на солнцѣ. Это мнѣ такъ показалось. Возвращаюсь къ своему занятію,

прибавляю просьбу о перемѣщеніи на другую квартиру и повершаю все словами; »Подписался дворянинъ Николай, Карповъ сынъ, М*«, по образцу подписей, видѣнныхъ мною на разныхъ документахъ у батюшки.

Письмо готово. Сообщаю ему видъ пакета, надписываю: »Дражайшему моему родителю, въ хуторъ такой-то«, и собираюсь уйти отсюда. Но въ пустомъ сучкѣ опять мелькнуло что-то въ родѣ глаза; опять смотрю въ него; опять вижу только Бурку на солнышкѣ. Убираю свои канцелярскія принадлежности, прячу письмо въ боковой карманъ своего сюртука и, какъ ни въ чемъ не бывалъ, возвращаюсь въ квартиру.

Померанцевъ идетъ съ противоположной стороны, и мы сошлись у самой двери. Мнѣ казалось, что онъ тотъ-часъ обратитъ вниманіе на противоположность моей дороги и догадается о моемъ сокретѣ; но добрый Матвѣй Никитичъ, вмѣсто того, заговорилъ о ракахъ, которыхъ онъ намѣренъ былъ отправиться ловить со мной послѣ обѣда.

Перспектива рачной ловли пріятно развлекла мои мысли, и я вошелъ къ разбойнику и прохожему совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа, нежели отъ нихъ вышелъ. Одно только занимало меня, какъ доставить батюшкѣ письмо. Но завтра слѣдовалъ торговый день, и я надѣялся, идучи въ училище, найти на базарѣ знакомаго человѣка изъ нашего околодка. Письмо у меня въ

карманѣ. Теперь мнѣ не такъ страшно думать о покойномъ Хлопотовѣ, тѣмъ болѣе, что я возна-мѣрился, во время ловли, упросить добраго Матвѣя Никитича переносить каждую ночь мою кроватку въ его комнату и становить рядомъ съ его кроватью. Я былъ увѣренъ, что онъ уважитъ мою просьбу.

V.

ЛОВЛЯ РАКОВЪ, ИДИЛЛІЯ.

Когда я вспоминаю о своихъ дѣтскихъ тревогахъ и горестяхъ, всякому понятно управляющее мною чувство. Но когда я рисую въ воображеніи читателя свѣтлые солнечные дни, сіяющіе въ мирной тишинѣ поля, или песчаные берега прозрачной рѣчки, или безпорядочно разбросанный по волнистой почвѣ городъ, или обыкновенныя событія ученической жизни, и все это съ чувствомъ художника, наслаждающагося своей работою, — многіе ли догадаются, что́ происходитъ тогда въ душѣ моей? Не улица съ золоченымъ орломъ надъ аптекою, не рисунокъ, который я выдѣлывалъ »самою нѣжной фумовочкой« подъ шепотъ Шехеразады, не листокъ золотообрѣзной бумаги, на который я убилъ четверть своего состоянія, дороги для моей памяти. Это только іероглифы, по которымъ я читаю исторію перваго періода сво-

его существованія. По этимъ примѣтамъ я отыскиваю возвратную дорогу въ тѣ годы, которымъ нѣтъ возврата. Обозрѣвая пройденный мною путь, я тверже вѣрую въ возможность его продолженія. Я убѣгаю назадъ, въ эту несомнѣнно прожитую часть жизни, подальше отъ той страшной пропасти, которая лежитъ передо мной во мракѣ будущаго. Я не знаю, какъ близко я подошелъ уже къ ней; знаю только, что неизбѣжно долженъ занести въ нее, какъ слѣпецъ, ногу и погрузиться въ ея глубину на-вѣки.... Страшный мракъ будущности! пугая воображеніе, ты отравляешь радости настоящаго. Подальше, подальше отъ тебя, я углубляюсь въ мое прошедшее, полное цвѣтущей жизни и надеждъ. Отъ противоположности съ твоей неопредѣленностью, съ твоимъ густымъ туманомъ, все въ немъ принимаетъ для меня ясность сіяющаго съ небесной высоты дня, все рисуется въ памяти сердца яркими цвѣтами любви къ существованію. Оглядываюсь и чувствую себя какъ-бы уже окруженнымъ темнотою небытія: такъ сильно блещутъ передо мной вдали воспоминанія дѣтства. Какъ же мнѣ говорить о нихъ равнодушно? Какъ мнѣ не уноситься къ нимъ на крыльяхъ сердца? Какъ мнѣ не быть влюбленнымъ въ простыя, часто весьма обыкновенныя, но всегда драгоцѣнныя для меня картины моего прошедшаго?...

Присутствіе Померанцева за обѣдомъ, его пре-

красный аппетитъ, его разсказы о хозяйствѣ, о нивахъ и сѣнокосахъ, его благодарныя воспоминанія о матери, которую Θеклуша не пропускала случая уничтожать своими сарказмами, — все это подѣйствовало освѣжительно на мою голову. Я какъ-будто спустился съ облаковъ, куда меня занесъ вихрь суевѣрной фантазіи, и ступилъ ногой на твердую почву дѣйствительности. Я позабылъ на время о покойномъ Хлопотовѣ, тѣмъ болѣе, что на перегородкѣ не трепетала уже передо мной, какъ вечóръ, тѣнь Софьи Карловны; мухи, почуявъ обѣдъ, перестали биться въ стекла, какъ въ комнатѣ разбойника и прохожаго, и весело увивались вокругъ нашихъ тарелокъ, а Степанида подавала на столъ кушанья съ добродушной улыбкой, которой я вовсе не подозрѣвалъ на ея лицѣ.

Собственно говоря, я не могъ такъ скоро позабыть о покойномъ Хлопотовѣ, но я старался о немъ не думать и, какъ-бы въ противоборство его мрачному образу, стоявшему неотступно передо мною, вызывалъ изъ глубины воспоминаній смѣющіеся берега рѣчекъ и луга съ говоромъ дикихъ птицъ и веселымъ ржаньемъ пасущихся на волѣ лошадей. Съ какимъ удовольствіемъ поспѣшилъ я, по наставленію Померанцева, переодѣться въ старый сюртукъ, современный изученію умноженія и дѣленія! Померанцевъ также переодѣлся въ другой, извѣстный уже намъ сюртукъ,

свидѣтель его домашнихъ, неслужебныхъ подвиговъ, и, напутствуемые насмѣшками Θеклуши, мы вышли изъ дому, обогнули недостроенный домикъ на краю обрыва и, спустились по узкой дорожкѣ въ ущелье, исправлявшее должность улицы.

Огороды, поднимавшіеся почти террасами по обѣимъ сторонамъ ущелья, какъ-будто обрушились когда-то внизъ и теперь карабкались, кто какъ умѣлъ, на высоту. Сады, напротивъ, сбѣгая мѣстами съ обѣихъ сторонъ къ самой дорогѣ, образовали надъ ней почти сплошной лиственный сводъ и какъ-бы старались затопить ее своею зеленью. Мы весело шли вдоль плетней по песчанымъ тропинкамъ, проложеннымъ выше дороги, и заглядывали сквозь отворенныя двери во внутренность рыбачьихъ хатъ, которыя отъ времени до времени показывались между зеленью; а солнце обливало все вокругъ насъ тѣмъ золотистымъ свѣтомъ, на который никогда не наскучитъ смотрѣть. Наконецъ узкая дорожка слилась съ яркой песчаной полосою, и передъ нами открылась рѣчка, съ плоскимъ противоположнымъ берегомъ. Перспектива его такъ сократилась, что сосновый лѣсъ и выглядывающая изъ него сельская церковь, отстоящія отъ рѣчки на пять верстъ, отразились въ ея тихой поверхности вмѣстѣ съ окраиной берега и опрокинутыми внизъ, пасущимися по ней лошадьми. Высоты, на которыхъ раскинутъ былъ городокъ Н*, остались у насъ за спиною. Но

меня манитъ эта блѣдно-желтая дорога, идущая вдоль рѣки, вверхъ по ея теченію, у самой подошвы гористаго берега. Я бы охотно прошелъ по ней до этого хуторка, который выглядываетъ изъ-за послѣдняго отрога горъ, вогнутыхъ наподобіе лука, вмѣстѣ съ рѣкою и ея песчаной каймой. Очутясь на свѣтломъ просторѣ, я позабылъ цѣль нашего путешествія и готовъ былъ бродить между этихъ полу-сколоченныхъ, полу-развалившихся барокъ, швыряя по поверхности воды плоскіе камушки, которыми усѣянъ весь берегъ.

Померанцевъ напѣваетъ подлѣ меня пѣсню, которой онъ, вѣрно, научился у своихъ жницъ въ послѣднюю поѣздку домой:

»Ти́ха вода́, ти́ха бережёчки ми́е....«

Онъ также, по-видимому, предался ясной безъ заботности, къ которой располагалъ этотъ пустынный видъ съ тихой рѣкою, сіяющею солнечнымъ блескомъ. Не обращая вниманія ни на меня, ни на ловкость, съ которою я бросалъ по водному зеркалу тонкіе каменные осколки, онъ направился вдоль берега къ заманчивому хуторку, бѣлѣвшему среди синеватой зелени. Но у него, какъ я скоро узналъ, была своя практическая цѣль. Онъ мимоходомъ внимательно осматривалъ ветхую хатку, прилѣпленную къ горѣ надъ самой дорогою. Какая-то осторожность и даже робость за-

мѣтна была въ его поступи. Переставъ напѣвать свою пѣсню, онъ вытянулъ больше обыкновеннаго шею и бросалъ быстрые взгляды то́ въ полуотворенное окно хатки, то черезъ низенькій плетень, окружавшій небольшую плоскость, засаженную огородными растеніями. Все это меня удивляло; но въ поступи и движеніяхъ моего спутника выражалась такая осторожность, что я боялся заговорить съ нимъ. Поровнявшись съ угломъ огорода, онъ поднялся на цыпочкахъ, заглянулъ черезъ плетень и потомъ, нагнувшись немного къ землѣ, обернулся ко мнѣ и сдѣлалъ рукою знакъ молчанія. Мы ускоренными шагами воротились назадъ. Сердце у меня сильно билось въ груди. Я былъ пораженъ безотчетнымъ страхомъ и, едва касаясь земли, бѣжалъ за Померанцевымъ.

Матвѣй Никитичъ остановился только на берегу рѣки, гдѣ къ кольямъ, стоявшимъ въ водѣ, привязана была лодка.

»Не видитъ баба!« сказалъ онъ мнѣ, торо́пливо отвязывая веревку.

»Какая баба, Матвѣй Никитичъ?« спросилъ я въ недоумѣньи.

»Садись, братъ, скорѣй въ лодку«, отвѣчалъ онъ, »да отчалимъ, ато какъ разъ выскочитъ старая яга; тогда придется заплатить два гроша.«

»Такъ что́ же, Матвѣй Никитичъ?« отвѣчалъ я.

»Лучше заплатимъ, чѣмъ брать чужую лодку тайкомъ.«

»Что́ за тайкомъ?« возразилъ съ нѣкоторою запальчивостью Померанцевъ, выбирая, вмѣсто весла, подлиннѣе щепку. »Мало я развѣ передавалъ окаянной бабѣ раковъ? Ненасытная! всякой разъ требуетъ двухъ грошей. Этакъ, пожалуй, пришлось бы столько переплатить ей въ лѣто, что и лодка того не стоитъ. Садись, братъ; вотъ и весло готово. Пускай теперь свищетъ старуха.«

Я сѣлъ въ лодку, дивясь хищничеству Померанцева, въ которомъ до сихъ поръ не предполагалъ ничего дурного.

»Лучше бы заплатить за лодку, Матвѣй Никитичъ«, сказалъ я. »У меня есть деньги.«

»Что́ ты, Николаша?« отвѣчалъ онъ, отпихиваясь отъ берега. »Этакъ старуха чертъ знаетъ что́ заберетъ себѣ въ голову. Не бойся, она въ убытокъ не будетъ. Мы ей загонимъ къ рѣкѣ стадо. Это ея овцы пасутся на лугу.«

»Неужто она такъ богата?« спросилъ я.

»То есть, она пасетъ ихъ«, отвѣчалъ Померанцевъ, »и для этого держитъ лодку. Да кромѣ этого, ужъ хочешь, не хочешь, а раками придется съ нею подѣлиться. Чтобъ они ей захрясли въ горлѣ!«

Я смѣялся его наивной досадѣ на старуху которая тѣмъ только была и виновата, что владѣла лодкою. А лодка между тѣмъ незамѣтно скользи-

ла по водѣ. Городокъ Н*, сбѣгающій къ рѣкѣ своими зелеными обвалами и промоинами, удалялся отъ насъ вмѣстѣ съ песчанымъ берегомъ и ветхою хатою, передъ которою такъ ловко маневрировалъ Померанцевъ. Насъ привѣтствовалъ на другомъ берегу крикъ гусей, которые, при нашемъ приближеніи, прервали свой кейфъ на травѣ и шумно бросились въ воду. У, какой здѣсь просторъ! Какъ хорошо потянулись внизъ по рѣкѣ горы, на которыхъ бѣлые домики городка Н* усѣлись между садовъ, точно эти гуси на лугу! Какъ ярко сіяютъ монастырскія главы надъ крутымъ скатомъ, по которому отъ самой рѣки поднимаются выше и выше огромные камни, точно сѣрые волы, лѣниво возвращающіеся отъ водопоя!

Померанцевъ вытащилъ лодку на берегъ и спряталъ въ лозникѣ вмѣстѣ съ щепкою, которая служила ему весломъ. Мы углубились, можетъ быть, на полъ-версты или болѣе въ луга къ »протокамъ«, или рукавамъ рѣчки, въ которыхъ всего больше водилось раковъ. На насъ уже давно не было сапоговъ: мы разулись, лишь только ступили на этотъ дикій, безлюдный берегъ, и шли по травѣ босикомъ, неся на плечахъ свернутые сюртуки свои. Раза два намъ приходилось раздѣваться совсѣмъ для перехода чрезъ протоки. Тогда Померанцевъ складывалъ себѣ на голову весь нашъ багажъ и входилъ въ воду первый. Я цѣплялся

ему за плечо или пускался вплавь, ободряемый его похвалами и наставленіями. Въ иныхъ протокахъ вода шла чрезвычайно быстро. Безъ Померанцева я бы не смѣлъ и подумать о томъ, чтобы переплывать черезъ нихъ; но твердость, съ которою онъ брелъ по шею въ водѣ, неся на головѣ все наше платье и мѣшокъ для раковъ, внушала мнѣ такую же смѣлость въ этомъ случаѣ, какую чувствовалъ я при немъ, ожидая появленія покойнаго Хлопотова.

Не могу дать себѣ отчета, отчего его крѣпкое сложеніе, его Геркулесовскія формы, — эта широкая волосастая грудь, разсѣкавшая воду, эти богатырскія плеча, эти мускулистыя руки, поддерживавшія легкую ношу и способныя съ такою же легкостью поддерживать страшную тяжесть, — отчего все это въ Померанцевѣ дѣлало на меня впечатлѣніе не одной физической, но и нравственной силы.... Померанцевъ, относительно образованности, былъ, если угодно, такъ же невѣжественъ, какъ и я самъ въ то время, а, пожалуй, еще невѣжественнѣе. Но въ этомъ человѣкѣ скрывалось много другихъ достоинствъ, которыя ожидали только случая, чтобъ обнаружиться. Впрочемъ не буду забѣгать впередъ; довольно того, я любилъ Померанцева и въ нѣкоторыхъ случаяхъ смотрѣлъ на него, какъ на героя.

Совершивъ переходъ черезъ быстрый и холодный протокъ, онъ всякій разъ предлагалъ мнѣ

бѣгъ въ-запуски. Онъ давалъ мнѣ шаговъ двѣсти впередъ, во уваженіе короткости моихъ ногъ; но какъ ни быстро я бѣгалъ, развивъ эту способность въ состязаніяхъ съ моими сверстниками, хуторскими »хлопя́тами«, а шумные шаги Померанцева скоро раздавались у меня за спиною. Онъ прыгалъ мимо меня, какъ олень, и оставлялъ меня далеко позади. Еслибъ я былъ скульпторъ, то эти бѣги доставили бы мнѣ много впечатлѣній для изваянія атлетическаго тѣла въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Изъ Померанцева вышелъ бы чудесный натурщикъ для живописца, задумавшаго писать древнихъ гладіаторовъ, или силачей, въ напряженномъ состояніи мускуловъ. Онъ былъ очень строенъ и красивъ безъ своего сюртука съ высокой таліей и прочихъ принадлежностей его мѣшковатаго костюма.

Но ни ловкость, съ которою онъ правилъ лодкой посредствомъ щепки, ни его переправы черезъ быстрые ручьи, ни сила и гибкость членовъ, обнаруженныя имъ на бѣгахъ, не возбудили во мнѣ такого удивленія, какъ ловля раковъ. Тутъ Померанцевъ, какъ говорится, провзошелъ самого себя.

Сложивъ на берегу платье, онъ вошелъ въ рѣчной рукавъ и началъ искать подъ водою пещеръ, въ которыхъ, по его словамъ, сидѣли раки. Я воображалъ себѣ, какъ эти господа должны принять въ своихъ темныхъ жилищахъ непріятеля,

какъ они схватятъ его своими клешнями за руку, какъ изрѣжутъ до крови его пальцы, и какой жалкій человѣкъ будетъ Померанцевъ за ужиномъ, когда ему нельзя будетъ безъ боли отломить даже хлѣба отъ своего ломтя. Но опасенія мои были напрасны. Померанцевъ воскликнулъ радостно: »есть!« и черезъ минуту большой черный ракъ шлепнулся передо мной на траву. Я съ ужасомъ взглянулъ на его растопыренныя зубчатыя клешни, искавшія во что́ бы вцѣпиться, и долго не могъ ухитриться, какъ бы положить его въ мѣшокъ такъ, чтобъ онъ не схватилъ меня за палецъ. Наконецъ я приблизилъ къ нему небольшую щепочку. Простодушный ракъ, пятясь назадъ, схватился за нее съ отчаяньемъ беззащитнаго человѣка, и я запряталъ его въ мѣшокъ. Тяжела мнѣ была эта роль, но я не могъ отъ нея отказаться. Ракъ за ракомъ летѣлъ ко мнѣ на траву. Померанцевъ, замѣтя мою боязливость, смѣялся въ водѣ, какъ русалка, и дѣлалъ мнѣ наставленія, какъ обращаться съ этими грозно вооруженными, но неповоротливыми панцырьниками. Наука не далась однакожъ мнѣ безъ нѣсколькихъ царапинъ на пальцахъ. Выступившая кровь и боль изгнали изъ моего сердца жалость къ плѣнникамъ Померанцева и наполнили меня досадою. Я схватывалъ тогда каждаго рака за спину, и прежде нежели онъ успѣвалъ опомниться отъ паденія, я бросалъ въ мѣшокъ, гдѣ ожидали его

растопыренныя клешни его родственниковъ и друзей. При всемъ томъ я съ удовольствіемъ возвращалъ въ воду молодыхъ раковъ, выброшенныхъ Померанцевымъ безъ всякаго намѣренія вредить имъ и негодныхъ ни на что́ въ глазахъ Степаниды. Я переносилъ ихъ къ самой водѣ и любовался, какъ они, почуявъ близость своей стихіи, вдругъ оживлялись, торопливо ковыляли въ нее своими неуклюжими рогульками и вдругъ, расправивъ шейку, поспѣшно изчезали въ глубинѣ. Померанцевъ не ограничился обыскомъ верхнихъ только подводныхъ пещеръ. Онъ изчезалъ подъ водою иногда на нѣсколько минутъ и выплывалъ посрединѣ протока съ огромнымъ ракомъ въ рукѣ. Какъ онъ былъ веселъ, появляясь, подобно Тритону, на поверхности воды, отряхивая волосы, протирая глаза и крякая отъ удовольствія! Поигравъ въ синеватыхъ струяхъ своими гибками членами, покраснѣвшими отъ волненія крови, онъ кричалъ мнѣ: »прощай, Николаша!« и изчезалъ подъ водою. И не было видно Померанцева. Я оставался одинъ подъ этимъ яснымъ голубымъ небомъ съ опустившимся къ низу солнцемъ, на этихъ широкихъ лугахъ, среди этихъ быстрыхъ протоковъ, отдѣленный отъ города рѣкою, черезъ которую не съумѣлъ бы одинъ переправиться. Всякой разъ на меня находилъ ужасъ за себя и за Померанцева; всякой разъ я опасался, чтобъ онъ не остался на-вѣки въ глубинѣ

протока. Но Померанцевъ вдругъ являлся на поверхности, веселый, какъ день, игривый, какъ вода.

Удовлетворивъ первой потребности, или достигнувъ главной цѣли нашей прогулки за рѣку, Матвѣй Никитичъ сдѣлался равнодушнѣе къ преслѣдованію раковъ въ ихъ подводныхъ пещерахъ. Онъ позвалъ меня къ себѣ въ воду и началъ учить меня нырять. Терпѣніе и послѣдовательность, съ которыми онъ переходилъ отъ пріема къ пріему въ своемъ преподаваніи, теперь удивляютъ меня. Я впрочемъ не заставилъ его долго со мной возиться. Его присутствіе и ободрительныя восклицанія внушали мнѣ столько смѣлости, что я бросался въ воду, какъ молодой ракъ, которому, во уваженіе его ничтожности, даровали свободу, или отдавался въ руки своему наставнику и погружался вмѣстѣ съ нимъ въ такую глубину, о которой безъ него мнѣ было бы страшно и подумать. Онъ заставлялъ меня лазить по дну, онъ удерживалъ меня насильственно подъ водою, и въ то время, когда мнѣ казалось уже, что я погибаю, вдругъ выносилъ меня па поверхность. Въ какомъ восхитительномъ видѣ представлялось тогда мнѣ голубое небо! Какъ упоительно наполнялась моя грудь воздухомъ! Самъ Померанцевъ казался мнѣ не тѣмъ человѣкомъ, который, минуту назадъ, былъ для меня такъ же страшенъ въ рѣчной глубинѣ, какъ и для рака, котораго схватывала его сильная рука.

Когда первый ужасъ, внушаемый мнѣ таинственною глубиною воды, миновалъ, я началъ находить удовольствіе въ опасности; мнѣ хотѣлось заслужить хорошее о себѣ мнѣніе моего Ментора, и я оставался въ водѣ долѣе, нежели бы рѣшился остаться безъ его присутствія. Померанцевъ былъ очень доволенъ моими успѣхами и трактовалъ меня, мнѣ казалось, уже не какъ мальчика, а какъ товарища. Не доставало мнѣ сдѣлать одной только ступени, чтобы стать высоко въ его мнѣніи: я никакъ не могъ рѣшиться сунуть руку въ пещеру, въ которой сидѣлъ ракъ, растопыривъ, какъ я воображалъ, свои ужасныя клешни. Померанцевъ снисходительно смѣялся надъ моей трусостью, но, сколько я могъ замѣтить, ни мало не презиралъ меня за нее. Онъ былъ чуждъ гордаго о себѣ мнѣнія, и снисходительность къ слабостямъ ближняго составляла едва ли не главную черту его характера. Замѣтивъ, что я началъ дрожать отъ продолжительнаго купанья, онъ предложилъ мнѣ новое ристанье по лугу и опереживалъ меня для того только, чтобы придать, мнѣ больше желанія поравняться съ нимъ въ быстротѣ. Когда разгорѣлась во мнѣ остывшая кровь, мы забрали свой багажъ, взяли мѣшокъ съ шевелящимися раками и отправились въ обратный путь.

На этотъ разъ переходъ черезъ быстрые рукава не былъ уже для меня такою забавою, какъ

прежде: я рѣшительно озябъ, а заходящее солнце какъ нарочно спряталось за тучу, и сколько я ни бѣгалъ по лугу въ своемъ старомъ нанковомъ сюртукѣ, никакъ не могъ согрѣться. Зато я вдвойнѣ испыталъ удовольствіе, которое готовилъ для меня Померанцевъ. У него былъ заведенъ обычай брать съ собой на охоту, если только можно назвать нашу забаву охотою, ломоть хлѣба и кусокъ сала. Когда мы подошли къ берегу, на которомъ такъ же какъ и по ту сторону рѣки, стояло нѣсколько ветхихъ и недостроенныхъ барокъ, онъ собралъ охапку щепокъ, развелъ огонь и вдругъ, къ немалому моему удивленію и, конечно, радости, вытащилъ изъ кармана съѣстные припасы. Я порядочно проголодался въ подводныхъ экзерциціяхъ и въ Олимпійскихъ бѣгахъ съ Померанцевымъ; я съ безпокойствомъ помышлялъ о томъ, что мы не скоро еще доберемся до квартиры, только совѣстился признаться въ этомъ своему Ментору. Теперь я выразилъ свободно свой восторгъ и, кажется, доставилъ Померанцеву живѣйшее удовольствіе. Онъ самъ обжарилъ для меня на деревянной спичкѣ порядочную порцію сала, и я не помню, чтобъ когда-нибудь ѣда доставляла мнѣ столько удовольствія. Трескъ огня, теплота, оживлявшая мои члены, бѣгущій наискось дымокъ и проглядывающій сквозь него видъ города съ его садами, оврагами, монастыремъ и сверкающею внизу рѣкою, — все

это придавало моему аппетиту упоительную чувствительность.

»Я думаю, Матвѣй Никитичъ«, сказалъ я, »и Θеклуша не отказалась бы отъ такого полдника.«

Померанцевъ засмѣялся.

»А какъ бы весело было полдничать съ нею на лугу!« сказалъ онъ.

»Только, когдабъ она не нападала на вашу матушку«, замѣтилъ я.

»И, что́ это! одна шалость. Она всё твердитъ, что матушка моя скупа. Но вѣдь скупость — не глупость. Гдѣ надобно, тамъ матушка ничего для меня не жалѣетъ. Вотъ у меня не переводится ни сало, ни ветчина для полдника, а вѣдь все это дѣло продажное, вывези только на рынокъ.«

»Вы потчевали когда-нибудь Θеклушу?«

»Каждый день. Она, точно кошечка, такъ и идетъ ко мнѣ, лишь только щелкну ящикомъ. Я привезъ изъ деревни и свѣжихъ сотовъ; она до нихъ великая охотница. Я думаю, тамъ ужъ и хозяйничаетъ безъ насъ. Я все ей позволяю, только лишь бы ящики хорошо закрывала.«

»И у васъ всегда такіе запасы, Матвѣй Никитичъ?«

»Всегда. Лишь только начнутъ выходить, Θеклуша тотъ-часъ и шлетъ меня въ хуторъ.«

»А всё-таки ваша маменька скупа?«

»Говорю тебѣ, Николаша, что это одно ребячество. Θеклуша добрая дѣвушка. Погоди, она

сама увидитъ, что матушка вовсе не скупа, когда будетъ жить съ нею вмѣстѣ.«

»Жить вмѣстѣ!« повторилъ я. »Когда же это будетъ?«

»Когда женюсь«, коротко отвѣчалъ Померанцевъ, захватывая въ ротъ кусокъ хлѣба.

»Вы хотите жениться на Θеклушѣ, Матвѣй Никитичъ?«

Померанцевъ смотрѣлъ на меня молча до тѣхъ поръ, пока пережевалъ и проглотилъ съ саломъ хлѣбъ; потомъ обтеръ старою салфеткою губы и отвѣчалъ:

»Да. Она моя невѣста.«

»Θеклуша?«

»Θеклуша. Еще какъ только я поступилъ на службу, матушка вспомнила старое знакомство съ Софьей Карловной и порѣшила съ нею дѣло. Θеклушѣ тогда было только тринадцать лѣтъ. Осенью ей исполнится шестнадцать; только того и ждемъ. Что́ ты на меня такъ смотришь, Николаша?«

Я смотрѣлъ на него въ это время пристальнѣе, нежели когда-либо. Я никакъ не могъ вообразить его женихомъ Θеклуши. Въ женихѣ и невѣстѣ обыкновенно ищутъ какого-то сходства, доискиваясь, можетъ быть, такимъ образомъ безсознательно невидимаго для глазъ сходства внутренняго. Въ Померанцевѣ ничто не напоминало Θеклуши: ни спокойный взглядъ, ни простая, ясная, добродушная улыбка, ни медленныя дви-

женія, которыя обыкновенно принимаютъ за выраженіе вялости характера, но которыя, въ нѣкоторыхъ натурахъ, свидѣтельствуютъ о великихъ душевныхъ силахъ, не двигающихся для мелочей. Померанцевъ никогда не казался мнѣ флегматикомъ, нѣтъ! Спокойствіе, съ какимъ онъ отвѣчалъ на придирки Θеклуши въ первыя минуты нашего знакомства, производило на меня впечатлѣніе, подобное тому, какое я испыталъ бы, глядя на ручного медвѣдя (если только не грубо такое сравненіе), позволяющаго шалить съ собой мальчишкѣ. Но какъ онъ ни былъ покоренъ ея кошачьей шаловливости, какъ ни терпѣливо принимало его сердце отъ нея царапины, а всё-таки я не могъ вообразить ихъ мужемъ и женою. Θеклуша была рѣшительно равнодушна къ Померанцеву. Немного нужно было проницательности, чтобъ въ этомъ удостовѣриться.

Подумавъ съ минуту, я отвѣчалъ на его вопросъ съ совершеннымъ простодушіемъ:

»Но вѣдь она васъ не любитъ, Матвѣй Никитичъ!«

Ему сдѣлалось какъ-то неловко отъ моего отвѣта, и онъ быстро спросилъ:

»Ты почемъ это знаешь?«

»Это было бы видно«, отвѣчалъ я, »она бы совсѣмъ иначе съ вами обходилась; ато она только смѣется надъ вами.«

»Это ничего, Николаша«, отвѣчалъ добродушно

Померанневъ. »Пускай смѣется: таковъ ужъ у ней характеръ. А придись до дѣла, такъ она ни на кого не промѣняетъ смѣшного Матвѣя Никитича. Мы другъ друга хорошо знаемъ.«

Я перемѣнилъ предметъ разговора и завелъ рѣчь о бабѣ, которой принадлежала лодка. Это напомнило Померанцеву, что пора выкупать вину услугою. Мы поспѣшили окончить полдникъ и принялись загонять къ берегу стадо овецъ, въ которомъ паслось десятокъ козъ и пять или шесть коровъ. Померанцевъ и въ этомъ случаѣ былъ для меня образцемъ. Онъ зналъ всѣ термины, посредствомъ которыхъ пастухи управляютъ стадами, и, еслибъ не было мнѣ извѣстно, что его мать помѣщица, я могъ бы подумать, что онъ и родился пастухомъ. Какъ ни широко разсыпались по лугу овцы, но онѣ скоро поняли, чего мы отъ нихъ требуемъ, и черезъ нѣсколько минутъ рѣка покрылась плывущимъ стадомъ. Это было новое для меня зрѣлище, и всего больше забавляли меня козы, которые вскакивали на спину коровамъ, и такимъ образомъ переправлялись черезъ рѣку на чужой счетъ.

Я сказалъ Померанцеву, что эта продѣлка похожа на нашу. Онъ расхохотался отъ моего сближенія, и смѣясь вытащилъ изъ кустовъ лодку, и смѣясь мы сѣли въ нее.

Тихій вечеръ надъ зыбью воды, окрашенной закатомъ, мычанье стада, вышедшаго на берегъ,

и городъ, весь потянутый холодною тѣнью по захожденіи солнца.... Какъ все это живо до сихъ поръ въ моей памяти! Кажется, какъ-будто это вчера, а не сорокъ лѣтъ назадъ, мы тихо скользили по рѣчному всколыханному зеркалу въ старой лодкѣ, съ мѣшкомъ на днѣ ея, и съ тайнымъ страхомъ въ душѣ, чтобъ сердитая баба не взыскала съ насъ слишкомъ большого штрафа. По крайней мѣрѣ я крѣпко опасался за нашихъ раковъ. Но страхъ мой былъ напрасенъ.

Въ то самое время, когда мы причалили къ берегу, старуху пришли просить на помощь къ одной богатой сосѣдкѣ, такъ какъ она славилась искусствомъ повивать дѣтей. Предвидя хорошее угощеніе, она позабыла о ракахъ и была благодарна Померанцеву, что онъ перегналъ черезъ рѣку стадо; но въ заключеніе всё-таки прибавила, чтобъ онъ безъ спросу лодки не бралъ, ато она сниметъ съ него шапку.

Я покраснѣлъ отъ этой угрозы, но Померанцевъ только смѣялся. Онъ привязалъ къ бревну, какъ слѣдуетъ, лодку, взвалилъ на плеча мѣшокъ съ добычею, и мы воротились домой безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Теперь я внимательнѣе прежняго наблюдалъ за обращеніемъ Θеклуши съ Померанцевымъ. Она была всё та же, но его взгляды и слова, обращенные къ ней, проникнуты были братскою нѣжностью, которой я прежде не замѣчалъ въ немъ.

Это меня томило, какъ-будто я переселился въ Померанцева, или какъ-будто его душа сидѣла во мнѣ.

Сдавши раковъ на руки Степанидѣ, Померанцевъ спросилъ у Ѳеклуши, не приходилъ ли Селезневъ.

Она отвѣчала, что Селезневъ не приходилъ.

»Такъ, вѣрно, придетъ еще«, сказалъ Померанцевъ.

»Непремѣнно!« отвѣчала съ особеннымъ выраженіемъ Ѳеклуша.

Но Селезневъ не является. Уже становится темно. Умолкаютъ мухи на окнахъ; заводятъ однообразную свою пѣсню сверчки; звенятъ тоненькими голосами комары; разбойникъ и прохожій теряются въ сумеркахъ; Ѳеклуша зоветъ насъ ужинать; тѣнь Софьи Карловны возобновляетъ свою трагическую мимику. Нѣтъ Селезнева.

Померанцевъ недоумѣваетъ, что́ бъ это значило, и опять переспрашиваетъ Ѳеклушу, какъ часто приходилъ Селезневъ освѣдомляться, скоро ли онъ воротится изъ деревни.

»Что́ вы стали бы дѣлать съ Селезневымъ, когдабъ онъ пришелъ?« спрашиваю я.

»Какъ что́?« отвѣчаетъ Померанцевъ. »Повидались бы, потолковали бы о томъ, о семъ, почитали бы вмѣстѣ книжку.«

»А у васъ есть книги, Матвѣй Никитичъ? Какія у васъ есть книги?«

»Разныя: *Сова, ночная Птица;* это веселая книжка. А вотъ *Бова Королевичъ* посерьезнѣе. Хороша, говорятъ, также книга *Гуакъ,* но этой у меня нѣтъ, а обѣщалъ Селезневъ достать.«

»Онъ у васъ часто бываетъ?« спросилъ я.

»Почти каждый день; развѣ предводитель у себя по дѣламъ задержитъ, ато хоть на минутку, а забѣжитъ-таки.«

»А вы у него часто?«

»Я? За чѣмъ же мнѣ ходить къ нему, когда онъ ко мнѣ безпрестанно ходитъ? Онъ и самъ говоритъ: »Ты, братъ Матвѣй Никитичъ, не тру»дись ко мнѣ заходить, а лучше я буду ходить »къ тебѣ.« У него хозяйка прекапризная, всё жалуется на шумъ. Чуть каблукомъ стукнешь, ужъ и это ее безпокоитъ. А квартира хороша.«

О, простодушнѣйшій Матвѣй Никитичъ! ложись лучше спать и спи, какъ праведникъ, пока не наступили для тебя безсонныя ночи....

Я чувствую въ каждой жилкѣ усталость, такъ что очень вяло прошу Матвѣя Никитича перенести мою кроватку къ своей. Матвѣй Никитичъ хохочетъ надъ моей трусостью и убѣждаетъ меня спать на прежнемъ мѣстѣ. Онъ говоритъ положительно, что ничего похожаго на мои грезы никогда въ домѣ не являлось, и что надъ нами будутъ смѣяться куры, если мы станемъ каждый вечеръ перетаскивать кровать изъ одной комнаты въ другую. Усталость помогаетъ его убѣжде-

ніямъ. Я рѣшаюсь лечь на свою постель въ одно-глазой комнаткѣ и засыпаю такимъ крѣпкимъ сномъ, отъ котораго не разбудилъ бы, кажется, меня и живой Хлопотовъ. Мнѣ въ эту ночь ровно ничего не приснилось, и мужъ Софьи Карловны не тревожилъ меня больше.

VI.

ПОМЕРАНЦЕВЪ НАЧИНАЕТЪ СОЗНАВАТЬ СВОЮ ЛИЧНОСТЬ.

Еслибы кто въ эту минуту взялъ у меня изъ руки перо и окончилъ мой разсказъ о Софьѣ Карловнѣ, о Θеклушѣ и Померанцевѣ, я бы охотно отказался въ его пользу отъ авторской славы: такъ для меня тяжелъ переходъ къ мрачной трагедіи отъ успокоительной идилліи, съ которою я готовъ бы былъ никогда не разставаться. Впрочемъ не вдругъ разразилась надъ ними гроза, скоплявшаяся долго на тихомъ небѣ ихъ жизни, въ видѣ крупно-кудрявыхъ, озаренныхъ солнцемъ облаковъ. Никто ея не ожидалъ, и потому всѣ были спокойны. Жизнь въ домикѣ на косогорѣ шла такъ однообразно, что мнѣ почти нечего прибавить къ тому, что́ разсказалъ я о ней по случаю первыхъ моихъ впечатлѣній.

Со мной, правда, и съ Померанцевымъ случи-

лись, съ каждымъ по одной, непріятности, которыя мы скоро позабыли, но которыя имѣли вліяніе на обстоятельства каждаго изъ насъ. Моя непріятность заключалась въ пропажѣ письма къ батюшкѣ. Читатель, я думаю, не позабылъ, что, отправляясь на ловлю раковъ, я оставилъ его въ боковомъ карманѣ новаго сюртука. На другой день я хватился, и его не оказалось въ карманѣ. Подозрѣніе мое, не колеблясь, пало на Ѳеклушу. Кому больше было дѣло до моего письма? Померанцевъ былъ слишкомъ солиденъ, Софья Карловна и Степанида—слишкомъ стары для такой проказы. Это она, шалунья, похитила мое донесеніе о ночныхъ похожденіяхъ ея почтеннаго папеньки! Я вспомнилъ мелькавшій въ сучкѣ забора глазъ, который казался мнѣ прежде только призракомъ глаза. Да́, это она! Осторожность, съ которою проходилъ я мимо оконъ домика, могла обратить на меня вниманіе зоркой Ѳеклуши. Не будучи мною видима, она, безъ сомнѣнія, видѣла мои эволюціи съ листомъ золотообрѣзной бумаги, слѣдила за мной въ какую-нибудь щель и наконецъ видѣла ясно въ пустой сучокъ мою работу на дубовомъ бревнѣ у недостроеннаго домика.

Я безъ церемоніи обратился къ Ѳеклушѣ и просилъ ее возвратить мнѣ письмо; но Ѳеклуша, видно, приготовилась къ допросу. Она сдѣлала такую неподдѣльную гримасу изумленія и потомъ такъ выразительно на меня разсердилась, что я

смутился и радовался только, что при этой сценѣ не было Софьи Карловны. Съ минуту я не зналъ, что́ думать; но потомъ, соображая разныя обстоятельства съ проказливымъ характеромъ Θеклуши, я снова убѣдился, что она, а не кто другой, была похитительницею моего драгоцѣннаго манускрипта. Я однакожъ не рѣшился сообщить своего подозрѣнія Померанцеву, — иначе надобно было бы признаться ему въ своемъ покушеніи перемѣнить квартиру. Теперь я совѣстился передъ нимъ и за прошедшее время: такъ много дружеской привязанности внушилъ онъ мнѣ своей прогулкой за рѣку. Притомъ же, ознакомясь ближе съ мѣстностью, проведя спокойно ночь подъ защитой Померанцева и сблизясь съ нимъ во время ловли раковъ, я значительно охладѣлъ въ своемъ желаніи оставить домикъ Софьи Карловны. Жаль только было мнѣ денегъ, истраченныхъ на бумагу, но съ возвращеніемъ письма, онѣ всё равно не воротились бы. Итакъ я махнулъ рукой и предалъ забвенію этотъ непріятный случай. Изрѣдка только онъ приходилъ мнѣ на память, когда я думалъ, какъ Θеклуша читала въ-тихомолку мое письмо и смѣялась надъ краснорѣчіемъ, съ которымъ я описывалъ покойнаго Хлопотова.

Непріятность Матвѣя Никитича состояла въ томъ, что Селезневъ рѣшительно пересталъ навѣщать его. Это повергало добраго Матвѣя Никитича сперва въ недоумѣніе, потомъ въ безпокой-

ство, такъ что онъ, обождавъ нѣсколько дней, рѣшился навѣстить Селезнева самъ, не смотря на сердитый нравъ его хозяйки. Это было въ праздничный день, послѣ ранней обѣдни. Софья Карловна дала намъ позавтракать, а послѣ завтрака Померанцевъ отправился въ домъ купца Сорокина.

Онъ возвратился домой скорѣе, нежели я ожидалъ, и невозможно описать смущенья и досады, которыя выражались на его лицѣ, въ его поступи и во всѣхъ его движеньяхъ.

»Что́, Матвѣй Никитичъ?« спросилъ я. »Что́ случилось?«

Вмѣсто отвѣта, онъ бросилъ на постель свой картузъ. Губы его дрожали, и онъ казался мнѣ въ эту минуту такимъ слабосильнымъ человѣкомъ, какъ и я самъ.

»Что́ случилось, Матвѣй Никитичъ?« повторилъ я.

Померанцевъ затопалъ ногами и сдѣлалъ руками такой жестъ, какъ Самсонъ, раздирающій челюсти льва. Никогда бы я не могъ подумать, чтобъ онъ былъ способенъ къ такому сильному волненью. Я не зналъ, спрашивать ли мнѣ, или обождать, пока онъ самъ выскажется. Но меня томило нетерпѣніе, и я, подойдя ближе къ Померанцеву, началъ убѣждать его открыть мнѣ, что́ случилось.

Онъ глухо застоналъ, сжавъ кулаки и глядя свирѣпо на разбойника и прохожаго.

»Что́ случилось?« повторилъ онъ наконецъ дрожащимъ отъ негодованья голосомъ. »То, что́ должно́ было случиться! иначе и быть не могло! Честный человѣкъ не дружись съ негодяемъ! не будь довѣрчивъ, какъ ворона.... какъ теленокъ.... какъ барранъ!«

Матвѣй Никитичъ возвышалъ голосъ при каждомъ сравненіи; но всѣ они казались ему слабыми. Онъ прошелся широкими шагами по комнатѣ, стуча каблуками почти такъ же громко, какъ и покойный Хлопотовъ; потомъ разстегнулъ на себѣ новый сюртукъ, вычищенный, по случаю визита, съ особеннымъ стараніемъ, снялъ его и швырнулъ на постель съ такой небрежностью, съ какой въ другое время не швырнулъ бы и мѣшка для раковъ. Оставшись передо мной въ жилетѣ и въ чистой, надѣтой ради Воскресенья рубашкѣ изъ толстаго, недобѣленнаго холста, онъ сложилъ по-Наполеоновски на груди руки, выставилъ правую ногу впередъ и, глядя на меня изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, сказалъ:

»Меня!... меня такъ принимать!... мальчишка!«

Я началъ догадываться, въ чемъ дѣло; но не могъ надивиться, видя передъ собой, вмѣсто Померанцева, другого человѣка. Спокойная неповоротливость его изчезла; онъ держался такъ величаво, какъ-будто выросъ на цѣлый вершокъ; онъ весь былъ проникнутъ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, и въ эту минуту, казалось, жаж-

далъ самаго труднаго и опаснаго подвига, чтобъ показать, что́ онъ такое. Но никакого подвига не представлялось и представиться не могло въ этомъ уединенномъ, убогомъ домикѣ. Померанцевъ волновался по-пусту.

»Что́ онъ о себѣ думаетъ, этотъ фертикъ?« продолжалъ онъ, заходивъ снова по комнатѣ. Неужто я долженъ унижаться передъ нимъ, что у него на сюртукѣ тонкое сукно?... цѣловать его перчатки?... падать ницъ нередъ его шляпою?... Кукла, бездушная кукла! Поблѣднѣлъ весь трусишка, задрожалъ, какъ листъ, отъ одного моего слова! Ты не зналъ Померанцева, жалкій котенокъ! Ты думалъ, что Матвѣй Никитичъ слова за себя не съумѣетъ сказать!... Нѣтъ, сударь, шутишь; при случаѣ, я докажу, что я такой же дворянинъ, какъ и всякой другой!«

Тутъ Померанцевъ самодовольно засмѣялся, и взглядъ его, брошенный на меня, не выражалъ уже изступленной досады.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить опять, что́ произошло между нимъ и Селезневымъ?

»Ничего болѣе«, отвѣчалъ онъ, приходя снова въ гнѣвъ, »какъ только то, что Селезневъ — дрянь!«

»Какъ это, Матвѣй Никитичъ?«

»Дрянь, просто дрянь! чепуха, чушь, а не человѣкъ!«

*

»Да почему же чушь?«

»Ну, вотъ!« воскликнулъ, разсердясь, Померанцевъ, какъ-будто я не понималъ самой простой вещи. »Почему чушь! Потому что онъ и родился на то, чтобъ быть чушью.«

»Но до сихъ поръ вы этого не говорили, Матвѣй Никитичъ.«

»До сихъ поръ онъ прикидывался путнымъ человѣкомъ — и чертъ его знаетъ, зачѣмъ; а теперь онъ вдругъ явился мнѣ, какъ есть — дрянь дрянью.«

»Что́ же онъ вамъ сказалъ?«

»Что́ сказалъ!«

Матвѣй Никитичъ замолчалъ, повторивъ эти слова, какъ-будто воспоминаніе объ обидномъ пріемѣ Селезнева лишило его языка.

»Что́ сказалъ!« повторилъ онъ еще разъ, пройдя широкими шагами по комнатѣ.

Потомъ онъ остановился у окна и задавилъ нѣсколько звенѣвшихъ въ стекла мухъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ-будто это были маленькіе Селезневы.

»Онъ спросилъ меня, *что́ мнѣ нужно?*« сказалъ наконецъ, оборотясь ко мнѣ, Матвѣй Никитичъ въ то время, когда я потерялъ уже надежду узнать отъ него причину его негодованія.

»Вмѣсто привѣтствія?«

»Ну да!« закричалъ грозно Померанцевъ.

Съ нимъ рѣшительно нельзя было говорить.

Успокоиваясь на минуту, онъ вдругъ вспыхивалъ отъ самаго невиннаго моего вопроса.

Я притаилъ духъ и молчалъ. Мнѣ было и жаль, и страшно Померанцева.

»Я говорю«, продолжалъ Померанцевъ: »Здрав»ствуйте, Василь Павловичъ«, а онъ лежитъ на софѣ съ чубукомъ въ рукахъ и спрашиваетъ, что́ мнѣ нужно? Каково!«

Я сдѣлалъ непритворное движеніе удивленія.

»*Меня* онъ спрашиваетъ, что́ мнѣ нужно!« продолжалъ Померанцевъ и заходилъ молча по комнатѣ.

»Что́ же вы ему на это, Матвѣй Никитичъ?«

Матвѣй Никитичъ быстро повернулся ко мнѣ.

»Что́ я на это?... Ну, *ты* что́ сказалъ бы на это?«

»Ничего«, отвѣчалъ я, »только повернулся бы и ушелъ.«

»Да, да́ черртъ возьми!« воскликнулъ, сжавъ кулакъ, Померанцевъ, »я былъ прростодушнѣе рребенка. Ребенокъ бы понялъ давно, что Селезневъ дрянь, а я до послѣдней минуты считалъ его путнымъ человѣкомъ. Мнѣ не пришло и въ голову сердиться за этотъ вопросъ. Я кладу шапку, сажусь подлѣ него на стулъ и спрашиваю, что́ его не видать у насъ? Или вы, дескать, не знали, что я воротился?«

»Что́ же онъ?«

»Онъ молчитъ, куритъ трубку и потомъ вдругъ:

»Господинъ Померанцевъ, прошу васъ оставить »меня въ покоѣ....« Ну, что́ бы ты, Николаша, послѣ этакого отвѣта?«

»Оставилъ бы его въ покоѣ«, отвѣчалъ я.

»Да́, я увѣренъ, что ты бы скорѣй меня смекнулъ дѣломъ; всякой бы смекнулъ скорѣй меня, всякой! А я, олухъ, разчувствовался: »Василь Павловичъ«, говорю, »не больны ли вы?« — »Да«, говоритъ, »я боленъ скукою: вы наводите на меня скуку.« — »То есть, какъ это? что́ это значитъ?« спрашиваю я. — »Это«, говоритъ, »значитъ: прошу васъ убираться отсюда....« Ну, теперь что́ бы ты сдѣлалъ?«

»Да я бы давно уже убрался!« отвѣчалъ я, удерживаясь отъ смѣха.

»Смѣйся, Николаша«, сказалъ Померанцевъ, »не бойся обидѣть меня. Меня теперь никто не обидитъ. Но я могъ бы отъ кого угодно ожидать такой низости, только не отъ него. Онъ каждый день бывалъ у меня, Николаша, просто — каждый день: какъ же такому человѣку рѣшиться на обиду? Да за что́? Я никому еще не сдѣлалъ зла и не желалъ ни одному человѣку зла, а ему меньше всего. Какъ же мнѣ думать, чтобъ этотъ человѣкъ вдругъ ни съ сего, ни съ того вытолкалъ меня за дверь? »Нѣтъ видно«, думаю, »ему »наговорили чего-нибудь злые люди.... Василь »Павловичъ«, говорю, »если кто насказалъ вамъ »что-нибудь на меня, то вы«, говорю, »этому не

»вѣрьте. Я«, говорю, »всегда одинъ и тотъ же, и »лукавства у меня никакого нѣтъ. Мнѣ«, говорю, »даже противны лукавые люди и я готовъ«, говорю, »бѣжать отъ нихъ, отрѣзавши полы.« А самъ начинаю дрожать: то есть, вотъ такъ бы и растерзалъ того въ куски, кто осмѣлился ссорить меня съ пріятелемъ!«

И Померанцевъ дрожалъ передо мною такъ, какъ, вѣроятно, дрожалъ передъ Селезневымъ. Я смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ ужасомъ. Было что-то сверхъ-естественное для меня въ его волненіи, какъ-будто въ этого кроткаго и незлобнаго человѣка вселился бѣсъ ненависти и мщенія. Онъ, однакожъ, сдѣлалъ надъ собой усиліе и продолжалъ свой разсказъ о свиданьи съ Селезневымъ. Онъ находилъ, по-видимому, тайное удовольствіе въ томъ, чтобы анализировать нанесенную имъ обиду. Чувство оскорбленнаго достоинства, сознаніе своего превосходства передъ Селезневымъ и жаръ негодованія, взволновавшій его сердце — все это давало ему ощущенія, можетъ быть, еще неиспытанныя, или испытанныя въ слабой степени. Не могу сказать, чтобы рѣчь его обращена была собственно ко мнѣ: еслибъ на ту пору не случилось меня въ комнатѣ, то я увѣренъ, что онъ пересказалъ бы все разбойнику и прохожему.

»Я дрожу«, продолжалъ Померанцевъ, »а этотъ наглецъ, этотъ Селезневъ смѣется. Я для него

не больше, какъ игрушка. »Зачѣмъ тутъ«, говоритъ, »предполагать наговоры? Посмотрите на себя.«—»Что́ за оказія!« думаю себѣ, »не съ ума »ли сошелъ Василь Павловичъ? 'Ну?« говорю. — »Ну, посмотрите и скажите, въ какое вы годитесь »общество? Посмотрите«, говоритъ, »на свой сюртукъ, на свои сапоги, на свой жилетъ; повер»нитесь передъ зеркаломъ и скажите, не медвѣдь »ли вы?« — »Ну?« говорю. — »Ну, такъ чего же »вы отъ меня хотите? Что́ у меня съ вами об»щаго? Оставьте«, говоритъ, »меня въ покоѣ и »ищите себѣ общества по своей масти.«

»Что́ же вы ему на это, Матвѣй Никитичъ?« сказалъ я, въ величайшемъ изумленіи отъ безстыдства Селезнева.

»Я посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы«, отвѣчалъ Померанцевъ, »и сказалъ ни больше, ни меньше, какъ вотъ что: »Послушай«, говорю, »глупая кукла! Не я«, говорю, »искалъ твоего зна»комства, а ты моего. Ты«, говорю, »прикинулся »добрячкомъ; ты ходилъ ко мнѣ каждый день, »ѣлъ со мной и съ Ѳеклой Петровной мои ла»комства, называлъ меня любезнѣйшимъ Матвѣ»емъ Никитичемъ, добрѣйшимъ Матвѣемъ Ни»китичемъ, безцѣннымъ Матвѣемъ Никитичемъ и »юлилъ передо мной настоящей лисою. Я не нуж»дался никогда въ тебѣ и теперь не нуждаюсь. »Я оставлю«, говорю, »тебя въ покоѣ; только знай, »что медвѣдь всё таки лучше обезьяны, и если«,

говорю, »обезьяна попадетъ когда-нибудь мед-»вѣдю въ лапы, то медвѣдь сдѣлаетъ съ нею »вотъ что́.« Я выхватилъ у него изъ руки чубукъ и изломалъ въ щепья. Посмотрѣлъ бы ты на него, Николаша, въ эту минуту, что́ съ нимъ сдѣлалось. Весь поблѣднѣлъ, открылъ ротъ и не можетъ ничего сказать; протянулъ руку съ снурку, чтобъ позвонить слугу — рука дрожитъ и не поймаетъ за снурокъ. Я посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и вышелъ.«

»И прекрасно вы сдѣлали, Матвѣй Никитичъ, что разстались къ этимъ человѣкомъ«, сказалъ я, стараясь успокоить Померанцева. »Онъ не понравился мнѣ съ перваго взгляда.«

»Да и мнѣ онъ сперва былъ не совсѣмъ по душѣ«, отвѣчалъ Померанцевъ, »но послѣ вижу — человѣкъ ищетъ моей дружбы; придетъ, наговоритъ столько новостей, сидитъ цѣлый вечеръ.... тутъ и Ѳеклуша.... ну, и привыкъ.... Но могъ ли я думать, могъ ли я думать!« воскликнулъ онъ, приложивъ ко лбу кулакъ.

И я съ удивленіемъ замѣтилъ на его глазахъ слезы.

Матвѣй Никитичъ, очевидно, не хотѣлъ, чтобъ я ихъ видѣлъ. Онъ поспѣшно отвернулся отъ меня, легъ на постель ничкомъ и замолчалъ.

Я потихоньку вышелъ изъ комнаты. Въ сѣняхъ я увидѣлъ Ѳеклушу. Она сдѣлала видъ, какъ-будто выходитъ изъ чулана, но мнѣ не трудно бы-

ло догадаться, что она сей-часъ отпрыгнула отъ нашей двери. Досадная дѣвушка! что́ за проныр-ливый характеръ! и какъ мало въ ней деликат-ности чувствъ! Послѣ пропажи моего письма, я началъ обращаться съ нею холоднѣе и не про-пускалъ случая сконфузить ее; но это удавалось мнѣ очень рѣдко.

»Что́, Θекла Петровна!« сказалъ я, »пріятныя подслушали новости?«

»Кто подслушалъ? кого я подслушивала?« отвѣ-чала она, по своему обыкновенію, съ видомъ со-вершенной невинности.

Но я ужъ зналъ ея уловки.

»Славно поступилъ съ Матвѣемъ Никитичемъ вашъ пріятель!« сказалъ я.

»Что́ за пріятель?« возразила она съ видомъ обиженнаго достоинства. »Онъ мнѣ такой же прія-тель, какъ и тебѣ. Что́ это за мода въ самомъ дѣлѣ? Прошу быть разборчивѣе въ своихъ шуткахъ!«

И съ этими словами ушла отъ меня въ нашу столовую или — что́ все равно — кухню.

»Въ самомъ дѣлѣ«, подумалъ я, »ей и самой«, долж-но́ быть досадно, что Селезневъ пересталъ бывать въ домѣ, разорвавъ знакомство съ Померанцевымъ.«

Но я радовался, что такъ случилось. Судя по ея похваламъ, она очевидно была къ нему нерав-нодушна и постоянно сравнивала его щеголева-тую наружность съ мѣшковатою наружностью По-меранцева.

Такимъ образомъ онъ постоянно вредилъ бы въ ея мнѣніи Померанцеву, уже однимъ своимъ щегольствомъ. Хорошо, что они разошлись во́ время. Теперь Померанцевъ будетъ единственнымъ знакомцемъ Ѳеклуши и, безъ сомнѣнія, понравится ей со временемъ, потому что его не съ кѣмъ будетъ сравнивать.

И всё таки мнѣ было жаль Померанцева. Состояніе души его должно было быть ужасно. Онъ былъ весь простота и довѣрчивость; онъ зналъ людей очень мало, потому что, находясь на службѣ, работалъ прилежно отъ прихода до выхода и, кромѣ оффиціальныхъ, не имѣлъ никакихъ другихъ сношеній съ своими сослуживцами. Матушка строжайше наказывала ему не дружиться съ молодыми людьми, судовыми чиновниками, которыхъ всѣхъ безъ исключенія считала повѣсами, и онъ свято исполнялъ ея наказы. Почти единственное его развлеченіе лѣтомъ составляла ловля раковъ, — забава, которую старушка очень одобряла, а въ зимніе вечера — чтеніе книгъ, въ которыхъ она не понимала никакого различія и признавала ихъ »хорошимъ дѣломъ« по одному тому, что онѣ — книги, а не карты или что-нибудь подобное. Эти два средства добрая деревенская барыня считала — какъ я теперь разумѣю — надежною охраною юности своего сына до тѣхъ поръ, пока онъ очутится въ спасительныхъ узахъ брака и найдетъ въ заботахъ о дѣтяхъ лучшія сред-

ства противъ разбитной жизни, губящей молодежь. Планъ ея былъ прекрасенъ. Она желала, чтобы ея милый Матюша, какъ она называла сына, послѣ женидьбы, продолжалъ служить въ судѣ до тѣхъ поръ, пока она будетъ въ силахъ управлять имѣніемъ, а потомъ воротился бы съ женой и дѣтками къ деревенской жизни, человѣкомъ почтеннымъ, знатокомъ судебныхъ казусовъ, въ чинахъ, а, можетъ быть, даже — почему же ей нельзя было разчитывать и на такое счастье?— можетъ быть, даже и съ орденомъ. И я увѣренъ, что все это такъ и могло бы быть. Спокойный нравъ, терпѣливость и постоянство Матвѣя Никитича были въ томъ порукою. Это была крѣпкая натура изъ многочисленнаго разряда натуръ, которымъ предназначено пережить всѣ общественные недуги, всѣ тяжкіе и неудачные опыты цивилизаціи и передать отдаленной будущности, изъ поколѣнія въ поколѣніе, здороваго Русскаго человѣка, со всею свѣжестью силъ, для великихъ подвиговъ ума и сердца. Такъ я думаю теперь о Померанцевѣ, узнавъ его ближе въ мои болѣе зрѣлые годы.... Въ описываемый моментъ Матвѣй Никитичъ представлялся мнѣ не болѣе, какъ только добродушнымъ простакомъ. Но это не мѣшало мнѣ переселяться въ его душу и чувствовать, какъ тяжелъ былъ для него первый обманъ сердца, отъ природы теплаго и вѣрующаго въ дружбу и любовь. Я долго не показывался ему на глаза, что-

бы дать ему время успокоиться. Я бродилъ кругомъ своей квартиры, разсматривая причудливую архитектуру сосѣднихъ домиковъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка, между горъ, и воротился только къ обѣду.

Все наше общество собралось уже въ кухнѣ. Столъ былъ накрытъ, и всѣ ожидали только моего возвращенія съ прогулки. Меня удивили спокойствіе Померанцева и веселость Ѳеклуши. Ѳеклуша придиралась къ нему съ игривостью молодого котенка, а онъ отражалъ ея нападки съ флегматическою небрежностью степеннаго барбоса. Что́ касается до Софьи Карловны и Степаниды, то это были настоящія жрицы кухни, почти исключительно занятыя тарелками, ножами, вилками, и сочувствовали гораздо сильнѣе какой-нибудь разбитой чашкѣ, нежели растерзанному сердцу.

Я радуюсь спокойствію Померанцева и заговариваю о ловлѣ раковъ. Намъ предстоитъ нѣкоторое затрудненіе по случаю праздничнаго дня, такъ какъ въ этотъ день старуха, владѣтельница лодки, навѣрное должна сидѣть съ своими сосѣдками на »приспѣ« своей хаты, и потому намъ не будетъ никакой возможности воспользоваться ея лодкою. Я предлагаю часть своего состоянія, чтобъ только развлечь Померанцева любимою его забавою. Померанцевъ великодушно отвергаетъ мою жертву и рѣшается заплатить старухѣ два гроша изъ собственнаго жалованья. Ѳеклуша осмѣ-

иваетъ въ одно и то же время мою бѣдность и скупость своего нареченнаго; но мы принимаемъ ея выходки съ спокойствіемъ стоиковъ и обѣдаемъ съ большимъ аппетитомъ, мечтая о зарѣчныхъ подвигахъ.

VII.

ПОМЕРАНЦЕВЪ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ДЛЯ МЕНЯ ВЪ ДРУГОГО ЧЕЛОВѢКА.

Послѣ этого достопамятнаго случая, наступило въ нашемъ быту обычное спокойствіе. Померанцевъ никогда не вспоминалъ о Селезневѣ и, кажется, старался выбросить его изъ памяти и изъ сердца. Зато онъ всё болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ. Онъ посвящалъ меня во всѣ тайны хозяйства своей матушки, передавалъ мнѣ свои разговоры съ нею и мечталъ предо мной вслухъ о томъ времени, когда онъ поселится въ деревнѣ и будетъ покоить ея старость. У него не было лучшей мечты: самая женидьба на Ѳеклушѣ едва ли занимала живѣе его воображеніе.

Иногда Матвѣй Никитичъ переходилъ къ своей службѣ и хвалился мнѣ вниманіемъ къ нему молодого судьи, который поручалъ ему повѣрку счетныхъ книгъ и просмотръ сомнительныхъ дѣлъ. Это увеличило его рвеніе къ служебнымъ занятіямъ,

такъ что онъ очень рѣдко въ будничный день отправлялся со мной за раками, — развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда судья уѣзжалъ на охоту, а старшіе члены суда пировали гдѣ-нибудь на именинахъ. Однажды онъ воротился изъ присутствія съ такимъ радостнымъ видомъ, что я тотъ-часъ спросилъ, не получилъ ли онъ какой награды?

»Представленъ за отличіе!« отвѣчалъ Померанцевъ, щелкнувъ надъ головой пальцами, съ несвойственною ему живостью.

Потомъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ судья поручилъ ему разсмотрѣть одно давнее »дѣло« и подвести статьи изъ Свода Законовъ, какъ подъѣзжала къ нему неправая сторона съ посулами черезъ одного изъ его сослуживцевъ, какъ онъ отвергъ всѣ искушенія и кончилъ свою работу къ совершенному удовольствію судьи. За столомъ въ кухнѣ онъ опять разсказалъ эту исторію; на другой день опять о ней вспомнилъ и, кажется, готовъ былъ ни о чемъ больше не говорить, какъ о своемъ подвигѣ и о представленіи къ чину за отличіе. Но къ матери онъ не написалъ объ этомъ радостномъ событіи: онъ намѣренъ былъ дождаться самого чина и тогда явиться къ ней въ полномъ торжествѣ.

Меня нѣсколько удивляло, что Матвѣй Никитичъ, возвысясь такъ по службѣ и во мнѣніи своего начальника, нисколько не перемѣнилъ свое-

го простого обращенія со мною, которому надобно было трудиться еще столько лѣтъ до полученія перваго офицерскаго чина. Онъ по-прежнему удостоивалъ меня своей откровенности и не оставлялъ меня даже тогда, когда я бывалъ занятъ уроками. Матвѣй Никитичъ бралъ одну изъ немногочисленныхъ своихъ книгъ, и между тѣмъ какъ я твердилъ puer, pueri, puero и т. д., онъ читалъ при свѣтѣ моей свѣчи о подвигахъ Бовы Королевича, которымъ онъ не могъ довольно надивиться. Часто я, оставивъ Латинскія склоненія, просилъ Матвѣя Никитича прочитать немного вслухъ. Онъ соглашался очень охотно, и тогда ужъ я не былъ въ состояніи оторваться отъ его чтенія до самого ужина.

За ужиномъ Матвѣй Никитичъ обыкновенно продолжалъ повѣствованіе о своемъ героѣ изустно, къ общему нашему удовольствію. Онъ помнилъ малѣйшія обстоятельства, упомянутыя въ книжкѣ, и я находилъ, что повѣсть о Бовѣ Королевичѣ гораздо занимательнѣе въ его разсказѣ, нежели въ чтеніи. Этому много помогало одушевленіе, въ которое приходилъ Померанцевъ во время своихъ разсказовъ. Не обращая вниманія на хохотъ Феклуши, онъ дѣлалъ жесты, живо рисовавшіе въ моемъ воображеніи описываемыхъ имъ героевъ, и когда говорилъ о сѣчѣ на мечахъ, то схватывалъ столовый ножъ и размахивалъ имъ надъ головой; а когда описывалъ славный ударъ копья,

то бралъ вилку и пырялъ ею въ воздухъ; ложка служила ему булавою, а тарелка щитомъ. Но въ особенности онъ былъ хорошъ въ ролѣ разскащика, за раками. Онъ истреблялъ ихъ множество, не переставая описывать кровопролитныя сраженія, и его тарелка, наполненная красною скорлупою, пустыми клешнями и тонкими лапками несчастливцевъ, представляла подобіе поля битвы, на которомъ подвизался Бова Королевичъ.

Не разъ я думалъ, слушая одушевленные разсказы Померанцева, что онъ по ошибкѣ родился въ наше мирное время. Ему бы слѣдовало явиться на свѣтъ во времена Еруслана Лазаревича, или Ильи Муромца. Я совершенно былъ убѣжденъ, что онъ не уступилъ бы имъ ни въ силѣ, ни въ смѣлости, ни въ той непоколебимой и безстрастной прямотѣ характера, которая отличаетъ этихъ сказочныхъ богатырей. Можетъ быть, онъ потому и увлекался ихъ подвигами, что въ собственной его натурѣ было много богатырскаго. Однимъ только онъ отличался отъ своихъ прототиповъ: въ немъ на ту пору было развито сильное чувство мести, тогда какъ они мстятъ съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ, съ какимъ засѣдаютъ за столами дубовыми, за скатертями браными и осушаютъ въ одинъ пріемъ по цѣлому котлу вина. Онъ, очевидно, былъ мельче этихъ великановъ Русскаго молодечества. Энтузіазмъ, съ которымъ онъ описывалъ богатырскіе подвиги Бовы

Королевича, переходилъ въ страстную раздражительность, когда онъ говорилъ о томъ, какъ Бова преслѣдовалъ вѣроломныхъ враговъ своихъ, какъ настигалъ ихъ и уничтожалъ однимъ взмахомъ своего меча. Въ эти минуты возлѣ Померанцева страшно было сидѣть: такъ онъ размахивалъ столовымъ ножомъ. Тутъ онъ даже терялъ для меня привлекательность своего добродушнаго характера. Я чувствовалъ, что въ глубинѣ его тихой души кипитъ затаенная месть къ Селезневу, о которомъ онъ никогда не упоминалъ послѣ извѣстнаго читателю случая.

Я не помню, чтобъ онъ до тѣхъ поръ приходилъ когда-нибудь въ волненіе: онъ даже ни разу не принимался за Бову Королевича, пока не поссорился съ Селезневымъ. Любимою его книгою въ то время была, по-видимому, »Сова, ночная Птица«. Иногда, лежа послѣ обѣда на постели, онъ доставалъ ее изъ-подъ своего изголовья, гдѣ у него хранилась вся библіотека, и прочитывалъ одинъ или два разсказа изъ воспоминаній Совы. Всего больше тѣшилъ его анекдотъ объ одной бабѣ, которая, прійдя въ первый разъ въ церковь, уснула на погостѣ и, когда зазвонили въ колокола, всполошилась и закричала:

»Ахъ, ты, мужъ мой телепень!
Ты не бей меня теперь:
Родилась — не была,
Умру — не пойду!«

Да́, ссора съ Селезневымъ произвела замѣтное вліяніе на характеръ Померанцева. Прежде онъ позволялъ себѣ иногда послѣ обѣда не являться на службу ради ловли раковъ. Теперь имъ, очевидно, овладѣло честолюбіе. Онъ просиживалъ въ судѣ вечера и иногда бралъ еще на домъ работу. Ловли раковъ онъ не оставилъ, но посвящалъ ей только воскресные и табельные дни. При этомъ его не останавливала никакая погода. Иногда на дворѣ бушевалъ такой вѣтеръ, что даже Софья Карловна безпокоилась за переправу черезъ рѣку и не позволяла мнѣ за нимъ слѣдовать. Онъ уважалъ ея опасенія въ отношеніи ко мнѣ, но о себѣ объявлялъ рѣшительно, что никакой вѣтеръ не мѣшалъ и не помѣшаетъ ему переправиться черезъ такую ничтожную рѣчонку, и что онъ не побоялся бы, съ хорошими гребцами и на доброй лодкѣ, переплыть и черезъ море.

Характеръ его былъ чуждъ хвастливости, и въ этихъ словахъ выражалось, я думаю, только сознаніе мужества, пробудившееся въ немъ послѣ претерпѣннаго имъ униженія. Никогда еще не приносилъ онъ изъ-за рѣки такихъ огромныхъ мѣшковъ, набитыхъ раками, никогда не обнаруживалъ такой силы, перерубливая бревна на дрова для Степаниды. Все, чѣмъ выражается крѣпкая натура мужчины, заговорило въ немъ послѣ неожиданнаго разрыва съ пріятелемъ; только поприще его было тѣсно и средства ничтожны. По-

тому Померанцевъ въ одно и то же время мнѣ внушалъ уваженіе къ себѣ, а въ Θеклушѣ возбуждалъ смѣхъ. Ни отважныя переправы черезъ рѣку, для того только, чтобы преслѣдовать бѣдныхъ обитателей подводныхъ норокъ, ни тяжелые мѣшки раковъ, ни страшная быстрота, съ которою изъ-подъ его топора летѣли во всѣ стороны щепья, ни энтузіазмъ, возбуждаемый въ немъ подвигами сказочныхъ героевъ, ничто въ Померанцевѣ не внушало уваженія этой легкомысленной, страстной, но не симпатичной дѣвушкѣ. Селезневъ однимъ своимъ костюмомъ, однимъ поклономъ, однимъ нѣжнымъ словцемъ затмилъ бы всѣ достоинства Померанцева, которому не доставало только образованнаго общества, чтобы развить прекрасные свои инстинкты.

Это я говорю смѣло, потому что даже я, съ ничтожными своими познаніями въ ариѳметикѣ, въ Русской грамматикѣ и въ рисованьи, имѣлъ на него неумышленное вліяніе. Померанцевъ часто по цѣлымъ часамъ вслушивался въ мое зубреніе уроковъ, или слѣдилъ за моимъ карандашемъ. Иногда онъ предлагалъ мнѣ прослушать меня, знаю ли я свой урокъ; и я сперва не удивлялся, когда онъ, не глядя въ книгу, поправлялъ мнѣ ошибку: я былъ увѣренъ, что онъ давнымъ-давно прошелъ все то, чему учили насъ въ училищѣ. Но однажды Матвѣй Никитичъ, къ моему

крайнему изумленію, попросилъ меня показать ему, какъ дѣлается сложеніе.

Я не могъ вообразить себя, въ чемъ бы то ни было, наставникомъ Матвѣя Никитича и, естественно, выразилъ свое удивленіе рядомъ вопросовъ.

Матвѣй Никитичъ отвѣчалъ мнѣ, съ обычнымъ своимъ простодушіемъ, что онъ ни чему не учился, кромѣ Русской грамотѣ у дьячка и »бросанью на счетахъ« у своей матушки.

Я сдѣлалъ передъ нимъ одну задачу, объясняя правила ариѳметическихъ пріемовъ съ такою подробностью, какъ-будто я былъ не ученикомъ, а учителемъ въ своемъ училищѣ; потомъ передалъ аспидную доску и грифель Матвѣю Никитичу.

Еслибъ я меньше зналъ Померанцева, я бы подумалъ, что онъ пошутилъ со мной шутку, прикинувшись простачкомъ. Онъ взялъ доску, написалъ подъ мою диктовку нѣсколько рядовъ цифръ и сдѣлалъ задачу сложенія безъ малѣйшей ошибки.

»Теперь покажи мнѣ, какъ дѣлается вычитаніе«, сказалъ онъ тѣмъ спокойнымъ голосомъ, которымъ просилъ за ужиномъ у Софьи Карловны »тарелочку супцу«.

Внѣ себя отъ удивленія и восторга (я любилъ Померанцева и не питалъ къ нему зависти), я готовъ былъ обнять и расцѣловать его; но въ его спокойномъ взглядѣ было что-то, охлаждающее излишніе порывы моихъ чувствъ: мнѣ было какъ-то неловко броситься къ нему на шею и при-

знаться, что я не считалъ его такимъ умницей. Я объясняю ему вычитаніе, называю по имени каждую сумму, дѣлаю повѣрку задачи посредствомъ сложенія и передаю доску Померанцеву. Ему ничего не стóитъ угадывать, сколько будетъ 5 изъ 12, или 4 изъ 11, или 8 изъ 15, чтó составляло нѣкогда для меня головоломный трудъ. Онъ рѣшаетъ задачу вычитанія такъ же, какъ и задачу сложенія, и восхищается секретомъ повѣрки съ такимъ видомъ, съ какимъ дѣти узнаютъ какой-нибудь фокусъ-покусъ.

»Да неужели для этого человѣка нѣтъ ничего труднаго, отъ ловли раковъ до таблички умноженія!« думаю я, и съ важнымъ видомъ развертываю передъ нимъ табличку умноженія.

Я читаю ее съ такими разстановками, какъ-будто передо мною »Сова, ночная Птица«, или »Бова Королевичъ«, и объясняю ему, чтó значитъ »четырежды, пятью, шестью« и т. д., хотя онъ объ этомъ и не спрашиваетъ.

Онъ беретъ у меня тетрадь, прочитываетъ раза два внимательно табличку умноженія и говоритъ, что это мудрая штука и что умный мужикъ былъ тотъ человѣкъ, который ее выдумалъ.

Я втайнѣ доволенъ, что для Померанцева нашелся наконецъ »камень преткновенія«, какъ говаривалъ нашъ приходской священникъ отецъ Лука, или »запятая«, какъ выражался батюшка.

Но отбросить прочь этотъ камень — моему бо-

гатырю стоило не больше труда, какъ Бовѣ Королевичу разрубить на двѣ части туловище Полкана. Вмѣсто того, чтобъ вызубрить табличку отъ $2 \times 2 = 4$ до $9 \times 10 = 90$, какъ сдѣлалъ въ свое время я, онъ высчитывалъ въ умѣ, сколько будетъ трижды четыре, пятью семь и т. д. и послѣ получаса такого упражненія, зналъ уже ее почти такъ же твердо, какъ и я самъ. Давно уже не видалъ я Матвѣя Никитича въ такомъ восторгѣ, какъ въ то время, когда онъ рѣшилъ первую задачу умноженія. Онъ даже прошелся по комнатѣ какимъ-то особеннымъ шагомъ, въ припрыжку, и щелкнулъ пальцемъ подъ носъ разбойнику и прохожему.

Тутъ уже я не могъ не выразить своего изумленія и объявилъ Померанцеву, что считаю его просто чудомъ между людьми.

»Что́ за чудо!« отвѣчалъ Померанцевъ. »Вотъ попробовалъ бы ты прочитать »дѣло« вышиною въ аршинъ, да разобрать, кто правъ, а кто виноватъ по законамъ: вотъ чудо, такъ чудо!«

И это не было хвастовствомъ со стороны Померанцева. Онъ не умѣлъ хвастать.

»Ну, что́ же дальше, Николаша?« обратился онъ ко мнѣ, пройдясь еще раза два по комнатѣ. »Право, чудесная штука эта ариѳметика! Не понимаю, что́ за забава играть въ карты. Вотъ забава! лучше и желать нечего.«

Эти слова совершенно уничтожили меня. Заба-

ва! То, что́ для меня составляло трудность непреодолимую, онъ называетъ забавою! Для меня легче было бы выучить всего Державина наизусть, чѣмъ узнать четыре ариѳметическія дѣйствія, а онъ считаетъ ихъ игрушкою! Никогда еще я не чувствовалъ, какъ я слабъ и ничтоженъ въ сравненіи съ Померанцевымъ — не чувствовалъ такъ сильно, какъ въ эту минуту, — никогда, даже и въ ту ночь, когда я прибѣжалъ искать у него защиты отъ покойнаго Хлопотова.

Мы уже хотѣли приступить къ четвертому ариѳметическому дѣйствію, какъ явилась къ намъ Ѳеклуша и выразила свое удивленіе, что мы до сихъ поръ не ложимся спать (это было послѣ ужина). Она никогда не позволяла намъ засиживаться и каждый день напоминала, что пора гасить огонь, потому что ея маменька не уснетъ, пока въ домѣ горитъ свѣча.

Мы ей повиновались безпрекословно, и это ни сколько не удивительно съ моей стороны. Но Померанцевъ зналъ по прежнимъ опытамъ, что Софьѣ Карловнѣ такъ же мало было нужды до горящей свѣчки, какъ и до моей ариѳметики. Онъ это зналъ, онъ высказалъ это мнѣ однажды потихоньку, и однакожъ никогда не противорѣчилъ Ѳеклушѣ. Въ его обращеніи съ нею было нѣчто подобное тому, что́ разсказываютъ о кротости Арабскихъ лошадей въ отношеніи къ дѣтямъ бедуина, котораго шатеръ служитъ имъ столомъ. Какъ бы

ни придиралась къ нему Ѳеклуша, какъ бы ни своевольничала, онъ все сносилъ съ улыбкой взрослаго, имѣющаго дѣло съ неразумнымъ ребенкомъ. Мало того: онъ, казалось, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы ей повиноваться. Никогда не позволялъ онъ себѣ ни малѣйшаго съ нею упрямства. Чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, просьба, желаніе и даже капризъ Ѳеклуши всегда были уважаемы. Еслибъ она велѣла ему остаться дома въ то время, когда у него въ судѣ лежало двадцать »входящихъ« нумеровъ, онъ бы остался. Еслибъ она не пустила его на ловлю раковъ, онъ и не подумалъ бы не послушаться. Онъ согласился бы даже, мнѣ кажется, нарушить приказаніе матери и не брать съ собой въ хуторъ постели, еслибъ только Ѳеклуша того потребовала.

Ничего нѣтъ, послѣ этого, удивительнаго, если Матвѣй Никитичъ спокойно остановилъ свои успѣхи въ ариѳметикѣ, помолился Богу и легъ спать.

Я, разумѣется, послѣдовалъ его примѣру. Но я былъ взволнованъ непонятнымъ для меня чувствомъ. То́ не было удивленіе къ способностямъ Померанцева, не была зависть къ его успѣхамъ, то́ былъ скорѣе восторгъ поэта, пораженнаго великимъ нравственнымъ явленіемъ. Дѣти не отдаютъ себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, но чувствуютъ тѣмъ не менѣе сильно, и высокое дѣйствуетъ на нихъ, можетъ быть, даже могущественнѣе (если взять во вниманіе послѣдствія), неже-

ли на людей взрослыхъ. Какъ бы то ни было, только я долго не могъ уснуть и началъ уже бояться, чтобъ со мной не повторилось видѣніе первой ночи, проведенной въ домикѣ Софьи Карловны. Вдругъ слышу легкій стукъ щеколды съ улицы.... Кровь во мнѣ застыла. Я закуталъ въ одѣяло голову, закрылъ глаза, заткнулъ пальцами уши и рѣшился пролежать такъ до свѣта, чтобъ ничего не видѣть и не слышать. Скоро, однакожъ, мнѣ сдѣлалось нестерпимо жарко подъ моимъ одѣяломъ. Я открылъ сперва одно ухо.... ничего не слышно; открылъ другое.... опять ничего; высунулъ изъ-подъ одѣяла носъ.... та же тишина; посмотрѣлъ однимъ глазомъ.... ничто не шевелится; посмотрѣлъ обоими.... въ комнатѣ сонный полумракъ. Луна тихо льетъ на полъ свой палевый свѣтъ. Я заглядѣлся на эту неподвижную полосу, отъ которой вся комната заимствовала свои мягкіе отблески, задумался о Матвѣѣ Никитичѣ, о Ѳеклушѣ, о Софьѣ Карловнѣ и незамѣтно уснулъ.

Первымъ моимъ дѣломъ, по пробужденіи на другой день, было — проэкзаменовать Матвѣя Никитича изъ таблички умноженія. Оказалось, что онъ зналъ ее еще тверже, нежели наканунѣ. Мы условились заняться въ-вечеру дѣленіемъ, которое было предѣломъ моихъ математическихъ знаній, а между тѣмъ я съ нетерпѣніемъ ожидалъ сви-

данія съ Діонисіемъ, чтобъ разсказать ему о необыкновенныхъ способностяхъ Померанцева.

Діонисій былъ человѣкъ очень начитанный. Кромѣ »Тысячи одной Ночи«, онъ помнилъ также хорошо всего Плутарха и могъ, не читая подписи, указать на приложенныхъ къ нему гравированныхъ картинкахъ Кимона, Перикла, Эпаминонда и кого вамъ угодно. Каждаго изъ этихъ господъ онъ зналъ такъ хорошо, какъ и любого купца въ городкѣ Н*; зналъ, какъ назывались ихъ жены, сыновья, дочери и внуки — если только они хоть разъ были упомянуты Плутархомъ. Мнѣ хотѣлось доказать Діонисію, что не въ одной древности были великіе люди, какъ до сихъ поръ онъ утверждалъ, и что, если Матвѣй Никитичъ не сдѣлался, то могъ бы сдѣлаться, знаменитымъ человѣкомъ. Въ этомъ я былъ отъ всей души убѣжденъ и никакъ не хотѣлъ поставить его ниже какого-нибудь Леонида. Еслибъ домикъ Софьи Карловны былъ Аѳины, а обрывъ, который за нимъ слѣдовалъ, Термопилы, то я нисколько не сомнѣвался, что Померанцевъ до тѣхъ поръ отражалъ бы Ксеркса, въ видѣ, положимъ, Хлопотова, пока бы побѣдилъ, или палъ на мѣстѣ, но назадъ не попятился бы. И что́ мнѣ толкуетъ Діонисій о просвѣщенности Перикла, или Александра Македонскаго! Пускай онъ дастъ Померанцеву въ наставники такихъ учителей, какихъ они имѣли, — Померанцевъ заткнулъ бы за

поясъ обоихъ Грековъ. Я не унижалъ героевъ Плутарха и Діонисія, я соглашался мысленно, что пройти черезъ безводную пустыню къ храму Юпитера Аммона вовсе не шутка, но переправиться черезъ нашу рѣку въ бурю, правя вмѣсто весла щепкою, тоже чего-нибудь стоило.

Проводя такимъ образомъ параллель между моимъ могущественнымъ пріятелемъ и предметами удивленія Діонисія, я поспѣшалъ въ училище, и лишь только звонокъ хромого Парамона освободилъ насъ отъ раздробленія именованныхъ чиселъ, разсказалъ своему школьному пріятелю подробно о вчерашнемъ открытіи.

Діонисій сперва долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы Померанцевъ никогда не учился ариѳметикѣ; но когда я обстоятельнѣе познакомилъ его съ этимъ диковиннымъ человѣкомъ, онъ предался удивленію, которое онъ чувствовалъ ко всѣмъ необыкновеннымъ людямъ, отъ Геркулеса до калифа Багдадскаго Гарунъ-аль-Рашида и Ильи Муромца.

Я уже и прежде заводилъ съ нимъ рѣчь о Померанцевѣ, но Діонисій какъ-то спокойно принималъ мои извѣстія; даже ловля раковъ не поражала его. Онъ говорилъ, что это вовсе не мудрено, а вотъ, дескать, поймай удочкою щуку въ полъ-аршина, или болѣе. такъ это будетъ похитрѣе искусство.

Съ этимъ я не могъ согласиться и думалъ, что

Діонисій, просто, пристрастенъ къ своей любимой забавѣ удить рыбу и не признаётъ ничего выше своего искусства. Теперь онъ заговорилъ о Померанцевѣ другимъ тономъ и желалъ съ нимъ познакомиться.

»Когда и какъ можно это сдѣлать?« спросилъ онъ.

Я сказалъ, что всего удобнѣе ему придти ко мнѣ завтра, въ воскресенье, и идти съ нами ловить раковъ.

Діонисій согласился на это очень охотно и явился на другой день въ назначенное время.

Я между тѣмъ предувѣдомилъ о немъ Померанцева. Матвѣй Никитичъ зналъ уже его заочно по моимъ разсказамъ, какъ отличнаго сказочника и человѣка очень ученаго. Онъ радъ былъ такому товариществу, и лишь только явился Діонисій, мы тотъ-часъ отправились въ свою экскурсію.

Не буду описывать подробностей нашей забавы. Скажу только, что Діонисій и Матвѣй Никитичъ взаимно понравились другъ другу и условились на будущее время всегда ходить на ловлю раковъ вмѣстѣ. Діонисій былъ двумя, или тремя, годами старше меня и ловилъ раковъ почти такъ же искусно, какъ и самъ Матвѣй Никитичъ. У него былъ собственный мѣшокъ, и онъ наполнилъ его почти до половины, что́ значительно возвысило его въ моемъ мнѣніи. Матвѣй Ники-

тичъ, напротивъ, смотрѣлъ на его искусство съ равнодушіемъ, которое изумило меня. Я думалъ сперва, что онъ только въ самомъ себѣ не придаетъ особенной цѣны непостижимому для меня присутствію духа, какое было нужно для того, чтобы сунуть руку въ нору, защищаемую страшно-растопыренными зубчатыми клешнями.

Но когда мы усѣлись полдничать, передъ закатомъ солнца, вокругъ горящаго костра, и Діонисій, по моей просьбѣ, принялся разсказывать изъ Плутарха о походахъ Александра Македонскаго, я видѣлъ по лицу Матвѣя Никитича, что́ происходило въ его душѣ. Сперва онъ спокойно ѣлъ свой кусокъ сала, прижаривая его на огнѣ; потомъ хотѣлъ отрѣзать себѣ еще кусокъ и остановилъ ножъ на переправѣ черезъ Геллеспонтъ. Когда же Александръ Македонскій началъ сражаться съ Персами при Граникѣ, Померанцевъ оставилъ ножъ и сало и, упершись обѣими ладонями въ свои колѣни, не сводилъ глазъ съ разскащика. Такъ онъ выслушалъ битвы при Иссѣ и при Арбеллахъ. Потомъ у него не стало терпѣнія сидѣть на мѣстѣ; онъ всталъ и — то́ подходилъ къ Діонисію съ заложенными за спину руками, съ выставленной впередъ грудью и закинутой назадъ головой (въ это время онъ представлялся мнѣ Александромъ Македонскимъ), то́ отступалъ отъ разскащика на нѣсколько шаговъ, махая рукой и покачивая головой въ знакъ не-

доумѣнія, какъ могли люди совершать такіе подвиги.

Я думаю, что Діонисій не пропускалъ ни одного слова противъ книги, или даже — что онъ разсказывалъ Плутарха съ собственными прикрасами: иначе онъ не могъ бы говорить безъ умолку такъ долго. Солнце уже сѣло, наступилъ настоящій вечеръ, а мы всё еще слушали его. Я подкладывалъ щепокъ въ огонь и наблюдалъ за Померанцевымъ. Александръ Македонскій стоялъ теперь для меня на второмъ планѣ. Наконецъ сердитый крикъ бабы съ другого берега прервалъ усладительную нашу бесѣду. Мы поспѣшили загнать стадо на рѣку, — при чемъ Померанцевъ превратился опять въ настоящаго пастуха, какъ-будто, нѣсколько минутъ назадъ, и не былъ Александромъ Македонскимъ — и, расположивъ такимъ образомъ старуху къ снисходительности, сѣли въ лодку.

Никогда я не могъ равнодушно видѣть этой рѣки, въ багрянцѣ запада, колеблющемся легкими ея струями, какъ живое золото; но въ этотъ вечеръ рѣка была особенно хороша. Чудно мѣнялся въ ея всколыханномъ зеркалѣ опрокинутый пейзажъ города, съ своими, изрѣдка пожелтѣвшими уже, садами и берегомъ, усыпаннымъ овцами и коровами. Блеянье и мычанье стада, потянувшагося въ ущелье извилистою дорогою, звонко раздавались надъ водой въ вечернемъ холод-

номъ воздухѣ; а между тѣмъ мѣсяцъ всплывалъ блѣднымъ, прозрачнымъ кругомъ на зарумянное небо. Однимъ словомъ — все было прекрасно и свѣжо, какъ мои тогдашнія чувства, согрѣтыя дружбою къ Померанцеву и Діонисію, котораго я теперь полюбилъ въ два часа гораздо больше, нежели во все прежнее мое знакомство съ нимъ.

Пока мы дошли до квартиры, онъ досказалъ намъ исторію Александра Македонскаго. У входа мы съ нимъ простились, взявъ съ него обѣщаніе придти къ намъ завтра вечеромъ съ какой-нибудь книгою.

Съ этого времени начался длинный рядъ вечеровъ, которые мы проводили втроемъ то́ въ чтеніи, то́ въ разсказахъ, то́ въ рисованьи. Рисовалъ собственно одинъ я. Матвѣй Никитичъ только слѣдилъ за моимъ карандашемъ, а Діонисій — эта истинная Шехеразада — безъ умолку разсказывалъ намъ исторію за исторіею. Ему очень нравилось мое рисованье; онъ былъ готовъ не умолкать цѣлый день, лишь бы только я рисовалъ для него; а я готовъ былъ не выпускать изъ рукъ карандаша, слушая его неистощимыя сказки, повѣсти и жизнеописанія великихъ людей.

Померанцеву нравилось то и другое въ одинаковой степени. Особливо былъ онъ доволенъ, когда Ѳеклуша приходила въ наше засѣданіе и, сидя за какимъ-нибудь шитьемъ или вязаньемъ, слушала краснобайство нашего гостя. Онъ пригла-

шалъ на наши вечера и Софью Карловну, но та отвѣчала словами: »И, что́ ужъ мнѣ сказки!« и оставалась въ кухнѣ съ глухою Степанидою.

Такимъ образомъ жизнь наша сгармонировалась лучше прежняго, не смотря на измѣну Селезнева. Померанцевъ сдѣлался настоящимъ моимъ товарищемъ, — не доставало только, чтобъ онъ ходилъ вмѣстѣ со мною въ училище; но онъ въ этомъ не нуждался. Прослушивая мои уроки, онъ удерживалъ въ памяти всю дребедень, которою набивали намъ головы, а ариѳметикою завладѣлъ до такой степени, какъ-будто не было такого и времени, когда онъ не зналъ ея. Мы жили въ совершенномъ согласіи, основанномъ на взаимномъ уваженіи. По крайней мѣрѣ я уважалъ Померанцева и Діонисія. Что́ касается до нихъ собственно, то имъ, пожалуй, не за что́ было уважать меня, но я зналъ, что они меня любили.

Даже Ѳеклуша въ это время сдѣлалась нѣсколько лучше. Она не такъ часто, какъ прежде, придиралась къ Померанцеву и перестала шнырять по всему дому, по огороду, по улицѣ, безъ всякой надобности. Ея движенія сдѣлались спокойнѣе; въ глазахъ появлялась иногда легкая задумчивость, которой такъ не доставало для ея дышащей жаромъ красоты. Она полюбила работу и просиживала по нѣскольку часовъ надъ пяльцами, не обращаясь ни къ кому съ рѣчью и неохотно отвѣчая на вопросы. Можно было бы по-

думать, что она о чемъ-то втайнѣ тоскуетъ, и я не разъ останавливался на мысли, что она тоскуетъ о Селезневѣ, который вдругъ пересталъ посѣщать ихъ постояльца; но лишь только Ѳеклуша поднимала на меня глаза, предположеніе мое уничтожалось: въ ея глазахъ было слишкомъ много радости и тихаго счастья; невозможно, чтобы она грустила о чемъ бы то ни было! Она счастлива своею молодостью и красотою, счастлива свободою, которая ей предоставлена, счастлива любовью и угожденіями домашнихъ....

VIII.

СТРАННАЯ БОЛѢЗНЬ ѲЕКЛУШИ, НЕОЖИДАННОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Такъ надобно было думать; такъ оно, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ было до нѣкотораго времени. Но потомъ всѣ мы замѣтили въ Ѳеклушѣ необыкновенную и внезапную перемѣну. Она опять сдѣлалась безпокойна, какъ прежде, только въ ней не стало прежней веселости. Она бродила по дому, какъ-будто ища кого-то, сердилась на каждаго за всякую бездѣлицу, не отвѣчала ни на чьи вопросы, или отвѣчала съ раздражительностію. За столомъ она ѣла очень мало противъ прежняго; перестала навѣщать ящики Померацева; часто

являлась съ заплаканными глазами; щеки ея поблѣднѣли; она замѣтно начала худѣть, и мы догадывались, что она проводитъ безсонныя ночи.

Трудно сказать, кто изъ насъ сильнѣе былъ пораженъ перемѣной Ѳеклуши. Софья Карловна была неспособна выражать — а, можетъ-быть, и чувствовать — ни сильной радости, ни глубокаго горя. Когда она чему-нибудь радовалась, ея холодная улыбка выказывала явственнѣе морщины, проложенныя давно забытымъ горемъ; когда она грустила, ея черты были неподвижны, какъ у мертвой, и она казалась спокойнѣе обыкновеннаго.

Степанида имѣла привычку часто вздыхать и охать, сама не зная отъ чего. Поэтому ея сожалѣнія о Ѳеклушѣ, сопровождаемыя охами, теряли для меня значительную часть своей выразительности.

Что́ касается Померанцева, то онъ только освѣдомился у Софьи Карловны, не больна ли Ѳеклуша, и, узнавъ, что она ни на что́ не жалуется, продолжалъ свои обычныя занятія съ прежнею исполнительностью и спокойствіемъ. Замѣтно однакожъ, было, что душа его томится тайнымъ горемъ. Онъ, очевидно, скучалъ за обѣдомъ и ужиномъ безъ придирокъ Ѳеклуши; онъ рѣдко просилъ теперь другую тарелочку супцу; уменьшилъ даже ломти хлѣба и хотя ѣлъ гречневую кашу, по-видимому, съ прежнимъ аппетитомъ, но его аппетитъ не производилъ уже на меня того сим-

патическаго дѣйствія, по которому образовалась въ народѣ пословица: *Въ гуртъ и каша пустя.*

Діонисій приходилъ къ намъ, по-прежнему, почти каждый день и до самого ужина занималъ насъ чтеніемъ, или пересказываньемъ читаннаго. Померанцевъ не сводилъ съ него глазъ, но уже не произносилъ поощрительныхъ для чтеца и разскащика восклицаній, въ родѣ *ага!* или *такъ его!... аи люли!... фи, фи!* и т. п., какъ бывало прежде. Я чувствовалъ, что для Діонисія теперь уже не такъ пріятно читать и ораторствовать передъ нами. Мнѣ самому какъ-то неохотно рисовалось: »нѣжная фумовочка« Якова Яковлевича начала мнѣ надоѣдать и я оттушевывалъ носъ и губы какого-нибудь Аннибала довольно шереховато. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ возбудительнаго сочувствія въ Померанцевѣ, охладило къ намъ Діонисія: онъ началъ посѣщать насъ рѣже и рѣже, и тогда бытъ нашъ сдѣлался истинно печальнымъ.

Наступили долгіе осенніе вечера. Иногда дождь начиналъ идти днемъ и всю ночь плескалъ вокругъ домика стекающею съ крыши водою. Твердя свои уроки, я часто прислушивался къ этому плеску; мнѣ чудилось, что кто-то торопливо пробѣгаетъ мимо домика, и это какъ-то странно меня безпокоило. Иногда Померанцевъ до самого ужина не приходилъ изъ суда, и тогда мнѣ становилось страшно оставаться въ своей комнатѣ.

Мнѣ всё казалось, что въ другой темной комнатѣ кто-то есть. Я переселялся туда съ своей свѣчею, чтобъ удостовѣряться, что никого нѣтъ; но тогда мнѣ вдругъ приходила на мысль женщина, сидящая надъ колыбелькой подъ окномъ въ моей коморкѣ. Я бралъ свѣчу и уходилъ поскорѣе въ кухню. Тамъ заставалъ я Софью Карловну за столомъ съ чулкомъ въ рукѣ, Степаниду за гребнемъ подлѣ нея, а насупротивъ Ѳеклушу, съ головой, задумчиво склоненной на руку. Она опять оставила всѣ работы и просиживала за столомъ цѣлые вечера. Иногда она казалась совершенно спокойною и бесѣдовала съ матерью и Степанидой о такихъ пустякахъ, которые могли занять только ребенка; иногда была молчалива и, положивъ на столъ обѣ руки, разсматривала ихъ съ какимъ-то тупымъ любопытствомъ. Руки ея потерялн прежній розовый цвѣтъ свой и бѣлѣли на темномъ дубовомъ столѣ, какъ слоновая кость. Часто она засучивала по локоть рукава своего платья и, протянувъ накрестъ по столу руки, смотрѣла на нихъ, склоня на бокъ голову; потомъ подпирала обѣими ладонями щеки и опускала внизъ глаза, въ глубокой задумчивости.

Я заводилъ съ Софьей Карловной и съ Степанидой разговоръ о прежнихъ временахъ, не безъ умысла развлечь этимъ Ѳеклушу; но она въ него не вмѣшивалась, и ей было все равно, плескала ли вода вокругъ домика, или журчали медленныя

и монотонныя старушечьи рѣчи. Меня самого утомляла эта бесѣда, и я съ восхищеніемъ бѣжалъ на-встрѣчу Померанцеву, заслышавъ его шаги въ сѣняхъ. Послѣ ужина я опять принимался за уроки, а Померанцевъ читалъ подъ мой лепетъ какую-нибудь книгу. Но онъ былъ очень разсѣянъ: это было замѣтно потому, что, читая, онъ часто возвращался назадъ и перечитывалъ страницы двѣ сызнова; а однажды я, къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ, что »Сова, ночная Птица« лежала передъ нимъ ногами къ верху. Когда я выразилъ свое удивленіе, Померанцевъ всталъ, бросилъ книжку на постель и началъ молча ходить по комнатѣ. Я подумалъ, что онъ на меня разсердился, и замолчалъ.

Но онъ никогда не сердился на меня, мой добрый Матвѣй Никитичъ; онъ находился тогда подъ вліяніемъ величайшаго безпокойства за здоровье Θеклуши. Онъ любилъ ее съ угодливостью матери, съ покорностью преданнаго слуги, съ терпѣливостью няньки. Видя, что разспросы только раздражаютъ печальную Θеклушу, онъ никогда не разспрашивалъ ее, о чемъ она тоскуетъ, или что́ у ней болитъ; онъ даже не смѣлъ ни о чемъ заговаривать съ нею, такъ какъ не былъ увѣренъ, что попадетъ въ ладъ съ непонятнымъ для него состояніемъ ея души. Только, когда мы садились за столъ и Померанцевъ приступалъ къ своей обычной обязанности кравчаго, онъ обра-

щался къ ней съ словами: »Я вамъ, Θекла Петровна, отрѣжу тоненькій ломтикъ хлѣбца«, или: »Вотъ, Θекла Петровна, для васъ жирный кусочекъ говядины«; но нужно было видѣть, съ какимъ взглядомъ это говорилось! Странно: кажется, и умный человѣкъ былъ Матвѣй Никитичъ, но никогда не умѣлъ сказать никакой нѣжности. А видно было, что ему очень хотѣлось бы поговорить отъ души съ Θеклушей. Но онъ напередъ чувствовалъ, что его рѣчь будетъ такъ шероховата, какъ сукно его сюртука, и молчалъ, — молчалъ и томился.

Такъ прошло недѣли двѣ, или больше. Однажды вечеромъ, когда Померанцевъ не возвращался еще изъ суда, Θеклуша вошла ко мнѣ и сѣла напротивъ меня за столикомъ. Я оставилъ свою книжку и хотѣлъ занять ее разговоромъ о ветхости крыши и о томъ, что не худо бы весною починить ее.

Но Θеклушу такъ мало занимала крыша и ея ветхость, какъ и мои латинскія склоненія. Она печально улыбнулась и, не отвѣчая мнѣ ни слова, продолжала смотрѣть на меня съ такимъ видомъ, какъ-будто искала въ моемъ лицѣ съ кѣмъ нибудь сходства, или доискивалась въ немъ незамѣченнаго прежде выраженія.

Тогда я предложилъ ей прочитать изъ Плутарха объ Алкивіадѣ.

Она отрицательно покачала головой.

Я спросилъ, не больна ли она?

Ѳеклуша отвѣчала отрывисто и печально: »Нѣтъ!« и, положа на мой столикъ обнаженныя по локоть бѣлыя и полныя руки, начала ихъ разсматривать, склоня на бокъ голову. Лице ея исполнено было глубокой меланхоліи.

Посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени и видя, что она не перемѣняетъ положенія и не желаетъ, по-видимому, говорить со мной, я углубился въ свою книжку и началъ шепотомъ заучивать исключенія изъ правилъ второго склоненія Латинскихъ существительныхъ. Черезъ минуту я почувствовалъ, что взглядъ Ѳеклуши устремленъ на мое лице. Я поднялъ голову.

Она хотѣла что-то сказать; но послышались шаги Померанцева, и она не произнесла ни слова.

Матвѣй Никитичъ съ явнымъ удовольствіемъ увидѣлъ ее на нашей половинѣ, куда она давно уже не показывалась, и даже осмѣлился объявить ей, что на дворѣ прекрасная погода и что мѣсяцъ сіяетъ, какъ солнце. Это именно было его выраженіе, и видно было, что онъ былъ доволенъ прекраснымъ оборотомъ, который удалось ему сдѣлать. Но какъ бы ни сіялъ мѣсяцъ, для Ѳеклуши было все равно. Померанцевъ тотчасъ это почувствовалъ, взглянувъ на ея печальное лице, и молча повѣсилъ свой картузъ на гвоздь, поддерживавшій разбойника и прохожаго.

Ѳеклуша встала и ушла въ кухню, а вслѣдъ

за ней и мы, потому что къ ужину ожидали только прихода Померанцева.

На другой день, когда я сбиралъ свои книги и тетради, чтобъ идти въ училище, Ѳеклуша вдругъ подошла ко мнѣ и шепнула, чтобъ я остался, пока уйдетъ на службу Померанцевъ.

Я зналъ, что этакъ опоздаю въ училище и простою до перемѣны часовъ въ углу, какъ это была общая участь всѣхъ поздно приходящихъ; но я не могъ и подумать о томъ, чтобъ не исполнить желанія Ѳеклуши: такъ я сроднился съ Померанцевымъ въ чувствахъ къ этой бѣдной дѣвушкѣ и такое внушала она мнѣ участіе своею нѣмою горестью. Итакъ я замѣшкался съ умысломъ и возился до тѣхъ поръ съ своими тетрадями, пока Матвѣй Никитичъ, соскучась меня ждать, ушелъ.

Ѳеклуша осталась со мной наединѣ.

»Ты сегодня не ходи въ училище«, сказала она.

»Какъ можно?« отвѣчалъ я. »Яковъ Яковлевичъ меня безъ обѣда оставитъ.«

»Не оставитъ: скажешь, что у тебя сапоговъ не было.«

Дѣйствительно, это у насъ была самая лучшая отговорка.

»Зачѣмъ же мнѣ оставаться дома?« спросилъ я.

»Я хочу просить тебя объ одномъ дѣлѣ.«

»Извольте!« сказалъ я, обрадовавшись: »я готовъ все для васъ сдѣлать.«

»Но ты никому не скажешь?«

»Никому.«

»Побожись!«

Я побожился. Ѳеклуша прошлась по комнатѣ.

»Ты знаешь домъ купца Сорокина?« спросила потомъ она.

»Знаю.«

»А знаешь, кто тамъ квартируетъ?«

»Знаю.«

»Видалъ ты его когда-нибудь?«

»Селезнева? видѣлъ. Однажды онъ проходилъ мимо нашего дома, и Степанида мнѣ указала: »Вотъ »Селезневъ идетъ! а къ намъ и черезъ порогъ не »плюнетъ.« Я видѣлъ его тогда, и онъ показался мнѣ красавцемъ. Но я не люблю его за Померанцева.«

»Вотъ письмо«, сказала Ѳеклуша съ волненіемъ и вынула изъ-подъ косынки пакетъ, сложенный треугольникомъ.

»Къ нему?« спросилъ я съ удивленіемъ.

»Къ нему«, отвѣчала она, покраснѣвъ.

»Какъ же это?...« началъ было я.

Она зажала мнѣ ротъ рукою.

»Молчи.... это мое дѣло. Ты только доставь и молчи.«

»Пожалуй, я доставлю. Но что́ мнѣ сказать ему?«

»Ничего, только подай; а когда прочитаетъ, ты спроси, когда будетъ отвѣтъ.«

»Хорошо. Сейчасъ и идти?«

»Сейчасъ. Только не входи въ домъ, а дождись на улицѣ, пока онъ выйдетъ на службу. Онъ черезъ полъ-часа, или черезъ часъ непремѣнно выйдетъ. Ты и подай ему. Но смотри, никому ни полъ-слова.«

»Объ этомъ не безпокойтесь«, сказалъ я и отправился, положивъ письмо въ картузъ.

Я такъ и догадывался, что Ѳеклуша встосковалась по Селезневѣ; но тѣмъ не менѣе ея признаніе удивляло меня. Я не могъ понять, какъ она могла такъ долго притворяться спокойною, какъ она умѣла столько времени преодолѣвать себя и уступила своимъ чувствамъ только тогда, когда тоска отняла у нея сонъ, аппетитъ и согнала съ ея щекъ румянецъ. Я не считалъ ее способною къ такой сильной привязанности и къ такому постоянству. Теперь я смотрѣлъ на нее, какъ на Миликтрису Кирбитьевну, и охотно игралъ для нея роль »вѣрнаго слуги Личарда«. Мнѣ было нѣсколько совѣстно въ отношеніи къ Померанцеву, но я не имѣлъ права открыть ему Ѳеклушину тайну; а я ли снесу письмо Селезневу, или глухая Степанида, не все ли для него равно?

Гораздо сильнѣе занимала меня мысль о томъ, *кому* я взялся доставить посланіе нѣжной Ѳеклуши. Не лучше ли бы я сдѣлалъ, еслибъ разсказалъ ей, какъ Селезневъ поступилъ съ Померанцевымъ, и отсовѣтовалъ ей послать письмо къ этому холодному и наглому человѣку, которому,

очевидно, наскучило прежнее знакомство, и онъ перемѣнилъ его на новое? Отсовѣтовалъ.... но развѣ она послушается меня? Она не слушалась никого, кромѣ своего сердца; она ни съ кѣмъ не совѣтовалась, ничего не обдумывала. Она не умѣла думать: она умѣла только чувствовать и любить. И она любила его со всѣмъ безразсудствомъ своего возраста и темперамента: иначе она не рѣшилась бы ввѣрить школьнику письмо, которое онъ могъ прочитать вмѣстѣ съ Діонисіемъ и сдѣлать ея исторію столь же общензвѣстною въ городкѣ Н*, какъ и сказка о Бовѣ Королевичѣ. Но я былъ далекъ отъ нарушенія данной клятвы....

Не даромъ Померанцевъ объявилъ вчера, что на дворѣ прекрасная погода. Послѣ ненастныхъ дней, небо наконецъ прояснилось. Домъ купца Сорокина еще издали сверкалъ противъ солнца своими большими и свѣтлыми окнами. Но этотъ блескъ не веселилъ меня, какъ прежде. Я предчувствовалъ, что изъ моего посольства не будетъ добра. Кромѣ того, мнѣ не хотѣлось видѣть Селезнева, котораго я ненавидѣлъ послѣ разсказа о немъ Матвѣя Никитича. Но теперь было уже поздно. Я долженъ исполнить данное мнѣ порученіе, какъ истинный Личарда.

И вотъ я прохаживаюсь взадъ и впередъ мимо воротъ квартиры Селезнева, нося въ головѣ трогательный образъ Ѳеклуши, разсматривающей съ

нѣмой тоскою свои обнаженныя руки. Я боюсь подать горожанамъ подозрѣніе на-счетъ своего посольства и стараюсь играть роль школьника, который, не выучивъ урока, не смѣетъ явиться въ училище и шляется по улицамъ безъ цѣли. То́ останавливался я противъ воротъ постоялаго двора и разсматривалъ прислоненныя къ телегамъ огромныя раскрашенныя дуги, то́ слѣдилъ за проказами козла, отправляющагося, вслѣдъ за лошадьми, къ водопою. Но въ сущности я ничего не слѣдилъ. Глаза мои безпрестанно обращались къ дому купца Сорокина.

Наконецъ отворилась калитка, и въ ней показалась щеголеватая фигура Селезнева, съ тросточкой въ рукѣ и въ шляпѣ, надѣтой нѣсколько на-бекрень.

Я далъ ему отойти отъ дому нѣсколько шаговъ, потомъ перерѣзалъ ему дорогу и, не говоря ни слова, подалъ письмо.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ смущеніемъ; потомъ принялъ строгій видъ и спросилъ:

»Что́ это за письмо? Отъ кого это?«

»Извольте прочитать, увидите«, отвѣчалъ я.

»Но кто тебя послалъ съ нимъ?« продолжалъ онъ, не принимая письма.

Мнѣ не хотѣлось произнести имя Ѳеклуши, въ отвѣтъ на его грубый тонъ, и я сказалъ, что велѣли только отдать по адресу, а отъ кого — это не мое дѣло знать.

Онъ протянулъ руку въ чёрной перчаткѣ къ письму и взялъ его небрежно указательнымъ и среднимъ пальцами, какъ бы сдѣлалъ своей клешней ракъ; но эти пальцы дрожали. Сломавъ печать, не прикасаясь къ письму другой рукой, въ которой держалъ онъ тросточку, онъ пробѣжалъ его, съ видомъ человѣка, который напередъ знаетъ содержаніе докучливаго посланія, и, отдавая мнѣ обратно, сказалъ:

»Я не знаю никакой Θеклы X. и не понимаю, чего она отъ меня хочетъ; а тебя прошу не носить ко мнѣ этакихъ писемъ, ато будетъ тебѣ плохо.«

И, помахивая тросточкой съ самымъ беззаботнымъ и самодовольнымъ видомъ, онъ продолжалъ свой путь къ присутственнымъ мѣстамъ.

Я долго не могъ опомниться отъ изумленія; я держалъ письмо въ рукѣ и слѣдилъ за удалившимся Селезневымъ почти съ тѣмъ же отсутствіемъ вниманія, съ какимъ недавно слѣдилъ за козломъ, провожавшимъ лошадей къ водопою. Въ это время я былъ не посланцемъ Θеклушки, а самою Θеклушею. Селезневъ уничтожилъ меня своимъ отреченіемъ отъ знакомства съ нею, такъ что на нѣсколько минутъ я лишился способности думать о чемъ бы то ни было, кромѣ того, что онъ »не знаетъ никакой Θеклы.«

Я отъ-части предвидѣлъ его отвѣтъ, но никогда не думалъ, чтобы такъ ужасно было чувствовать

себя опровергнутымъ. Еслибъ она не такъ сильно его любила, еслибъ она не изнывала по немъ, еслибъ не теряла надъ собой воли изъ непостижимой для меня привязанности къ этому человѣку, отреченіе его не произвело бы на меня такого впечатлѣнія. Но теперь я весь былъ проникнутъ этимъ олицетвореніемъ безпомощнаго горя, этимъ блѣднымъ образомъ еще недавно цвѣтущей дѣвушки, изъ которой какъ-будто ночной вампиръ высосалъ кровь и вмѣстѣ съ кровью всю живость чувствъ, всю сердечную веселость. Ѳеклуша теперь ужъ не была для меня вѣтренною и пустою дѣвочкою. Ея страданія изгнали изъ моей души всѣ невыгодныя для нея впечатлѣнія; состраданіе мое творило изъ нея жертву, искупающую грѣхи, внѣдренные въ нее отъ рожденія. Чистый образъ любящей женщины возникнулъ какъ-бы чудомъ въ моемъ сердцѣ, и этотъ образъ, вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, попрали ногами. Вотъ почему я такъ сильно былъ пораженъ оскорбительнымъ отвѣтомъ Селезнева.

Я стоялъ на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду; потомъ отправился съ поникшей головой къ Ѳеклушѣ. Что́ я скажу ей? Если *я* такъ сильно почувствовалъ всю горечь его отвѣта на ея посланіе, то что́ же будетъ съ *нею?* Но выдумать менѣе ужасный отвѣтъ я не въ состояніи. Если я солгу языкомъ, то глаза мои скажутъ правду. Да и къ чему по-

служитъ ложь? Лучше пускай узна́етъ, какой негодяй этотъ лайковый Селезневъ, котораго она предпочла доброму и преданному Матвѣю Никитичу, пускай пойметъ между ними разницу, перестрадаетъ свое горе и привяжется на-вѣки къ Померанцеву! Сама судьба дѣйствуетъ въ его пользу. Матвѣй Никитичъ не ошибается въ своей увѣренности, что изъ Θеклуши выйдетъ прекрасная жена. Можетъ быть, для того она теперь и страдаетъ, для того и поругана ея любовь къ недостойному, чтобъ она остепенилась и сдѣлалась женщиною, достойною Померанцева.

Такъ—или по крайней мѣрѣ въ этомъ родѣ—философствовалъ я, возвращаясь домой съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ, и не могу теперь припомнить, какимъ образомъ отъ сильныхъ чувствъ и глубокихъ размышленій я перешелъ къ простому дѣтскому любопытству. Можетъ быть, я сперва въ разсѣянности поднялъ руку съ листкомъ бумаги въ уровень съ глазами, потомъ нечувствительно увлекся чтеніемъ и позабылъ, что не все то можно читать, что́ распечатано.

Письмо Θеклуши было написано прекрасно. Не знаю, какимъ бы оно показалось мнѣ теперь, но сколько я ни читалъ въ то время, вмѣстѣ съ Діонисіемъ и Померанцевымъ, писемъ отъ влюбленныхъ принцессъ къ храбрымъ и великодушнымъ рыцарямъ, ни одно не трогало до такой степени моего сердца. Правда, эта Миликтриса Кир-

битьевна была мнѣ знакома лично, я любилъ ее и сочувствовалъ ея горю, но всё таки надо предположить, что въ ея письмѣ было много естественнаго краснорѣчія любящей женщины, иначе оно не показалось бы мнѣ такимъ складнымъ. Описавъ свою гореcть, Θеклуша выражала недоумѣнія, зачѣмъ Селезневъ *ихъ* оставилъ. Я догадался, что множественное число употреблено здѣсь только для благовидности и подразумѣвалъ подъ словомъ *ихъ* мѣстоименіе личное перваго лица, въ единственномъ числѣ. На счетъ причины его отсутствія, она дѣлала разныя предположенія; но всѣ они давно уже вылетѣли у меня изъ памяти, кромѣ одного, которое поразило меня чрезвычайно. Въ посланіи Θеклуши упоминалось о моемъ письмѣ къ батюшкѣ и говорилось, что на людей смотрѣть нечего, если Богъ благословитъ ихъ любовь. Я не могъ понять, какъ сюда замѣшалось мое письмо и зачѣмъ ей нужно было увѣрять Селезнева, что я для нихъ нисколько не опасенъ.... Чѣмъ дальше, тѣмъ письмо дѣлалось для меня темнѣе. Дочитавъ до конца, я хотѣлъ было начать сызнова, да, поднявъ глаза, увидѣлъ передъ собой свою квартиру.

Θеклуша выбѣжала ко мнѣ на-встрѣчу. Къ счастію, она не видала, какъ я дочитывалъ ея письмо, и спросила съ видомъ человѣка, который желаетъ и боится узнать страшную новость:

»Что?...«

Я вздрогнулъ: такъ много въ этомъ вопросѣ было тревоги, и, вмѣсто отвѣта, подалъ ей распечатанное письмо.

Она схватила бумагу, какъ платокъ или салфетку. Боже мой! какъ страшно трепетали ея руки!

»Что́ онъ сказалъ?« проговорила она.

Невозможно было противиться этому вопросу. Еслибъ я твердо рѣшился утаить отъ нея отвѣтъ Селезнева, то и тогда мой языкъ повторилъ бы его машинально.

»Онъ это сказалъ?« вскричала Ѳеклуша.

»Сказалъ.«

»Это его собственныя слова?«

»Да.«

»Повтори еще разъ, какъ именно онъ сказалъ.«

Я повторилъ, не перемѣнивъ ни одного слова.

Ѳеклуша закрыла лице обѣими руками и бросилась въ свою лѣтнюю спальню. Я остался за порогомъ сѣней и слышалъ ея глухіе стоны.... Тяжела была для меня эта минута!

IX.

КОНЕЦЪ ИСТОРІИ СОФЬИ КАРЛОВНЫ.

Я не рѣшился войти въ квартиру до возвращенія Померанцева и пробродилъ все время, до выхода его изъ суда, по оврагамъ и извилистымъ улицамъ городка Н*. Когда я воротился, онъ былъ

уже дома, и первымъ его словомъ ко мнѣ было извѣстіе, что Ѳеклуша больна. Это не было для меня новостью: странно было бы, еслибъ она осталась здоровою. Но болѣзнь ея обнаруживалась только глухими рыданіями, которыхъ причины не зналъ никто, кромѣ меня.

Какой жалкій былъ у насъ обѣдъ безъ Ѳеклуши! Степаниду сбила съ толку первая болѣзнь ея баловницы (до сихъ поръ Ѳеклуша всегда была здорова), и она подала на столъ гречневую кашу прежде борща. Померанцевъ, по своему обыкновенію, отрѣзалъ большой ломоть хлѣба, но положилъ его не подлѣ себя, а на томъ мѣстѣ, которое занимала всегда Ѳеклуша: для себя онъ отдѣлилъ такой крошечный ломотикъ, какъ-будто *онъ* былъ боленъ, а не его нареченная. Одна Софья Карловна сохранила почти неизмѣнно прежнее спокойствіе; только, когда ей попадались кусочки, которые Ѳеклуша особенно любила, она посматривала на порожнее мѣсто за столомъ, и холодная слеза катилась по ея мертвенно-спокойному лицу.

Послѣ обѣда я отправился въ училище, а Померанцевъ на службу; но, воротясь изъ училища, я засталъ его уже дома. Онъ стоялъ въ сѣняхъ и прислушивался къ тихимъ стенаніямъ Ѳеклуши. Увидя меня, онъ тотъ-часъ ушелъ изъ сѣней: ему не хотѣлось даже и передо мной обнаружить, до какой степени его душа поражена ея болѣзнью.

Ѳеклуша не пускала никого къ себѣ въ чуланъ, ни матери, ни Степаниды: она предавалась отчаянью съ раздражительностью натуръ, въ которыхъ сердце развито на-счетъ умственныхъ силъ. Мы съ Померанцевымъ провели нѣсколько самыхъ тягостныхъ часовъ, какіе только случалось мнѣ проводить. Ни я, ни онъ не имѣли духу ничѣмъ заняться. Книги, принадлежащія намъ, или доставленныя для прочтенія Діонисіемъ, показались намъ теперь такою пыльною ветошью, о которой не стоило и думать. Я былъ въ состояніи только графить свои тетрадки, а Померанцевъ то́ лежалъ на постели, то́ шагалъ по комнатѣ, то́ уходилъ въ кухню и сидѣлъ съ Софьей Карловной.

Ужинъ былъ почти только обрядомъ: ни у кого не было аппетита. Ѳеклуша не явилась и къ ужину, не смотря на всѣ убѣжденія матери, которая долго стояла у двери и молила ее выдти. Померанцевъ намѣренъ былъ утромъ позвать лекаря. Это значительно успокоило всѣхъ насъ, или по крайней мѣрѣ одного меня. Я считалъ тогда медицицу такимъ же вѣрнымъ дѣломъ, какъ всѣ ремесла.

Послѣ ужина мы долго оставались въ кухнѣ съ Софьей Карловной. Померанцевъ, Степанида и Софья Карловна дѣлали разныя предположенія касательно болѣзни Ѳеклуши и походили на слѣпцевъ, которые ищутъ вещи, спрятанной отъ нихъ зрячимъ. Мнѣ было смѣшно и грустно. Ближе

всѣхъ къ истинѣ была Степанида, которая съ перваго разу предложила мнѣніе, что какой-ни-будь злой человѣкъ взялъ земли изъ-подъ ступени Ѳеклуши и заколдовалъ ея сердечко.

На это Померанцевъ отвѣчалъ, что еслибъ онъ зналъ, кто осмѣлился это сдѣлать, такъ онъ изломалъ бы его, какъ лучинку, искрошилъ бы въ крошево, измололъ бы въ муку. Къ счастью, его подозрѣніе не падало на Селезнева, ато бы онъ — я увѣренъ — въ тогдашнемъ расположеніи духа раздѣлался съ нимъ такъ, какъ какой-нибудь богатырь съ Змѣемъ-Горынычемъ.

Мы ушли изъ кухни на другую половину очень поздно. Въ прежнее время Ѳеклуша давно бы уже напомнила намъ, что пора гасить свѣчу. Но она уже недѣли двѣ объ этомъ не напоминала. Ей не было теперь дѣла ни до костюма Померанцева, ни до скупости его матери, ни до его привычекъ, ни до огня въ домѣ.

Странное чувство примѣшалось въ этотъ вечеръ къ нашему общему горю. Мы позабыли, что пора спать. Намъ какъ-будто кто приказалъ быть на сторожѣ и не гасить огня во всю ночь. Мы томились какимъ-то неяснымъ ожиданіемъ. Малѣйшій шумъ на улицѣ или въ домѣ, или на чердакѣ заставлялъ насъ прерывать всякое движеніе, прислушиваться къ нему и съ усиліемъ стараться разгадать его причину. Было ли это предчувствіе, или тревожное состояніе нашихъ

душъ, только мы находились въ положеніи людей, съ которыми должно́ было случиться что-то необыкновенное....

Въ городкѣ Н* съ десяти часовъ вечера наступаетъ обыкновенно такая тишина, какой въ многолюдныхъ городахъ не бываетъ и за-полночь. Въ ту ночь небо было покрыто тучами, сквозь которыя лишь изрѣдка проглядывалъ мѣсяцъ, и то какъ-будто для того только, чтобъ показать, какъ быстро гонитъ ихъ и рветъ въ лохмотья вѣтеръ. Я нѣсколько разъ смотрѣлъ на небо сквозь тусклыя стекла нашихъ оконъ. Всякій разъ поражало меня странное явленіе, которое, разумѣется, совершалось не въ природѣ, а въ моемъ встревоженномъ воображеніи. Мнѣ казалось, что тучи несутся прямо къ нашему домику, что онѣ собираются надъ нимъ густыми массами и готовятся хлынуть на него такимъ дождемъ, который подмоетъ своими потоками его сваи и опрокинетъ домикъ съ косогора. Этому впечатлѣнію помогало то обстоятельство, что мѣсяцъ часъ отъ часу свѣтилъ тусклѣе, показывался рѣже и рѣже, и наконецъ только свѣтлое пятно, подобно фонарю въ туманѣ, бѣжало по небу въ противную отъ меня сторону, то́ утопая въ волнистой темнотѣ, то́ опять появляясь на томъ же мѣстѣ. Вѣтеръ страшно напиралъ съ улицы въ стѣну домика. Мнѣ чудилось, что ветхія дранички на кровлѣ

трещатъ, приподымаясь къ верху и что стѣны слегка пошатываются.

»Неужели это послѣдняя ночь для домика Софьи Карловны?« мысленно спрашивалъ я себя, но боялся сообщить свои опасенія Померанцеву, который расхаживалъ въ задумчивости по комнатѣ. Не зная, однакожъ, въ чемъ найти себѣ опору противъ ужаса, обнимавшаго меня болѣе и болѣе, я сѣлъ на постелѣ Померанцева, какъ-будто это былъ утесъ, котораго никакая буря не сдвинетъ съ мѣста. Обезопасивъ себя такимъ образомъ, я обратилъ все свое вниманіе на Матвѣя Никитича. Мнѣ было очень жаль его. Я видѣлъ, какъ онъ страдаетъ отъ невозможности помочь своему горю, и онъ мнѣ казался тѣмъ болѣе жалкимъ, что даже не зналъ причины страданій Ѳеклуши.

Вниманіе мое было развлечено наконецъ какимъ-то необыкновеннымъ шумомъ въ сѣняхъ: что-то странно взвизгнуло и застонало. Я оцѣпенѣлъ на своемъ мѣстѣ. Померанцевъ приподнялъ голову и прислушивался. Это заскрыпѣла дверь въ чуланѣ у Ѳеклуши. Мы обрадовались: мы думали, что Ѳеклуша идетъ къ матери. Но, вмѣсто извѣстнаго дребезжанья щеколды у двери, ведущей въ кухню, послышался намъ визгъ засова, которымъ запиралась дверь съ улицы. Дверь захрипѣла густымъ басомъ на толстыхъ петляхъ своихъ, захлопнулась, и снова ничего не было слышно, кромѣ шума и завыванья вѣтра.

»Что́ бъ это значило?« спрашивали мы другъ друга глазами, и никто не хотѣлъ заговорить первый, какъ-бы изъ опасенія проронить какой-нибудь звукъ на улицѣ.

Но на улицѣ ничего не было слышно, кромѣ шума и завыванья вѣтра.

Прошло съ четверть часа; Θеклуша не возвращалась. Мнѣ вдругъ пришло на мысль: »что́, если Θеклуша лишилась разсудка?«

»Матвѣй Никитичъ!« сказалъ я, »знаете ли, что́ мнѣ кажется? Не дай Богъ....«

»Правда, правда!« вскричалъ онъ, не дослушавъ меня и взявши картузъ, поспѣшилъ на улицу.

Я вышелъ за нимъ слѣдомъ.

На дворѣ темнота была страшная. Вѣтеръ сбивалъ меня съ ногъ. Я тотъ-часъ потерялъ изъ виду Померанцева. О Θеклушѣ и говорить нечего. Сквозь шумъ деревьевъ сосѣдняго сада и свистъ вѣтра подъ крышею нашей квартиры, раза два или три послышались мнѣ вдали ея вопли, похожіе на крики луговой чайки въ бурю. Я постоялъ немного въ недоумѣніи, что́ мнѣ дѣлать, и воротился въ квартиру.

Что́ за грустная представилась мнѣ тамъ картина! Двѣ оторопѣлыя старухи, уцѣпясь руками за дверныя косяки, выглядывали на улицу. Вѣтеръ дулъ имъ въ лице, трепалъ ихъ платьями и рвался въ сѣни, чтобъ погасить сальный ога-

рокъ, который своимъ невѣрнымъ, мигающимъ свѣтомъ обрисовывалъ ихъ темные силуэты. Вдругъ хлынулъ проливной дождь. Мы должны были затворить дверь и удалились въ кухню, предоставя Померанцеву отыскивать Θеклушу.

Софья Карловна потихоньку плакала и говорила только:

»Боже мой! какая я несчастная!«

Но ея слезы были, казалось, холоднѣе дождя, бившаго въ окна; а въ тонѣ ея голоса менѣе выражалось чувства, нежели въ этомъ завываньи вѣтра, который какъ-будто рыдалъ по покойникѣ, и торжествовалъ какую-то побѣду, и грозилъ какимъ-то страшнымъ событіемъ. Но послѣ того, что́ случилось въ этотъ вечеръ, для меня ничего не было страшнаго. Я даже пересталъ опасаться разрушенія дома, какъ-будто сидѣлъ уже на его развалинахъ. Я боялся только идти на другую половину. Въ ожиданіи Померанцева, я пошелъ за перегородку, прилегъ на постель Софьи Карловны и нечувствительно уснулъ.

Проснувшись на другой день утромъ, я очень удивился, увидя себя въ своей комнатѣ, на своей постели. Я рѣшительно не помнилъ, какъ перевели меня сюда соннаго изъ кухни.

Постель Померанцева оставалась нетронутою. Даже то мѣсто, которое означилось на ней отъ моего сидѣнья, было еще замѣтно. Мнѣ сдѣлалось

страшно, когда я подумалъ, что ночевалъ одинъ на этой половинѣ, и я поспѣшилъ въ кухню.

Я нашелъ Софью Карловну и Степаниду уже за ихъ обычными занятіями и не имѣлъ духу спросить у нихъ, воротилась ли Ѳеклуша? Я попросилъ Степаниду дать мнѣ умыться и, умываясь, слѣдилъ за нею и за Софьей Карловной. Бѣдныя! Онѣ казались спокойными, но какъ-будто прожили въ эту ночь по лишнему десятку лѣтъ. Вопли ихъ не были бы выразительнѣе мертваго молчанія, съ которымъ онѣ трепетно двигались по комнатѣ, какъ-будто не принадлежа уже къ міру живыхъ людей. Онѣ были страшны въ своемъ кажущемся безчувствіи. Я не зналъ, какъ заговорить съ ними, и ушелъ на свою половину. Чуланъ оставался отвореннымъ. Я заглянулъ въ него мимоходомъ, хотя хорошо зналъ, что тамъ нѣтъ Ѳеклуши. Вмѣсто нея, на постели лежало только скомканное и подмоченное слезами письмо, которое я носилъ къ Селезневу. Оно еще сильнѣе поразило мою душу.

Я взялъ письмо, самъ не зная для чего, и держалъ передъ глазами, не будучи въ состояніи понимать то, что́ читалъ. Въ такомъ положеніи засталъ меня Померанцевъ. Онъ воротился весь измокшій и забрызганный грязью. Онъ объявилъ намъ очень просто и даже какъ-будто спокойно, что Ѳеклуша побѣжала отъ него къ рѣкѣ и, должно́ быть, бросилась въ воду, что онъ из-

нырялъ всю рѣчку, потомъ искалъ ее по всему городу, потомъ закидывалъ съ рыбаками невода, но все напрасно.

Софья Карловна выслушала эти печальныя вѣсти съ терпѣніемъ полумертваго человѣка и сказала какъ-будто про себя:

»Такая ужъ моя несчастная доля!«

Потомъ тихо заплакала и ушла за перегородку.

Никто изъ насъ не рѣшился утѣшать ее надеждою, потому что никто не надѣялся самъ увидѣть Ѳеклушу живою. Воображеніе мое представляло мнѣ въ будущемъ горестную картину утопленницы, которую отыщутъ сегодня или завтра рыбаки, но и этого не случилось: Ѳеклуша изчезла безъ вѣсти и безъ слѣда.

Померанцевъ сильно похудѣлъ въ эту ночь, но казался спокойнымъ. Онъ переодѣлся въ сухое платье и принялся за завтракъ, поданный намъ Степанидою на нашу половину. Замѣтно было, однакожъ, что обычный аппетитъ измѣнилъ ему: онъ ѣлъ какъ-бы для того только, чтобъ выполнить обязанности, лежащія на живомъ человѣкѣ.

Я сидѣлъ напротивъ него и слѣдилъ за нимъ, подпершн голову рукой, въ которой держалъ письмо Ѳеклушн.

Глаза Померанцева, потупленные въ тарелку, или бродившіе безъ выраженія по комнатѣ, вдругъ

остановились на этомъ письмѣ. Я тотъ-часъ это почувствовалъ.

»Что́ это?« спросилъ онъ.

Я подалъ ему письмо и объяснилъ, что нашелъ его на Ѳеклушиной постели.

Померанцевъ прочиталъ письмо и весь измѣнился въ лицѣ. Я предчувствовалъ бурю; но бури не случилось. Онъ сдѣлался страшенъ на нѣсколько минутъ. Потомъ какъ-будто успокоился, почистилъ немного свой мокрый сюртукъ и отправился на службу.

Возвратясь домой, онъ объявилъ мнѣ, что подалъ въ отставку и уѣзжаетъ, черезъ нѣсколько дней въ деревню.

»Неужели?« сказалъ я, въ горестномъ изумленіи, и не могъ сказать ничего болѣе.

»Не могу, Николаша, не могу!« отвѣчалъ онъ взволнованнымъ голосомъ. »Я сегодня чуть было не бросился на него и не растерзалъ его среди улицы. Вѣрно, только молитвы матушки спасли меня отъ смертельнаго грѣха! Да накажетъ его Богъ!... но я не въ силахъ выдержать.... я долженъ бѣжать отсюда.«

Я понялъ, о комъ онъ говорилъ, и замолчалъ.

»Какъ же мы безъ васъ останемся?« спросили его въ одно слово Софья Карловна и Степанида, когда онъ объявилъ имъ тоже о своемъ намѣреніи.

Мнѣ тоже казалось невозможнымъ, чтобъ эти

старушки остались однѣ безъ ежедневной помощи Померанцева, къ которой онѣ такъ привыкли.

»Не судьба намъ жить вмѣстѣ«, отвѣчалъ Померанцевъ съ холодностью, вовсе несвойственною его спокойной, но теплой натурѣ.

»Видно, что не судьба«, сказала съ выраженіемъ безропотной покорности Софья Карловна.

Двѣ прозрачныя слезы покатились по ея морщинистымъ щекамъ. Но она въ ту же минуту напомнила Степанидѣ, чтобъ она не позабыла присолить какое-то кушанье.

Еще нѣсколько дней прожилъ съ нами Матвѣй Никитичъ, пока сдалъ дѣла и получилъ отпускъ. Онъ не говорилъ ни слова о прошломъ и даже избѣгалъ о томъ рѣчи. Видя его всегда суровымъ и молчаливымъ, я самъ началъ его дичиться и не имѣлъ духу обратиться къ нему съ самыми обыкновенными вопросами. Онъ этого не замѣчалъ и вообще обращалъ на меня такъ мало вниманія, какъ и на дубовыя стулья покойнаго Хлопотова.

Наконецъ все было готово къ отъѣзду Померанцева. За нимъ явилась таратайка съ хлопчикомъ въ рыжей войлочной шапкѣ. (Взрослые мужики оставлялись для работъ). Постель его и библіотека были уложены въ чемоданъ. Померанцевъ сидѣлъ на своей кровати и какъ-будто старался только припомнить, не позабылъ ли онъ чего. Вдругъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

»Софья Карловна, что́ ужъ вамъ оставаться здѣсь теперь однимъ?«

»А гдѣ же мнѣ дѣваться?« отвѣчала она.

»Переѣзжайте къ намъ въ деревню.«

»И, нѣтъ, Матвѣй Никитичъ!« сказала Софья Карловна.

»Почему же?«

»Такъ ужъ: здѣсь, видно, моя судьба мнѣ погибать.«

»Нѣтъ, переѣзжайте. Вы не думайте, чтобы матушка была въ самомъ дѣлѣ....«

Онъ хотѣлъ сказать *скупа*, и не могъ произнести этого слова: оно живо напомнило ему Ѳеклушу.

Померанцевъ прошелся раза два по комнатѣ, подавляя свое волненіе, потомъ опять принялся убѣждать Софью Карловну. Но старушка холодно и безъ всякихъ доводовъ отклонила его предложеніе, какъ дѣло, совершенно для нея невозможное. Не думаю, чтобы воспоминанія, оставленныя въ этомъ домикѣ дочерью, управляли въ этомъ случаѣ ея сердцемъ, — нѣтъ. Она, какъ птичка въ неволѣ, привыкла къ своей клѣткѣ и не могла вообразить, чтобы можно было жить гдѣ-нибудь, кромѣ этихъ мрачныхъ стѣнъ.

Убѣдясь въ невозможности склонить Софью Карловну на переселеніе, Матвѣй Никитичъ объявилъ ей, что онъ порядилъ отставного солдата, сосѣда, помогать ей въ домашнихъ надобностяхъ, и что самъ онъ съ матушкой часто будетъ навѣщать ее.

Софья Карловна тронута была этой заботливостью гораздо больше, нежели его предложеніемъ переѣхать къ нему въ деревню, и благодарила его со слезами на глазахъ.

Я былъ утѣшенъ его дружескимъ прощаньемъ со мною и обѣщаніемъ привезти мнѣ нѣсколько книгъ, которыя лежатъ въ сундукѣ покойнаго его отца и которыхъ онъ самъ еще не читалъ. Померанцевъ обратился для меня опять въ добраго Матвѣя Никитича; я терялъ въ немъ только товарища и ничего больше.

Простясь наконецъ съ Степанидой и подаривъ ей чуть ли не цѣлый четвертакъ, онъ уѣхалъ отъ насъ въ ясный осенній день послѣ обѣда, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ идти въ училище. Никогда еще не было мнѣ такъ скучно проходить по улицамъ городка Н*, какъ въ этотъ разъ; никогда еще я такъ небрежно не тушевалъ въ училищѣ рисунка Діонисію; никогда не слушалъ такъ разсѣянно сказокъ изъ »Тысячи одной Ночи«. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, которое овладѣло мною на возвратномъ пути. Еслибъ моей квартирою было кладбище, то и тогда я не могъ бы возвращаться въ нее съ большею неохотою: печальныя и страшныя воспоминанія, предчувствіе пустоты, которая будетъ томить мою душу, и страхъ оставаться одному на правой половинѣ, все это вмѣстѣ дѣлало меня несчастнымъ мальчикомъ. Судите же, какъ я обра-

довался, когда, при моемъ приближеніи къ квар-
тирѣ, изъ воротъ вышелъ нашъ кучеръ, Климъ,
ведя тройку лошадей къ водопою! Я нашелъ въ
большой комнатѣ батюшку въ грустной бесѣдѣ съ
Софьей Карловной. Я бросился къ нему на шею
съ горячими слезами, которыхъ настоящей при-
чины онъ, безъ сомнѣнія, не понялъ.

Когда я успокоился и вслушался въ его раз-
говоръ съ Софьей Карловной, меня поразила цѣль
его пріѣзда: онъ пріискалъ для меня новую квар-
тиру, въ которую сегодня же намѣренъ былъ пе-
ремѣстить меня. Этимъ неожиданнымъ обстоятель-
ствомъ я освобождался отъ ужасной для меня не-
обходимости ночевать одному на половинѣ покой-
ного Хлопотова; но меня удивило, что батюшка
удаляетъ меня отъ Софьи Карловны въ то время,
когда она должна была всего болѣе нуждаться въ
моемъ сообществѣ. На это онъ имѣлъ свои при-
чины, которыхъ не счелъ нужнымъ объяснять мнѣ.
Что́ же касается до его отношеній къ Софьѣ Кар-
ловнѣ, то они оставались по-прежнему самыми
дружескими. Это я видѣлъ изъ того, что батюш-
ка часто присылалъ ей разные подарки изъ свое-
го хозяйства, а когда пріѣзжалъ въ городъ, вся-
кой разъ отправлялся со мною навѣстить ее. Я
и безъ того часто хаживалъ къ ней, а по воскре-
сеньямъ почти всегда у ней обѣдалъ. Когда же
пріѣзжалъ къ ней Померанцевъ, Степанида тотъ-

часъ являлась за мною, и мы проводили у Софьи Карловны нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ.

Здоровье старушки нисколько не пострадало послѣ ея ужасной потери. Она всё была та же, всё была спокойна по-прежнему; вся разница была въ томъ, что теперь за столомъ она уже не подкладывала Ѳеклушѣ хлѣбныхъ корокъ и осущиковъ, которые та очень любила, а только вспоминала о ней при всякомъ любимомъ ея кусочкѣ, но вспоминала безъ слезъ и сѣтованій. »Вотъ бы Ѳеклуша скушала эту корочку; Ѳеклуша бы скушала этотъ хрящикъ съ удовольствіемъ«, говорила она своимъ тихимъ, поминальнымъ голосомъ, и этотъ тихій голосъ до такой степени томилъ мою душу, что я не разъ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобъ не заплакать.

Бѣдная Софья Карловна! Она жила еще года полтора послѣ потери Ѳеклуши, тупо грустя о ней и припоминая обстоятельства ея болѣзни съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ которымъ, бывало, разсказывала о своемъ замужствѣ.

ЯКОВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ

ЯКОВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

I.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ЯКОВОМЪ ЯКОВЛЕВИЧЕМЪ.

Изъ предъидущей повѣсти читатель уже знаетъ, зачѣмъ я пожаловалъ въ городокъ Н*, лѣтъ сорокъ, а, можетъ быть, и болѣе, назадъ. Разскажу теперь кое-что объ училищѣ и объ учителѣ Яковѣ Яковлевичѣ.

Когда меня привели въ классъ и посадили на скамейкѣ, рядомъ съ другими учениками, вниманіе мое было развлечено множествомъ новыхъ предметовъ, которые всѣ разомъ бросились мнѣ въ глаза и не давали мнѣ ни на чемъ остановиться. Сперва я окинулъ взглядомъ ряды разнообразно одѣтыхъ учениковъ; потомъ заняли меня странныя фигуры, образованныя остатками оборванныхъ обоевъ и выглядывающими изъ-подъ нихъ

голыми стѣнами, что́ все вмѣстѣ составляло подобіе материковъ и морей; отъ этого фантастического подражанія ландкартамъ перешелъ я къ бѣглому обзору рисованныхъ краснымъ карандашемъ головъ, въ черныхъ рамкахъ, съ надписями: *Ганнибалъ*, *Ермакъ*, *Несторъ Лѣтописецъ;* и наконецъ уже я началъ внимательно разсматривать учителя, который расхаживалъ взадъ и впередъ по классу.

Учитель былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣрыми, почти сѣдыми волосами, въ сѣромъ фракѣ, застегнутомъ черными костяными пуговицами, въ сѣрыхъ панталонахъ и въ ботфортахъ. Покрой его фрака, короткаго спереди и длиннаго-предлиннаго сзади, походка, движенія и даже голосъ, — все въ немъ очень рѣзко отличалось отъ другихъ людей. Круглое, безцвѣтное лицо Якова Яковлевича, его плоскій носъ, его отдувшіяся впередъ, »нарочито« (какъ писали въ старинныхъ книгахъ) большія губы, сѣрый костюмъ его, весьма древній и поновленный, какъ видно, неоднократно свѣжими вставками, — отъ чего Яковъ Яковлевичъ казался пѣгимъ,— наконецъ его медленныя, тяжелыя, однообразныя движенія отразились въ моемъ воображеніи съ такою силою, что я, воротясь въ квартиру, тотъ-часъ нарисовалъ карандашемъ его портретъ въ профиль, не смотря на то, что я былъ рисовальщикъ самоучка.

Пройдясь нѣсколько разъ по классу, Яковъ Яков-

левичъ присѣлъ къ столику, взялъ изъ шляпы списокъ учениковъ и началъ дѣлать перекличку. Каждый отвѣчалъ: *здѣсь!* а если кого въ классѣ не оказывалось, то нѣсколько голосовъ отвѣчало: *нѣтъ!*

»Тише, молодцы!« говорилъ Яковъ Яковлевичъ и продолжалъ перекличку, а иногда освѣдомлялся, почему тотъ, или другой ученикъ не являлся въ классъ. На вопросъ чаще всего отвѣчали: *нѣту сапоговъ*, и это признавалось, по-видимому, самою убѣдительною причиною отсутствія.

Такая бѣдность сперва очень удивляла меня; но послѣ я узналъ, что Яковъ Яковлевичъ больше всего вѣрилъ справедливости »сапожнаго«, какъ мы говорили, оправданія. Другому учителю, по имени Ивану Андреевичу, о томъ же отсутствовавшемъ ученикѣ отвѣчали: *животъ болитъ*, и Иванъ Андреевичъ, часто страдавшій желудкомъ, въ свою очередь никогда не сомнѣвался въ справедливости такого показанія. Это мы называли, на школьномъ своемъ языкѣ, »животнымъ оправданіемъ«.

Перекличка, какъ мнѣ показалось (и въ чемъ я не ошибся) доставляла ученикамъ большое удовольствіе. Каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего имени, чтобы вскрикнуть громкимъ голосомъ: *здѣсь!* а когда приходилось отвѣчать *нѣтъ*, то это было для многихъ истиннымъ торжествомъ. Иногда однообразіе переклички скрашивалось за-

тѣйливымъ отвѣтомъ hier вмѣсто *здѣсь*. Не знаю, откуда позаимствовали ученики это словце — вид-но, отъ товарищей высшаго класса, гдѣ тотъ же Яковъ Яковлевичъ обучалъ началамъ Нѣмецкаго языка; только онъ принималъ такія выходки съ явнымъ неудовольствіемъ. »Вотъ я тебя *гиркну!*« говорилъ онъ, грозя взглядомъ виновному, и если потомъ еще кто-нибудь осмѣливался сказать hier, то Яковъ Яковлевичъ указывалъ пальцемъ въ уголъ и говорилъ: »А поди на колѣни, червякъ!«

Какъ живо представляется мнѣ первый день моего ученичества! Я вижу, какъ на картинѣ, передъ собою Якова Яковлевича, съ стоящею передъ нимъ круглою шляпою, давно уже потерявшею весь свой ворсъ; вижу даже, какъ солнечные лучи играютъ на черномъ сургучѣ (я думаю, что то была не смола), которымъ въ одномъ мѣстѣ была задѣлана трещина въ этой шляпѣ. Мало того: я пересчиталъ бы, сколько слоевъ кожи въ подошвахъ его ботфортъ, — слоевъ, происшедшихъ отъ нашитыхъ одна на другую подметокъ, и сколько заплатокъ на каждой изъ этихъ старыхъ, какъ и самъ Яковъ Яковлевичъ, ботфортъ. Мнѣ кажется, какъ-будто это было вчера, — Яковъ Яковлевичъ досталъ изъ кармана длиннополаго своего фрака тетрадь, съ оберткою изъ синей бумаги, всталъ со стула, подошелъ къ доскѣ и написалъ меломъ изъ тетради ариѳметическую задачу. Помню очень хорошо, что эта задача была — умно-

женіе простыхъ чиселъ. Ученики списывали ее въ свои тетрадки, по мѣрѣ того, какъ цыфры, выставляемыя меломъ очень отчетливо и даже красиво, появлялись на черной доскѣ, подъ рукою Якова Яковлевича. Окончивъ задачу, Яковъ Яковлевичъ обратился къ скамьямъ — я готовъ нарисовать его въ эту минуту — и произнесъ протяжно и торжественно: *Молодцы! остановитесь и послушайте учительскаго объясненія.*

Именно эти, а не другія, слова произносилъ онъ всякій день и послѣ всякаго раза, когда ему случалось написать для насъ что́ бы то ни было на доскѣ, и всегда однимъ и тѣмъ же тономъ, не прибавляя и не перестанавливая ни одного слова. Учительское же объясненіе состояло въ томъ, что онъ перемножалъ вслухъ множимое число на всѣ цыфры множителя. При этомъ онъ говорилъ только задачу, а рѣшеніе должны были говорить хоромъ ученики. Напримѣръ, онъ говорилъ: *пятью-шесть*, а ученики отвѣчали: *тридцать; четырежды-пять*, а ученики — *двадцать*, и такъ далѣе. Это заняло меня на первый разъ, за недостаткомъ другихъ развлеченій, очень пріятно.

Въ первый же день моего ученичества я былъ свидѣтелемъ одной школьнической продѣлки, которая повторялась нѣсколько разъ и послѣ, и всегда къ общему удовольствію публики. Она состояла въ томъ, что ученики, послѣ бойкихъ от-

вѣтовъ, вдругъ забывали табличку умноженія, такъ что Яковъ Яковлевичъ, провозглася какіе-нибудь *дважды-шесть*, останавливалъ въ воздухѣ мелъ, готовый написать 12, и оставался въ такомъ положеніи съ секунду, въ ожиданіи отвѣта. Я тотъ-часъ, по плутоватому выраженію лицъ моихъ товарищей, догадался, что это шалость; но онъ былъ простодушнѣйшее существо. Онъ повторялъ свой возгласъ и ожидалъ еще нѣсколько мгновеній. Не получа и въ другой разъ отвѣта, Яковъ Яковлевичъ оборачивался къ ученикамъ и подсказывалъ имъ потихоньку начальныя буквы отвѣта: *двп*.... Молчаніе. *Двпн-н-н*.... говоритъ онъ, возвыся голосъ. Нѣтъ, не догадываются. *Двпнад*.... говоритъ онъ еще громче. Тогда ученики хоромъ: *цать! двпнадцать*. »Хорошо, молодцы! двѣнадцать«, повторяетъ Яковъ Яковлевичъ протяжнымъ своимъ голосомъ, какъ-будто не случилось ничего особеннаго, пишетъ цыфру и продолжаетъ умноженіе, пока на учениковъ найдетъ новый столбнякъ; а тѣ переглядываются и смѣются. Мнѣ тоже было очень смѣшно; но я боялся и пошевелиться, когда Яковъ Яковлевичъ поворачивался ко мнѣ.

Я, впрочемъ, скоро узналъ, что мнѣ нечего бояться Якова Яковлевича. Онъ былъ строгъ, это правда, но не ко всѣмъ и не во всякое время года. Чей отецъ побывалъ у него, какъ говорилось въ городкѣ Н*, »съ почтеніемъ«, тотъ могъ

позволять себѣ въ его присутствіи многое: Яковъ Яковлевичъ ничего не будетъ видѣть, ни слышать. Я имѣлъ счастье быть сыномъ отца попечительнаго, и товарищи, узнавъ отъ меня, что онъ *былъ* »съ почтеніемъ« у Якова Яковлевича, объяснили мнѣ мои привиллегіи. Впрочемъ, и привиллегированнымъ лицамъ надобно было беречься Якова Яковлевича, когда время подходило къ роспуску учениковъ передъ праздниками. Тогда самый обыкновенный шумъ въ классѣ возбуждалъ его неудовольствіе, и онъ безпрестанно говорилъ: »Ну, что́ зажужжали, какъ пчелы? Жужжатъ, жужжатъ, да меду не носятъ!« Или: »Ахъ вы мельницы вѣтрянныя! мелютъ, мелютъ, да мучицы нѣту!«

Не знаю, отчего Яковъ Яковлевичъ любилъ особенно мучицу. Бывало, иной ученикъ, чтобъ пріобрѣсть заблаговременно его расположенность, встрѣтитъ его въ коридорѣ и спроситъ: »Яковъ Яковлевичъ, папенька пишетъ, чего вамъ прислать къ празднику, меду, или муки?« и Яковъ Яковлевичъ всегда отвѣчалъ: »Мучицы, молодецъ!« Я никогда не видалъ его въ болѣе радостномъ расположеніи духа, какъ въ то время, когда, бывало, послѣ роспуска явишься къ нему съ кулемъ муки. Онъ даже улыбался, что́, по моимъ понятіямъ о немъ, было совсѣмъ не въ его характерѣ.

Чаще всего я заставалъ его въ этихъ случа-

яхъ на дворѣ, съ лопатою или метлою въ рукахъ. Онъ не держалъ прислуги и подметалъ свой дворъ лично, нарядясь въ какой-то кафтанъ, испещренный разноцвѣтными заплатами. Сестра его, Марѳуша, исправляла роль ключницы, кухарки и горничной. Больше никого и не было у него въ домѣ, если не считать коровы, которую онъ называлъ *коровушкою*, и презлой цѣпной собаки, носившей имя *собаченки*.

Разсказы о домашней жизни Якова Яковлевича составляли одинъ изъ занимательнѣйшихъ предметовъ для разговора между учениками. Онъ слылъ у насъ за страшнаго скрягу. Говорили, что онъ послѣ всякихъ роспусковъ продавалъ множество ученической мучицы въ лавки купцамъ и всѣ деньги пряталъ въ сундукъ; что онъ питался одною размазнею и не ѣлъ вовсе говядины. Это приводило насъ въ негодованіе, и намъ казалось, что на свѣтѣ нѣтъ ничего хуже такой, какъ мы называли, скаредности.

Странно, что жители городка Н* тоже смотрѣли на Якова Яковлевича не слишкомъ благосклонно, тогда какъ онъ былъ едва ли не лучшій между ними гражданинъ. Онъ никого ничѣмъ не обижалъ, а обиды другихъ сносилъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ. Однажды Иванъ Андреевичъ, преподававшій Латинскій языкъ и исторію, былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что, отворя дверь изъ другого класса, вздумалъ шу-

тить надъ Яковомъ Яковлевичемъ, къ немалому нашему удивленію и вмѣстѣ съ тѣмъ удовольствію. Но Яковъ Яковлевичъ тотъ-часъ усовѣстилъ его кроткими отвѣтами: »Не хорошо, Иванъ Андреевичъ! перестаньте дурачиться!«

Насъ, однакожъ, не такъ-то легко было усовѣстить. Уже Иванъ Андреевичъ давно скрылся за дверью, а мы всё еще смѣялись, присѣдая за скамейками. »Ахъ, вы, мушкатеры!« кричалъ, разсердясь, Яковъ Яковлевичъ и не одного вытащилъ изъ-за скамейки на колѣни. Что́ значило: »мушкатеры« въ примѣненіи къ намъ — я ни тогда не понималъ, ни теперь не понимаю. Яковъ Яковлевичъ очень часто въ досадѣ называлъ насъ такъ всѣхъ вообще, во множественномъ числѣ, и по одиначкѣ, въ единственномъ, при чемъ онъ часто восклицалъ еще: »капшукъ!« или: »черрвякъ!« а иногда прибавлялъ еще: »капустянный червякъ!«

За исключеніемъ этихъ небольшихъ вспышекъ, обращенныхъ, впрочемъ, преимущественно на шалуновъ или виновныхъ въ недоставленіи мучицы. Яковъ Яковлевичъ былъ человѣкъ самаго неукоризненнаго поведенія. За что́ же преслѣдовало его городское мнѣніе? неужели за одну скупость? Но изъ чего мы заключили о его скупости? Изъ того ли, что онъ питался одною кашицею? Это показывало въ немъ только похвальную умѣренность. Изъ того ли, что шляпа его

была залѣплена сургучемъ? нужды нѣтъ! всё-таки это была шляпа, а не кожаный картузъ, въ какомъ щеголялъ Иванъ Андреевичъ, и Яковъ Яковлевичъ, облеченный въ свои ботфорты и въ эту шляпу, казался подлѣ своего маленькаго товарища въ нанковомъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами — важной особой. Изъ того ли, наконецъ, что онъ самъ подметалъ свой дворъ? и это неосновательно: есть занятія гораздо хуже, но они не возбуждаютъ ничьего осужденія. Словомъ, Яковъ Яковлевичъ былъ, если не лучше, то ужъ никакъ не хуже многихъ, слывущихъ достойными людьми.

II.

НАЧАЛО МОЕГО СБЛИЖЕНІЯ СЪ ЯКОВОМЪ ЯКОВЛЕВИЧЕМЪ.

Прошелъ слишкомъ годъ послѣ достопамятнаго дня вступленія моего въ Н—скую школу. Въ это время я успѣлъ испытать многое, о чемъ читатель отъ-части уже и знаетъ. Между тѣмъ меня перевели въ высшій классъ, такъ какъ я изучилъ до послѣдней цыфры все, что́ было написано для перваго класса въ ариѳметической тетрадкѣ Якова Яковлевича, которую онъ кротко называлъ *Ариѳметичкою*, и которую приказывалъ

намъ списывать въ тетрадки »самымъ чистымъ Петербургскимъ почеркомъ«. Но въ высшемъ классѣ Ариѳметичка Якова Яковлевича заговорила такимъ темнымъ языкомъ, что я ровно ничего въ ней не понималъ и очутился въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Дѣло въ томъ, что первыя четыре ариѳметическія дѣйствія были извѣстны мнѣ еще дома, въ хуторѣ: поэтому мнѣ не трудно было проникнуть въ таинственный языкъ синей тетрадки. Но когда дѣло дошло до дробей, то Якову Яковлевичу могъ отвѣчать вполнѣ удовлетворительно одинъ только пріятель мой Діонисій, который вызубрилъ всѣ цыфры, перемѣшанныя непонятнымъ образомъ съ текстомъ, и могъ, не останавливаясь ни на секунду, проговорить отъ начала до конца все, что́ ни было написано въ Ариѳметичкѣ. Я не отличался въ дѣтствѣ памятью, и потому былъ у Якова Яковлевича на весьма худомъ счету.

Когда я выходилъ къ доскѣ и мнѣ диктовали рядъ цыфръ и спрашивали, какъ дѣлается, напримѣръ, умноженіе или дѣленіе дробей, и я не могъ, подобно премудрому Діонисію прокричавъ бойко: »слѣдующимъ образомъ«, исписать всю доску непонятными для учениковъ рядами цыфръ, — Яковъ Яковлевичъ покачивалъ только головою и говорилъ меланхолически: »Ахъ, М*, М*! что́ изъ тебя будетъ!« Онъ произносилъ эти слова съ такимъ чувствомъ, съ такимъ

искреннимъ обо мнѣ сожалѣніемъ, что я самъ началъ считать себя безтолковѣйшимъ мальчикомъ. Мною овладѣла совершенная безпечность, и я не только не училъ Ариѳметички дома, но даже пересталъ списывать ее и на бумагу, по мѣрѣ того, какъ Яковъ Яковлевичъ выписывалъ намъ изъ своей тетрадки нѣкоторыя задачи мѣломъ на доскѣ. Все мое занятіе во время классовъ состояло въ томъ, чтобы разсматривать висѣвшаго противъ меня Ромула, или изучать устройство калошъ Якова Яковлевича.

У Якова Яковлевича — надо сказать вамъ — были чудныя калоши, какихъ я уже никогда и ни у кого съ тѣхъ поръ не видѣлъ. Чудесность ихъ состояла въ способѣ, какимъ онѣ держались на ногахъ. Яковъ Яковлевичъ, какъ вы уже могли замѣтить, былъ человѣкъ экономнаго характера. Ботфорты у него были — какъ я тогда думалъ — еще отцевскіе, — онъ только отъ времени до времени починивалъ ихъ; но устройство калошъ принадлежало собственно его изобрѣтательности. Это были обширныя, толстыя, неизносимыя влагалища ногъ; только онъ, боясь сдѣлать ихъ тѣсными, слишкомъ перехитрилъ уже: онѣ не держались на ногахъ. Такое обстоятельство затруднило бы всякаго; но для Якова Яковлевича ничего не значило взять нѣсколько аршинъ бичевки и обмотать ею калоши кругомъ, такъ что онѣ составляли съ ботфортами нѣчто цѣлое, нераздѣльно связанное. Я по-

дозрѣваю, что и тутъ у Якова Яковлевича не обошлось безъ экономическаго соображенія: бичевка предохраняла подошвы отъ тренія, такъ что Яковъ Яковлевичъ этимъ способомъ могъ проносить ихъ гораздо долѣе.

На эти-то калоши въ теченіе нѣкотораго времени было обращено постоянно мое вниманіе. Мнѣ хотѣлось знать, какъ Яковъ Яковлевичъ производитъ операцію соединенія ихъ съ ботфортами и сколько употребляетъ онъ времени на обматываніе и разматываніе своей обуви. »Видно, не мало«, думалъ я, »если онъ, не снимая калошъ, такъ и остается во все время своего пребыванія въ классѣ!« Приличіе должно́ бы заставить снимать эту по большей части грязную обувь; но все, что́ онъ дѣлалъ для соблюденія нѣкотораго по крайней мѣрѣ приличія, ограничивалось тѣмъ, что онъ пробирался отъ двери до своего стула самыми большими шагами, такъ что на полу оставалось не болѣе полу-десятка отпечатковъ его подошвъ, или, лучше сказать, покрывавшей ихъ бичевки, и, усѣвшись на стулѣ, протягивалъ ноги впередъ и, касаясь пола только каблуками, держалъ ботфорты съ калошами носками къ-верху. Въ такомъ-то положеніи я наблюдалъ ихъ, удивляясь смышлености Якова Яковлевича и придумывая средства, какъ бы заставить его разуться. Много употребилъ я времени на эти размышленія; наконецъ блеснула въ моемъ умѣ слѣдующая

мысль, которую я тотъ-часъ же привелъ и въ исполненіе.

Училище наше было подъ главнымъ надзоромъ директора гимназіи, человѣка строгаго и ученаго, котораго мы очень боялись. Каждый его пріѣздъ былъ для насъ достопамятенъ. Яковъ Яковлевичъ, всегда застегнутый на три пуговицы, въ этихъ случаяхъ желалъ спрятать не только свой полосатый кашемировый жилетъ, но и всего себя, въ сѣрый свой фракъ; и какъ бараны всѣ торопѣютъ отъ испуга своего вожака, такъ и мы, сами не понимая отчего, также приходили въ ужасъ, глядя на измѣнившееся лице Якова Яковлевича.

Этотъ-то казусъ вдругъ пришелъ мнѣ въ голову посреди размышленій о калошахъ Якова Яковлевича. Надобно жъ было случиться, что въ ту самую минуту кто-то проѣхалъ мимо оконъ, производя стукъ, довольно похожій на звяканье директорскаго экипажа. Я торопливо взглянулъ въ окно, потомъ наклонился къ уху своего товарища и прошепталъ такъ громко, чтобъ меня всѣ слышали: *Директоръ!* Ученики зашевелились, принялись приглаживать волосы, и магическое слово *директоръ* слышалось во всѣхъ углахъ. Оно не замедлило коснуться и слуха Якова Яковлевича. Яковъ Яковлевичъ поднялся торопливо съ своего мѣста и, отпечатавъ какъ можно меньшее число своихъ ступней на полу, убрался за печку,

гдѣ принялся разматывать достойныя стиховъ Гомера поножья. Мы же, слушая его кряхтенье,

.... смѣхъ несказанный воздвигли....

какъ древле на Олимпѣ боги, потому что я тотъ-часъ же сообщилъ о своей продѣлкѣ товарищамъ. Смѣхъ нашъ прервалъ мирное занятіе Якова Яковлевича, и никогда еще не видали его такъ разсерженнымъ, какъ въ этотъ разъ, — никогда, кромѣ развѣ того случая, когда одинъ ученикъ, вмѣсто вожделѣнной мучицы, привезъ ему въ подарокъ живого зайца. Заяцъ вырвался изъ рукъ доброхотнаго дателя, прыгнулъ въ окно, разбилъ стекло и изчезъ, какъ призракъ. Гнѣвъ Якова Яковлевича былъ тогда неописанъ и равнялся только тому, который я въ немъ возбудилъ.

Нужно было видѣть, какъ вскочилъ Яковъ Яковлевичъ, въ одной только калошѣ — другую онъ успѣлъ уже снять — какъ онъ схватилъ прутъ и устремился на меня, позабывъ въ эту минуту всю мою мучицу, которая до сихъ поръ спасала меня отъ наказаній! Но я былъ не такъ простъ и не такъ мужественъ, чтобъ ожидать наказанія. Я вскочилъ на скамью и побѣжалъ вдоль всей комнаты, перепрыгивая съ отдѣленія на отдѣленіе, подобно Гомеровымъ Мирмидонцамъ, защищавшимъ свои чернобокіе корабли. Онъ же, подобно раздраженному Вулкану, прихрамывая отъ неровности своей обуви, гнался за мной съ занесеннымъ

на ударъ прутомъ, но тщетно: отворенная дверь послужила для меня такимъ убѣжищемъ, куда Яковъ Яковлевичъ не рѣшился за мной бѣжать, изъ опасенія доставить всему училищу слишкомъ занимательное зрѣлище.

Приключеніе это само по себѣ незамѣчательно и не заслуживало бы подробнаго описанія, но оно повело меня и Якова Яковлевича къ самымъ важнымъ послѣдствіямъ.

Хуторъ моего батюшки отстоялъ отъ города на нѣсколько часовъ ѣзды. Ровно черезъ два дня послѣ моей шалости и бѣгства отъ Якова Яковлевича, пріѣхалъ батюшка, и первое слово его было — объ этомъ происшествіи. Побранивъ меня, сколько слѣдовало, за мою продерзость, онъ смягчился и дружески спрашивалъ меня, отъ чего я вдругъ испортился и изъ прилежнаго и скромнаго мальчика сдѣлался лѣнтяемъ и повѣсою? Я откровенно отвѣчалъ, что причиною всему Ариѳметичка.

»Какъ Ариѳметичка?«

Тутъ я разсказалъ отцу о трудности этой науки, или, лучше сказать, этой тетрадки — наука тогда представлялась мнѣ не иначе, какъ въ видѣ тетрадки, или книги, которую вызубри, и будешь мудръ.

Отецъ выслушалъ меня внимательно и, не сказавъ въ отвѣтъ ни добраго, ни худого, послалъ меня въ училище. Когда же я воротился въ квартиру — это было послѣ обѣда — онъ велѣлъ мнѣ

надѣть новый, привезенный имъ теперь сюртукъ и повелъ меня.... куда же? — къ Якову Яковлевичу. Меня бы это сильно встревожило, еслибы въ обхожденіи батюшки со мною не было всё-таки замѣтно какой-то благосклонности, которой я не могъ тогда истолковать себѣ и которую понялъ только въ-послѣдствіи.

III.

Я НЕОЖИДАННО ПОСТАВЛЕНЪ ВЪ САМЫЯ БЛИЗКІЯ ОТНОШЕНІЯ СЪ ЯКОВОМЪ ЯКОВЛЕВИЧЕМЪ.

Домъ Якова Яковлевича стоялъ что́ называется *на о́тшибъ*. Предъ нимъ лежало большое пространство незастроенной земли, принадлежавшее уже лѣтъ тридцать какимъ-то малолѣтнимъ наслѣдникамъ; по обѣ стороны его шли улицы безъ домовъ, а сзади былъ глубокій, заросшій орѣшникомъ оврагъ, за которымъ видны были, на далекое разстояніе, поля. Можетъ быть, это уединенное положеніе родного уголка было отъ-части причиною нелюдимости характера Якова Яковлевича. Яковъ Яковлевичъ не бывалъ никогда нигдѣ, кромѣ училища. Даже, когда по воскресеньямъ смотритель поручалъ ему вести учениковъ въ церковь, онъ всегда водилъ насъ въ монастырь, отдаленный отъ школы большимъ выгономъ. По

дорогѣ въ монастырь не встрѣтишь, бывало, никого, кромѣ-какого нибудь слуги, идущаго съ письмомъ на почту, которая, для удобства горожанъ, помѣщались у почтмейстера на хуторѣ. Но это въ будни, а по воскресеньямъ не встрѣтишь, бывало, тамъ рѣшительно ни души. Яковъ Яковлевичъ, очевидно, избѣгалъ людскихъ взоровъ, и это, я увѣренъ, происходило всего больше отъ того, что онъ взросъ въ совершенномъ удаленіи отъ людей.

Съ своей стороны жители городка Н* выражали тѣмъ больше любопытства при встрѣчѣ съ Яковомъ Яковлевичемъ, чѣмъ больше онъ старался укрыться отъ наблюденій. Въ училище онъ пробирался изъ дому по большей части огородами, старательно кутаясь въ стоячій воротникъ зеленой байковой своей шинели. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, на его издали указывали пальцами, а мальчишки слѣдили за нимъ даже и по огороднымъ тропинкамъ. Нескромность горожанъ доходила до того, что Яковъ Яковлевичъ, проходя въ училище, неоднократно слышалъ восклицаніе: *Бруль! Бруль!* Фамилія Якова Яковлевича была совсѣмъ не Бруль, но Яковъ Яковлевичъ зналъ, что это восклицаніе относится къ нему, и, натурально, оскорблялся до глубины души. Да, онъ оскорблялся сильно. Однажды онъ чуть не поколотилъ мужика, который, привезя къ нему отъ кого-то мѣшокъ мучицы и увидя его на

дворѣ съ лопатою въ рукѣ, спросилъ: »Здѣсь живетъ Бруль?« Мужикъ, конечно, былъ невиноватъ: его научили сосѣди Якова Яковлевича, какъ и самъ Яковъ Яковлевичъ догадался, увидя вдругъ на заборѣ своего двора нѣсколько сосѣднихъ ребятишекъ съ оскаленными зубами.

Всеобщее нерасположеніе горожанъ — оно было очевидно — еще болѣе отдаляло отъ нихъ Якова Яковлевича и привязывало его къ отцевскому дому, гдѣ онъ могъ быть всегда спокоенъ и гдѣ сестрица Марѳуша лелѣяла его съ такою почтительностью, какъ-будто онъ не носилъ ни сѣраго длиннополаго фрака съ черными пуговицами, ни полосатаго жилета, выглядывавшаго снизу изъ-подъ застегнутаго фрака на добрую четверть, ни отцевскихъ ботфортъ, ни величественныхъ калошъ, ни шляпы, залѣченной чернымъ сургучомъ, а можетъ быть — какъ утверждали нѣкоторые — и смолою, которую сапожники употребляютъ на дратву, — какъ-будто онъ былъ щедрѣйшій изъ людей и, наконецъ, какъ-будто для него мучица не составляла постояннаго предмета желаній, — однимъ словомъ, какъ-будто онъ былъ чуждъ всего того, за что́ преслѣдовали его горожане и школьники.

Эта сестрица Марѳуша встрѣтила насъ на дворѣ, въ зеленой байковой исподницѣ съ красными мушками, въ какой-то рыжей, должно́ быть очень старинной, по неизносимой, кофтѣ и въ бѣломъ

бумажномъ колпакѣ вмѣсто всякаго головного убора. Она угомонила свирѣпаго пса, который рвался къ намъ съ своей цѣпи, угрожая проглотить насъ живьемъ — чего я ожидалъ почти навѣрное — и изъявила приходу батюшки такую радость, къ какой я даже не предполагалъ ее способною, принимая во вниманіе ея уединенную жизнь и пятьдесятъ лѣтъ, явно отпечатлѣвшихся на ея лицѣ. Она любила батюшку за то, что онъ въ своихъ дарахъ былъ постояненъ, какъ природа, а, можетъ быть, и за его почтительность къ Якову Яковлевичу.

»Дома ли Яковъ Яковлевичъ?« спросилъ батюшка.

И этотъ вопросъ показался не только мнѣ, но, я думаю, и ему самому страннымъ: гдѣ могъ быть Яковъ Яковлевичъ, въ свободное отъ ученья время? Онъ, подобно вагону на желѣзной дорогѣ, ходилъ въ извѣстные только часы и по извѣстному только направленію, такъ что кто не видалъ его изрѣдка по воскресеньямъ въ монастырѣ, или на дорогѣ въ училище, тотъ могъ никогда его не увидѣть.

Сестрица Марѳуша отвѣчала, однакожъ: »дома«, такимъ тономъ, какъ-будто ея братецъ могъ быть и въ лавкахъ, и въ гостяхъ, и вездѣ, гдѣ бываютъ другіе.

»Пожалуйте на это крылечко«, прибавила она,

а сама поспѣшила къ другому выходу, чтобы отпереть парадный входъ.

Но прежде нежели она скрылась у насъ изъ виду, дверь на крылечкѣ отворилась, и въ ней, какъ на темномъ фонѣ картины, представилась намъ такая фигура, которая потребовала бы всѣхъ красокъ, сколько бъ ихъ ни было на палитрѣ у художника, — именно самъ Яковъ Яковлевичъ, въ кафтанѣ, который былъ въ свое время весь красный, а теперь превратился въ мозаику изъ разнообразнѣйшихъ лоскутковъ. На головѣ его тоже была, кажется, треугольная старинная шляпа, порыжѣлая, потерявшая отъ ветхости свой контуръ и похожая на войлочныя шапки, какія носятъ Бѣлорусцы. Осеннее солнце, спустившееся въ это время къ самымъ верхушкамъ пожелтѣвшихъ садовыхъ деревьевъ, свѣтило прямо въ дверь, такъ что Яковъ Яковлевичъ долженъ былъ поднести къ глазамъ руку, чтобъ разсмотрѣть, кто заступилъ ему дорогу; но въ ту же минуту онъ повернулся и исчезъ передъ нашими глазами. Еслибъ я не видалъ его прежде въ этомъ кафтанѣ и треугольной шляпѣ, да еще съ лопатою въ рукѣ, я бы могъ подумать, что передъ нами явился призракъ. Для батюшки тоже это не была новость. Онъ даже посмотрѣлъ на меня строгими глазами, когда замѣтилъ, что я смѣюсь. Я живо вспомнилъ мою послѣднюю шалость и подумалъ, что мнѣ нечего въ эту минуту смѣяться.

Съ этою мыслью я вошелъ, вслѣдъ за батюшкою, изъ сѣней въ первую комнату, пріемную Якова Яковлевича, ту самую, въ которую нѣкогда былъ принесенъ однимъ ученикомъ живой заяцъ. Въ окнѣ противъ двери можно было видѣть слѣды этого событія. Одно изъ нижнихъ стеколъ состояло изъ множества кусочковъ, старательно собранныхъ Яковомъ Яковлевичемъ и слѣпленныхъ вмѣстѣ замазкою. Комната эта, никогда не удовлетворявшая моего вкуса, показалась мнѣ теперь еще менѣе привлекательною. Изразцовая синяя печка какъ-будто выступила впередъ дальше прежняго и походила не на печку, а на какое-то строеніе, въ родѣ Индійскихъ пагодъ. Цвѣты и птицы, рисованные Яковомъ Яковлевичемъ въ молодости и развѣшанные по стѣнамъ въ черныхъ рамкахъ, казалось, полиняли съ того времени, какъ я ихъ видѣлъ; стулья и столъ, съ кривыми ножками, какъ-будто всѣ скорчились отъ старости и скучнаго затворичества въ этой низенькой, темной, рѣдко кѣмъ посѣщаемой комнатѣ. Только котъ, сидѣвшій на лежанкѣ, казалось, былъ доволенъ своимъ положеніемъ, благодаря мышамъ, которыя не чуждались дома Якова Яковлевича. Такъ думалъ я, потому что никакъ не могъ приписать тучность его боковъ хозяйскому корму. Но воображалъ ли я тогда, что эта ко́мната будетъ моей квартирою, а этотъ котъ моимъ товарищемъ? А между тѣмъ отецъ привелъ

меня къ Якову Яковлевичу именно съ намѣреніемъ поселить подъ его кровомъ, какъ въ этомъ я скоро и убѣдился.

Яковъ Яковлевичъ не замедлилъ перемѣнить свой костюмъ и явиться въ пріемную. Онъ тотъчасъ спросилъ, получилъ ли батюшка письмо его. Батюшка благодарилъ его въ отборныхъ выраженіяхъ, на которыя старикъ былъ мастеръ. Марѳуша, стоя въ дверяхъ сосѣдней комнаты и слушая, съ какимъ почтеніемъ обращаются къ ея братцу, улыбалась такъ пріятно, какъ только была способна улыбаться ея физіономія. Потомъ батюшка извинялъ мою шалость дурнымъ товариществомъ, недостаткомъ хорошаго надзора и заключилъ рѣчь свою желаніемъ отдать меня въ полное распоряженіе Якова Яковлевича.

Трудно представить, какъ я былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Не строгость Якова Яковлевича меня пугала, нѣтъ! но я боялся, что онъ заморитъ меня голодомъ. Я думалъ, что одинъ развѣ котъ могъ быть сытъ въ этомъ домѣ, и то потому, что мыши ничего не стóятъ хозяину. Потомъ я вообразилъ, какъ я буду проводить время съ этими двумя холодными, черствыми, тяжелыми существами, вдали отъ товарищей, изъ которыхъ, конечно, никто не заглянетъ ко мнѣ, точно какъ-бы я былъ посаженъ подъ строгій караулъ. Жизнь моя вдругъ поблекла, какъ цвѣты и птицы Якова Яковлевича; свобода моя

съузилась, какъ пространство этой комнаты, — этой низенькой, темной и скучной комнаты, гдѣ каждый стулъ смотрѣлъ на меня съ страдательною гримасою? я самъ вдругъ какъ-будто состарѣлся и казался себѣ маленькимъ Яковомъ Яковлевичемъ. Словомъ, я страдалъ, какъ только могутъ страдать дѣти.

Батюшка, между тѣмъ, ничего этого не замѣчая, продолжалъ вести бесѣду съ Яковомъ Яковлевичемъ. Я смотрѣлъ безсмысленно въ окно, передъ которымъ вѣтеръ безпрестанно налеталъ на грушу и обрывалъ ея послѣдніе листья; такъ каждая фраза батюшки уничтожала мои дѣтскія радости, мои любимыя привычки, мои отрадныя затѣи и игры съ товарищами. Я былъ похожъ въ это время на старика, который касается предѣла своего существованія и съ грустью оглядывается на прошедшія ощущенія сердца, какихъ уже не будетъ для него впереди.

Наконецъ батюшка замолчалъ, въ ожиданіи отвѣта Якова Яковлевича, и лучъ надежды блеснулъ для меня, когда я увидѣлъ, что Яковъ Яковлевичъ крайне затруднился сдѣланнымъ ему предложеніемъ.

»Я радъ бы былъ учинить вашу волю«, сказалъ онъ (Яковъ Яковлевичъ выражался языкомъ, какимъ писались книги въ прошломъ столѣтіи); »но, изволите ли видѣть, вотъ я и сестрица жительствуемъ всегда одни. Мирно, спокойно у насъ.

Все на своемъ мѣстѣ, все цѣло, какъ было при покойномъ родителѣ моемъ. А вотъ раза три въ годъ заглянутъ ко мнѣ эти червяки и надѣлаютъ бѣды неотмѣнно. Тамъ теленка выпустятъ на улицу, тутъ зайцевъ нанесутъ вмѣсто мучицы, перебьютъ стекла. Полгода не придешь въ себя послѣ эдакого поздравленія съ праздникомъ.«

»Но, Яковъ Яковлевичъ«, сказалъ батюшка: »на дѣтей есть же узда. Наказывайте Николашу моей рукою....«

Яковъ Яковлевичъ взглянулъ на меня, и мнѣ казалось, что онъ ведетъ уже меня на расправу за мою продѣлку съ калошами.

»Оно-то такъ«, сказалъ онъ, »но, право, мнѣ какъ-то мудрено и подумать о постояльцѣ.... Какъ тебѣ кажется, Марѳуша?«

»А что́ же, Яковъ Яковлевичъ«, отвѣчала сестра: »много ли такому постояльцу надо? А пускай бы и у насъ въ дворѣ что-нибудь жужжало.«

Въ тонѣ, которымъ были произнесены эти слова, послышалось мнѣ столько доброты, что я посмотрѣлъ на говорившую съ удивленіемъ.

»А каково-то будетъ твоимъ грядамъ, Марѳуша?« сказалъ Яковъ Яковлевичъ.

»И, что́ за это опасаться!« отвѣчала она. »Я и сама прогоню мальчугана съ огорода хворостиною.«

Мнѣ живо представилось въ это время, какъ Марѳуша гонитъ меня хворостиною, а Яковъ Яков-

левичъ стоитъ на дворѣ, въ треугольной шляпѣ, съ метлой въ рукѣ, и говоритъ: »Экой капустняный червякъ!« Непривлекательная перспектива!

Но и въ воображеніи Якова Яковлевича рисовалась, видно, тоже какая-нибудь непріятная картина, въ родѣ мальчика, лазящаго по деревьямъ, или прыгающаго по стульямъ, — потому что онъ, покачавъ головою, сказалъ батюшкѣ:

»Нѣтъ, Иванъ Карповичъ, не могу.,.. душевно бы радъ, но не могу согласиться на вашу просьбу.«

»Но подумайте, Яковъ Яковлевичъ«, возразилъ на это батюшка, »что вы изъ-за однѣхъ воображаемыхъ непріятностей лишаетесь значительныхъ выгодъ.«

»А какихъ, напримѣръ?«

»Сколько вы получаете жалованья?«

»Триста-пятьдесятъ рублей ассигнаціями въ годъ, а въ мѣсяцъ двадцать-девять рублей, шестнадцать и двѣ-трети копейки.«

»Хотите, я дамъ вамъ треть этой суммы въ годъ за Николашу да разныхъ припасовъ рублей на сто?«

Яковъ Яковлевичъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на сестру.

»Что́ вы смотрите на меня, братецъ?« сказала она. »Это благодать Божія. А мальчикъ тотъ же теленокъ: какъ съ нимъ не справиться?«

»Сколько пудовъ благоволите вы поставлять мучицы?« спросилъ Яковъ Яковлевичъ.

»Да хоть сто. Ну, меду вамъ пуда два или три буду присылать, крупы, масла, ветчины, домашней живности....«

Яковъ Яковлевичъ не могъ устоять противъ всѣхъ этихъ искушеній и согласился наконецъ рискнуть своимъ спокойствіемъ.

Батюшка условился съ нимъ: пройти со мной съ самого начала вторую часть ариѳметики, также упражняться со мной въ Нѣмецкомъ языкѣ (у Якова Яковлевича была особая тетрадка, изъ которой онъ диктовалъ намъ Нѣмецкія слова и разговоры) и заниматься рисованьемъ; всего же больше наблюдать, чтобъ я не водился съ дурными товарищами и употреблялъ въ пользу свое время. Яковъ Яковлевичъ обѣщалъ выполнить свято всѣ эти условія. »Ну«, думалъ я, »достанется теперь мнѣ попробовать затворнической жизни!«

Этой горестной мысли не усладилъ во мнѣ и чай, поданный Марѳушею въ старинныхъ чашкахъ, на старинномъ подносѣ: онъ мнѣ показался настоемъ какой-то травы; и дѣйствительно, я послѣ узналъ, что Марѳуша составляла чай изъ разныхъ цѣлебныхъ растеній, увѣряя, что онъ не только полезнѣе, но и пріятнѣе покупного.

На другой день, въ то время, когда я сидѣлъ въ классѣ и слушалъ »учительское объясненіе« Якова Яковлевича, мои пожитки были перевезены къ нему въ домъ, и я долженъ былъ отправиться теперь обѣдать не по старой дорогѣ, черезъ

базаръ, гдѣ часто я запасался маковниками и другими сладостями жизни, а вмѣстѣ съ Яковомъ Яковлевичемъ, по огороднымъ тропинкамъ. Я напередъ воображалъ, какъ мнѣ дадутъ ломоть хлѣба и тарелку кашицы за обѣдомъ и какъ Марѳуша будетъ увѣрять, что такой обѣдъ не только полезнѣе, но и пріятнѣе мясныхъ кушаньевъ. Никто въ школѣ еще не зналъ о моемъ новоселыи, и какъ мнѣ было стыдно, когда Яковъ Яковлевичъ, надѣвая свою зеленую байковую шинель, сказалъ мнѣ: »Пойдемъ, молодецъ!« Мнѣ казалось, какъ-будто я отданъ въ рекруты: такъ совѣстно мнѣ было идти подлѣ Якова Яковлевича, моего постояннаго теперь Ментора. Мнѣ казалось, что теперь уже не одинъ, а два Якова Яковлевича на свѣтѣ, что я рано или поздно долженъ буду носить такой же фракъ, такую же старую шляпу, такіе же ботфорты и калоши, что у меня будетъ такая же лысына и что я тоже буду твердить молодцамъ о мучицѣ. Словомъ, я былъ сильно встревоженъ перемѣною моей жизни, я былъ, такъ сказать, согласованъ въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ съ Яковомъ Яковлевичемъ, я былъ приведенъ вмѣстѣ съ нимъ къ одному знаменателю: именно этими фразами я самъ о себѣ думалъ, пробираясь вслѣдъ за моимъ бригадиромъ по огородамъ, и потому употребляю ихъ и теперь, какъ ни странными могутъ показаться онѣ читателю.

IV.

УДИВИТЕЛЬНЫЯ ОТКРЫТІЯ, СДѢЛАННЫЯ МНОЮ ВЪ ЯКОВѢ ЯКОВЛЕВИЧѢ.

Во время дороги Яковъ Яковлевичъ посматривалъ на меня изкоса, не дѣлаю ли я уже какихъ-нибудь продерзостей у него сзади, въ родѣ тѣхъ, какія случалось ему терпѣть отъ другихъ шалуновъ; но я былъ смиренъ, какъ овечка. Мысль, что я жилецъ Якова Яковлевича, совершенно подавила меня. Прежде я съ хохотомъ выслушивалъ разсказы учениковъ, которые представляли, какъ Яковъ Яковлевичъ ежедневно совѣщается съ Марѳушею, что́ обойдется дешевле, »кашица съ крупою, или ушица съ мелюзгою«. Теперь мнѣ приходилось быть постояннымъ слушателемъ подобныхъ совѣщаній, въ которыхъ я ужъ не находилъ и тѣни забавнаго. Скука, одна скука и тоска предстояли мнѣ въ домѣ Якова Яковлевича. Я шелъ за нимъ какъ-бы на привязи и машинально разсматривалъ каждый отпечатокъ, который оставляли на влажной осенней дорогѣ бичевки, обматывавшія его калоши. Вотъ мы и у калитки, и на дворѣ.

Яковъ Яковлевичъ во всю дорогу молчалъ, какъ-будто былъ не въ своей стихіи; но когда всту-

пилъ онъ въ свое обиталище, языкъ его развязался. Онъ привѣтствовалъ свирѣпаго цербера ласками, какихъ я не ожидалъ отъ него: называлъ его морданчикомъ, горланчикомъ и тому подобными нѣжными именами. Потомъ, проходя мимо коровы, потрепалъ ее по лбу и далъ полизать свою руку; съ сестрицей поцѣловался, а кота взялъ даже на руки и, положа къ себѣ на грудь, гладилъ такъ усердно по спинѣ, что слышенъ былъ трескъ электричества. Все это, по моему понятію о Яковѣ Яковлевичѣ, было какъ-то ему несвойственно и удивляло меня.

Со мной тоже Яковъ Яковлевичъ велъ себя дома не по-училищному. Онъ совѣтовалъ мнѣ не церемониться, быть запросто и отдалъ въ мое распоряженіе кота, котораго назвалъ мушкатеромъ, что́ на его языкѣ значило почти тоже, что́ повѣса. Потомъ онъ велѣлъ мнѣ снять сюртукъ, повѣсить на гвоздикѣ, чтобъ не изнашивался дома понапрасну, и оставаться, подобно ему, въ одномъ жилетѣ. Какъ онъ показался мнѣ страненъ безъ своего сѣраго фрака! Но когда онъ снялъ ботфорты и остался въ длинныхъ шерстяныхъ чулкахъ, плотно обтягивавшихъ его ноги до колѣнъ, тогда фигура его сдѣлалась еще забавнѣе и сильно напоминала фигуру пѣтуха.

Надѣвъ, вмѣсто ботфортъ, какіе-то черевики, онъ былъ совсѣмъ готовъ къ обѣду. Я тоже былъ приглашенъ въ столовую Марѳушею, которая на-

звала меня голубчикомъ Николашею. (Для Якова Яковлевича я всё еще былъ »молодецъ«).

Я предвкушалъ уже всю горечь голода, какъ гарнизонъ, запертый безвыходно въ крѣпости. Немотря н а то, все въ домѣ Якова Яковлевича, до мельчайшихъ подробностей, возбуждало мое любопытство. Могу даже сказать, что послѣднее чувство было во мнѣ сильнѣе перваго, потому что въ первомъ случаѣ дѣйствовала только животная сторона моего существа, а здѣсь я смотрѣлъ глазами всего училища. Въ моихъ ушахъ уже раздавались безчисленные вопросы, на которые я долженъ бы лъ отвѣчать, воротясь въ училище, и потому я, прежде нежели бросилъ испытующій взглядъ на кашицу съ крупою, или ушицу съ мелюзгою, или что́ тамъ было поставлено на столъ, окинувъ гла зами комнату, въ которую меня позвали обѣдат ь.

Это была вторая изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ обит алище Якова Яковлевича. Она служила ему спальнею, кабинетомъ и музеумомъ. (Третья был а кухня и принадлежала собственно Марѳушѣ.) Я сказалъ: *музеумомъ*, и не безъ причины. Тутъ, кромѣ его ботфортъ, калошъ, круглой новѣйша го фасона и старинной треугольной шляпы, которы я могли бы составить славу иного древлехранили ща, висѣло, во-первыхъ, ружье его отца, во-вторы хъ, его же тесакъ и портупея, наконецъ, поход ная шинель, служившая иногда Яко-

ву Яковлевичу одѣяломъ. Значеніе всѣхъ этихъ предметовъ и исторія каждаго изъ нихъ объяснились для меня послѣ; теперь же я могъ только удивляться странному набору разныхъ доспѣховъ, вмѣстѣ съ пилою для дровъ, огромными колодками, на которыхъ шьютъ сапоги, и пучками дратвы, украшавшими стѣны столовой.

Я остановился посреди комнаты и смотрѣлъ то́ на ружье, то́ на Якова Яковлевича, подвязывавшаго свои длиннѣйшіе шерстяные чулки, то́ на сапожничій снарядъ, то́ опять на Якова Яковлевича, — смотрѣлъ и прикладывалъ мысленно одинъ предметъ къ другому, воображая своего почтеннаго Ментора, то́ въ роли мушкатера, то́ въ роли архитектора собственныхъ ботфортъ и калошъ. Да́, я былъ увѣренъ, что никто другой и не былъ въ состояніи создать что-нибудь подобное его обуви.

Я начиналъ думать то же самое и насчетъ его фрака и всего облаченія; но прежде, нежели я сообразилъ возможность этого факта, мысли мои были отвлечены въ другую сторону мяуканьемъ кота, который почуялъ запахъ принесеннаго Мареѳушею кушанья и бросился съ лежанки въ столовую, столкнувшись мордою съ моими ногами. Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, и онъ мнѣ показался очень глупымъ животнымъ. Въ то же самое время Яковъ Яковлевичъ и Мареѳуша произнесли протяжнымъ голосомъ — одинъ: »Са-

дись, молодецъ«, а другая: »Садись, голубчикъ Николаша«, и я сѣлъ вмѣстѣ съ ними за столъ.

Столъ былъ закрытъ чистою, хотя очень толстою, салфеткою; но на ней, вмѣсто суповой чашки, стоялъ горшокъ, правда, муравленный и закопченный умѣренно, но тѣмъ не менѣе горшокъ. Я посмотрѣлъ на него кислымъ взглядомъ — и, кажется, согласился бы, чтобы черепяная крышка прикипѣла къ нему на-вѣки. Не подозрѣвая моихъ чувствъ, Марѳуша открыла горшокъ. Котъ замяукалъ громче прежняго, но на этотъ разъ я не считалъ уже его дуракомъ. Я самъ готовъ былъ вмѣстѣ съ нимъ замяукать: такъ неожиданно обрадовалъ меня запахъ заключавшагося въ горшкѣ кушанья. Когда поднявшійся надъ нимъ столбомъ паръ разсѣялся и Марѳуша начала дѣйствовать деревянною ложкою, я убѣдился, что это кушанье было не больше и не меньше, какъ очень вкусный супъ съ курицей.

Я посмотрѣлъ на Якова Яковлевича и на Марѳушу сквозь теплый туманъ, слегка затмѣвавшій почтенныя черты ихъ, и супъ съ курицей показался мнѣ еще неудобоприложимѣе къ нимъ, нежели ружье къ Якову Яковлевичу, а сапожничьи колодки и дратва къ Марѳушѣ, или наоборотъ. Но Яковъ Яковлевичъ спокойно ожидалъ супу, а Марѳуша еще спокойнѣе наливала его въ тарелку, и я, при всей своей наблюдательности, не замѣтилъ, чтобы въ глазахъ Якова Яков-

левича выражалась какая-нибудь жадность къ лакомому кушанью, а въ рукахъ его сестрицы была дрожь скупости, взвѣшивающей и оцѣнивающей на наличныя деньги раздѣляемую пищу. Самъ я былъ гораздо безпокойнѣе ихъ обоихъ и уступалъ въ этомъ только коту, который, мурлыча ласково, тянулся ко мнѣ на колѣни и выпускалъ, въ знакъ своего сочувствія къ супу, когти, такъ что я вдругъ вздрагивалъ отъ боли и отталкивалъ его подъ столъ.

»Хорошо сдѣлалъ твой батюшка, Николаша«, сказала Марѳуша, отламывая для себя отъ хлѣба осущикъ, »что помѣстилъ тебя у насъ; ато и готовить кушанья было мнѣ не для кого. Всё только ушица да кашица. Яковъ Яковлевичъ мясного не кушаетъ.«

»Отъ чего жъ это?« спросилъ я, видя, что со мной желаютъ говорить.

Ротъ Марѳуши въ это время былъ уже занятъ осущикомъ, и потому за нее отвѣчалъ самъ Яковъ Яковлевичъ.

»Ты спрашиваешь, молодецъ, для́ чего? (Яковъ Яковлевичъ всегда дѣлалъ удареніе на *для*). А для́ того, что я привыкъ съ малолѣтства къ такой пищѣ.«

Это были уже не первыя слова Якова Яковлевича, произнесенныя ко мнѣ домашнимъ образомъ; но я всё еще слушалъ внимательно: для меня было и ново, и крайне занимательно съ нимъ

разговаривать. Я проглотилъ наскоро ложку горячаго супу и тотъ-часъ спросилъ:

»Какъ же это, Яковъ Яковлевичъ?«

»А такъ, молодецъ«, отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ-бы говорилъ: »мололцы, остановитесь и послушайте учительскаго объясненія«, такъ, что покойный родитель мой былъ въ нижнемъ воинскомъ чинѣ, когда я родился на свѣтъ. На этомъ мѣстѣ стояла убогая избушка....«

»Такъ батюшка вашъ былъ военный!« воскликнулъ я протяжно, бросивъ взглядъ на ружье и тесакъ, при чемъ безъ умысла увидѣлъ сапожничьи колодки и дратву.

»Какъ же, молодецъ? военный!«

»Отъ того и у Якова Яковлевича«, замѣтила Марѳуша, »военная осанка.«

Я невольно взглянулъ на Якова Яковлевича.

»Ну, вотъ, молодецъ ты мой«, продолжалъ Яковъ Яковлевичъ, »и жили мы въ этой избушкѣ. Батюшка служилъ въ гарнизонѣ капраломъ; получалъ въ мѣсяцъ четыре пуда мучицы, четверикъ крупъ да рубль и восемь алтынъ денегъ. Тѣмъ нужно было и кормиться. Такъ понимаешь ли, молодецъ, какъ довлѣло батюшкѣ меня воспитывать? На завтракъ сухарики съ водицею да немножко сольцы, на обѣдъ — кашица съ крупою, а на ужинъ — луковичка съ хлѣбцемъ: вотъ и вся роскошь. Такъ, молодецъ ты мой, провелъ я всю юность до девятнадцатилѣтняго возраста и

пріобыкъ къ таковой жизни такъ, что лучшей и не воображалъ, и не желалъ. Затѣмъ вотъ и нонче мнѣ даже не здоровится, какъ покушаю мясного, а лучше, когда ѣмъ ушицу, супецъ, или кашицу.«

Этотъ разсказъ о сухарикахъ съ сольцею, о хлѣбцѣ съ лучкомъ и прочая произвелъ на меня необыкновенно-пріятное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ удовольствія, съ которымъ я убиралъ супецъ Марѳуши и самъ Яковъ Яковлевичъ преобразился для меня въ новаго человѣка.

Я смотрѣлъ на него теперь почти съ такимъ же ощущеніемъ, какое онъ внушалъ мнѣ въ первый день нашего знакомства, такъ онъ мнѣ показался новъ въ домашней сферѣ жизни, такъ непохожъ онъ былъ на того Якова Яковлевича, который говорилъ: »молодцы, остановитесь« и т. д., или твердилъ о вѣтрянныхъ мельницахъ, которыя »мелютъ-мелютъ, да мучицы нѣту«. Тамъ онъ былъ жесткая школьная указка; здѣсь онъ являлся кроткимъ и благосклоннымъ человѣкомъ, котораго я не могъ не полюбить, какъ и старушку Хлопотову. Теперь ужъ я не искалъ въ немъ одного смѣшного; мнѣ хотѣлось узнать его съ другой стороны, и я съ большимъ удовольствіемъ вслушивался въ его бесѣду съ сестрою.

Съ своей стороны, Яковъ Яковлевичъ и Марѳуша, какъ я замѣчалъ, радовались, что есть кому ихъ слушать, и пустились припоминать раз-

ныя обстоятельсва своей жизни, болѣе или менѣе для меня любопытныя.

Яковъ Яковлевичъ съ особеннымъ удовольствіемъ обращался ко временамъ своего дѣтства и разсказывалъ о немъ съ такимъ видомъ, какъ-будто и для него это была пора невозмутимыхъ радостей; а между тѣмъ въ немъ, какъ я догадываюсь, еще съ того времени началъ образовываться этотъ боязливый, замкнутый въ самомъ себѣ характеръ.

Между прочимъ онъ разсказалъ, въ видѣ пріятнаго воспоминанія, какъ онъ, будучи мальчикомъ, хаживалъ зимою на разсвѣтѣ въ »народное училище«, отогрѣвая руки у горячихъ блиновъ, которыя Марѳуша клала ему въ карманъ, — какъ одинъ школьникъ стащилъ разъ мимоходомъ у торговки два блина и какъ она, вмѣсто хищника, схватила Якова Яковлевича за тупей (тогда еще носили косы) и, назвавъ капшукомъ, отняла у него домашній завтракъ.

Я такъ засмѣялся, вообразя маленькаго Якова Яковлевича съ косою, передъ бабой, запустившей руку въ карманъ его — безъ сомнѣнія, длиннаго — кафтана, что Яковъ Яковлевичъ и Марѳуша, въ одно слово, напомнили мнѣ, чтобъ я не уронилъ со стола тарелки.

Я опомнился, и мнѣ сдѣлалось передъ Яковомъ Яковлевичемъ очень совѣстно, какъ ни странно это иному покажется.

»Да́, братецъ любезный«, сказала между тѣмъ

Марѳуша, глядя на него съ явнымъ желаніемъ выразить въ лицѣ нѣжное чувство, что́ отъ-части и удалось ей, »вы были прилежнымъ школьникомъ. Бывало, надо о-полночи встать, чтобъ не опоздать съ блинами, — да и то почти всякій разъ приходилось догонять васъ на дворѣ, чтобъ сунуть блина два въ карманъ.«

»Спасибо тебѣ, Марѳушка«, отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ; но его лице ужъ ровно ничего не выражало: »ты одна меня жалѣла и лелѣяла.«

»А батюшка?« сказала Марѳуша.

»Батюшка, пожалуй, лелѣялъ меня тоже, только на свой во́инскій ладъ.«

»Какъ это на свой во́инскій ладъ?« спросилъ я.

»А вотъ какъ, молодецъ. Вставъ до солнца, выучи сперва свои уроки, потомъ бери ружье да протверди весь артикулъ....«

»Какъ, Яковъ Яковлевичъ!« прервалъ я, »вы учились дѣйствовать ружьемъ?«

»Да́, молодецъ. Бывало, чуть выучу уроки изъ Ариѳметички, изъ Нѣмецкихъ Разговоровъ, изъ Краткаго Начертанія Всемірной Исторіи, тотчасъ и за ружье. Оно, молодецъ, здорово для тѣла, да притомъ не допускаетъ — говорилъ батюшка — и до баловства.«

»А подлинно, братецъ«, замѣтила Марѳуша: »вы завсегда были скромны, что́ красная дѣвушка.«

»Да, Марѳуша«, подтвердилъ съ спокойнымъ

убѣжденіемъ Яковъ Яковлевичъ: »до сихъ поръ я не сотворилъ еще ни одного великаго грѣха.«

На столѣ, между тѣмъ, давно уже стояла молочная кашица; но я ничего не видѣлъ. Столъ съ расписанными синею краскою тарелками, Яковъ Яковлевичъ, Марѳуша и даже назойливый котъ исчезли для меня. Передъ моими глазами рисовался маленькій мушкатеръ съ косою, въ старинномъ кафтанѣ и съ ружьемъ на плечѣ. Онъ поворачивался направо и налѣво, маршировалъ, выдѣлывалъ ружьемъ »артикулы«....

»Да притомъ же«, продолжалъ Яковъ Яковлевичъ, не вѣдая о проказахъ моего воображенія, »притомъ же, молодецъ, батюшка готовилъ меня къ воинской службѣ. Ему хотѣлось только, чтобъ я прошелъ всѣ науки въ народномъ училищѣ, а потомъ онъ намѣренъ былъ записать меня рядовымъ въ тотъ полкъ, гдѣ самъ служилъ, пока вышелъ капраломъ въ гарнизонъ.«

»Что́ же этому помѣшало?« спросилъ я.

»Помѣшала, молодецъ, всеобщая помѣха дѣламъ человѣческимъ — смерть. Кушай, молодецъ, кашицу. Это мое любимое кушанье.«

»Какъ же вы остались безъ батюшки?« спрашивалъ я съ участіемъ. »Кто вамъ доставлялъ мучицу, крупу и прочее, чѣмъ жить?«

»Батюшка оставилъ намъ съ Марѳушею поля десятинъ пятнадцать да выстроилъ домикъ — вотъ какой видишь«, отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ.

»Это онъ выстроилъ!« сказалъ я съ удивленіемъ. »Гдѣ же онъ взялъ столько денегъ, получая въ мѣсяцъ четыре пуда мучицы, четверикъ крупъ да рубль и восемь алтынъ денегъ, какъ вы сказали?« (Всѣ слова Якова Яковлевича врѣзывались въ моей памяти, какъ-будто онъ записывалъ ихъ тамъ »самымъ чистымъ Петербургскимъ почеркомъ«.)

»Это былъ его паекъ, молодецъ«, отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ; »понимаешь? онъ и шелъ на наше прокормленіе. Батюшка покойникъ говаривалъ, что солдатскимъ дѣтямъ довлѣетъ жить по-солдатски, и пріучалъ насъ къ самой простой, »Суворовской«, какъ называлъ онъ, пищѣ. А что́ перепадало ему отъ раздачи солдатушкамъ провизіи да амуниціи, да что́ скопилъ въ походахъ— батюшка вѣдь съ Суворовымъ далеко въ чужихъ земляхъ перебывалъ — то́ все употреблено было, чтобъ обезпечить насъ, какъ останемся сиротами.«

»Такъ у васъ, Яковъ Яковлевичъ«, сказалъ я: »стало быть порядочное имѣньице?«

»Слава Богу, молодецъ. Я пріумножилъ отцовское наслѣдіе своимъ жалованьицемъ. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ откладываю по триста по пятидесяти рубликовъ въ мошонку да накопивши денежекъ и прикуплю нивку, другую. Анъ вотъ смотри — ужъ я съ своихъ полей получаю въпятеро больше противъ жалованьица.«

»Но какъ же вы, Яковъ Яковлевичъ«, продол-

жалъ я освѣдомляться, »какъ же вы изъ воинской службы попали въ учители?«

»Очень просто, молодецъ. Батюшка умеръ на самомъ выходѣ моемъ изъ училища. О воинской службѣ думать было не для чего больше. Одной сестрицы не оставить было въ домѣ. Я началъ вмѣсто того ходить въ судъ. Писалъ я самымъ чистымъ Петербургскимъ почеркомъ. Судья полюбилъ меня, а послѣ порекомендовалъ меня учителемъ. Такъ-то, молодецъ, полезно всякое дѣло дѣлать съ раченіемъ.«

»И вамъ сверхъ этого ничего не нужно?« спросилъ я, дивясь его довольству своею, вовсе незавидною, жизнью.

Яковъ Яковлевичъ на это ничего не отвѣчалъ и только посмотрѣлъ на Марѳушу.

Марѳуша взглянула на него съ особеннымъ выраженіемъ, которое я въ первый разъ еще замѣтилъ въ ея неподвижныхъ чертахъ. Она вздохнула и хотѣла́ что́-то сказать, но Яковъ Яковлевичъ, какъ-будто зная напередъ, что́ она скажетъ, поспѣшилъ отодвинуть свой стулъ, и мы встали изъ-за стола.

V.

Я дѣлаю открытія, еще удивительнѣйшія.

Послѣ обѣда Яковъ Яковлевичъ легъ соснуть, а я нагрáфилъ тетрадку для чистописанія, кото-

рое онъ же преподавалъ намъ, и, пока онъ еще спалъ, отправился въ школу. По дорогѣ я зашелъ къ моему пріятелю, Діонисію, тому самому, который зналъ наизусть всѣ цыфры въ Ариѳметичкѣ. Этотъ Архимедъ жилъ у своего дяди, купца Цапинскаго, въ комнаткѣ, пристроенной къ банѣ въ концѣ сада. Обстоятельство это придавало мнѣ особенную охоту посѣщать его: онъ никогда не забывалъ показать мнѣ, на какихъ кустахъ больше ягодъ, а на деревьяхъ — плодовъ, и мы съ нимъ проводили время очень пріятно, пока колокольчикъ, повѣшенный надъ кровлею училища, не возвѣщалъ намъ, что пора »остановиться и идти слушать учительское объясненіе«.

Посѣщая Діонисія, я часто видалъ въ саду двоюродную сестру его, дочь купца Цапинскаго, миловидную, свѣженькую дѣвушку, лѣтъ семнадцати, или болѣе. Она не разъ потчевала меня бакалейными лакомствами, которыми торговалъ отецъ ея. Съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ я при этомъ на хорошенькую дѣвушку, весело мнѣ улыбавшуюся! Она казалась мнѣ пышнымъ цвѣткомъ посреди зелени сада. Можетъ быть, мой восторгъ, котораго я не скрывалъ, и былъ причиною, что она почти всякій разъ, когда меня видѣла, приносила мнѣ фиников, или винограду. Теперь я догадываюсь, что она дѣлала это съ тѣмъ удовольствіемъ, какое мы испытываемъ, кормя ласковаго котенка. Но мнѣ не было тогда нуж-

ды до ея чувствъ; я наслаждался ея угощеніемъ и былъ за него почти влюбленъ въ нее.

На этотъ разъ, проходя черезъ дворъ въ садъ, я увидѣлъ ее на высокомъ крыльцѣ и поклонился ей. Она, съ милой фамильярностью, послала мнѣ ручкою поцѣлуй, чѣмъ я былъ приведенъ въ восхищеніе. Черезъ минуту она уже была въ саду, неся поднятую вверхъ виноградную кисть. Я съѣлъ ее медленно, чтобъ насладиться долѣе, и въ то же время не сводилъ глазъ съ румяноланитной дѣвушки. Она была цвѣтущее существо, какъ весна, какъ роза на садовомъ кустѣ.

Но восхищеніе мое не помѣшало мнѣ открыть въ ея лицѣ оттѣнокъ какой-то очень серьёзной грусти. Я хотѣлъ было даже высказать свое наблюденіе; но товарищъ мой помѣшалъ мнѣ.

»Знаешь ли, Катя«, сказалъ онъ своей двоюродной сестрицѣ, указывая на меня, »гдѣ онъ теперь живетъ? У Якова Яковлевича.«

»У Якова Яковлевича?« спросила она съ особенною живостью, »у моего жениха?«

»Что́ вы говорите?« сказалъ я, не зная, какъ понимать слова ея.

»Да́«, подтвердила она, »Яковъ Яковлевичъ мой женихъ.«

»Какимъ образомъ?«

»Онъ сватался за меня.«

»Яковъ Яковлевичъ, учитель нашъ?«

»Сватался, и очень не́давно.«

»Что́ же вы?«

»Батюшка отказалъ.«

»А вы?«

»Я бы охотно за него вышла.«

Я засмѣялся, и Діонисій тоже.

»Право, вышла бы«, сказала Катя, срывая, безъ всякой нужды, съ куста вѣтку, усыпанную зрѣлыми ягодами.

»А Иванъ Ѳедоровичъ?« сказалъ Діонисій.

»Съ Иваномъ Ѳедоровичемъ не судьба жить мнѣ.«

»Съ котораго это времени?«

»Съ того, какъ сватался за меня Яковъ Яковлевичъ.«

Въ это время изъ-за деревьевъ показался очень красивый собою, бѣлокурый молодой человѣкъ въ синемъ сюртукѣ, съ букетомъ цвѣтовъ въ одной рукѣ и съ шляпою въ другой. Это былъ Иванъ Ѳедоровичъ, прикащикъ купца Цапинскаго.

»Катя«, сказалъ онъ издали, показывая ей прекрасныя георгины, которыя онъ несъ, »что́ ты на это скажешь?«

»Не носите мнѣ больше цвѣтовъ«, сказала она.

»Катя! Боже мой!« сказалъ онъ съ огорченнымъ видомъ, подходя къ ней, »что́ это значитъ? Откуда это у тебя взялись *вы* и такіе странные капризы?«

»Развѣ я не властна въ выборѣ словъ, и не имѣю права отказаться отъ вашихъ любезностей?« сказала она сурово, глядя въ-сторону.

Я смотрѣлъ на нее внимательно и замѣтилъ въ ея глазахъ душевное волненіе, котораго никогда не забуду. Но она показалась мнѣ въ это время еще прелестнѣе.

»Вы имѣете право«, отвѣчалъ съ упрекомъ Иванъ Ѳедоровичъ, »отказаться и отъ всего.«

»И откажусь: мы не обрученные«, сказала она, ощипывая съ вѣтки и бросая на землю ягоды.

»Въ самомъ дѣлѣ!« воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ молодой человѣкъ.

»Мнѣ не до шутокъ«, отвѣчала она.

»Такъ прощайте жъ«, сказалъ онъ, кланяясь ей. »Я не зналъ, что вамъ нужны деньги, ато бы не былъ такъ честенъ съ вашимъ батюшкой.«

И ушелъ изъ саду.

Она смотрѣла за нимъ въ-слѣдъ, пока онъ скрылся изъ виду.

Я убѣдился, что она въ самомъ дѣлѣ не шутитъ. Но мнѣ было такъ же дико воображать, что она готова выйти за Якова Яковлевича, какъ думать, что на снѣгу могутъ цвѣсти розы.

»Говорятъ, у Якова Яковлевича порядочное состояніе«, сказала она.

»Да́«, отвѣчалъ я: »онъ самъ хвалился, что получаетъ съ своихъ полей доходовъ въ-пятеро больше противъ жалованья.«

»Но у него́, кромѣ того, есть деньги«, сказала Катя: »нашъ сосѣдъ, купецъ Чорнобай, долженъ ему значительную сумму.«

»Васъ это, кажется, очень занимаетъ«, сказалъ я, не переставая ей удивляться.

»И должно́ занимать«, отвѣчала она, »когда я намѣрена выйти за него замужъ.«

»Намѣрены?«

»Да́, Яковъ Яковлевичъ человѣкъ тихаго, почтеннаго нрава. Съ нимъ можно жить счастливо.«

»Но батюшка вашъ?«

»Батюшка уступитъ. Онъ меня любитъ столько же, какъ и я его.«

»Ты, Катя, забрала себѣ пустяки въ голову«, сказалъ Діонисій. »Что́ за житье тебѣ съ Яковомъ Яковлевичемъ? Ты молода, а онъ старикъ.«

»Вотъ пустяки!« отвѣчала она, проведя вѣткою по губамъ его. »Онъ будетъ меня лелѣять и любить лучше молодого.«

»Да онъ скупъ! Ты развѣ этого не знаешь?«

»Я этому не вѣрю. Когда заболѣла его сестра, онъ призвалъ лекаря и заплатилъ ему за леченіе такъ щедро, какъ никто въ городѣ. Скупцы этого не дѣлаютъ. Его никто не любитъ, и онъ дичится людей, а для любимой женщины, я увѣрена, онъ готовъ все сдѣлать.«

И мнѣ тоже казалось. Я готовъ былъ ручаться въ этомъ.

Между тѣмъ Діонисій продолжалъ уничтожать своего наставника.

»Неужели ты, Катя«, говорилъ онъ, »не боишь-

ся сдѣлаться поспѣшищемъ города? Мнѣ страшно и подумать, какъ ты будешь идти объ руку съ мужемъ, у котораго шляпа залѣплена чернымъ сургучемъ, а калоши привязаны къ сапогамъ бичевкою?«

»Напрасно ты думаешь«, отвѣчала Катя, »что онъ навсегда останется такимъ чудакомъ. За него некому было взяться, и ему не для кого было до сихъ поръ рядиться. Посмотрѣлъ бы ты, какимъ онъ щеголемъ являлся къ батюшкѣ.«

»Онъ самъ являлся?« воскликнулъ я съ удивленіемъ.

Я вообразить не могъ, чтобъ робкій, уединенный Яковъ Яковлевичъ отважился на такой подвигъ.

»Да́, самъ«, отвѣчала Катя, »и говорилъ такъ мило, такъ основательно, какъ слѣдуетъ почтенному человѣку. Я перемѣню его жизнь. Мы заведемъ себѣ лошадей, экипажецъ и будемъ такими, какъ и всѣ другіе.«

Она говорила это съ такимъ убѣжденіемъ, въ ея словахъ была такая прелесть, что въ моемъ воображеніи на Якова Яковлевича повѣяло волшебною молодостью. Онъ мнѣ представился отлично выбритымъ, розовымъ и даже — что́ было всего мудренѣе представить — улыбающимся. Онъ велъ подъ руку молодую жену, отъ которой на него падалъ такой отсвѣтъ, юности и красоты.... И съ какимъ упоеніемъ провожала ихъ глазами Марѳуша! Даже ученики Н—скаго училища

радовались преобразованію своего наставника, а ихъ отцы наперерывъ спѣшили присылать ему, вмѣстѣ съ поздравленіемъ, кули мучицы. Еще только показался первый лучъ блаженства Якова Яковлевича, а я уже бредилъ его счастьемъ. Яковъ Яковлевичъ составлялъ какъ-бы мою собственность: я открылъ его у него въ домѣ, и потому дальнѣйшая судьба его интересовала меня живѣйшимъ образомъ.

»Послушайте«, сказалъ я Катѣ: »если вы не шутите, то позвольте мнѣ передать Якову Яковлевичу все, что́ я слышалъ.«

»Я васъ хотѣла просить объ этомъ«, отвѣчала она; »а что я не шучу, въ этомъ онъ можетъ удостовѣриться лично. Завтра у насъ воскресенье, Яковъ Яковлевичъ бываетъ по воскресеньямъ въ монастырѣ. Я тоже буду тамъ съ нянюшкою. Когда кончится обѣдня, мы пойдемъ въ рощу, гдѣ похоронена моя матушка. Я бы желала увидѣться и поговорить съ Яковомъ Яковлевичемъ. Передайте ему это.«

Я обѣщалъ исполнить ея просьбу, и какъ въ это самое время раздался на кровлѣ училища звонокъ, то мы и отправились съ Діонисіемъ въ школу, взявъ подъ мышку тетради и прописи.

»Скажи пожалуста, что́ все это значитъ?« спросилъ я у Діонисія, идучи по дорогѣ въ училище. »Что́ за капризъ пришелъ въ голову твоей Катѣ полюбить Якова Яковлевича? Я отъ души

желаю ему добра, но, право, едва вѣрилъ ушамъ своимъ, когда она говорила, что любитъ его.«

»Развѣ она это говорила?« сказалъ Діонисій.

»Да какъ же? Она готова выйти за него замужъ?«

»Это еще не значитъ, что она любитъ его.«

»А какъ же это понять?«

»Поймешь очень ясно, когда она выйдетъ за него замужъ.«

Сколько я ни добивался отъ своего пріятеля объясненія словъ его, но онъ таинственно молчалъ и, казалось, былъ чѣмъ-то опечаленъ, такъ же, какъ и Катя. Я отъ-части догадывался о причинѣ его печали: утромъ въ училищѣ много толковали о томъ, что купецъ Цапинскій ограбленъ гдѣ-то на ярмаркѣ и скоро будетъ банкротомъ. Это, однакожъ, не мѣшало мнѣ радоваться за Якова Яковлевича, и я во всю дорогу подпрыгивалъ, поспѣшая въ училище.

Товарищи ожидали моего прихода съ нетерпѣніемъ и забросали меня вопросами, а нѣкоторые насмѣшливо предлагали купить для меня булокъ, воображая, что я голоденъ. Но я съ гордостью сообщилъ имъ, что Яковъ Яковлевичъ совсѣмъ не то, чѣмъ они его воображаютъ, и даже намекнулъ таинственно, что́ они скоро увидятъ его совсѣмъ инымъ человѣкомъ.

Разумѣется, меня не преминули прозвать маленькимъ Брулемъ, но это имя не было теперь для меня оскорбительно. Я ни на минуту не пере-

ставалъ думать о Яковѣ Яковлевичѣ, о Марѳушѣ и Катенькѣ, и эти три существа, при всемъ своемъ несходствѣ, образовали въ моемъ воображеніи такую привлекательную картину, какую дѣлаютъ ветхія развалины, обвитыя молодымъ, свѣжимъ, сквозящимъ на солнцѣ плющемъ.

Когда явился въ училище Яковъ Яковлевичъ и принялся, по своему обыкновенію, дѣлать ученикамъ перекличку, я былъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что не утерпѣлъ, чтобъ не воскликнуть при своемъ имени hier! Яковъ Яковлевичъ поднялъ на меня глаза и молча покачалъ головою; но выраженный имъ этимъ движеніемъ упрекъ не смутилъ меня. Я думалъ, глядя на него: »Еслибъ ты зналъ, что́ значитъ это hier! въ эту самую минуту на твоемъ лицѣ изчезло бы по крайней мѣрѣ полдюжины морщинъ и ты готовъ бы былъ расцѣловать меня!«

Передо мной лежалъ экземпляръ »С. Петербургскихъ Прописей«, награвированныхъ въ осмнадцатомъ столѣтіи. (Съ нихъ-то и взялъ Яковъ Яковлевичъ свой »самый чистый Петербургскій почеркъ«.) Но я мало смотрѣлъ въ пропись: глаза мои безпрестанно устремлялись на Якова Яковлевича, который очинивалъ ученикамъ перья ножикомъ, тщательно хранимымъ въ теченіе какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ. Ножикъ этотъ содержался у него въ кожанномъ мѣшечкѣ, вмѣстѣ съ небольшимъ оселкомъ, сдѣланнымъ изъ об-

ломка аспидной доски. Яковъ Яковлевичъ острилъ его не иначе, какъ на одну только сторону, чтобъ лезвее не стиралось понапрасну, и такимъ образомъ сохранилъ его до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ добытъ покойнымъ отцемъ его въ Швейцарскомъ походѣ.

Я смотрѣлъ на Якова Яковлевича, на его сгорбленный станъ, на его покрытое морщинами, безцвѣтное лице и думалъ о томъ превращеніи, которое скоро должно́ съ нимъ совершиться. Я такъ былъ увѣренъ въ непреложности этого превращенія, какъ въ наступленіи весны, или другого физическаго явленія. И какъ смѣшенъ казался мнѣ Яковъ Яковлевичъ съ своею будничнею миною, тогда какъ для него наступилъ свѣтлый праздникъ! Онъ мнѣ казался богачемъ, незнающимъ о своихъ богатствахъ и въ потѣ лица трудящимся ради насущнаго хлѣба. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда останусь съ Яковомъ Яковлевичемъ наединѣ. Никогда ни одинъ ученикъ не увѣдомлялъ его съ такимъ удовольствіемъ о присылкѣ изъ деревни мучицы, съ какимъ я готовился сообщить ему свою новость.

Наконецъ, я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ сквозь проломанный заборъ, на засаженный капустою огородъ, по которому лежала намъ ближайшая, или болѣе уединенная дорога къ дому. Мы остались одни, и я могъ бы съ нимъ теперь объясниться о томъ, что́ такъ сильно меня занимало;

но — странное дѣло! — теперь мнѣ хотѣлось помедлить съ своею новостью. Я чувствовалъ себя колдуномъ, похожимъ на тѣхъ, о которыхъ читалъ въ »Тысячѣ одной Ночи«: я владѣлъ магическимъ словомъ, которое, будучи произнесено, преобразитъ Якова Яковлевича совершенно, и мнѣ было пріятно удержать при себѣ подолѣе свою волшебную силу.

VI.

ЛЮБОПЫТНЫЯ ПОДРОБНОСТИ О ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ ЯКОВА ЯКОВЛЕВИЧА.

Мы возвратились домой. Я долженъ былъ, по наставленію Якова Яковлевича, снять свой сюртукъ и повѣсить на гвоздикѣ. Самъ онъ сдѣлалъ тоже самое и остался только въ полосатомъ жилетѣ и въ ботфортахъ. Но съ ботфортами произошла на этотъ разъ церемонія, достойна описанія.

Лаская кота, который протягивался подъ моей рукой на лежанкѣ, я заглянулъ случайно въ музеумъ Якова Яковлевича и замѣтилъ тамъ новое лице, по-видимому, очень привычное къ дому. Это былъ небольшого роста старичекъ объ одномъ глазѣ, почти въ такомъ же костюмѣ, какъ и Яковъ Яковлевичъ; разница была только въ галстухѣ, котораго онъ вовсе не имѣлъ, и въ ботфортахъ,

вмѣсто которыхъ у него на ногахъ было что-то въ родѣ калошъ. Онъ былъ сѣдъ, какъ лунь, но проворенъ и быстръ въ движеніяхъ, какъ сидѣлецъ мелочной лавочки. Онъ подалъ Якову Яковлевичу низенькую скамеечку, и мнѣ показалось, что прежде, нежели Яковъ Яковлевичъ сѣлъ на нее, онъ уже снялъ съ него ботфорты, вмѣстѣ съ привязанными къ нимъ калошами. Въ одну минуту онъ размоталъ бичевки и принялся осматривать кругомъ странную обувь очень внимательно.

»Кто это у васъ?« спросилъ я Марѳушу, которая въ эту минуту вошла въ мою комнату.

»Это, голубчикъ, нашъ сосѣдъ, Филимоновичъ, отставной солдатъ; онъ служилъ вмѣстѣ съ нашимъ покойнымъ батюшкой.«

»Что́ жъ онъ здѣсь дѣлаетъ?«

»Развѣ не видишь? Онъ сапожный мастеръ. Каждую субботу онъ осматриваетъ и чинитъ ботфорты и калоши Якову Яковлевичу.«

»Такъ это его работы калоши?« спросилъ я.

»Его, голубчикъ. Онъ круглый годъ обшиваетъ насъ. И тебѣ, если будетъ нужно, онъ сдѣлаетъ сапожки.«

Я не могъ не засмѣяться, вообразя на своихъ ногахъ обувь, подобную обуви Якова Яковлевича.

»Здѣсь онъ живетъ за садомъ«, продолжала Марѳуша. »Онъ у насъ все равно, что́ свой семьянинъ. Хорошій человѣкъ: Якова Яковлевича по-

читаетъ, какъ самого Суворова, у котораго онъ служилъ подъ командою.«

»Дорого платитъ ему за работу Яковъ Яковлевичъ?«

»Да ничего не платитъ.«

»Какъ это можно?«

»Вѣдь онъ у насъ — говорю тебѣ — свой. Мучицы, крупы и всего, что́ нужно, мы для него не считаемъ, а денегъ ему совсѣмъ не надобно. Онъ одинокъ — такъ всегда заработаетъ на рюмку водки. А больше что́ нужно старому солдату? Яковъ Яковлевичъ совсѣмъ хотѣлъ перемѣстить его къ себѣ, да старику жаль покидать избушку, въ которой родился. Только ужъ больше не проживетъ онъ въ ней, какъ одну зиму: совсѣмъ заваливается.«

»Вы, кажется, очень его любите«, сказалъ я.

»Какъ же не любить такого человѣка?« отвѣчала Марѳуша: »онъ, голубчикъ, наша опора и защита въ жизни. Безъ него мальчишки обнесли бы садъ, а Филимоновичъ бережетъ его все равно, что́ свой. Да всякій бы злой человѣкъ насъ безъ него обидѣлъ; а теперь подико-сь, такъ попотчиваетъ костылемъ, что своихъ не узнаешь.«

Все это, при тихомъ и боязливомъ характерѣ Якова Яковлевича, казалось мнѣ весьма естественнымъ. Но послѣ я узналъ прямую и главнѣйшую причину расположенія къ Суворовскому солдату Марѳуши и щедрости къ нему Якова Яковлевича.

Филимоновичъ знавалъ моего Ментора еще въ ту эпоху его жизни, когда дерзновенная торговка схватила его однажды за косу и отняла завтракъ, положенный ему нѣжною сестрицею въ карманъ. Надежды отца Якова Яковлевича относительно сына простирались, безъ сомнѣнія, не выше капрала, и отставной солдатъ считалъ эту степень верхомъ будущихъ его заслугъ; какъ вдругъ Яковъ Яковлевичъ, котораго онъ въ свое время, безъ сомнѣнія, называлъ капшукомъ и капустяннымъ червякомъ (я почти увѣренъ, что Яковъ Яковлевичъ позаимствовалъ отъ него, если не отъ покойнаго своего родителя, эти слова), передъ его глазами вступаетъ въ высшее, то есть офицерское, сословіе. Филимоновичъ чуждъ былъ низкой зависти: онъ отъ души восхищался возвышеніемъ сына его товарища подъ знаменами Суворова и покровителя во время службы въ инвалидахъ; онъ гордился, что нерѣдко исправлялъ должность наставника въ артикулахъ при такой особѣ; онъ съ упоеніемъ называлъ Якова Яковлевича вашимъ благородіемъ. Для Марѳуши, не видавшей почти ни отъ кого должнаго къ ея братцу почтенія, Филимоновичъ, съ своею преданностью къ Якову Яковлевичу, былъ человѣкъ безцѣнный, и не было дня, когда бы она не снесла въ его избушку какой-нибудь кашицы, или молочка, или пирожка къ обѣду, такъ что Филимоновичъ никогда не имѣлъ нужды готовить себѣ кушанье.

Что́ же касается до́ Якова Якевлевича, то у него была, сверхъ этого, особенная причина любви къ Филимоновичу. Лѣтъ десять, или двѣнадцать назадъ, у Филимоновича заболѣли глаза, такъ что онъ не могъ взять шила въ руки. Эта болѣзнь продолжалась около полу-года. Ботфорты же Якова Яковлевича поизносились и начали въ разныхъ мѣстахъ позѣвывать. Яковъ Яковлевичъ посылалъ съ ними Марѳушу ко всѣмъ сапожникамъ городка Н*, которыхъ было всего три; но никто изъ нихъ не взялся починить ихъ. Одинъ требовалъ непомѣрную цѣну, другой предлагалъ приставить къ голенищамъ новыя головки; третій просто хохоталъ до упаду, осматривая кругомъ величественную обувь, пока Марѳуша, потерявъ терпѣніе, вырвала у него изъ рукъ ботфорты и убѣжала домой. Яковъ Яковлевичъ былъ въ отчаяніи. Но Филимоновичъ успокоилъ его. Онъ присовѣтовалъ Якову Яковлевичу не ходить никогда безъ калошъ и, хотя тогда было лѣто, не снимать ихъ даже въ школѣ, и обѣщалъ, по выздоровленіи, доказать всему свѣту, что эти ботфорты могутъ прослужить еще двадцать лѣтъ. Дѣйствительно, лишь только поправилось у Филимоновича зрѣніе, онъ приступилъ къ исполненію своего обѣщанія. Для этого дратва была ссучена изъ самой крѣпкой пеньки и намочена въ дегтѣ, передá ботфортъ обложены были »союзами« изъ свѣжей, нарочно для этого добытой у кожевника шкуры; подошвы

укрѣплены были новымъ, твердымъ какъ желѣзо, слоемъ; составлена была особеннымъ образомъ вакса и рѣшено было осматривать ботфорты въ каждую субботу и, при малѣйшемъ признакѣ ветхости, чинить ихъ всевосможными средствами. Это исполнялось съ того времени регулярно, и, дѣйствительно, ботфорты оставались невредимы даже до моего знакомства. Правда, голенища ихъ, отъ множества заплатокъ и трещинъ, сдѣлались похожи на дубовые, шереховатые пни; но Яковъ Яковлевичъ былъ совершенно обезпеченъ на-счетъ обуви и, кажется, даже не думалъ о томъ, чтобъ ему понадобились когда-нибудь другіе ботфорты. За эту услугу, Яковъ Яковлевичъ, съ своей стороны, не зналъ цѣны Филимоновичу и любилъ его почти такъ же, какъ и Марѳушу.

Все это, какъ я сказалъ, узналъ я послѣ. Любопытство мое въ отношеніи къ Якову Яковлевичу и всему его окружающему было ненасытимо. Я пользовался всякимъ случаемъ развѣдать, что́ было и чего не было, какъ-будто предчувствовалъ, что мнѣ суждено быть со-временемъ біографомъ своего незабвеннаго Ментора. Такимъ образомъ узналъ я, что Филимоновичу семьдесять лѣтъ, что необыкновенная бодрость его и живость его движеній происходятъ отъ вошедшаго въ привычку обычая обливаться ежедневно, лѣтомъ и зимой, холодною водою, и что сосѣди прозвали его безсмертнымъ кощеемъ. Я также узналъ, что

онъ давно хлопочетъ уже о томъ, какъ-бы женить Якова Яковлевича, что Яковъ Яковлевичъ самъ давно объ этомъ думалъ, но, видя всеобщее къ себѣ нерасположеніе, боялся до сихъ поръ сунуться къ какой бы то ни было дѣвушкѣ съ предложеніемъ; что у Якова Яковлевича сшита новая, свѣтло-сѣраго цвѣта, шинель и новый свѣтло-зеленый фракъ; что основаніе ботфортъ, упроченныхъ такъ вѣковѣчно Филимоновичемъ, относится къ тому же отдаленному періоду; что, по мѣрѣ увеличенія своего состоянія, Яковъ Яковлевичъ пріобрѣталъ всё болѣе и болѣе самоувѣренности въ себѣ, и что одно особенное обстоятельство рѣшило его наконецъ обратиться съ предложеніемъ къ купцу Цапинскому (съ дочерью его онъ не говорилъ и видѣлъ ее только разъ въ церкви, по указанію Марѳуши.)

Обстоятельство это состояло въ томъ, что въ городѣ пронесся слухъ, будто бы Цапинскій понесъ значительные убытки отъ банкротства одного купца и скоро долженъ будетъ самъ объявить себя банкротомъ. Яковъ Яковлевичъ понималъ, что въ этомъ случаѣ выручка съ его стороны будетъ для купца вѣчнымъ благодѣяніемъ, и потому, какъ человѣкъ сознающій свое превосходство, онъ объяснился съ Цапинскимъ очень свободно.

Но, пока онъ рѣшился на это предложеніе, образъ цвѣтущей дѣвушки, видѣнной имъ въ цер-

кви, рисовался передъ его глазами днемъ и ночью въ невыразимой прелести. Все, что́ въ немъ спало, все, что́ было подавлено тяжкою, будничною, унылою жизнью, все нѣжное въ его сердцѣ, что́ не было тронуто и развито воспитаніемъ, — все это проснулось въ немъ, возвысило голосъ свой и попросило жизни. Яковъ Яковлевичъ, въ своемъ сѣромъ фракѣ, съ своею Ариѳметичкою въ рукѣ и съ своимъ воззваніемъ къ »молодцамъ«, былъ похожъ на миѳологическое яйце восточнаго міра, въ которомъ заключено начало жизни, ожидающее только рокового момента. Право, когда я думаю объ этомъ человѣкѣ, заключенномъ въ самомъ себѣ, сжатомъ окружающимъ его міромъ, затаившемъ въ душѣ все поэтическое, живое и покрытомъ снаружи такою непріятно-шереховатою оболочкою, какъ голенища его ботфортъ, — мнѣ кажется, что онъ былъ способенъ такъ нѣжно чувствовать, такъ горячо любить, такъ поэтически отражать въ душѣ представленія внѣшней жизни и быть для другихъ такимъ двигателемъ къ нравственному совершенству, какъ и любой изъ насъ. Поэтому его любовь къ неизвѣстной ему и незнающей его Катѣ представляется мнѣ далеко не въ видѣ прозаическомъ. Глядя въ прошедшее, я любуюсь на его чувство, какъ любуется художникъ на свѣтъ заходящаго солнца; я перебираю въ воображеніи всѣ моменты этого послѣдняго отблеска долго безмолвствовавшей души

его, какъ артистъ слѣдитъ за погасаніемъ теплыхъ солнечныхъ красокъ въ свѣтлый вечеръ, послѣ дождливаго, пасмураго дня, и воспоминаніе о Яковѣ Яковлевичѣ никогда не приходитъ мнѣ въ душу, не производя въ ней такого тихаго, нѣжащаго волненія, какое мы испытываемъ при послѣднихъ, исчезающихъ вдали нотахъ любимой пѣсни.

Возвращаюсь къ разсказу. Я слушалъ Марѳушу, гладилъ балованнаго кота и посматривалъ отъ времени до времени на Филимоновича, который собиралъ свои сапожничьи снаряды. Вдругъ онъ быстро повернулся къ Якову Яковлевичу, прикрывавшему простынею повѣшенное на гвоздикѣ свое платье, и сказалъ:

»Эхъ, ваше благородіе! что́ же вы не покажете мнѣ своего постояльца?«

»А вотъ онъ«, отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ.

»Поди-ка сюда, молодецъ!«

Я вошелъ въ комнату съ котомъ на рукахъ, и думаю, что съ такимъ же, если не бо́льшимъ, любопытствомъ осматривалъ Суворовскаго воина, съ какимъ онъ мѣрялъ меня съ головы до ногъ своимъ единственнымъ глазомъ. Мы оба другъ другу тотъ-часъ понравились. Онъ назвалъ меня славнымъ мальчишкою, а я, глядя на его сѣдину, на его безчисленныя морщины и наблюдая огонь, сверкавшій въ его глазѣ, уже перенесся воображеніемъ въ Швейцарскія горы, гдѣ онъ ге-

ройствовалъ съ Суворовымъ, о которомъ батюшка часто мнѣ разсказывалъ. Я видѣлъ въ немъ живую сказку, живую тысячу одну ночь, и не ошибся въ этомъ. Филимонычъ былъ чудный разскащикъ. Безъ него Яковъ Яковлевичъ не имѣлъ бы никакого понятія о простирающемся дальше городка Н* мірѣ и о людяхъ, непохожихъ на то, что́ онъ вокругъ себя видѣлъ. Каждый вечеръ Филимонычъ являлся къ Якову Яковличу съ своею работою, и, между тѣмъ какъ Яковъ Яковлевичъ, лежа на койкѣ своего покойнаго отца, отдыхалъ отъ учительскихъ трудовъ, Филимонычъ, усѣвшись на круглой треножной скамейкѣ, выкапывалъ изъ своей молодости какой-нибудь случай и пускался въ безконечный разсказъ, съ свойственною одному ему занимательностью. Онъ былъ для Якова Яковлевича замѣною литературы, и я откровенно признаюсь, что ни на одномъ литературномъ вечерѣ я не испытывалъ такого удовольствія, какое часто доставлялъ мнѣ своими разсказами Филимонычъ.

Итакъ мы другъ другу полюбились.

»Сшей, Филимонычъ«, сказалъ Яковъ Яковлевичъ, ложась на койку, »сшей ему черевики, чтобъ не стиралъ дома понапрасну сапоженковъ.«

»Ладно, ваше высокоблагородіе, ужъ я какъ сошью, то словно изъ чугуна вылью: ступай хоть по Швейцарскимъ скаламъ — умрешь, не износишь.«

»Не трудись, Филимонычъ«, сказалъ я: »батюшка довольно призапасилъ для меня сапоговъ.«

»Батюшка! экъ ты, червякъ эдакой!« воскликнулъ безъ церемоніи ветеранъ. »Да нéчто батюшка вѣкъ будетъ поставлять тебѣ обувь? Придется, погоди-ка еще, самому поболтаться по свѣту; ни батюшка, ни батюшкины деньги не вѣчны. Вотъ я тебѣ сошью хорошенькіе черевички, какъ у его высокоблагородія.«

Яковъ Яковлевичъ въ это время какъ нарочно выставилъ, лежа противъ меня, широчайшія подошвы своей домашней обуви.

»Нѣтъ, нѣтъ, Филимонычъ«, повторилъ я, »не нужно мнѣ черевиковъ.«

»Э, да ты еще глупенекъ, голубчикъ!« сказалъ онъ. »Но погоди, поживешь между нами — мы тебя съ его высокоблагородіемъ передѣлаемъ.«

»Я скорѣй васъ самихъ передѣлаю!« отвѣчалъ я.

»Что́ это ты, молодецъ!« сказалъ недовольнымъ голосомъ Яковъ Яковлевичъ, показавъ изъ-а подошвъ свое лице.

»Да́, Яковъ Яковлевичъ«, сказалъ я, »я съ вами намѣренъ сдѣлать сегодня чудо!«

»Какое чудо?« спросилъ онъ, удивляясь моимъ словамъ всё больше и больше. »Что́ ты мелешь, капшукъ?«

»Въ этомъ капшукѣ, Яковъ Яковлевичъ«, сказалъ я, торжествуя, »хранится такая драгоцѣн-

ность, что вы спрыгнули бы съ койки, еслибъ я вамъ сказалъ.«

»Что́ же тамъ? батюшка прислалъ мучицы, что ли?«

»Вы всё только о мучицѣ! Не мучицею тутъ пахнетъ.«

»Да что́ же такое, молодецъ? Или ты вздумалъ туруxтанить?«

(У Якова Яковлевича были въ употребленіи странныя слова.)

»Вишь ты онъ какой рѣзвушка!« сказалъ Филимонычъ. »Да ты рѣзвись, только не забывай, что́ слѣдуетъ по командѣ: чинъ чина почитай. Знаешь ты это?«

»Знаю, Филимонычъ!« сказалъ я съ одушевленіемъ, котораго до сихъ поръ никто во мнѣ не замѣчалъ. »Только у меня такой есть Якову Яковлевичу чинъ, что выше онъ и не захочетъ.«

»Да говори же, молодецъ, что́ ты хочешь сказать! или ты въ самомъ дѣлѣ дурѣешь?« возвысилъ голосъ Яковъ Яковлевичъ.

Но мнѣ не хотѣлось такъ легко разстаться съ своею тайною. Мнѣ хотѣлось помучить счастливца Якова Яковлевича. Я совсѣмъ не боялся его въ эту минуту: я зналъ, что онъ все мнѣ проститъ за мою новость.

»А вотъ и не скажу!« отвѣтилъ я.

»Да какъ ты смѣешь ослушаться, капустянный червякъ?«

»А вотъ какъ!« сказалъ я и убѣжалъ изъ комнаты.

VII.

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО НАКОНЕЦЪ ПРОИЗНЕСЕНО.

Я легкими шагами, какъ-будто не касаясь земли, прохаживался по двору Якова Яковлевича, оглядывая съ упоеніемъ простую, не богатую его обстановку. Мнѣ все казалось увѣшаннымъ праздничными гирляндами. Для меня уже наступило счастіе, которое готовилъ я Якову Яковлевичу.

Марѳуша помѣшала мнѣ бредить. Она подошла ко мнѣ такими осторожными шагами, какъ-будто я былъ птица, готовая улетѣть при ея приближеніи.

»Голубчикъ Николаша«, сказала она, »не хочешь ли орѣшковъ? У меня есть славные прошлогодніе орѣхи. Поди за мной въ амбаръ.«

Я не могъ не согласиться на этотъ ласковый зовъ, вдвойнѣ для меня привлекательный.

Открывъ плетеную изъ соломы кадушку, она достала нѣсколько горстей дѣйствительно прекрасныхъ орѣховъ и, отдавая мнѣ, сказала въ то же время:

»Чѣмъ ты это такъ встревожилъ Якова Яковлевича?«

»А развѣ онъ встревоженъ?« спросилъ я.

»Да́, онъ весь дрожитъ. Не сказалъ ли ты ему чего обиднаго?«

»Нѣтъ, сохрани Богъ! Я только намекнулъ ему на его счастье. Ему готовится большое счастье.«

»Голубчикъ мой!« воскликнула Марѳуша, обнявъ мою голову и прижавъ къ своей груди, »голубчикъ мой, что́ же такое?«

»Дайте мнѣ сперва подышать свободно«, сказалъ я, освобождаясь изъ ея объятій.

»Что́ такое?« спрашивала она, не переставая держать меня за плечи. »Что́ у тебя за новость? Неужели?...«

»Да́«, сказалъ я. »Я вижу, что вы ужъ догадались.«

»Катя?«

»Да́, Катя!«

»Цапинская?«

»Да!!«

»За Якова Яковлевича?«

»Да, да!!!«

»Ахъ, мое золото!« воскликнула Марѳуша, угрожая моимъ щекамъ и носу новымъ объятіемъ; но я отступилъ назадъ, чтобъ объясняться съ нею »на благородномъ разстояньи«.

»Да какъ же ты узналъ?« спросила она, начиная возвращаться къ разсудку, который съ перваго разу она, казалось, совсѣмъ потеряла.

Тутъ я разсказалъ, какъ я зашелъ послѣ обѣда къ Діонисію, какъ видѣлъ Катю, какъ слы-

шалъ ея разговоръ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, и что́ говорила она о Яковѣ Яковлевичѣ.

Марѳуша нѣсколько разъ порывалась ко мнѣ съ объятіями, но я всякій разъ искусно ретировался то́ за какую-нибудь кадушку, то́ за кули съ мукою. Но когда я объявилъ наконецъ ей желаніе Кати видѣться съ Яковомъ Яковлевичемъ, тогда увидѣлъ, что мнѣ нѣтъ спасенія въ амбарѣ, и поспѣшилъ проскользнуть подъ ея руками на дворъ.

Я усталъ отъ Марѳушина допроса; мнѣ хотѣлось остаться одному. Увидя передъ собой садовую калитку, я вошелъ въ садъ и началъ расхаживать по немъ во всѣхъ направленіяхъ, не забывая пользоваться лакомствомъ Марѳуши. Теперь я уже не боялся, что она погонитъ меня хворостиною, и мнѣ казалось, что еслибъ Яковъ Яковлевичъ увидѣлъ меня на любимой своей грушѣ, то покачалъ бы только головою, какъ за hier сегодня въ училищѣ. Дѣйствительно, я былъ въ такомъ странномъ настроеніи духа, кто готовъ былъ лазить по деревьямъ, бѣгать по грядамъ и уничтожать Марѳушины овощи. Все это казалось мнѣ ничтожнымъ, неимѣющимъ никакой цѣны и ненужнымъ, какъ человѣку, переселяющемуся изъ пустыни въ обѣтованную, цвѣтущую, полную роскошной жизни землю. Можетъ быть, я и выкинулъ-таки бы какую-нибудь ребяческую

штуку, но меня скоро позвали къ Якову Яковлевичу.

»Ахъ, ты червь этакой!« сказалъ мнѣ Яковъ Яковлевичъ съ радостнымъ видомъ. »Такъ ты говорилъ съ нею? и слышалъ отъ нея самой?«

»И говорилъ, и слышалъ«, отвѣчалъ я, смѣясь.

»Да какъ же ты этакъ, какъ ты, молодецъ, такъ сказать, осмѣлился заговорить съ нею?«

»Съ Катенькою? Вотъ диво! Я съ нею давно знакомъ.«

»Неужто?«

»Да́; и какъ часто она угощала меня фруктами, да какими чудесными!«

»Ахъ, ты кашшукъ! ахъ, ты мушкатеръ этакой!« восклицалъ, потирая руки, Яковъ Яковлевичъ. »Вишь ты, баловень! И она сама тебѣ давала фрукты?«

»Сама потчевала, Яковъ Яковлевичъ, — и какія у нея ручки! Я всякій разъ готовъ былъ расцѣловать.«

На эту выходку Марѳуша, Яковъ Яковлевичъ и Филимоновичъ громко разсмѣялись, и всѣ воскликнули почти въ одну ноту:

»Ахъ, ты капустянный червякъ!«

»Но разскажи-ка мнѣ все съ-изнова, молодецъ«, сказалъ Яковъ Яковлевичъ: »какъ ты этакъ, то есть, какъ ты пришелъ туда, какъ ты ее увидѣлъ и какъ она съ тобой разговаривала.«

Я расписалъ ему подробно всю сцену моего

свиданія съ Катей и удовлетворилъ его, казалось, совершенно. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ меня восклицаніемъ: »Ахъ, ты червь этакой!« и, казалось, завидовалъ моему счастью.

Марѳуша подала полдникъ, состоявшій изъ пирожковъ съ творогомъ и сметаною; но только я, она и Филимонычъ воспользовались этимъ лакомствомъ. Яковъ Яковлевичъ не прикасался къ нему. Онъ расхаживалъ по комнатѣ въ своихъ шерстяныхъ чулкахъ, заложа назадъ руки, смѣялся, поворачивался на одной ногѣ и часто повторялъ: »Эхъ, ты этакой капшукъ!« или: »Эхъ, ты червь этакой!« а разъ назвалъ меня даже бригадиромъ.

»Такъ разскажи же мнѣ, какъ все это, такъ сказать, было«, обратился онъ ко мнѣ снова, какъбудто я ничего еще ему не разсказывалъ.

Мнѣ не было скучно повторять свою повѣсть. Свиданіе съ Катею представлялось моему воображенію въ такомъ цвѣтистомъ видѣ, что, казалось, никогда бы я не могъ исчерпать всѣхъ красокъ и всѣхъ оттѣнковъ этой сцены. Повторенный расказъ мой былъ такъ свѣжъ, такъ новъ, что Яковъ Яковлевичъ дѣйствительно долженъ былъ слушать его съ любопытствомъ. Я воодушевлялся собственною своею рѣчью. Воображеніе мое играло, какъ мотылекъ въ лучахъ солнца. Я приходилъ въ волненіе, какъ чародѣй, объявляющій убогимъ людямъ блестящую будущность.

Но это не мѣшало мнѣ слѣдить за впечатлѣніями, какія мой разсказъ производилъ на Якова Яковлевича. Никогда солнце не производило столь замѣтнаго дѣйствія на вынесенный изъ темнаго угла цвѣтокъ, какъ моя повѣсть на Якова Яковлевича. Я это видѣлъ и оживлялъ его болѣе и болѣе.

Наконецъ Яковъ Яковлевичъ бросился на койку и закрылъ руками лице. Я думалъ, что онъ плачетъ; впрочемъ, не могъ въ этомъ удостовѣриться, потому что широчайшія подошвы его черевиковъ закрывали отъ меня его ракурсъ. Потомъ онъ снова вскочилъ и принялся расхаживать по своему музеуму съ такою живостью, какой онъ, вѣроятно, не имѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ училъ артикулы.

»Такъ завтра!« сказалъ онъ, »завтра въ монастырской рощѣ? Марѳуша, какъ это можетъ случиться? Сбыточное ли это дѣло? Какъ мнѣ, то есть, этакъ явиться туда?«

»Да такъ же, Яковъ Яковлевичъ! Я вотъ вымою вамъ чистенько бѣлую косынку, Филимонычъ васъ выбрѣетъ какъ можно лучше и подстрижетъ. У него теперь выострены ножницы: онъ сбирается стричь у сосѣдей овечекъ. Я и провожу васъ, и поговорю за васъ, коли хотите: наше дѣло женское — робѣть намъ нечего.«

»Нѣтъ, Марѳуша, не надо провожать«, сказалъ Яковъ Яковлевичъ.

»Какъ же вы одни объяснитесь?« продолжала заботливая сестрица. »Хоть Филимоныча возьмите: онъ, слава Богу, рѣчистъ, хоть куда.«

»Говаривали мы и съ Суворовымъ-съ«, замолвилъ въ свою пользу словечко Филимонычъ.

»Нѣтъ, нѣтъ, не нужно«, сказалъ Яковъ Яковлевичъ. »Я возьму съ собой только вотъ этого червя. Онъ лучше всѣхъ насъ съумѣетъ поговорить съ нею.«

Всѣ обратили на меня изумленные взоры, и самъ я отъ этихъ словъ какъ-будто вдругъ на вершокъ выросъ.

Рѣшено было поручить Филимонычу вычистить съ вечера мои сапоги такъ же чисто, какъ и ботфорты Якова Яковлевича; я долженъ былъ достать изъ сундучка красный, новый жилетъ, который отецъ наказалъ мнѣ носить только по праздникамъ; а Марѳуша приготовила для меня цвѣтной носовой платокъ. Я составлялъ, въ общемъ мнѣніи, какъ-бы часть самого Якова Яковлевича, и, дѣйствительно, я былъ душею всего этого событія.

Вечеръ прошелъ въ приготовленіяхъ къ завтрешнему дню и въ разсказахъ о томъ, какъ устроить будущую свадьбу. Марѳуша въ этомъ случаѣ была первенствующимъ ораторомъ. Филимонычъ нѣсколько разъ заговаривалъ о Швейцарскомъ походѣ, объ Альпійскихъ ледникахъ, о страшныхъ крутизнахъ, на которыя онъ взбирался съ Суворо-

вымъ; но Яковъ Яковлевичъ теперь охотнѣе клонилъ слухъ къ толкамъ о новомъ бѣльѣ, нежели о блистательныхъ подвигахъ Италійскаго героя. Онъ слушалъ свою сестрицу съ такимъ увлеченіемъ, какъ-будто она была Шехеразада, и прерывалъ ее для того только, чтобъ сказать: »Эхъ, червь-то онъ какой!« Потомъ онъ опять слушалъ и останавливалъ ее словами:

»Постой, Марѳуша: спросимъ-ка мы еще этого капшука, какъ все это, такъ сказать, было.«

Я выступалъ на сцену, какъ импровизаторъ, и дѣлалъ съ своими слушателями чудеса. Даже Филимонычъ забывалъ о Суворовѣ и, казалось, начиналъ чувствовать, что есть въ жизни нѣчто привлекательнѣе Альпійскихъ горъ, схватокъ въ ущельяхъ, ночныхъ ретирадъ и торжества надъ побѣжденными.

Наконецъ пѣтухи Марѳушины возвѣстили, что пора спать (у Якова Яковлевича не было часовъ). Филимонычъ, вычистивъ отлично ботфорты и мои сапоги, отправился въ свою избушку, а мы размѣстились по своимъ постелямъ.

Я уснулъ самымъ крѣпкимъ, самымъ пріятнымъ сномъ и не видалъ во снѣ ничего, кромѣ Якова Яковлевича. Не ручаюсь даже и за это, видѣлъ ли я его бодрствующимъ во снѣ, или былъ увѣренъ, что Яковъ Яковлевичъ не долженъ былъ въ эту ночь спать, только помню — какъ-будто

это было въ самомъ дѣлѣ — что Марѳуша нѣсколько разъ спрашивала ночью:

»Что́ вы не спите, Яковъ Яковлевичъ?«

На это Яковъ Яковлевичъ какъ-будто отвѣчалъ, ходя по комнатѣ:

»Разбуди мнѣ, Марѳуша, этого капшука. Спросилъ бы я его еще разъ, какъ это все, такъ сказать, было?«

»Полно-те, Яковъ Яковлевичъ, ребячиться«, отвѣчала, казалось, Марѳуша. »Какъ можно будить дитю среди ночи? Поглядите, какъ онъ сладко спитъ.«

Я говорю, что это могло быть дѣйствительно и можетъ казаться мнѣ обманчивымъ воспоминаніемъ тогдашнихъ моихъ впечатлѣній; не выдаю за истину. Только, проснувшись на другой день и желая Якову Яковлевичу добраго утра, я былъ удивленъ перемѣною въ его лицѣ: онъ былъ румянъ, щеки его горѣли; можно было бы подумать что съ его плечь свалилось какихъ-нибудь двадцать лѣтъ. Но красные глаза его показывали, что это было дѣйствіе чрезвычайнаго волненія крови и, можетъ быть, безсонницы. Впрочемъ, Яковъ Яковлевичъ былъ веселъ и бодръ. Онъ очень обрадовался моему пробужденію и тотъ-часъ принялся за свои обычные вопросы, какъ-будто ночь изгладила въ его умѣ всѣ вчерашнія впечатлѣнія.

Я снова повторилъ ему свою волшебную по-

вѣсть, и она, казалось, произвела на него крѣпительное дѣйствіе, какъ чашка кофе, или бульону. Оно было и кстати, потому что Яковъ Яковлѣвичъ по утрамъ въ праздники не завтракалъ.

VIII.

ЯКОВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ИЗНЕМОГАЕТЪ ПОДЪ НЕПРИВЫЧНОЮ НОШЕЮ СЧАСТЬЯ.

Обѣдня въ монастырѣ начиналась рано. Мы имѣли только время выбрить Якова Яковлевича, подстричь овечьими ножницами его волосы и заставить его вымыть лицо мыломъ, чего онъ никогда прежде не дѣлалъ. Яковъ Яковлевичъ былъ молодецъ, хоть куда. Охорашиваясь передъ Марѳушей, которая служила ему вмѣсто зеркала, онъ торопилъ меня поскорѣе одѣваться. Я о себѣ не думалъ и заботился, вмѣстѣ съ Марѳушею и Филимонычемъ, только о томъ, какъ бы нарядить получше Якова Яковлевича. Наконецъ мы собрались окончательно и, напутствуемые благословеніями Марѳуши и Филимоныча, отправились.

День былъ прекрасный, чему я очень радовался, потому что, еслибъ была ненастная погода и Яковъ Яковлевичъ надѣлъ свои калоши, то уничтожилъ бы этимъ свой новый свѣтло-зеленый фракъ

и парадную шинель свою. Правда, и теперь его шероховатые, истрескавшіеся ботфорты и шляпа, блестѣвшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернымъ сургучемъ, нарушали отъ-части гармонію его парадnаго костюма; но широкія складки парадной шинели скрывали отчасти голенища ботфортъ, а уродливость шляпы можно было извинить небрежностью влюбленнаго молодого человѣка, какимъ теперь являлся Яковъ Яковлевичъ.

Мы скоро достигли училища, откуда Яковъ Яковлевичъ долженъ былъ провожать учениковъ въ церковь. Всѣ удивились необыкновенному щегольству его, и когда онъ, войдя, хотѣлъ снять шинель, то нѣсколько человѣкъ бросились помочь ему разоблачиться и съ торжествомъ отнесли его шинель въ уголъ, гдѣ и подвергли ее подробному критическому разбору. Сдѣлавъ перекличку, при чемъ мое торжествующее hier не произвело уже на Якова Яковлевича никакого впечатлѣнія, Яковъ Яковлевичъ велѣлъ выходить намъ въ порядкѣ и пошелъ, во главѣ нашей фаланги, величественнымъ шагомъ.

Въ церкви я замѣтилъ у лѣваго клироса Катю, которая стояла поникши головою и не взглянула ни разу въ ту сторону, гдѣ стоялъ Яковъ Яковлевичъ. Зато ея няня пересчитала, кажется, глазами всѣ морщины на его лицѣ и всѣ образовавшіяся отъ долгаго лежанья въ сундукѣ складки на его шинели. Яковъ Яковлевичъ, съ своей сто-

роны, стоялъ неподвижно, и я не замѣтилъ въ немъ, глядя на него сзади, ничего особеннаго, кромѣ того, что онъ часто переступалъ съ одной ноги на другую. А когда обѣдня начала приходить къ концу, онъ нѣсколько разъ оглядывался съ какимъ-то безпокойствомъ назадъ, ища меня глазами. Не знаю, зачѣмъ онъ это дѣлалъ.

Наконецъ народъ началъ выходить изъ церкви. Ученики, разумѣется, бросились впередъ, какъ овцы на пастбище, а мы съ Яковомъ Яковлевичемъ пріостановились и дали выйти впередъ Катенькѣ. Она тоже помедлила, пока ушли прочія женщины.

Яковъ Яковлевичъ озябъ въ церкви, хотя, кажется, и не было очень холодно. Мнѣ было очень жаль его — не потому, впрочемъ, что онъ дрожалъ, а потому, что щеки его начали дѣлаться блѣдными. Это вовсе не годилось для предстоявшаго ему свиданія. Я предложилъ ему походить сперва немножко по рощѣ, чтобъ согрѣться, на что́ онъ очень охотно согласился. Онъ казалось, ужасался всё болѣе и болѣе этой минуты, которой со вчерашняго дня ожидалъ такъ страстно, и, еслибъ было можно, то послалъ бы одного меня для переговоровъ съ Катею.

Мы сдѣлали по рощѣ порядочный туръ, но Яковъ Яковлевичъ не только не согрѣлся, а началъ дрожать еще больше прежняго. Я не зналъ, что́ съ нимъ дѣлать. Между тѣмъ время уходило

и волею-неволею надо было явиться, не откладывая, на свиданье.

Видали ли вы труса, который, при одной мысли о предстоящей атакѣ, блѣднѣетъ и теряется; но когда наконецъ опасность и гибель станутъ у него передъ носомъ и онъ увидитъ, что отступленіе равно гибельно, онъ, зажмуря глаза, бросается впередъ, и уже не остановятъ его никакіе ужасы? То самое случилось и съ Яковомъ Яковлевичемъ. Когда мы подошли къ кладбищу и онъ увидѣлъ изъ-за кустовъ розовую Катенькину шляпку, шаги его сдѣлались вѣрнѣе, онъ пересталъ вперять въ меня вопрошающій взглядъ, и я даже не замѣтилъ, чтобъ онъ дрожалъ.

Катя сидѣла на памятникѣ, глядя неподвижно на могилу своей матери. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, но въ ея лицѣ выражалось какое-то чудно-привлекательное чувство. За нею стояла нянюшка, далеко вперяя свои острые глаза и проникая ими насквозь подходящаго Якова Яковлевича. Мнѣ кажется, что еслибъ Яковъ Яковлевичъ встрѣтился глазами съ ея взглядомъ, то у него заболѣло бы въ костяхъ: такъ адски смотрѣла эта женщина. Но намъ не было дѣла ни до нея, ни до ея досады на Катю за готовность выйдти за старика. Мы подошли къ Катенькѣ, держась другъ друга близко, какъ храбрые воины, которые одно чувствуютъ и одного желаютъ, и оба поклонились ей съ глубочайшею почтительностью.

Судя по храбрости, съ какою Яковъ Яковлевичъ выступалъ впередъ, я думалъ, что онъ не запнется и проговоритъ ей одно изъ привѣтствій, извѣстныхъ ему по »Нѣмецкимъ Разговорамъ«; но онъ зашкнулся на первомъ словѣ и чуть-чуть не сказалъ — такъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось: »Молодцы, остановитесь и послушайте учительскаго объясненія«. Но я тутъ выручилъ пріятеля.

»Яковъ Яковлевичъ такъ счастливъ теперь«, сказалъ я, »что у него отнялся языкъ. Онъ не спалъ ночь, всё думая о васъ.«

»Неужели вы въ самомъ дѣлѣ меня любите?« спросила Катя взволнованнымъ голосомъ, обращаясь къ Якову Яковлевичу.

»Я?« могъ только произнести Яковъ Яковлевичъ и, закрывъ шляпою лице, заплакалъ.

Это была истинно трогательная сцена. Одна няня безчувственно смѣялась. Мы же съ Катенькою были поражены такимъ необыкновеннымъ выраженіемъ чувства.

»О чемъ вы плачете, Яковъ Яковлевичъ?« спросила нѣжнымъ голосомъ Катя.

»Я....« могъ только произнести Яковъ Яковлевичъ, и залился слезами снова.

»Катерина Васильевна«, сказалъ я тогда, »вы, можетъ быть, не понимаете, какое вы дѣлаете благодѣяніе Якову Яковлевичу. Его никто не знаетъ и не любитъ, кромѣ сестрицы, меня и Филимоныча. А у Якова Яковлевича очень доброе серд-

це; онъ васъ будетъ такъ лелѣять, какъ птичку въ клѣткѣ. Право, Катерина Васильевна.«

»Вы не будете обходиться со мной сурово, Яковъ Яковлевичъ?« спросила Катя.

»О, Боже мой!« проговорилъ измѣнившимся голосомъ Яковъ Яковлевичъ и, упавъ передъ нею на колѣни, скрылъ свое лице въ складкахъ ея салопа и горько плакалъ.

При этомъ шляпа его упала на землю, вѣтеръ подхватилъ ее и погналъ за кусты. Но никто объ этомъ не заботился, а нянюшкѣ это доставило даже пріятное развлеченіе.

Катя погладила обѣими руками сѣдые волосы Якова Яковлевича и нѣжно велѣла ему встать. А я наклонился и шепнулъ:

»Ручку, не забудьте поцѣловать ручку.«

Иначе я не считалъ бы церемоніи конченною.

Яковъ Яковлевичъ послушался меня и поцѣловалъ довольно удачно свою невѣсту въ перчатку, за что́ получилъ легкій поцѣлуй въ високъ, отъ котораго нянюшкѣ сдѣлалось тошно.

Катя встала и сказала Якову Яковлевичу:

»Такъ приходите, Яковъ Яковлевичъ, къ батюшкѣ; вы теперь встрѣтите отъ него другой пріемъ. Прощайте!«

Яковъ Яковлевичъ, отирая платкомъ слезы, поклонился такъ низко, что чуть не упалъ, и когда разогнулся, Катенька была уже за кустомъ; онъ увидѣлъ только завязанную въ платокъ нянюш-

кину голову, да и то — къ своему, впрочемъ, счастью — сзади.

Такъ кончилось это свиданье, имѣвшее, какъ вы скоро увидите, роковое вліяніе на Якова Яковлевича. Я отправился искать его шляпу и нашелъ ее въ концѣ рощи, подъ заборомъ. Еслибъ не этотъ заборъ, то Якову Яковлевичу пришлось бы возвращаться домой по-древнему, безъ шапки. Воротясь на кладбище, я засталъ Якова Яковлевича всё въ томъ же положеніи, какъ и прежде: съ лицемъ, обращеннымъ въ ту сторону, гдѣ скрылась Катя. Я подалъ ему шляпу. Онъ взялъ и надѣлъ ее, не обративъ никакого вниманія на то, что она прорвалась во время воздушаго путешествія.

У меня какъ-то странно сжалось сердце: темное предчувствіе запало мнѣ въ душу....

»Пойдемте домой, Яковъ Яковлевичъ«, сказалъ я.

Онъ машинально мнѣ повиновался. Но уже поступь его не была такъ легка, и онъ шелъ медленно. Во всю дорогу онъ молчалъ, не смотря на всѣ мои усилія заставить его разговориться. Только, когда я говорилъ о Катѣ, о ея добротѣ и ласковости, онъ съ явною благосклонностью обращалъ на меня глаза и, казалось, желалъ, чтобъ я продолжалъ свою ребяческую болтовню.

Марѳуша и Филимонычъ ожидали насъ на порогѣ калитки.

»Что́, Яковъ Яковлевичъ? Что́, ваше благородіе?« сказали они въ одинъ голосъ.

»Все кончено!« отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ.

»Боже мой!« воскликнула Марѳуша, замѣтивъ необыкновенную блѣдность и болѣзненный видъ Якова Яковлевича. »Что́ жъ это значитъ? Голубчикъ Николаша....«

»То значитъ«, отвѣчалъ я за Якова Яковлевича, »что дѣло въ шляпѣ.«

»А шляпа-то съ дырою«, замѣтилъ многозначительно Филимонычъ.

»Катя наша?« спрашивала Марѳуша.

»Теперь хоть и умереть!« сказалъ Яковъ Яковлевичъ. »Ухъ, какъ же я усталъ, Марѳуша!«

И, пошатнувшись, онъ взошелъ на крыльце.

»А вотъ у меня пирожки готовы«, сказала Марѳуша. »Пойдемте, подкрѣпитесь, Яковъ Яковлевичъ.«

»Нѣтъ, Марѳуша, дай мнѣ раздѣться да полежать немножко«, отвѣчалъ Яковъ Яковлевичъ.

Войдя въ домъ, мы всѣ принялись помогать Якову Яковлевичу разоблачиться и уложили его на койку. Думалъ ли Яковъ Яковлевичъ, думала ли Марѳуша, думалъ ли Филимонычъ, думалъ ли самъ я, что Якову Яковлевичу не вставать уже съ отцевской койки? Да́, это было послѣднее приключеніе въ исторіи его однообразной, бѣдной, будничъ-

ной жизни. Приваливъ къ нему разомъ, счастье повредило его некрѣпкую отъ природы организацію, подобно тому, какъ яркій дневной свѣтъ, столь благодѣтельный для всякаго Божія созданія, повреждаетъ и ослѣпляетъ на-вѣки глаза, долго томившіеся въ темнотѣ.

Онъ потерялъ аппетитъ; у него открылся горячечный бредъ; онъ безпрестанно дѣлалъ ариѳметическія задачи, приказывалъ »молодцамъ остановиться и послушать учительскаго объясненія«, бранилъ ихъ шалунами, капшуками, капустяными червяками, мельницами, которыя мелютъ-мелютъ, да мучицы нѣту,— пчелами, которыя жужжатъ-жужжатъ, да меду не носятъ; потомъ принимался рыдать, какъ передъ Катенькою; наконецъ развеселялся и, воображая, видно, меня, восклицалъ радостно: »Эхъ, ты, червь этакой!« или: »Разскажи-ка мнѣ, молодецъ, какъ все это, такъ сказать, было!« Но что́ бы я ни разсказывалъ ему, онъ ничего не понималъ и не узнавалъ меня. Онъ угасалъ примѣтно съ каждымъ днемъ.

Призванъ былъ медикъ, но напрасно; піявки, горчичники, микстуры и все, что́ можно было употребить для изцѣленія его немощи, не помогало. На седьмой день рѣшено было призвать священника. Это имѣло лучшій успѣхъ. Къ Якову Яковлевичу возвратилось употребленіе умственныхъ способностей, какъ-будто для того, чтобъ

онъ понялъ смыслъ святого таинства. Съ глубокимъ чувствомъ онъ причастился, и первымъ его дѣломъ послѣ этого было написать духовную. Священникъ предложилъ тотъ же часъ свои услуги, и Яковъ Якевлевичъ надиктовалъ ему, въ общемъ нашемъ присутствіи, что онъ все свое состояніе и саму сестрицу Марѳушу ввѣряетъ въ безотчетное распоряженіе дѣвицѣ Катеринѣ Цапинской.

Но тутъ Филимонычъ визвысилъ голосъ:

»Эхъ, ваше высокоблагородіе! Богъ знаетъ, какова еще придется коротать жизнь Марѳѣ Яковлевнѣ!«

Священникъ одобрилъ его замѣчаніе, и Яковъ Яковлевичъ, убѣжденный общими совѣтами, согласился включить въ духовную особую статью: чтобы, если Марѳушѣ не полюбится жить на попеченіи дѣвицы Катерины Цапинской, то она, Цапинская, обязана ежегодно выплачивать сестрѣ его извѣстную сумму денегъ. Впрочемъ, Яковъ Яковлевичъ тутъ же сказалъ, что онъ дѣлаетъ это для спокойствія сестры, но что онъ нимало не сомнѣвается въ добродѣтеляхъ Кати и въ неизмѣнности попеченій ея о Марѳушѣ. Послѣ этого Яковъ Яковлевичъ вспомнилъ и о Филимонычѣ и завѣщалъ ему также въ духовной ежегодную выдачу двѣнадцати рублей ассигнаціями, что́ Филимоныча тронуло до слезъ. Меня Яковъ Яковлевичъ не включилъ въ духовную, но поручилъ священнику передать Катѣ его просьбу — принять

къ себѣ меня на квартиру и лелѣять, какъ родрое дитя. Это, впрочемъ, было излишне, потому. что и безъ того между мною и Катею существовала связь истинно братская.

Не буду утомлять васъ подробностями о послѣднихъ минутахъ Якова Яковлевича. Довольно того, что его не стало. Струны, долго бывшія безмолвными, издали нѣсколько чудныхъ, потрясающихъ звуковъ подъ рукою могучаго артиста— любви, лопнули и замолчали навѣки.

Что́ сдѣлалось съ Катенькою, всякій догадается. Мнѣ остается только сказать, что Марѳуша и Филимонычъ нашли въ домѣ ея и ея мужа такой пріютъ, какого только можетъ желать дряхлая старость. Я тоже нѣсколько времени жилъ въ домѣ купца Цапинскаго и до сихъ поръ съ нимъ друженъ. Домикъ Якова Яковича былъ отданъ въ наймы. Марѳуша отказалась въ немъ жить послѣ смерти брата....

УЛЬЯНА ТЕРЕНТЬЕВНА

УЛЬЯНА ТЕРЕНТЬЕВНА

I.

ЧТО́ ЗА ЛИЦО́ УЛЬЯНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Еще въ то время, когда я не зналъ о существованіи Померанцева, Якова Яковлевича и всѣхъ городскихъ своихъ знакомыхъ, воображеніе мое было занято одной особой такъ сильно, какъ потомъ всѣми ими вмѣстѣ. Надобно вамъ сказать, что я родился въ страшной глуши, въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицъ губерній. Случилось какъ-то такъ, что на пятьдесятъ верстъ кругомъ нашего хутора не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ жизнію большихъ городовъ и перенесъ бы ея отраженіе въ свой уголокъ. Я долго не видалъ ничего похожаго на Англійскій комфортъ, на Французскую роскошь и даже на Нѣмецкую порядочность — ни у себя дома, ни въ околоткѣ. Сосѣ-

ди моего отца были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые, пріобрѣвъ права дворянства, не усвоили себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ-будто еще только вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки. Добрый народъ былъ, но скучный до крайности. Немногіе пожелали бы между такимъ народомъ родиться. Отецъ мой, знавшій первую часть ариѳметики и всего Державина наизусть, былъ между сосѣдями Аристотелемъ. Но не къ тому рѣчь. Рѣчь къ тому, что въ околоткѣ вдругъ заговорили о какой-то Ульянѣ Терентьевнѣ, или, лучше сказать, о томъ, какъ помѣщикъ Дубининъ продалъ Ульянѣ Терентьевнѣ часть своего имѣнія. Дубининъ былъ человѣкъ зажиточный, хорошій, по тамошнимъ понятіямъ, хозяинъ и не имѣлъ никакой нужды продавать свои владѣнія; но Ульяна Терентьевна посулила ему за хуторъ такую цѣну, противъ которой онъ не устоялъ.

Все это я слышу, сидя за аспидной доскою и ломая голову надъ повѣркою умноженія. Я бы охотно отказался отъ секрета этой повѣрки, чтобъ разспросить тотъ-часъ же объ Ульянѣ Терентьевнѣ; но батюшка не во всякое время удовлетворялъ мое любопытство. Я чувствовалъ, что мнѣ какъ-то неловко бросить свою задачу, и потому рѣшился узнавать покамѣсть объ Ульянѣ Терентьевнѣ стороною. Между тѣмъ воображеніе мое работало гораздо дѣятельнѣе числительной способности, и

пока я добивался, что 15 во 120 содержится 8 разъ, новое лице, возбудившее такой говоръ въ нашемъ околоткѣ, представилось мнѣ ясно, какъ на картинѣ.

Пускай объяснитъ кто угодно, почему въ воображеніи дѣтей одно имя человѣка поселяетъ множество представленій, неимѣющихъ никакой съ нимъ связи. Мнѣ казалось, что Ульяна Терентьевна непремѣнно должна быть въ темномъ клѣтчатомъ платьѣ, которое сильно шелеститъ, когда она идетъ, или опускается въ кресло, — что на ногахъ у нея новые, слегка скрипящіе башмаки, — что у нея въ рукахъ связка хорошенькихъ ключей, которыми она очень часто отпираетъ то одну, то другую шкатулку и безпрестанно побрякиваетъ, — что у нея громкій, но не пискливый и не басистый голосъ, немножко дребезжащій, но очень пріятный, и что Дубининъ не продалъ бы ей земли, еслибъ у нея не было такого голоса. Удивительныя вещи развивало въ дѣтствѣ мое воображеніе изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Все, что́ я слышалъ, облекалось для меня въ картины; часто одно слово становилось для меня завязкою цѣлой исторіи; довольно мнѣ было провести одну черту въ характерѣ человѣка, уже я самъ себѣ его дорисовывалъ. Но ничто, никогда до такой степени не занимало меня, какъ Ульяна Терентьевна. Она, можно сказать, съ перваго звука своего имени была уже

для меня лицемъ охарактеризованнымъ. На сколько я ошибся въ ея характеристикѣ и на сколько мое предчувствіе оправдалось, это увидимъ послѣ. Теперь я спѣшу передать вамъ впечатлѣнія, произведенныя на меня дальнѣйшими извѣстіями объ этомъ замѣчательномъ лицѣ. Что́ за причина, почему Ульяна Терентьевна такъ дорого заплатила за хуторъ? Этотъ вопросъ рѣшали въ другой комнатѣ два сосѣда съ батюшкой, и я прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ, ка́къ онъ рѣшится,

»Рѣка!« воскликнулъ положительнымъ тономъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

»Что́ жъ ей въ рѣкѣ?« было на это отвѣтомъ.

»Какъ что́? рыба, раки, — мельницу, пожалуй, можно устроить.«

»Эхъ, нѣтъ! не тотъ здѣсь расчетъ«, замѣтилъ кто-то.

Я тоже думалъ, что не рыба и не раки заставили Ульяну Терентьевну заплатить за хуторъ большія деньги.

»А какой же, по-вашему?«

»Лѣсъ.«

»А лѣсъ что́ за такая рѣдкость?«

»Лѣсъ при рѣкѣ.... понимаете ли?«

»Да много ли у нея лѣсу?«

»Да столько, что если хорошенько сплавить по

веснѣ, такъ хуторъ останется на половину въ барышахъ.«

»А славный лѣсъ продалъ Дубининъ«, сказалъ кто-то.

»Одна липовая роща, что́ на взгорьи, надъ берегомъ, чего стоитъ!«

О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! готовъ былъ закричать я изъ своей комнаты; однакожъ, не рѣшился и на это, а продолжалъ свою кабалистическую грамоту и думалъ о томъ, что невозможно, чтобъ это пріятно шелестящее платье, (я ужъ увѣрилъ себя, что Ульяна Терентьевна именно то, чѣмъ я себѣ вообразилъ ее), и эти блестящіе, новенькіе, нѣжно скрипучіе башмачки нанесли опустошеніе липовой рощѣ. Въ одну секунду, въ одно мгновеніе въ моемъ воображеніи представилось, что я ѣду по другому берегу рѣки, лѣтнею ночью и, кутаясь потеплѣе въ свою шинель отъ влажнаго, росистаго воздуха, прислушиваюсь къ пѣнью соловья за рѣкою въ рощѣ и смотрю, какъ мѣсяцъ отразился въ водѣ, ниже темныхъ деревьевъ, и какъ рыба, выскакивая на поверхность, прорѣзываетъ золотистою струею темную массу этихъ отраженныхъ въ рѣкѣ деревъ.... Нѣтъ, въ голосѣ Ульяны Терентьевны, волнисто-громкомъ, который бы чудно отдался эхомъ въ этой рощѣ, нѣтъ ни одной ноты, соотвѣтствующей приказанію вырубить прохлаждающія, звучныя, развѣсистыя липы! Это сдѣлалъ бы Дубининъ и вся-

кій другой сосѣдъ нашъ, но не она. Я былъ убѣжденъ въ этомъ.

Разговоръ объ Ульянѣ Терентьевнѣ между тѣмъ продолжается; продолжается и моя безконечная повѣрка умноженія; продолжаю и я слушать и фантазировать надъ аспидною доскою. Я узнаю, что съ Ульяной Терентьевной живетъ племянникъ, »славный малый«, какъ назвалъ его одинъ изъ собесѣдниковъ, »отличный стрѣлокъ«, что съ нею живетъ также молодая дѣвушка, »красоточка такая, что....« — тутъ разскащикъ чмокнулъ, и я догадался, что онъ поцѣловалъ свои пальцы, — и что она, то есть Ульяна Терентьевна, привезла съ собой еще какого-то Нѣмца, въ синей куртке и въ башмакахъ, который у нея будетъ смотрѣть за садомъ.

Всѣ эти лица, одно за другимъ, прошли передъ моими глазами въ такой живописной ясности, какъ на театрѣ, и мнѣ казалось, что каждое изъ нихъ имѣетъ такое отношеніе къ Ульянѣ Терентьевнѣ, какъ цвѣты къ солнцу.

Это, просто, непостижимо для меня, какъ я, не зная ни Ульяны Терентьевны, ни ея домашнихъ, слыша о нихъ впервые, уже создалъ въ воображеніи цѣлую систему ихъ жизни и готовъ былъ разсказать, что́ говорятъ они, чѣмъ занимаются и даже какіе у нихъ жесты, какіе у нихъ движенія и взгляды. Я думаю, что меня вдохновляла ариѳметика, державшая меня на привязи.

Мнѣ представилось, что молодой человѣкъ, »славный малый, отличный стрѣлокъ«, или каково бы ни было его имя, хлопочетъ объ устройствѣ лодки, что онъ нетерпѣливо жаждетъ прокатить по рѣкѣ свою подругу и бьется именно изъ-за того, чтобы послушать ночью соловья въ рощѣ, посмотрѣть, какъ отражаются въ водѣ старыя липы, и полюбоваться, при свѣтѣ мѣсяца, лугами, которые дымятся теплымъ туманомъ. Я смотрѣлъ на нихъ душевными глазами и въ то же время думалъ, какъ смотритъ на эту молодую пару людей Ульяна Терентьевна, какъ говоритъ она съ ними, какъ они принимаютъ ея мысли и чувства и дѣлаются похожи на нее во всемъ, отъ походки до голоса. И тутъ представилось мнѣ утро, и чай на бѣлой какъ снѣгъ салфеткѣ, и вокругъ него веселыя, дружественныя лица, и оживленный разговоръ, и смѣхъ, и мнѣ казалось, что ничего не можетъ быть ни лучше, ни счастливѣе этого кружка. Отъ чего все это мнѣ воображалось? Не отъ того ли, что я все первое дѣтство провелъ съ величавымъ и молчаливымъ старикомъ-батюшкой да съ няней, которая вся закопалась въ мелкомъ хозяйствѣ? Веселыхъ лицъ, рѣзваго смѣху, молодой, ясной жизни я вокругъ себя не видѣлъ.

А разговоръ между тѣмъ идетъ, и уже толкуютъ о томъ, что »славный малый« — пасынокъ Ульяны Терентьевны, а не племянникъ, и что хо-

рошенькая дѣвушка — ея двоюродная племянница, круглая сирота. Все это я принимаю къ свѣдѣнію: это мнѣ нужнѣе знать, нежели кому-либо изъ собесѣдниковъ: никто изъ нихъ не принялъ такъ близко къ сердцу появленія въ нашей глуши новаго семейства, какъ я.

Задача моя идетъ такъ медленно, какъ-будто я изобрѣтаю ариѳметику вновь; зато свѣдѣнія мои объ Ульянѣ Терентьевнѣ дополняются извѣстіемъ, что у нея пара прекрасныхъ лошадей и хорошенькая колясочка. Это меня радуетъ. Я отъ всей души желаю Ульянѣ Терентьевнѣ всѣхъ удовольствій и воображаю, какъ весело ей и ея домашнимъ разъѣзжать по окрестностямъ въ своемъ щегольскомъ экипажѣ.

Мнѣ нужно теперь знать, ка́къ настоящія имена »отличнаго стрѣлка« и »красоточки«. Это я узна́ю безъ труда, потому что сосѣдямъ все было извѣстно. Его зовутъ Сеня, то есть такъ зоветъ его Ульяна Терентьевна, а ее — Наденька. *Сеня* мнѣ не совсѣмъ нравится. Мнѣ тотъ-часъ пришла въ голову пословица: *По Сенькѣ шапка*, и набросила какую-то тѣнь на особу »славнаго малаго и отличнаго стрѣлка«. Однакожъ ничего. Зато *Наденька* мнѣ показалось такимъ именемъ, какъ-будто такъ звали мою сестру, или какъ будто съ этимъ именемъ соединено воспоминаніе красоты, которою я восхищался. Я совершенно остался доволенъ этимъ именемъ, и уже мнѣ казалось,

что у Наденьки должны быть на рукахъ длинные, тонкіе, прекрасно округленные пальчики, что она должна быть высокаго роста, и что ничто въ мірѣ не сравнится съ очарованіемъ ея смѣха, — ничто, даже и отдаленныя щелканья соловьиной пѣсни ночью надъ рѣкою, которыя глубоко запали въ мою дѣтскую душу и которыми я измѣрялъ степень всякаго восхищенія. Они мнѣ до сихъ поръ казались восхитительнѣе всего въ мірѣ; но теперь я вообразилъ такой смѣхъ идеальной Наденьки, что и щелканье соловья, и дрожанье луны въ рѣкѣ, и утренніе туманы, окрашенные заревомъ майскаго разсвѣта, — все это должно было уступить ему. Какъ она была прелестна въ первыхъ романическихъ грёзахъ души моей! Нѣтъ, теперь уже мнѣ такъ живо не вообразить, такъ чисто не почувствовать!

II.

Я ВСЕ-ТАКИ НЕ ЗНАЮ, ЧТО ЗА ЛИЦЕ УЛЬЯНА ТЕРЕНТЬЕВНА, И ПРОДОЛЖАЮ СОБИРАТЬ О НЕЙ СВѢДѢНІЯ. СУДЬБА МНѢ БЛАГОПРІЯТСТВУЕТЪ.

Все, что́ я создалъ въ своемъ воображеніи на основаніи щедрой платы Ульяны Терентьевны за имѣніе, на основаніи выбраннаго ею красиваго

мѣстоположенія, на основаніи молодой пары людей, тотъ-часъ мною идеализированныхъ, и другихъ мелкихъ обстоятельствъ, — все это не удовлетворяло меня и потѣшило только на первый разъ. Мнѣ хотѣлось видѣть Ульяну Терентьевну, и ея Сеню и Наденьку, и ея прелестную колясочку, и лошадей, и даже стараго Нѣмца въ его синей курткѣ. Но какъ этого достигнуть? Батюшка не былъ знакомъ съ нею; купленное ею имѣньице находилось отъ нашего хутора въ семи верстахъ. Я не могъ предпринять такой далекой прогулки безъ батюшки, а ему — не до прогулокъ. Оставалось довольствоваться отрывочными разсказами о ней сосѣдей, которые часто наѣзщали насъ, и ожидать какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ для удовлетворенія моего любопытства.

Я часто выходилъ заднею садовою калиткою въ поле и сидѣлъ на возвышеніи, съ котораго на далекое пространство открывались извилины рѣчки, протекающей мимо хутора Ульяны Терентьевны. Я былъ убѣжденъ, что рано или поздо увижу на песчаномъ берегу этой рѣчки блестящій экипажъ новой нашей сосѣдки и въ немъ всѣ интересовавшія меня лица, кромѣ развѣ стараго Нѣмца. Но и самого Нѣмца я сажалъ на козлы, или становилъ на запятки.

Я ожидалъ появленія этихъ людей съ такимъ нетерпѣніемъ (окружавшее меня безлюдье томило меня), какъ-будто это были мои соотечественники,

прибывшіе на чужбину, въ которой я скучалъ среди чуждыхъ мнѣ обычаевъ, среди непонятныхъ для меня интересовъ. И еслибы я въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ вдали что́ нибудь похожее на предметъ моихъ ожиданій, мнѣ кажется, я бы побѣжалъ на-встрѣчу, я бы остановилъ лошадей и наговорилъ Ульянѣ Терентьевнѣ тысячу глупостей. Въ сознаніи моей личности, я чувствовалъ себя равнымъ ей. Я казался самъ себѣ такимъ привлекательнымъ мальчикомъ, я такъ любилъ себя, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы другіе могли быть ко мнѣ равнодушны. Міръ представлялся мнѣ свѣтлою областью, въ которой все одинаково прекрасное тотъ-часъ взаимно чуетъ себя и спѣшитъ сблизиться. Душа моя была тогда открыта довѣрчиво любви и дружбѣ, какъ цвѣтокъ солнечному сіянію. Я не вѣдалъ тогда этой тягостной осторожности, которая связываетъ намъ языкъ въ самомъ восторженномъ нашемъ состояніи; я не зналъ еще, что притворство въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми есть непремѣнное условіе нашего спокойствія и безопасности. Я былъ тогда весь дружба, весь откровенность, и, Боже, какъ не похожъ я теперь на того цвѣтущаго всѣми своими силами ребенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе!

Но время шло, а мое ожиданіе не исполнялось. Ульянѣ Терентьевнѣ не было нужды ѣздить мимо

нашего хутора. Она, какъ до меня доходили слухи, была занята устройствомъ своей усадьбы. Мѣсяца черезъ два я узнаю, что она разобрала старую бревенчатую хоромину, въ которой жилъ покойный тесть Дубинина, и сложила изъ нея въ липовой рощѣ веселенькій домикъ, съ бѣлыми стѣнами и зелеными ставнями. Сосѣди говорятъ, однакожъ, что эта постройка обошлась ей не дешево и что она тратитъ деньги не по состоянію. Имъ уже извѣстны ея средства. Но я не придаю большой важности ихъ толкамъ, и радуюсь, что Ульяна Терентьевна живетъ въ свѣтломъ домикѣ, надъ рѣкою, въ липовой рощѣ. Я такъ этимъ доволенъ, какъ-будто она все устроила по моему совѣту. Кто бы изъ сосѣдей ни появлялся въ нашемъ домѣ, я каждаго разспрашивалъ объ Ульянѣ Терентьевнѣ, и не было между ними человѣка, который бы не зналъ происхожденія новой своей сосѣдки, ея достатка, ея привычекъ, ея хозяйственныхъ распоряженій, ея гардероба и даже того, какія кушанья подаютъ у нея за обѣдомъ и ужиномъ. Слѣдовательно я не имѣлъ недостатка въ извѣстіяхъ.

Такимъ образомъ я узналъ: что Ульяна Терентьевна вдова; что мужъ ея былъ секундъ-майоръ; что она жила прежде въ какомъ-то губернскомъ городѣ, далеко отъ нашего захолустья; что она продала тамъ каменный домъ, взяла за него сорокъ тысячъ ассигнаціями — тогда еще не

считали на серебро — и заплатила изъ этихъ денегъ тридцать тысячъ за хуторъ Дубинину; что въ хуторѣ двадцать-пять ревижскихъ душъ, а всего наберется до пятидесяти; что она встаетъ очень рано и до завтрака гуляетъ часа два пѣшкомъ съ палкою, на которую насаженъ стальной топорикъ; что она часто заходитъ въ хаты къ своимъ мужикамъ и уже знаетъ каждую молодицу по имени; что она очень строга съ крестьянами и что у нея ни одинъ мужикъ не отлѣнится отъ панщины. »Молодецъ баба«, замѣчали сосѣди, »годилась бы въ прикащики.« Вообще Ульяна Терентьевна прослыла неусыпною хозяйкою, хлопотуньею; а одинъ помѣщикъ назвалъ ее даже »бой-бабою«, что́ мнѣ крайне не понравилось, равно какъ и ея вмѣшательство во всѣ хозяйственныя дрязги. Мнѣ казалось это недостойнымъ высокаго характера, какимъ я снабдилъ эту женщину. По моему мнѣнію, для прикащичьей должности ей слѣдовало бы пріискать себѣ кого-то болѣе дюжаго, а не самой возиться съ черной работой, какъ мой батюшка. Мнѣ было немножко досадно на Ульяну Терентьевну; но всё-таки она была для меня чрезвычайно интересною особою.

Между людьми, у которыхъ я о ней разспрашивалъ, были такіе, которые успѣли уже познакомиться съ нею лично. Эти господа не имѣли терпѣнія дождаться, чтобъ она, какъ пріѣзжая, побывала у нихъ первая; подъ разными предло-

гами, они явились къ ней съ засвидѣтельствованіемъ своего глубочайшаго почтенія и сперва превозносили ее до небесъ за умъ, за любезность, за отличный домашній порядокъ; но, по мѣрѣ того, какъ Ульяна Терентьевна медлила заплатить имъ визиты, восхищеніе ихъ ослабѣвало, и многіе начали уже подсмѣиваться надъ роскошью ея мебели и экипажа, несоразмѣрною съ состояніемъ. Я, впрочемъ, мало обращалъ вниманія на эти насмѣшки и забиралъ самыя точныя справки о каждой вещи въ ея домѣ, какъ-будто собирался купить его съ аукціона.

Этимъ способомъ я узналъ, какой диванъ, какія кресла, какой коверъ у нея въ гостинной, какія часы въ залѣ, какой подается сервизъ къ чаю, какъ у нея прислуживаютъ за обѣдомъ, и проч. и проч. — до послѣдней мелочи. Моя память и воображеніе вмѣщали въ себѣ полное хозяйство Ульяны Терентьевны, и какъ мнѣ было весело, просыпаясь поутру, думать о ея бѣломъ домикѣ съ зелеными ставнями! Я представлялъ себѣ, какъ первые красноватые лучи солнца заглянутъ въ ея комнату и заиграютъ на лаковыхъ спинкахъ ея стульевъ, на прекрасномъ серебряномъ умывальникѣ, который принесетъ ей дѣвушка (я зналъ, какой у нея и умывальникъ), въ свѣжихъ складкахъ бѣлой косынки, которою покрыты плечи этой дѣвушки (мнѣ было извѣстно, что горничныя Ульяны Терентьевны не могли иначе

показаться ей на глаза, какъ въ свѣжей бѣлой косынкѣ), въ струяхъ и брызгахъ холодной воды, которою умывалась Ульяна Терентьевна, и въ веселыхъ, быстрыхъ, улыбающихся глазахъ (какіе у нея глаза, это я зналъ лучше всякаго сосѣда).

Гдѣ бы я ни былъ, я всё думалъ о ней и о ея домѣ. Я былъ въ немъ камердинеромъ, товарищемъ въ прогулкахъ и совѣтникомъ. Никогда ни одна дѣвочка не была такъ занята своими куклами, какъ я усадьбою Ульяны Терентьевны. Я даже дѣлалъ ошибки въ умноженіи, уносясь туда мыслями, и мнѣ труднѣе доставалась повѣрка его, нежели до знакомства съ этимъ необъяснимо увлекшимъ меня лицемъ.

Но я тщательно скрывалъ отъ своего отца мою разсѣянность, потому что онъ готовился отвезти меня въ сосѣдній городъ Н*, для опредѣленія въ училище. Невозможно разсказать, какихъ трудовъ стоило ему научить меня читать цыфры, — не говорю уже о ихъ вычисленіи. Я исписалъ два большіе грифеля прежде нежели былъ въ состояніи прочитать безъ ошибки сумму въ десять цыфръ. Я не былъ рожденъ для математики. Судите же, каково было бы ему узнать, что я, передъ самымъ вступленіемъ въ училище, позабылъ четыре ариѳметическія правила. Я любилъ батюшку и боялся огорчить его. Но не думать объ Ульянѣ Терентьевнѣ, сидя надъ аспидной дос-

кою, было выше силъ моихъ. Даже новый нанковый сюртукъ, который шили мнѣ въ сосѣдней комнатѣ, не столько занималъ мое воображеніе, какъ она. Но всё-таки я часто и о немъ думалъ, и если что́ услаждало горькую мысль мою объ опредѣленіи въ училище, такъ это удовольствіе носить новый сюртукъ.

Я просиживалъ по цѣлымъ часамъ возлѣ старика портного, крестьянина помѣщика Дубинина, слѣдя за волшебнымъ дѣйствіемъ его иголки, и думалъ, какъ-бы хорошо было мнѣ показаться въ новомъ сюртукѣ въ домѣ Ульяны Терентьевны. Мнѣ казалось, что онъ совершенно соотвѣтствуетъ щегольской мебели, о которой я наслышался. Но этому сюртуку не суждено было удостоиться ея взгляда, — да! Меня раздѣляла еще цѣлая вѣчность времени отъ знакомства съ Ульяной Терентьевной. Сколько тяжелыхъ и восторженныхъ и потрясающихъ болѣзненно впечатлѣній должно было пройти сквозь мою душу, прежде нежели я очутился въ ея сферѣ! Я въ дѣтствѣ не былъ ребенкомъ: я чувствовалъ, радовался и страдалъ, какъ взрослый. Но отъ этого дѣтство мое не потеряло для меня той умилительной прелести, которую — хотя смутно — сознавалъ и самъ Яковъ Яковлевичъ. За свѣжесть впечатлѣній, за воспріимчивость души, за сладостное ощущеніе бытія въ ту эпоху жизни я безконечно благодаренъ своему Создателю. Одарен-

ный этими качествами обильно, я находилъ вездѣ занимательность, гдѣ для другихъ была лишь скука или страданіе. Все, что́ поражало мой глазъ и ухо, отражалось въ моей душѣ живописно и музыкально. Поэтому я не могу вспомнить малѣйшаго обстоятельста своего дѣтства, которое бы не пробудило въ памяти моего сердца гармоническаго сочетанія радостныхъ и грустныхъ, веселыхъ и мрачныхъ впечатлѣній.

Я помню свои сборы къ выѣзду въ городъ Н*, гдѣ предназначено было мнѣ проникнуть во всѣ тайны учебниковъ. Что́ можетъ быть грустнѣе этихъ сборовъ? Для человѣка это, можно сказать, уже начало смерти: такъ много вдругъ теряетъ онъ съ первымъ выѣздомъ изъ родного уголка въ чужіе люди. Но дѣтская натура такъ еще полна жизненности, что въ минуты смертельной горести создаетъ себѣ живительные суррогаты счастья. Когда отецъ, отдавая въ мое распоряженіе небольшой зеленый сундукъ, объявилъ мнѣ, что завтра послѣ обѣда мы выѣдемъ изъ дому, я спрятался за дверь и горько заплакалъ; но почти въ то же время я посмотрѣлъ сквозь щель въ другую комнату и началъ слѣдить за дѣйствіями старика портного, который вкладывалъ въ мой зеленый сундукъ бѣлье, новый жилетъ, вмѣстѣ съ другими принадлежностями моего туалета, и наконецъ сюртукъ. Вечернее солнце, прорѣзавъ полосою свѣта струю табачнаго дыму, который онъ

промежутками выпускалъ изъ коротенькаго чубучка своей деревянной трубки, играло въ сѣдыхъ волосахъ его, всякій разъ, какъ онъ наклонялся надъ сундукомъ. Я засмотрѣлся на старика и позабылъ о слезахъ, орошавшихъ мои щеки. Сундукъ, который онъ наполнялъ такъ старательно, принадлежитъ мнѣ со всѣми своими сокровищами. Я буду носить въ петлѣ своего жилета ключъ отъ него, на цѣпочкѣ, сдѣланной мною изъ проволоки, которую я случайно открылъ въ старыхъ батюшкиныхъ помочахъ. Это будетъ почти то же, что́ носить въ карманѣ часы. Вмѣстѣ съ этими мыслями представилось моему воображенію множество людей, которыхъ я увижу по дорогѣ въ городъ, представились села, лѣса, мельницы съ своими искусственными водопадами и бѣгущія по лугамъ тѣни облаковъ, и городъ со множествомъ церквей, и новая жизнь, которая меня тамъ ожидаетъ. Я задумался, замечтался и рѣшительно пересталъ плакать.

Сказать правду, я не очень сильно былъ привязанъ къ родительскому дому, — не потому, чтобъ я былъ равнодушенъ къ мѣсту своихъ первыхъ радостей, не потому, чтобы въ немъ не было мнѣ привольно, но потому, что у меня не было матери. Родной кровъ и мать — эти два понятія одно съ другимъ неразлучны и одно безъ другого не полны. Я лишился матери въ такомъ раннемъ возрастѣ, что едва помню ея сказки о чуд-

ныхъ странахъ, непохожихъ на нашу, и сверхъ-естественныхъ существахъ, какихъ я никогда не видѣлъ. Помню я также ласкающій взглядъ, сопровождавшій эти сказки, и полный любви голосъ, которымъ онѣ говорились. Вотъ все, что́ осталось мнѣ отъ моей матери. Я взросъ одинокимъ мальчикомъ, въ сообществѣ батюшки, который горячо любилъ меня, но утомлялъ чтеніемъ переплетеннаго въ кожу Державина и ариѳметическими задачами. Поэтому-то, можетъ быть, душа моя лежала болѣе къ обществу женщинъ. и Ульяна Терентьевна, появившись въ нашей сторонѣ, тотъ-часъ увлекла къ себѣ мое воображеніе. Будь она отставной секундъ-майоръ съ семействомъ — вѣсти о ней произвели бы на меня совсѣмъ иное впечатлѣніе.

Я всё еще стоялъ за дверью, смотрѣлъ на свой сундукъ и старика портного съ трубкою въ зубахъ, думалъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи и горевалъ объ окончательной разлукѣ съ Ульяной Терентьевною, когда позвалъ меня батюшка со двора и велѣлъ садиться подлѣ себя въ таратайку, запряженную въ одну лошадь, которою онъ самъ намѣренъ былъ править. Мы объѣхали все наше имѣньице при свѣтѣ заходящаго солнца, всѣ лѣса и сѣнокосы, которые особенно любилъ я, потому что на нихъ не умолкалъ крикъ чаекъ и говоръ лягушекъ, дикій, но необыкновенно пріятный для меня говоръ. Батюшка говорилъ

мнѣ, показывая свои владѣнія, что все это̀ будетъ мое, когда я выйду изъ училища и заслужу офицерскій чинъ, что онъ сдѣлаетъ меня полнымъ хозяиномъ, а самъ будетъ отдыхать и помогать мнѣ только совѣтами. Это мнѣ понравилось. Я далъ себѣ слово завести тогда прекрасную верховую лошадь и по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю навѣщать Ульяну Терентьевну. Мнѣ казалось, это будетъ такъ скоро; я не предчувствовалъ, что́ станется до тѣхъ поръ съ нею и съ ея свѣтлымъ домикомъ....

На другой день я проснулся съ веселыми мыслями о своемъ путешествіи. Теперь у меня была уже цѣль, для которой я ѣхалъ учиться всякой мудрости. Солнце чудно сіяло, когда мы съ батюшкой отправились въ церковь къ обѣднѣ, и я никогда еще не пѣвалъ такъ удачно на клиросѣ, какъ въ это воскресенье. Батюшка тоже пѣлъ и читалъ, какъ всегда, очень пріятно. Онъ прекрасно зналъ церковный уставъ и пріучалъ меня къ нему очень усердно. Послѣ обѣдни мы пѣли молебенъ объ успѣхѣ нашего предпріятія, и все, что́ ни дѣлалъ я самъ, что́ ни дѣлалось вокругъ меня, все дѣйствовало на мою душу радостно, подъ вліяніемъ одной мысли, для чего я ѣду учиться. Ульянѣ Терентьевнѣ предназначено было играть важную роль въ образованіи моего сердца: иначе я не могу объяснить влеченія, какое я пророчески чувствовалъ къ этой женщинѣ.

Мы пригласили священника, отца Луку, къ себѣ на обѣдъ, и тутъ я узналъ о ней новыя подробности. Отецъ Лука сообщилъ намъ, что Ульяна Терентьевна была дочь генерала, очень богатаго человѣка, который имѣлъ несчастіе вступить въ какое-то товарищество съ негодяями и вдругъ потерялъ почти все свое состояніе. Старикъ не пережилъ своего горя и умеръ отъ паралича. Отъ него-то остались ей эта роскошная мебель и серебряная посуда, за которую осуждали ее сосѣди. По догадкамъ отца Луки, она переселилась изъ своей губерніи къ намъ во избѣжаніе обширныхъ знакомствъ, которыя она должна была поддерживать; но онъ не одобрялъ ея уже слишкомъ уединенной жизни и рѣшительнаго уклоненія отъ новыхъ связей. Мнѣ, напротивъ, это нравилось. Когда я воображалъ Ульяну Терентьевну посреди этого гама и писка, которыми выражалась веселость нашего хуторскаго общества, мнѣ казалось, что ея ушамъ было бы отъ нихъ больно. И что́ стала бы дѣлать ея Наденька съ нашими крикливыми дѣвицами? и какое удовольствіе нашелъ бы Сеня въ обществѣ нашихъ сосѣдей, умѣющихъ говорить только о хозяйствѣ? »Нѣтъ, для нихъ не годятся такія знакомства«, думалъ я и воображалъ себѣ то время, когда я буду ѣздить къ нимъ на прекрасной верховой лошади.

Съ этой мечтой я усѣлся подлѣ батюшки въ

старинную нашу бричку и, напутствуемый благословеніемъ отца Луки, весело пустился къ новому поприщу жизни, на которомъ предстояло мнѣ столько тягостнаго принужденія и бѣдствій, неразлучныхъ съ ученичествомъ.

III.

МЕЧТА МОЯ НЕ СКОРО, НО ВСЕ-ТАКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ.

По хронологическому порядку, мнѣ слѣдовало бы теперь разсказать о приключеніяхъ въ домѣ старушки Хлопотовой и въ домѣ бѣдняжки Якова Яковлевича; но, какъ читателю уже извѣстны тѣ и другія, то предоставляю ему наполнить ими въ своемъ воображеніи большой промежутокъ между первыми слухами объ Ульянѣ Терентьевнѣ и моимъ знакомствомъ съ нею, — и буду продолжать начатую повѣсть своимъ порядкомъ.

Я пріѣзжалъ два раза въ отпускъ изъ училища и всё-таки не видалъ ея. Свѣдѣнія мои о ней, полученныя отъ сосѣдей, увеличились немногимъ, тѣмъ болѣе, что она рѣшительно выразила своимъ образомъ жизни нежеланіе съ кѣмъ бы то ни было сближаться. Говорили, правда, что она изрѣдка посѣщаетъ Дубинина и что Дубининъ тоже у ней бываетъ; но отецъ мой завелъ въ это время съ нимъ тяжбу, а въ нашемъ околоткѣ

тяжба по имѣнію и совершенный разрывъ знакомства были нераздѣльны.

Я узналъ только, что домикъ Ульяны Терентьевны, съ цвѣтникомъ, спускавшимися къ рѣкѣ, обнесенъ решетчатымъ заборомъ, выкрашеннымъ свѣтло-зеленою краскою. Въ нашемъ захолустьи масляная краска употреблялась только для мебели — о политурѣ не было и помину — и потому Ульяна Терентьевна подверглась новому осужденію за мотовство.

Одинъ я не осуждалъ ее; но мнѣ становилось досадно, что я до сихъ поръ не могъ видѣть всѣхъ чудесъ Корибутовки (такъ назывался ея хуторъ). Я нѣсколько разъ приставалъ къ батюшкѣ, чтобъ онъ познакомился съ Ульяной Терентьевной, и всякій разъ безъ успѣха. Онъ называлъ ее гордою барынею, которая, дескать, съ нами простаками не хочетъ водиться. Я, однакожъ, понималъ, или по крайней мѣрѣ предполагалъ, что еслибъ не тяжба съ Дубининымъ, то онъ нашелъ бы средства съ нею сблизиться. Хоть онъ и называлъ себя простакомъ, но я хорошо знаю, что онъ себя только одного и считалъ въ околоткѣ достойнымъ ея общества. Онъ былъ отъ природы человѣкъ умный и собесѣдникъ очень пріятный. Жилъ онъ пожалуй не щеголь-ски, какъ и всѣ наши сосѣди; но въ его осанкѣ явно выражалось такое сознаніе собственнаго достоинства, которое было бы въ пору и какому-

нибудь знатному барину. Я воображалъ себѣ, какъ бы онъ повелъ рѣчь съ Ульяной Терентьевной и какъ бы онъ былъ величественъ въ своей бѣлой косынкѣ и праздничномъ синемъ сюртукѣ. Да́, ему, просто, не хотѣлось встрѣтиться у нея съ Дубининымъ, человѣкомъ крайне грубымъ и запальчивымъ, который, пожалуй, позабылъ бы приличіе и унизилъ вмѣстѣ съ собой и самого его въ глазахъ почтенной сосѣдки. Такъ, такъ, я это смекалъ, какъ ни скрывалъ отъ меня батюшка настоящія свои чувства.

По крайней мѣрѣ я добился отъ него хоть чего-нибудь. Однажды получено было изъ города письмо съ увѣдомленіемъ объ успѣшномъ оборотѣ тяжбы съ Дубининымъ. Батюшка цѣлый день былъ необыкновенно веселъ, читалъ мнѣ оды Державина къ Суворову и разсказывалъ разные случаи изъ жизни этого великаго полководца. Я далъ ему начитаться и наговориться въ-волю и потомъ попросилъ его прогуляться по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ хутора Ульяны Терентьевны. Просьба моя на этотъ разъ болѣе нежели подѣйствовала. Батюшка велѣлъ запречь таратайку и, кромѣ того, осѣдлать своего любимаго стараго коня, Кулька. До сихъ поръ мнѣ позволялось ѣздить на Кулькѣ только по двору, вокругъ кустовъ сирени, всегда объѣденныхъ козами; а теперь онъ былъ ввѣренъ мнѣ на цѣлое путешествіе. Я видалъ на картинкѣ Александра Македонскаго, скачущаго на

Буцефалѣ по земному шару. Право, мнѣ теперь казалось, что для моего Кулька весь земной шаръ едва ли былъ бы достаточнымъ поприщемъ. Правда, мнѣ было неловко сидѣть на немъ, потому что онъ былъ очень толстъ и я долженъ былъ растопыривать свои ноги, какъ знакъ умноженія, отчего онѣ у меня послѣ ужасно болѣли; но я былъ очень счастливъ. Батюшка смѣялся, глядя на меня съ своей таратайки, и я догадываюсь, что меня дѣлалъ въ его глазахъ комическимъ существомъ мой длинный неразрѣзной сюртукъ, надувавшійся позади меня, какъ парусъ. Тогда мнѣ все казалось чудно гармоническимъ. Для меня уже какъ-будто наступило время, когда я долженъ былъ завести прекрасную лошадь и ѣздить въ гости къ Ульянѣ Терентьевнѣ. Къ сожалѣнію, Кулекъ не отличался быстротою, какую я придавалъ въ воображеніи той лошади; но я былъ этимъ втайнѣ доволенъ, потому что ежеминутно боялся свалиться съ сѣдла и ѣздилъ по немъ то́ вправо, то́ влѣво.

И вотъ мы въ полѣ, среди зрѣлой ржи и жницъ на нивахъ; жницы намъ кланяются и смѣются. Я этого никакъ не принимаю на свой счетъ и любуюсь — сколько дозволяютъ мнѣ страшно растопыренныя ноги и ѣзда по сѣдлу — ихъ бѣлыми зубами, блестящими въ солнечномъ свѣтѣ на смуглыхъ лицахъ. Вотъ мы — я хотѣлъ бы сказать: скачемъ, но нѣтъ! — тащимся рысцою, и

по песчаному берегу рѣки, внизъ по теченію. Какъ хороша была въ этотъ день вода, сверкавшая солнечными искрами! Но, Боже, чѣмъ показась мнѣ усадьба Ульяны Терентьевны, когда я въ первый разъ ее увидѣлъ! Я много видалъ домовъ и садовъ по дорогѣ къ городу и въ самомъ городѣ; но все это было безжизненно въ сравненіи съ Корибутовкою. Корибутовка, съ своимъ бѣлымъ домикомъ, съ своими хозяйственными постройками, скрашенными разсаженною вездѣ возлѣ нихъ рябиною, съ своею старою липовою рощею, слегка пожелтѣвшею отъ приближенія осени, съ прелестнымъ Англійскимъ садомъ, раскинутымъ какъ-будто самою природою по береговому склону, и съ легкою решеткою, которая тамъ и сямъ показывала изъ-за деревьевъ прозрачные зубцы свои, — отразилась въ моемъ зрѣніи въ той прелести, въ какой художникъ передаетъ намъ на полотнѣ глубоко прочувствованный имъ пейзажъ. Нѣтъ, воображеніе мое не обманываетъ меня: Ульяна Терентьевна и все ее окружающее должны быть именно таковы, какъ я себѣ представилъ. Но зачѣмъ ни она, ни кто-нибудь изъ ея домашнихъ не покажется на этомъ увитомъ зеленью крылечкѣ, посреди этихъ розовыхъ кустовъ, на этомъ мостикѣ, который сдѣланъ для причала лодки, отражающейся въ тихой, защищенной отъ вѣтра водѣ, какъ въ зеркалѣ? Долго ли имъ жить только въ моемъ воображеніи? Мы

ѣдемъ медленно по другому берегу; вѣтеръ величественно развѣваетъ мой сюртукъ; ноги мои начинаютъ болѣть; но я не обращаю на это вниманія; я весь въ раскинутой передо мной картинѣ.

Я готовъ былъ остановиться и простоять передъ усадьбою Ульяны Терентьевны до захода солнца; но батюшка не хотѣлъ выразить передъ нею своего любопытства — еслибъ она насъ замѣтила — и даже избралъ другой путь для возврата домой. Мнѣ показалось, что я видѣлъ прелестный сонъ: такъ мало было для меня нѣсколькихъ минутъ созерцанія.

Этотъ сонъ часто снился мнѣ во время »учительскаго объясненія« Якова Яковлевича, во время моего участія въ его сватовствѣ, во время горестной его болѣзни и послѣ, когда его не стало.

Наступила зима; пришли рождественскіе святки. Я опять пріѣхалъ въ отпускъ по страшнымъ сугробамъ снѣгу, но и эти сугробы, и пушистые бѣлые лѣса, и серебристые холодные узоры, затянувшіе маленькія стекла въ окнахъ нашего хуторского домика, — все цвѣло для меня отпечатлѣвшимся въ моей душѣ на-вѣки пейзажемъ.

И не оставлялъ онъ моего воображенія до тѣхъ поръ, пока распустилась новая зелень и расцвѣли новые цвѣты. Я считалъ дни, когда наступитъ лѣтній роспускъ учениковъ, и, если случалось мнѣ въ жаркій день проходить мимо садовой решетки и на меня вѣяла древесная прохла-

да, — видъ цвѣтущей усадьбы надъ рѣкою вдругъ бывало просвѣтлѣетъ передо мною, какъ картина, по которой только что прошла лаковая кисть. А когда кто-нибудь изъ товарищей приносилъ въ училище розу, никто не бросался нюхать ее съ такимъ упоеніемъ, какъ я: обоняніе приводило въ какой-то трепетъ всѣ мои чувства, и мое воображеніе рвалось изъ душной классной комнаты къ прохладной, сверкающей солнечными искрами рѣкѣ, въ которой то́ отражался опрокинутый берегъ, то́ вдругъ исчезалъ, при налетѣ легкаго вѣтра.

Послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ за учебниками, сильнѣе чувствуешь прелесть родныхъ полей и лѣсовъ. Я не испыталъ удовольствія возвращаться послѣ разлуки въ объятія матери, но чувство это было во мнѣ съ самого ранняго дѣтства, и я думаю, что оно-то облекало такою прелестью природу въ мѣстахъ моего дѣтства. Мало того, — я одинокой своей жизни дома, скучному училищному быту и отсутствію материнской любви приписываю вообще раннее развитіе во мнѣ симпатіи ко всему, что́ манитъ сердце. Но объ этомъ послѣ. Я ждалъ, ждалъ и дождался наконецъ дня, въ который ветхая наша бричка появилась въ воротахъ моей квартиры. Я выбѣжалъ на-встрѣчу къ батюшкѣ и до сихъ поръ помню, какъ мой восторгъ отразился въ глазахъ и на лицѣ его: онъ былъ тронутъ моими чувствами.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда мы выѣхали изъ города, съ тѣмъ, чтобы быть къ ночи дома. Я бы охотно согласился теперь позабыть и выучить наново ариѳметику, чтобъ только чувствовать такую радость, съ какою я озиралъ, возвращаясь изъ училища, поля, луга, рощи и синія полосы горизонта. Я какъ-будто первый разъ въ жизни видѣлъ тогда сіяніе солнца, склонъ его къ западу, длинныя тѣни нашей брички, лошадей и кучера, бѣжавшія по наклоненной къ землѣ зрѣлой пашнѣ, и потомъ наступленіе ночи при заревѣ западнаго небосклона, и луну, чуть обозначавшую на росистой придорожной травѣ нашъ дребезжавшій въ тишинѣ полей экипажъ.

Намъ оставалось уже не болѣе пяти верстъ до дому. Фырканье лошадей, ускорившихъ добровольно свою рысь, и нѣжное звяканье желѣза, связывавшаго бричку, сливались для меня съ ея дребезжаньемъ въ пріятный ладъ. Я вслушивался въ него, какъ въ сказку старика, у котораго, въ замѣнъ одряхлѣвшихъ членовъ, развилась говорливость, и уже чувствовалъ себя въ нашемъ уютномъ домикѣ, среди предметовъ, отпечатлѣвшихся во мнѣ при первомъ сознаніи моего бытія. Вдругъ батюшка высунулся изъ брички и замахалъ кому-то очень привѣтливо картузомъ.

»Карпъ Ивановичъ!« раздался подлѣ брички незнакомый женскій голосъ, и я въ ту же минуту подумалъ: »Не Ульяна ли Терентьевна?«

Но первый взглядъ на говорившую разрушилъ радостную мою догадку. Это была женщина въ огромной темной шляпкѣ, бросавшей густую тѣнь на ея лице (мѣсяцъ уже ярко сіялъ на потемнѣвшемъ небѣ), въ темномъ плащѣ, похожемъ на мужскую шинель, съ возжами и хлыстомъ въ рукахъ. Она выѣхала на перерѣзъ нашей дорогѣ изъ-за кустовъ, въ небольшой красивой тележкѣ, запряженной маленькою сѣрою лошадкою, которою она сама правила.

»Нѣтъ, это не она!« подумалъ а въ ту же минуту.

»Везете наконецъ?« продолжала она, обращаясь къ батюшкѣ.

»Везу, сударыня«, отвѣчалъ онъ такимъ пріятнымъ тономъ, какимъ онъ разговаривалъ только съ отцемъ Лукою.

»А покажите мнѣ?« сказала незнакомка.

Тогда только я узналъ, что дѣло идетъ о вашемъ покорнѣйшемъ слугѣ, которому тотъ-часъ приказано было вылѣзть изъ брички и подойти »къ ручкѣ« Ульяны Терентьевны.

»Ульяны Терентьевны!« воскликнулъ я такимъ голосомъ, какъ-будто меня разбудили крикомъ отъ сна.

Я думаю, что я даже поблѣднѣлъ въ эту минуту; по крайней мѣрѣ, когда я вылѣзалъ изъ брички, то руки и ноги мои дрожали.

»А онъ меня ужъ знаетъ?« сказала Ульяна Терентьевна, услышавъ мое восклицаніе.

»Очень давно«, отвѣчалъ батюшка. »Сколько разъ онъ упрашивалъ меня съ вами познакомиться!«

»О, да какой же милашка!« сказала она, когда я поцѣловалъ ея перчатку. (Мнѣ понравилось, что она была въ перчаткахъ и еще въ мягкихъ и свѣжихъ, по ощущенію моихъ губъ.)

»Погоди, голубчикъ, дай посмотрѣть на себя«, продолжала она, удерживая меня за руку, въ которой я держалъ картузъ, и пробирая мнѣ на лбу волосы. »Карпъ Ивановичъ, я васъ тотъ-часъ же ограблю.«

»Какъ?« спросилъ батюшка, голосомъ самаго счастливаго человѣка.

»Отниму у васъ Николашу по крайней мѣрѣ на недѣлю.«

»Вы очень добры, сударыня«, отвѣчалъ батюшка: »онъ не заслуживаетъ вашихъ ласокъ.« (А между тѣмъ видно было, что онъ думалъ совсѣмъ не то: батюшка считалъ меня чудомъ между дѣтьми, не смотря на мою тупость къ ариѳметикѣ.)

»Садись подлѣ меня, дружечекъ«, сказала Ульяна Терентьевна, подбирая оставленные возжи и хлыстъ.

Я возвратился къ батюшкѣ, чтобъ съ нимъ проститься. Какою радостью сіяло лице его!

»Поворачивайте ко мнѣ, Карпъ Ивановичъ«, сказала Ульяна Терентьевна.

Батюшка по какой-то причинѣ — не помню — не могъ принять этого предложенія и обѣщалъ черезъ нѣсколько дней пріѣхать за мною. Я уѣхалъ одинъ съ Ульяной Терентьевной.

Сплю я, или на-яву брежу? готовъ былъ я спрашивать самого себя, быстро несясь по узенькой дорожкѣ среди жита, наклоняющагося по обѣ стороны подъ колесами. Переходъ мой отъ долгаго ожиданія къ исполненію моихъ желаній былъ такъ быстръ, что я не успѣлъ опомниться отъ изумленія, и руки мои всё еще продолжали дрожать.

»Ты озябъ, Николаша?« спросила ласковымъ голосомъ Ульяна Терентьевна.

Я отвѣчалъ:

»Нѣтъ.«

»Чего жъ ты дрожишь?«

»Не знаю. Мнѣ кажется, какъ-будто я вижу васъ во снѣ....«

»Какъ это?«

»Какъ-будто это невозможно, чтобъ я сидѣлъ подлѣ васъ и ѣхалъ къ вамъ.«

»О, милое дитя!« сказала Ульяна Терентьевна, взглянувъ на меня, и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ ея глаза. Мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ лице ей. Что́-то глубоко шевельнулось у меня въ душѣ: этотъ взглядъ былъ мнѣ знакомъ. Такъ смотрѣла на меня мать, разсказывая мнѣ волшеб-

ныя сказки. Я вообще не былъ застѣнчивъ, и этотъ взглядъ совершенно освоилъ меня съ Ульяной Терентьевной.

»Я давно желалъ васъ видѣть«, продолжалъ я. »Только имя ваше пронеслось въ нашей сторонѣ, я уже началъ думать о васъ безпрестанно.«

»Въ самомъ дѣлѣ?« сказала она, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ. Она не ожидала отъ деревенскаго, необразованнаго мальчика такого тона рѣчи, какимъ я говорилъ. Но она очень ошибалась. Меня всé образовывало — отъ одъ Державина, которыхъ я зналъ наизустъ множество, до дружбы моей съ Катенькою, для которой я былъ, послѣ выхода ея замужъ, повѣреннымъ всѣхъ домашнихъ тайнъ. Не говорю уже о разнообразныхъ разсказахъ Діонисія. Все это развило меня необыкновенно.

»Да́, Ульяна Терентьевна«, сказалъ я, »вы часто снились мнѣ во снѣ, и никогда еще никто не жаждалъ такъ видѣть васъ, какъ я.«

»Да былъ ли ты увѣренъ, что я тебѣ понравлюсь?« сказала она, засмѣявшись, и смѣхъ ея былъ необыкновенно пріятенъ.

»Увѣренъ?« отвѣчалъ я«; »да мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобъ вы были не тѣмъ, чѣмъ я воображалъ васъ.«

»А чѣмъ же ты воображалъ меня?«

»Я воображалъ васъ такою женщиною, какой я никогда еще не видѣлъ.«

»Что́ жъ это значитъ?«

»Это значитъ, что у васъ все лучше другихъ: и рѣчь, и жизнь, — однимъ словомъ, все.«

»Боже мой!« сказала Ульяна Терентьевна, »да ты разсуждаешь, какъ старикъ. Который тебѣ годъ?«

Я отвѣчалъ съ гордостью, что мнѣ ужъ четырнадцатый годъ.

»Такъ я не ошибся? не правда-ли?« спросилъ я, глядя въ глаза Ульянѣ Терентьевнѣ. »Вѣдь у васъ все лучше другихъ? Я видѣлъ вашу усадьбу. Боже мой! какою чудною женщиною вы мнѣ тогда представились! Вѣдь вы купили дикое мѣсто и сдѣлали изъ него такую картину. Нѣтъ, я не ошибся въ васъ.«

Она усмѣхнулась, и я желалъ бы знать, что́ она этимъ выразила. Кажется, однакожъ, что ей мое восхищеніе нравилось. Она какъ-то веселѣй прежняго потряхивала возжами своей сѣрой лошадки, и мы летѣли по полю стрѣлою. Какъ легко было у меня на душѣ! какъ свѣтлы были всѣ умственныя мои представленія!

»Такъ тебѣ понравился мой хуторъ?« спросила Ульяна Терентьевна.

»Онъ показался мнѣ раемъ«, отвѣчалъ я.

»И ты, вѣрно, считаешь меня счастливѣйшею женщиною въ мірѣ?«

Я взглянулъ на нее съ беспокойствомъ. Я съ секунду разсматривалъ ея правильныя, прелестныя черты, сколько позволяли мнѣ видѣть ихъ

огромная шляпка, на которую я очень досадовалъ, и тѣнь, падавшая отъ ея широкихъ полей. Она смотрѣла на меня своимъ нѣжнымъ взглядомъ и улыбалась.

»Нѣтъ, вы не можете быть несчастны!« сказалъ я. »Вѣдь несчастье что́?«

»А что́ такое, по-твоему, несчастье?« спросила съ живостью Ульяна Терентьевна, заинтересованная моею глубокомысленною бесѣдою.

»Несчастье«, сказалъ я самымъ положительнымъ тономъ, »несчастье бываетъ тогда, когда человѣка никто не любитъ. А съ вами развѣ можетъ это быть? Развѣ въ состояніи кто-нибудь васъ оставить, позабыть, не желать быть съ вами и доставлять вамъ удовольствіе? Я по себѣ сужу. Вы имѣете въ себѣ что-то чудное. Я просидѣлъ бы подлѣ васъ всю жизнь.«

Ульяна Терентьевна поблагодарила меня взглядомъ и пожатіемъ руки. Я былъ какъ нельзя болѣе счастливъ: я чувствовалъ, что меня любятъ, что́ между нами есть уже дружба.

IV.

Я окончательно объясняюсь въ любви Ульянѣ Терентьевнѣ. Первое мое знакомство съ нѣмцемъ въ синей курточкѣ и превращеніе.

Мы проѣхали черезъ хуторъ Ульяны Терентьевны, расположенной, ниже ея домика, на рѣчномъ отлогомъ берегу, и въѣхали въ липовую рощу, по которой шла извилистая дорожка къ домику. Ульяна Терентьевна, какъ я послѣ узналъ, дорожила этою рощею, какъ величайшею драгоцѣнностью, и боялась подумать о просѣкѣ. Деревья бросали на насъ густую тѣнь, смѣняемую внезапнымъ луннымъ свѣтомъ. Множество свѣтящихся червей блестѣло по обѣ стороны дороги въ темнотѣ. Съ рѣки несся глухой говоръ водяныхъ обитателей. Я дорого далъ бы теперь за минуту того спокойнаго, свѣтлаго восторга, съ какимъ я впивалъ тогда въ себѣ душистый воздухъ, вглядывался въ таинственную темноту деревьевъ и прислушивался къ этому говору.

Я спросилъ Ульяну Терентьевну, какъ она познакомилась съ моимъ батюшкою.

Она отвѣчала, что очень просто. Она встрѣтилась съ нимъ на смежныхъ сѣнокосахъ; ей нуж-

но было нѣсколько ульевъ пчелъ; она знала, что у моего батюшки пчелы содержатся въ отличномъ порядкѣ, и спросила, не продастъ ли онъ; онъ согласился на это съ большою сосѣдскою любезностью, и съ той минуты они знакомы.

»Батюшка твой очень умный человѣкъ«, прибавила она.

»О, да!« подтвердилъ я. »Когда бъ вы послушали, какъ онъ читаетъ Державина!

»О Россъ, о подвигъ исполина!
О всемогущая жена,
Безсмертная Екатерина!
Куда и что́ еще? уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна....
Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ удивитъ!«

Ульяна Терентьевна отъ души восхищалась моею декламаціею, которой вторили эхо въ тишинѣ рощи и фырканье сѣрой лошадки; а я потому вспомнилъ эти стихи, что въ моей новой знакомкѣ было что-то Екатерининское. Я смотрѣлъ на нее, какъ на величайшую женщину въ мірѣ, и не было мѣры преданности, которую я къ ней чувствовалъ.

»Я узнала«, продолжала Ульяна Терентьевна, »что онъ вдовецъ и что у него есть сынокъ. Я подумала: »Бѣдный мальчикъ! какое это несчастье, что у него нѣтъ матери!«

»А это большое несчастье?« спросилъ я, испугавшись вдругъ отчаяннаго своего положенія.

»Да́, мой другъ«, отвѣчала она; »почти такое жъ, какъ для взрослыхъ одиночество и бездѣтность.«

»А у васъ нѣтъ дѣтей?« спросилъ я.

»Этого я не могу сказать. У меня нѣтъ родныхъ, но Богъ ко мнѣ милостивъ. Я люблю обоихъ моихъ датокъ такъ, какъ больше, мнѣ кажется, любить нельзя.«

»Вы говорите о Сенѣ и Наденькѣ?«

»А ты уже ихъ знаешь?«

»Я все знаю, что́ только можно было узнать о васъ. Я предчувствовалъ, что буду съ вами знакомъ. Когда разнеслась въ околоткѣ вѣсть о васъ, я почти перезабылъ ариѳметику: я всё думалъ о томъ, какъ-бы мнѣ васъ увидѣть.«

»Какъ жаль, что я этого не знала!« сказала Ульяна Терентьевна. »Я бы скорѣе тогда познакомилась съ твоимъ батюшкой.«

»Да что́ я для васъ за рѣдкость? Васъ, я думаю, тысячи людей обожаютъ. Кто только васъ узналъ, тотъ и вашъ на-вѣки.«

»Нѣтъ, ошибаешься, мой другъ«, сказала, качая головой, Ульяна Терентьевна. »Вѣрное сердце — рѣдкая находка въ мірѣ.«

»То есть такое, которое никогда не перестанетъ любить?«

»Да́«, отвѣчала она съ какой-то грустью.

»Я никогда, никогда не перестану любить васъ!« воскликнулъ я, какъ пламенный рыцарь, »никогда!«

И эхо повторило мое восклицаніе.

Я говорилъ истину. Это была первая любовь моя, и никогда никакое чувство не горѣло въ моемъ сердцѣ чистѣйшимъ и постояннѣйшимъ пламенемъ. »Вѣрное сердце—рѣдкая находка въ жизни.« Я чувствовалъ, что мое сердце полно вѣрности, и гордился этимъ. Я зналъ, что я не бездѣлицу приношу въ жертву Ульянѣ Терентьевнѣ.

Въ-послѣдствіи узналъ я, что взглядъ ея, обращенный на меня въ минуту моего объясненія въ любви, при всей своей нѣжности, при всей теплотѣ своей, не выражалъ и половины того, что́ было въ ея сердцѣ. Она придала моей симпатіи такую цѣну, какую придаютъ или люди еще неопытные въ жизни, или люди, отвернувшіеся отъ своихъ сверстниковъ и всю любовь свою къ человѣку отдающіе поколѣнію новому.

Эту перспективу дальнѣйшаго моего знакомства съ этой необыкновенною женщиною я долженъ былъ показать теперь же: иначе читателю не было бы понятно ея истинно материнское со мною обращеніе; не было бы понятно участіе, которое она съ этого времени приняла во всемъ, что́ относилось къ моимъ удовольствіямъ и пользѣ.

Но возвращаюсь къ разсказу. Ульяна Терентьевна чаще прежняго начала потряхивать возжами: я думаю, ей поскорѣе хотѣлось показать меня своимъ домашнимъ.

»Ну-ка, сѣркó«, сказала она, ободряя лошадку,

которая фыркала отъ усталости чаще и чаще, »поспѣши къ своему хозяину: я думаю, онъ ждетъ не дождется тебя.— Это не моя лошадь: это моего садовника Готфрида«, обратилась она ко мнѣ.

»Нѣмца въ синей курткѣ и въ башмакахъ?« спросилъ я.

»Нѣмца въ синей курткѣ и въ башмакахъ«, отвѣчала она, засмѣявшись. »Готфридъ давній нашъ.... домочадецъ, могу сказать. Папа мой выписалъ его изъ Штутгарда и платилъ ему большія деньги. Онъ отличный садоводъ и пчеловодъ, а папа любилъ до пристрастія сады и пчелъ. Послѣ обстоятельства его разстроились....«

»Отецъ Лука больше всѣхъ сказалъ правды«, подумалъ я. »Умный человѣкъ отецъ Лука.«

»Я была уже тогда замужемъ; но мы жили въ одномъ домѣ. По его смерти, я не могла платить Готфриду его жалованья и хотѣла отпустить его. Но онъ просилъ меня оставить его на одной трети прежней цѣны, и остался. Потомъ мы вздумали переѣхать сюда и ограничить больше прежняго свои расходы....«

»Да́«, подумалъ я опять, »умный человѣкъ отецъ Лука.«

»Я опять хотѣла отпустить Готфрида, но онъ просилъ меня назначить ему такое жалованье, какое мнѣ угодно, только не отпускать его.«

»И вы назначили?«

»Да́, я плачу́ ему триста-пятьдесятъ рублей ас-

сиг нація́ми въ годъ, и это очень недорого по его спо собностямъ, даже и при моихъ обстоятельства хъ. Его многіе заискивали; онъ могъ бы тотъ-часъ найти себѣ прекрасное мѣсто.«

»О нъ такъ привыкъ къ вамъ?« спросилъ я.

»У него очень нѣжное сердце«, сказала Ульяна Терентьевна, улыбнувшись какъ-то грустно. »Не даромъ онъ такой поклонникъ Шиллера. Правда, ты Шиллера, я думаю, не знаешь, да и Штутгар дъ знаешь ли ты, въ какомъ государствѣ?«

Самолюбіе мое было задѣто, и я, вмѣсто отвѣта, проговорилъ отрывокъ изъ одного географи-ческаго своего урока:

»Штутгардъ, столица Виртембергскаго королевства, на Незенбахѣ, съ тридцатью-пятью тысячами жителей. Прекрасный дворецъ, большая библіотека, фабрики....«

»Хорошо, хорошо«, сказала, смѣясь, Ульяна Терентьевна; »а Шиллера всё-таки не знаешь.«

»Да́, Шиллера у насъ еще не учили«, отвѣчалъ я.

»Ну, такъ вотъ, если хочешь одолжить моего Готфрида, спроси у него о Шиллерѣ. Онъ готовъ толковать о немъ съ утра до вечера.«

Въ это время мы приблизились къ решеткѣ двора Ульяны Терентьевны, и намъ отворилъ ворота.... кто же? — Готфридъ. Я узналъ его по синей суконной курткѣ, спускавшейся ниже пояса, на подобіе нынѣшнихъ домашнихъ пальто, и

выложенной довольно красиво снурками. Онъ былъ совсѣмъ не старикъ, какъ описывали его сосѣди; ему было лѣтъ сорокъ, только онъ былъ очень блѣденъ и худощавъ. Черты лица его выражали, съ перваго взгляда, что-то благородное и, какъ теперь я припоминаю, онъ былъ нѣсколько похожъ на Шиллера. Длинные бѣлокурые, немного завитые отъ природы волосы и свѣтло-голубые глаза его чрезвычайно мнѣ понравились. Свѣтъ мѣсяца придавалъ ему въ этотъ вечеръ особенную привлекательность.

»Gnädige Frau«, сказалъ онъ тихимъ, слабымъ голосомъ, »какъ долго вы сегодня проѣздили по сѣнокосамъ! Самоваръ давно готовъ, и васъ давно ждутъ съ чаемъ.«

Но прежде нежели онъ кончилъ, сѣркó проѣхалъ мимо. Готфридъ побѣжалъ за нами и у крыльца помогъ Ульянѣ Терентьевнѣ выйти. Я наблюдалъ за нимъ и замѣтилъ, что онъ дѣлалъ это съ особеннымъ удовольствіемъ.

»Добрый мой Готфридъ!« сказала тогда ласково Ульяна Терентьевна, въ отвѣтъ на прежнія его слова, »а ты безъ меня уже и соскучился?«

Готфридъ хотѣлъ на это что-то сказать, но видимо замялся и только отворилъ дверь, съ почтительнымъ наклоненіемъ головы.

Я послѣдовалъ за Ульяной Терентьевной. Мы вошли въ просторную переднюю, которая показалась мнѣ великолѣпною залою. Готфридъ забѣ-

жалъ впередъ и хотѣлъ отворить намъ съ правой стороны дверь; но Ульяна Терентьевна повернула влѣво. Тогда онъ схватилъ свѣчу въ серебряномъ подсвѣчникѣ и отворилъ дверь на лѣвой сторонѣ передней. Мы вошли въ залу, увѣшанную портретами. Готфридъ, поставя свѣчу на столъ, тотъчасъ удалился.

Ульяна Терентьевна, къ моему удивленію, повернула въ замкѣ ключъ и скрылась въ боковой двери, оставя меня одного въ сообществѣ людей, глядѣвшихъ на меня со всѣхъ сторонъ изъ золоченыхъ рамъ. Я первый разъ въ жизни увидѣлъ живопись. Какъ странно она на меня подѣйствовала! Я чувствовалъ какой-то ужасъ, вглядываясь въ черты лицъ, казавшихся мнѣ живыми. Въ то же самое время душа моя была полна невыразимаго восторга, производимаго на нее художественнымъ сочетаніемъ красокъ. Особенно одинъ портретъ приковалъ къ себѣ мое зрѣніе. Это былъ величественной наружности старикъ въ генеральскомъ мундирѣ стариннаго покроя. Я подумалъ, не отецъ ли это Ульяны Терентьевны; но нѣтъ! въ ея глазахъ совсѣмъ не это выраженіе; а черты лица ея.... но онѣ были для меня еще неясны: такъ закрывала ее шляпка и такъ все мое зрѣніе устремлено было на одни прелестные глаза ея, отогрѣвавшіе мою душу отъ училищнаго холода.

Когда я объ этомъ думалъ, Ульяна Терентьев

на появилась изъ боковой двери въ темномъ шелковомъ, шелестящемъ платьѣ, въ какомъ я вообразжалъ ее, въ блестящихъ, нѣжно скрипучихъ башмачкахъ и (странно) даже со связкою ключей въ рукѣ. Но я не думалъ и вообразить не могъ, чтобъ она была такъ хороша. Она была уже не въ первой молодости и не имѣла совсѣмъ румянца, но лице ея и вся голова какъ-будто окружены были сіяніемъ. Я смотрѣлъ на нее во всѣ глаза и не замѣтилъ даже дѣвушки, которая вошла вслѣдъ за нею съ серебрянымъ тазомъ и умывальникомъ.

»Николаша«, сказала своимъ любящимъ голосомъ Ульяна Терентьевна, »тебѣ слѣдуетъ немножко принарядиться. Такому милому мальчику, какъ ты, неприлично являться въ хорошее общество въ запыленномъ и распоротомъ сюртукѣ. Конечно, одежда послѣднее дѣло, другъ мой; но почему же намъ не быть красивѣе съ виду, если можемъ? У меня осталось платье Сени съ твоего возраста. Оно какъ разъ придется по тебѣ. Дѣвушка принесетъ и одѣнетъ тебя.«

»Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ самому одѣться: батюшка всегда велитъ мнѣ самому одѣваться«, сказалъ я, цѣлуя съ благодарностью ея руку.

Мнѣ такъ же было не стыдно принять отъ нея платье, какъ и отъ родной матери.

»И прекрасно«, сказала она. »Но прежде умойся, а я между тѣмъ приготовлю къ твоему знакомству моихъ дѣтей.«

Мнѣ подали умыться изъ серебряной посуды, и невозможно выразить, какое произвело это на меня впечатлѣніе. Я какъ-будто очутился въ одной изъ тѣхъ чудныхъ странъ, о которыхъ разсказывала мнѣ мать моя. Теперь я равнодушно смотрю на комфортъ, идущій рядомъ съ утонченностью нравовъ, но въ то время даже свѣжее, голландское полотенце съ нерасправившимися складками показалось мнѣ чѣмъ-то изъ волшебной сказки. А когда я надѣлъ чистое бѣлье, башмаки — чуть ли еще не Ульяны Терентьевны — сѣрые панталоны съ лампасами и малиноваго цвѣта курточку съ золотыми снурками и со множествомъ блестящихъ пуговицъ, я чувствовалъ, какъ-будто я съ-изнова родился.

Едва я кончилъ свой туалетъ, какъ вошелъ Готфридъ, осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и спереди и сзади, обтянулъ панталоны, какъ дѣлаютъ портные, застегнулъ пуговицы въ моей курткѣ и оправилъ на моей шеѣ бѣлый воротничекъ.

Пока онъ былъ этимъ занятъ, я спросилъ его:

»Herr Готфридъ, скажите мнѣ, пожалуста, что́ такое Шиллеръ?«

»О, Herr Николаша!« воскликнулъ онъ съ радостнымъ удивленіемъ. »Вы хотите знать Шиллера? Я вамъ разскажу и покажу Шиллера охотно послѣ, а теперь Gnädige Frau зоветъ васъ къ себѣ.«

Я понималъ уже, что́ значитъ Gnädige Frau, потому что Якова Яковлевича смѣнилъ въ Нѣмецкомъ языкѣ отставной Дерптскій студентъ и школилъ насъ порядочно. И какъ я былъ доволенъ, что понималъ эти слова! Они удивительно шли къ Ульянѣ Терентьевнѣ.

Я послѣдовалъ за Готфридомъ черезъ переднюю.

»Herr Николаша«, сказалъ онъ, указывая мнѣ на лежавшую на столѣ толстую книгу въ кожанномъ переплетѣ, похожую на часословъ, по которому я когда-то учился грамотѣ, »вотъ Шиллеръ.«

Я возымѣлъ о Шиллерѣ почтительное понятіе и хотѣлъ было посмотрѣть, что́ это за книга, и есть ли въ ней картинки. Но Готфридъ отворилъ передо мною дверь въ другую комнату, ярко освѣщенную, и я увидѣлъ тамъ, какъ-будто въ небесномъ сіяніи, Ульяну Терентьевну вмѣстѣ съ Наденькою и Сенею. Оставя Шиллера въ покоѣ, я поспѣшилъ въ этотъ маленькій рай. Хорошенькая, свѣтлая комнатка, вмѣщавшая въ себѣ мою Ульяну Терентьевну, показалась мнѣ истинно раемъ.

V.

Я пріобрѣтаю права гражданства въ семействѣ Ульяны Терентьевны.

Какъ я вошелъ, какъ поклонился, до этого, надѣюсь, никому нѣтъ надобности; да едва ли я что-нибудь подобное и сдѣлалъ, потому что я помню только, какъ Ульяна Терентьевна, держа меня аз руку, говорила своей Наденькѣ:

»Сынъ Карпа Ивановича.«

Я между тѣмъ разсматривалъ дѣвушку, передъ которою мы оба стояли въ двухъ шагахъ. Она сидѣла между двухъ свѣчъ, и на лицѣ ея какъ-будто не было никакой тѣни. Наденька была вся въ бѣломъ и очень походила на Ульяну Терентьевну; только черты ея были, такъ сказать, стушеваны и не знаю, это ли обстоятельство, или, можетъ быть, блескъ бѣлоснѣжнаго ея платья въ яркомъ освѣщеніи и что-то дѣтски-радостное въ ея взорѣ заставили меня подумать, что если въ самомъ дѣлѣ наши души во время сна отдѣляются отъ насъ легкимъ видѣніемъ и бесѣдуютъ съ Богомъ — я часто объ этомъ слышалъ — то душа Ульяны Терентьевны должна быть именно такова.

Видно, моя наивная мысль отразилась въ моихъ глазахъ, потому что глаза Наденьки приняли чрезвычайно насмѣшливое выраженіе, на щекахъ по-

явились ямочки, губы сжались: она готова была захохотать.

Въ ту же самую минуту сбоку послышался громкій мужской голосъ, какого я совсѣмъ не ожидалъ въ этой странѣ кроткихъ и нѣжныхъ фей:

»Ахъ, мамаша! да я въ немъ какъ-будто вижу свой портретъ!«

Я посмотрѣлъ, кто это такъ мужественно объявляетъ свое притязаніе на сходство со мною, и увидѣлъ Сеню, сидящаго на низенькомъ табуретѣ у ногъ Наденьки. Она была въ такомъ свѣтѣ, что я, войдя въ комнату, потерялъ было его изъ виду.

»Но съ чего взялъ онъ, что я какъ-будто портретъ съ него?« подумалъ я, и на это мнѣ было довольно одного мгновенія. »Онъ бѣлокуръ, а у меня волосы черные; у него лице широкое и толстый прямой носъ, а у меня носъ съ горбомъ и лице овальное.«

Правда, въ его лицѣ нѣтъ ничего непріятнаго; бѣлокурые волосы его вьются локонами; на полныхъ щекахъ играетъ сильный румянецъ; голубые глаза блестятъ добродушіемъ; а золотистые усы, слегка закрученные кверху, возбудили во мнѣ даже зависть. Но всё-таки я не похожъ на него и не хотѣлъ бы быть похожимъ....

»Ты разумѣешь, Сеня, красную куртку, которую ты въ дѣтствѣ носилъ? Да́, это она и есть«, сказала Ульяна Терентьевна.

»Она? какъ это?«

»Такъ случилось, что послѣ дороги Николашѣ понадобилось твое платье.«

Молодые люди засмѣялись такъ отъ души и такимъ добрымъ смѣхомъ, что я самъ смѣялся съ ними.

»Я взяла Николашу подъ свое покровительство«, продолжала Ульяна Терентьевна, »и хочу его немножко ошлифовать.«

»Вы ужъ, кажется, вообразили, что нашли алмазъ?« сказала саркастически Наденька.

И я съ той же минуты составилъ о ней мнѣніе, что она большая насмѣшница.

»Почемъ знать, что́ изъ него выйдетъ въ обдѣлкѣ?« отвѣчала Ульяна Терентьевна.

»Обдѣлка будетъ дороже камня«, быстро проговорила Наденька.

»О, да она въ самомъ дѣлѣ насмѣшница!« подумалъ я, и ожидалъ, что́ скажетъ Ульяна Терентьевна.

»Я вѣрю въ свой инстинктъ«, сказала она, и какъ я былъ ей за это благодаренъ!

Но Наденькины нападки мнѣ нравились, хотя трудно сказать, почему.

»Ахъ тётя, какъ вы еще молоды!« воскликнула она, какъ шаловливый ребенокъ.

»Мамаша никогда не состарится, я въ этомъ увѣренъ«, сказалъ очень серьёзно Сеня.

Я посмотрѣлъ на него: неужели онъ такъ рѣзко,

такъ грубо, шутитъ надъ Ульяной Терентьевной! но взглядъ его былъ такъ невиненъ. Дерзкій мальчикъ! я тотъ-часъ подумалъ: »Неужели Сеня глупъ?« Мысли мои не знали узды, и я ни о чемъ не затруднялся судить въ-тихомолку по-своему.

»Да́«, отвѣчала Ульяна Терентьевна, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и между тѣмъ, какъ одна рука ея лежала на моемъ плечѣ, другая разсѣянно приподнимала на лбу мои волосы и приглаживала ихъ въ сторону. Я сдѣлался уже ея любимцемъ, котораго она, по-видимому, готова была не отпускать отъ себя: »Да́, Сеня, ты очень хорошо выразилъ свою мысль: душа наша вѣчно молода, и прекрасное въ ней не можетъ перестать быть прекраснымъ.«

Я обратилъ глаза на Наденьку, что́ она на это скажетъ, и отъ меня не укрылось мгновенное выраженіе ея взгляда, брошеннаго на Сеню: въ этомъ взглядѣ было столько смѣху, что еслибъ его переложить въ звуки, то онъ наполнилъ бы всю комнату.

»А я, тётя, всё-таки удивляюсь«, сказала она, »какъ вы еще молоды!«

»Ахъ ты, старушка! Не дай Богъ постарѣть такъ твоимъ чувствамъ, какъ твой умъ!«

Эти слова были сказаны Ульяною Терентьевною съ ласкою, съ участіемъ и съ легкимъ упрекомъ. Мой слухъ былъ необыкновенно чутокъ къ тончайшимъ нотамъ ея голоса.

»А вы таки молоды«, твердила Наденька, играя книгою и выглядывая изъ-за нея, какъ изъ-за ширмъ. »Ахъ, какъ вы молоды!«

»Да что́ же ты хочешь этимъ сказать?« спросила, разсмѣявшись, Ульяна Терентьевна.

Какъ хорошъ былъ этотъ быстрый глазокъ, выглядывавшій на нее изъ-за книжки! Это чувствовалъ, кажется, и Сеня: онъ слѣдилъ за всѣми его продѣлками и отъ души смѣялся.

Что́, однако же, отвѣчала Наденька? Наденька спряталась за книгу и пропѣла за нею, какъ за кулисами:

Что прелесть, что краса?
Мгновенный цвѣтъ....

Все это казалось мнѣ такъ занимательнымъ, какъ театральное представленіе. А между тѣмъ я понималъ, что дѣло шло всё обо мнѣ. Я какъ будто былъ приведенъ на судъ передъ хорошенькую дѣвушку, и мнѣ было любопытно знать, чѣмъ онъ рѣшится.

»Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна, »ты напрасно меня преслѣдуешь: всмотрись-ка ему въ глаза.«

»Да́, милый барашекъ!« продолжала насмѣшливо Наденька. »Подойди ко мнѣ, хорошенькій куд-лашка; сядь подлѣ меня, прелестная мопочка!«

»Не обижайся, Николаша«, сказала мнѣ Ульяна Терентьевна: »она у насъ шутница по ремеслу. За это мы ее и хлѣбомъ кормимъ.«

Но у меня и мысли не было обидѣться. Я полюбилъ Наденьку со всѣми ея проказами, и еслибъ она вмѣсто *милый*, *хорошенькій*, прибавила *глупенькій* и т. п., я съ такимъ же удовольствіемъ подошелъ бы къ ней и сѣлъ подлѣ нея на маленькой софѣ, какъ это сдѣлалъ я теперь.

Готфридъ въ это время успѣлъ поставить на столъ подносъ съ чайнымъ приборомъ, а подлѣ стола, на табуретѣ, самоваръ. Въ-послѣдствіи я узналъ, что онъ добровольно взялъ на себя услуги по чайной части, равно какъ и многія другія въ домѣ. Исполнивъ свою обязанность, онъ сѣлъ на стулъ у самой двери въ передней и, протянувъ голову впередъ, смотрѣлъ на Ульяну Терентьевну, которая присѣла къ столу и занялась чашками.

Я сидѣлъ между нею и Наденькой; голова Сени видна была мнѣ черезъ столъ.

»Вы хотѣли меня сконфузить«, обратился я къ Наденькѣ, »да не удалось. А я такъ васъ сконфужу, если захочу.«

»Хорошенько, хорошенько отплати ей, Николаша«, сказала Ульяна Терентьевна.

Сенѣ тоже понравился дебютъ мой, и онъ сказалъ:

»Если тебѣ удастся это, кудлашка (онъ съ этого времени ужъ иначе не называлъ меня, развѣ еще барашкомъ или мопочкою, хотя я находилъ, что къ нему всѣ эти имена шли гораздо больше),

»если тебѣ удастся это, то я возьму тебя завтра на охоту.»

»Какое счастье видѣть убійство!« замѣтила Наденька.

Но я никогда еще не былъ на охотѣ, и обѣщаніе Сени заинтересовало меня.

»Чѣмъ же ты сконфузишь ее?« спрашивалъ онъ.

Я взглянулъ вопросительно на Ульяну Терентьевну.

»Смѣло!« сказала она, мигнувъ мнѣ слегка бровью.

Я посмотрѣлъ на Наденьку и на Сеню и засмѣялся. Сеня не понялъ ни моего взгляда, ни моего смѣху, но Наденька схватила мою руку и вскричала:

»О, ужасъ! какіе у него ногти на рукахъ! Откуда это такой котенокъ? Сеня, дай мнѣ ножницы. Можно ли хоть минуту терпѣть его съ такими когтями?«

Сеня вскочилъ и подалъ ей ножницы.

Она принялась стричь мнѣ когти, и уже не было помину о моей угрозѣ, да и я самъ позабылъ о ней. Эти прелестные розовые пальчики, о которыхъ я мечталъ, еще не видѣвъ ихъ, держатъ мою руку. Чувства мои были въ томъ невыразимомъ упоеніи, какое испытываетъ каждый, возвратясь изъ круга чужихъ людей въ теплый кругъ сестеръ и матери.

»Чему васъ учатъ въ училищѣ?« спросила На-

денька, наклонясь ко мнѣ такъ близко, что душистые локоны ея почти касались моей щеки.

Я исчислилъ ей всѣ предметы, начавъ съ ариѳметики, которую, по трудности, я считалъ главною наукою, и кончивъ рисованьемъ.

»А стиховъ у васъ не учатъ?«

»То есть въ классѣ? въ классѣ не учатъ.«

»А гдѣ же?«

»Дома; ученики сами переписываютъ одинъ у другого стихи.«

Дѣйствительно, мы переписывали, по собственному побужденію, цѣлыя поэмы Пушкина и Жуковскаго и знали наизусть множество стиховъ.

»А скажи мнѣ какіе-нибудь.«

Я помню, что я выбралъ »Эолову Арфу« Жуковскаго. Это стихотвореніе случилось мнѣ слышать въ одномъ домѣ, куда пріѣхалъ изъ Москвы университетскій студентъ. Я до сихъ поръ живо помню его наружность. Онъ былъ хорошъ собою и читалъ тѣмъ гибкимъ молодымъ баритономъ, показавшимся мнѣ музыкой. »Эолова Арфа« сдѣлала на меня такое сильное впечатлѣніе гармоніей неслыханнаго мною дотолѣ размѣра, что я вышелъ въ другую комнату весь взволнованный; мною овладѣло невыразимое томленіе, и до тѣхъ поръ я не могъ успокоиться, пока не выпросилъ у студента книги, въ которой была напечатана эта баллада, и не выучилъ ея наизусть.

И вотъ я принимаю самый величавый, при-

личный вдохновенному барду видъ и, окинувъ оживленнымъ взглядомъ собраніе — при чемъ я взглянулъ и на Готфрида, какъ будто говоря: »Смотри и ты на меня, Готфридъ, и слушай, какъ я буду декламировать«, — я началъ:

Владыка Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ за́мкѣ могучій Ордалъ.
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя за́мокъ съ холма возвышалъ.
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ, и т. д.

Никогда еще не имѣлъ я такихъ достойныхъ и милыхъ слушателей и никогда такъ хорошо не декламировалъ: присутствіе Ульяны Терентьевны и Наденьки вдохновляло меня. Я внимательно наблюдалъ, какое впечатлѣніе производитъ моя баллада на публику, и когда описывалъ пиры Ордала и »рогатыхъ оленей«, которыхъ онъ »съ отважными псами гонялъ по холмамъ«, то обращался къ Сенѣ, положившему свой подбородокъ на столъ; когда разсказывалъ, какъ »чертоги пировъ« Ордаловыхъ убраны были оленьими рогами, шлемами, кольчугами и щитами предковъ, то обводилъ глазами стѣны, на которыхъ, кромѣ сонетки, вышитой Наденькою, и большого зеркала, ничего не было; когда рисовалъ »младую Минвану«, то смотрѣлъ на Наденьку, какъ будто ища въ ней красокъ для своей поэзіи; а когда-дѣло дошло до

несчастной любви и до ожиданій за гробомъ, тутъ глаза мои обратились къ Ульянѣ Терентьевнѣ: она, казалось мнѣ, лучше всѣхъ поймετъ эти возвышенныя строфы; наконецъ печальную развязку трогательной исторіи:

И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младого пѣвца,

я подарилъ Готфриду, какъ человѣку, живущему вдали отъ своей родины, на чужбинѣ. Потомъ, понизивъ таинственно голосъ и глядя вверхъ, какъ будто вижу что-то въ воздухѣ, я изобразилъ двѣ легкія тѣни, которыя

Сліявшись летятъ,
Къ знакомой имъ сѣни,
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Я уже видѣлъ и прежде, что мои стихи и моя декламація были неожиданностью для самой Ульяны Терентьевны. Когда я кончилъ, она обняла мою голову и, прижавъ къ груди, крѣпко поцѣловала, за что́ и я очень чувствительно облобызалъ ея бѣлую, какъ мраморъ, руку, и едва это сдѣлалъ, какъ увидѣлъ, что двѣ розовыя, прехорошенькія ручки схватили меня за уши, повернули мою голову какъ суповую чашку, и передъ моими глазами въ двухъ вершкахъ очутились глаза Наденьки, — быстрые, глубокіе, прозрачные какъ родникъ, глаза. Она смотрѣла на меня съ секунду и съ словами: »ахъ, милый барашекъ!« поцѣловала меня

отъ всей души. Счастливое дѣтство! какъ я блаженъ былъ, какъ тихо блаженъ отъ этого поцѣлуя!

Сеня тоже хотѣлъ что-то сдѣлать, видя, какъ меня цѣлуютъ; но въ это время Готфридъ подошелъ къ столу; на глазахъ у него блестѣли слезы. Стихами ли моими онъ былъ тронутъ, или ласками, которыя мнѣ оказывали, не знаю; только лице его выражало такое умиленіе, какое когда-либо было описано въ романахъ добродушнаго Лафонтена; онъ протянулъ ко мнѣ дрожащую руку и сказалъ:

»Herr Николаша! браво! браво, Herr Николаша!«

Я думалъ, что онъ хочетъ поцѣловать мою руку, и потому взялъ его черезъ столъ за воротникъ куртки и поцѣловалъ, чѣмъ онъ остался очень доволенъ и удалился на свое мѣсто, откуда по-прежнему принялся смотрѣть на Ульяну Терентьевну.

»Ай да кудлашка!« восклицалъ Сеня, помѣстясь противъ меня на стулѣ и мѣшая въ стаканѣ чай. »Право, мамаша, у васъ чутье на людей отличное. Готфрида приняли подъ свое покровительство — глазъ не сводитъ съ васъ, какъ съ меня мои собаки. Ты, Готфридъ, этимъ не обижайся: собака есть образецъ вѣрности. Это, я думаю, и въ твоемъ Шиллерѣ написано. Теперь вотъ подцѣпили гдѣ-то другое чудо....«

»Какъ можно, чтобъ въ такой книгѣ написано было о собакахъ?« сказалъ я, перебивая болтовню Сени.

»Въ какой?« сказалъ онъ.

»Да въ Шиллерѣ«, отвѣчалъ я спокойно.

Всѣ засмѣялись.

»Конечно«, сказалъ я, »у Нѣмцевъ часословы Нѣмецкіе; но всё же....«

Еще бóльшій смѣхъ. Даже Готфридъ качался на своемъ стулѣ.

»Шиллеръ, душа моя, не часословъ, а поэтъ такой, какъ твой Жуковскій«, сказала Ульяна Терентьевна.

»Даже лучше«, прибавила Наденька.

»Въ самомъ дѣлѣ? лучше Жуковскаго?«

»Дá, Николаша, Ты далеко ушелъ въ Нѣмецкомъ языкѣ?«

»Двадцать листковъ умѣю переводить«, отвѣчалъ я.

»Ну, этого довольно. Мы съ Готфридомъ выучимъ тебя понимать одну пьеску Шиллера. Увидишь тогда, каковъ онъ.«

»Я готовъ сію минуту учиться!« сказалъ я, посмотрѣвъ на Наденьку, на Ульяну Терентьевну и на Готфрида.

»Нѣтъ, пей лучше чай«, сказала, ставя передо мной чашку, Ульяна Терентьевна.

И точно, я увидѣлъ, что это гораздо лучше. Я порядочно проголодался, и чай со сливками и съ прекраснымъ бѣлымъ хлѣбомъ увлекъ меня не меньше, хакъ и »Эолова Арфа«.

Но я не предчувствовалъ, какое еще готовится

мнѣ наслажденіе въ этомъ волшебномъ за́мкѣ. Послѣ чаю, Наденька присѣла къ фортепьяно и, желая, видно, отблагодарить меня за стихи, начала играть и пѣть тоже какую-то балладу. Мнѣ случа́лось слышать въ домахъ у сосѣдей бренчанье на какихъ-то цымбалахъ вмѣсто фортепьяно и пѣніе въ родѣ

Приди ко мнѣ въ чертогъ златой;

но полный, чистый звукъ музыкальнаго инструмента еще не касался моего слуха. Къ этому прибавьте обработанный, одушевленный чувствомъ голосъ и тогда судите, какое долженъ былъ испытать впечатлѣніе мальчикъ, который приходилъ въ волненіе отъ баллады Жуковскаго. Я онѣмѣлъ, я окаменѣлъ; потомъ я началъ плакать, и что́ только когда-либо запало въ мою душу нѣжнаго, трогательнаго, возвышеннаго, все это въ ней ожило и заговорило. Я плакалъ, припоминая голосъ моей матери, который болѣе не отзовется ко мнѣ изъ темной могилы; я плакалъ, припоминая пѣсни соловья, который каждую весну пѣлъ у меня подъ окномъ, пока я не былъ отправленъ въ училище; я плакалъ о Софьѣ Карловнѣ и о Ѳеклушѣ, о Яковѣ Яковлевичѣ, угаснувшемъ, можно сказать, при первомъ звукѣ любви, въ первый мигъ увѣрованія, что его любятъ; я плакалъ отъ восторга, думая объ Ульянѣ Терентьевнѣ и объ ея чудной материнской любви ко мнѣ; я плакалъ наконецъ

самъ не зная отъчего. Замѣтивъ это, Наденька перестала играть и пѣть; но я бросился передъ ней на колѣни и съ такимъ жаромъ умолялъ ее продолжать, какъ-будто съ прекращеніемъ музыки должна была прекратиться и жизнь моя. И сколько разъ она ни переставала играть и пѣть, я умолялъ ее снова и снова. Ульяна Терентьевна наконецъ испугалась раздраженія моихъ чувствъ и почти насильно увела меня, плачущаго, спать.

VI.

НА СВѢТЛОМЪ ГОРИЗОНТѢ ПОКАЗЫВАЕТСЯ ТУЧА.

Постель для меня была приготовлена въ залѣ, на кушеткѣ, которая какъ-будто была сдѣлана по моему росту. Ульяна Терентьевна велѣла мнѣ тотъчасъ раздѣваться и спать; потомъ еще взяла меня за голову, нѣжно поцѣловала меня, наказала мнѣ не позабыть погасить свѣчу и удалилась, пріятно шелестя платьемъ и слегка скрипя башмаками.

Я остался одинъ подъ надзоромъ сѣдого генерала, который видѣнъ былъ мнѣ и сквозь слезы. Взглянувъ на него раза два, я подумалъ, что глупо плакать въ присутствіи такого важнаго человѣка, и отеръ слезы. Потомъ я взялъ свѣчу и обошелъ всю комнату, разсматривая картины. Всего дольше я

простоялъ передъ изображеніемъ молодой женщины, сидѣвшей въ точеныхъ креслахъ, съ ребенкомъ на рукахъ. Она и ея малютка смотрѣли на меня такъ ласково, съ такою любовью, что я отъ души пожелалъ имъ сойти съ полотна и явиться мнѣ настоящими людьми. Тутъ было также два пейзажа: одинъ представлялъ заходящее солнце въ лѣсу и двоихъ путешественниковъ, которые спѣшили добраться, на усталыхъ лошадяхъ, до ночлега. Мнѣ было страшно за нихъ, потому что небо было покрыто багровыми густыми облаками, обѣщавшими къ ночи сильную грозу. Другой изображалъ сельскій видъ и пляску поселянокъ, подъ скрипку слѣпого старичка. Я подумалъ, что эта сцена, вѣрно, написана со стиховъ Державина:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ Тіисскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью пастушка?

Я внимательно разсматривалъ пейзажъ, отыскивая въ немъ черты Державинскаго стихотворенія, и хоть, можетъ быть, художникъ больше былъ занятъ воздушною перспективою, нежели веселою группою, но воображеніе мое видѣло, какъ эти дѣвушки движутся, точно живыя, на картинѣ,—

Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ, —

Какъ ихъ лентами златыми
Челы бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ, и пр. и пр.

Не знаю, скоро ли я кончилъ бы обзоръ картинъ, еслибъ не подошелъ опять къ генералу. Онъ, казалось, смотрѣлъ на меня теперь суровѣе прежняго и такъ живо, что я невольно подумалъ: »Что́, если онъ вдругъ зашевелится на полотнѣ? какъ я испугаюсь!« Я зналъ, что это невозможно, но тутъ же самъ себѣ говорилъ мысленно: »однакожъ!« и, отступя задомъ отъ картины, я поскорѣй раздѣлся, прочиталъ коротенькую молитву наизусть (потому что часослова со мною не было), погасилъ свѣчу и, не осмѣлясь взглянуть на портреты при лунномъ свѣтѣ, легъ поскорѣе въ постель.

Кушетка была на пружинахъ; я сперва испугался, когда подо мной что́-то начало двигаться, какъ живое; но, приподнявшись и ощупавъ рукою свое ложе, я подумалъ, что это видно такой Нѣмецкій пухъ, и успокоился.

Теперь овладѣла мною новая тревога. Я думалъ: что́, если все это сонъ? Вѣдь случалось же мнѣ во снѣ ловить чудесныхъ снѣгирей, которые свистятъ какъ свирѣль. Я запиралъ ихъ въ клѣтку, насыпалъ конопляна́го сѣмени, видѣлъ, какъ они клюютъ, слушалъ ихъ восхитительный свистъ — и вдругъ просыпался. Что́, если встрѣча съ Ульяной Терентьевной, этотъ Нѣмецъ съ бѣлокуры-

ми длинными волосами, золотящимися въ лучахъ мѣсяца, эти картины, эта Наденька съ ея пѣснями и музыкой, малиновая куртка и всѣ чудеса, какія видѣлъ я въ этотъ вечеръ, — что́, если все это сонъ? Можетъ быть, мы преспокойно ѣдемъ въ своей бричкѣ по полю, я уснулъ подъ звяканье желѣза; можетъ быть, въ эту же секунду раздастся надъ моимъ ухомъ голосъ батюшки: »Пріѣхали!« и все исчезнетъ. Я щипалъ себя за ногу, чтобъ удостовѣриться въ своемъ бодрствованіи, — удостовѣрялся, потомъ опять думалъ, что, можетъ быть, я и щиплю себя во снѣ; наконецъ въ самомъ дѣлѣ уснулъ.

Долго я спалъ или коротко, не знаю, только меня вдругъ разбудилъ голосъ Наденьки. Я очень ясно слышалъ, какъ она вскрикнула у меня за стѣною. Вслѣдъ за тѣмъ хлопнула дверь, щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и все опять утихло.

Я былъ сильно этимъ встревоженъ. Въ голосѣ Наденьки не было и тѣни веселости, которая оживляла каждое ея слово. Напротивъ, въ немъ выражалось страшное негодованіе, къ какому я не считалъ ее даже способною. Что́ это значитъ? спрашивалъ я самъ себя мысленно и, разумѣется, не отвѣчалъ ничего. Я подумалъ, не пора ли вставать, но мѣсяцъ свѣтилъ на меня прямо въ окно; я чувствовалъ, что была еще глубокая ночь, закрылъ глаза, чтобъ не видѣть портретовъ, и скоро опять уснулъ.

Мнѣ пригрезился страшный сонъ: будто-бы Сеня сошелъ съ ума и хочетъ потопить лодку, въ которой онъ каталъ по рѣкѣ Наденьку. Увидѣвъ это съ берега, я бросаюсь въ воду и — просыпаюсь. Яркій утренній свѣтъ наполнялъ уже комнату. Женщина съ ребенкомъ кротко мнѣ улыбалась изъ золоченныхъ рамъ своихъ; самъ генералъ, казалось, былъ доволенъ, что такая прекрасная погода; »дѣвушки Россійски« плясали бычка вдвое веселѣе вчерашняго, и я уже нисколько не безпокоился на-счетъ двоихъ путешественниковъ, застигнутыхъ въ лѣсу ночью.

Едва я одѣлся въ половину, какъ послышался легкій стукъ въ дверь, и явился ко мнѣ серебряный умывальникъ. Онъ такъ сверкалъ, отражая падавшіе на него лучи утренняго солнца, что за искрами свѣта, разсыпавшагося вокругъ него, я почти не видалъ горничной; онъ двигался ко мнѣ какъ-будто по щучьему велѣнью. Умываюсь, разумѣется, какъ тутъ и Herr Готфридъ просунулъ въ дверь свою Шиллеровскую, добродушно улыбающуюся физіономію. Мнѣ слѣдовало молиться Богу, но — странно! — при Нѣмцѣ я считалъ это неудобнымъ. Съ другой стороны меня стѣсняло присутствіе генерала, который, казалось, никакъ не вѣрилъ, чтобъ я былъ путный мальчикъ, и подозрительно слѣдилъ за всѣми моими движеніями. Кромѣ того у меня не выходилъ изъ головы ночной крикъ Наденьки. Я произнесъ

молитву мысленно, застегивая пуговицы въ курткѣ и стараясь какъ можно меньше быть разсѣяннымъ, и такимъ образомъ успокоилъ свою совѣсть.

»Herr Готфридъ«, спросилъ я потомъ, »въ которой комнатѣ вы спите?«

»Я сплю въ саду«, отвѣчалъ онъ: »у меня тамъ чудесная спальня. Я вамъ покажу ее, Herr Николаша, какъ пойдете въ садъ.«

Но мнѣ не было нужды до его спальни: я хотѣлъ только знать, не слыхалъ ли онъ ночью крику и не случилось ли какого-нибудь несчастія въ домѣ.

»Здоровы ли дамы?« спросилъ я.

»O, ja!« отвѣчалъ онъ. »Gnädige Frau воротилась уже давно съ прогулки и ждетъ васъ съ чаемъ. Дайте, я вамъ поправлю воротнички.«

Я поспѣшилъ въ »семейную комнату« — такъ она называлась — гдѣ я провелъ вчерашній вечеръ, и мимоходомъ увидѣлъ на столѣ развернутаго Шиллера. Я съ любопытствомъ заглянулъ въ него, что́ онъ мнѣ скажетъ, но онъ смотрѣлъ такимъ же черствымъ сухаремъ, какъ и Нѣмецкая хрестоматія, надъ которою мы бились съ своимъ студентомъ. Wozu, zurück, heraus прыснули мнѣ въ глаза, какъ осколки изъ-подъ молота каменотеса, и я ничего больше не видѣлъ.

Готфридъ между тѣмъ отворилъ дверь. Сени въ семейной комнатѣ не было: онъ ушелъ съ своими

собаками на охоту. Ульяна Терентьевна и Надень-ка приняли меня съ восхитительными ласками и посадили на софѣ между собою.

»Ты вчера былъ такъ разстроенъ своимъ плачемъ«, сказала Ульяна Терентьевна, »что тебѣ нуженъ былъ больше сонъ, чѣмъ ужинъ. Вотъ твоя порція жаркого. Не мѣшай ему, Наденька, ѣсть.«

»Наденька«, сказалъ я, называя ее какъ сестру: (до такой степени я чувствовалъ себя своимъ въ этомъ семействѣ), »что́ съ вами случилось сегодня ночью?«

Я былъ углубленъ въ жаркое, но посмотрѣлъ на нее наискось однимъ глазомъ и замѣтилъ, что она слегка покраснѣла.

»Что́ случилось?« отвѣчала она веселымъ голосомъ. »То же, что́ и съ тобой, я думаю: спала всю ночь до самого разсвѣта.«

»Мнѣ показалось, что вы вскрикнули«, сказалъ я и опять посмотрѣлъ на нее такъ, чтобъ она не замѣтила.

Она покраснѣла больше прежняго, но въ голосѣ ея не замѣтно было никакаго смущенія.

»Это, видно, тебѣ приснилась »младая Минвана«, сказала она, смѣясь.

Я былъ очень любопытенъ и желалъ бы знать, что́ именно заставило Наденьку вскрикнуть; но я чувствовалъ, что мнѣ не слѣдуетъ продолжать своихъ разспросовъ, и засмѣялся самъ въ отвѣтъ на смѣхъ Наденькн. Почему не слѣдуетъ, этого я не

съумѣлъ бы объяснить, — довольно того, что я чувствовалъ.

Такъ это дѣло и кончилось; но часто послѣ того я доискивался причины ночной тревоги и дѣлалъ всевозможныя догадки, кромѣ той, которая сама собой пришла мнѣ въ голову въ-послѣдствіи.

Я также спрашивалъ себя часто послѣ: отъ-чего Ульяна Терентьевна не сказала ни слова во время моего допроса, и отъ чего я не рѣшился взглянуть въ то время на нее? Она наливала тогда мнѣ чай сквозь ситечко. Я замѣтилъ, что чай лился самою тонкою струею, и догадывался, что она смотрѣла черезъ меня на Наденьку. Я не рѣшился, однакожъ, перехватить ея взгляда и вперилъ все свое вниманіе въ жаркое. Жаркое было очень вкусно. Мнѣ попало на зубъ зерно дроби, и я вспомнилъ объ »отличномъ стрѣлкѣ«. Тутъ мнѣ пришло на мысль, что́ я подумалъ, когда увидѣлъ его вчера вечеромъ, на низенькомъ табуретѣ, у ногъ Наденьки, и на этотъ разъ я повелъ рѣчь, нисколько не стѣсняясь.

»Наденька«, сказалъ я, »вчера вы, кажется, проводили очень пріятно время съ Сенею, до нашего пріѣзда.«

»Отъ чего жъ это тебѣ кажется?« спросила она.

»Я тотъ-часъ это увидѣлъ, какъ только взглянулъ на васъ обоихъ. Хотите, я скажу, о чемъ вы говорили?«

»Хочу, скажи.«

»Вотъ о чемъ. Вѣдь вы Сеню давно любите?« Наденька засмѣялась.

»Что́ за глупый мальчикъ, тётя!« сказала она. »Какъ ему приходитъ этакое въ голову?«

»А вѣдь правда?« спросилъ я.

»Ну, положимъ. Что́ же потомъ?«

»И онъ васъ любитъ, не такъ ли?«

»О, это совершенная истина! Онъ любитъ меня такъ, какъ ты эту куропатку, даже больше.«

»Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна, »грѣхъ тебѣ шутить надъ такимъ чувствомъ.«

»Я не шучу, тётя«, отвѣчала Наденька. »Но, Боже мой! что́ это за странный завелся у насъ въ домѣ мальчикъ? Тётя, не правда ли, что онъ очень странный мальчикъ?... Ну, говори далѣе.«

»Далѣе вотъ что́«, продолжалъ я. »Вы напрасно сравниваете себя съ куропаткой: вы знаете, что онъ васъ любитъ больше, чѣмъ я самые лучшіе конфекты.«

»О, разумѣется!« сказала Наденька. »Но продолжай: я готова слушать твою болтовню.«

»И вы его любите. Любите?«

»Да́, — пробовала по крайней мѣрѣ.«

»Что́ же?«

»Не въ состояніи!«

»Наденька«, сказала опять Ульяна Терентьевна, тономъ упрека, »я знаю, что ты шутишь, но мнѣ, право, больно слышать отъ тебя такія слова и въ шутку.«

»Вы хотите, тётя, чтобъ я шутила«, отвѣчала съ живостью Наденька. »Хорошо, я шучу. Все, что́ мы будемъ говорить, пускай будетъ шутка. Вѣдь и вся жизнь наша — шутка, по словамъ Шекспира.«

»А кто такой этотъ Шекспиръ?« спросилъ я.

»Это нашъ пріятель. Я когда-нибудь познакомлю тебя съ нимъ, когда ты будешь того стоить.«

»Старикъ?«

»Да́, ему ужъ лѣтъ двѣсти будетъ.«

»Двѣсти?«

»Навѣрное.«

Я засмѣялся, и Наденька засмѣялась. Я взглянулъ на Ульяну Терентьевну, и она улыбается; взглянулъ на Нѣмца, который сидѣлъ по вчерашнему на своемъ стулѣ, протянувъ къ намъ голову и глядя на Ульяну Терентьевну, — улыбается и Нѣмецъ. Мнѣ было весело.

»Итакъ?« сказала вопросительно Наденька.

»Итакъ вы вчера, сидя здѣсь, говорили о томъ, какъ вы другъ друга любите, и были очень счастливы.«

»Ахъ, Николаша, какой ты глупый мальчикъ!« воскликну ла она, смѣясь. »Тётя, ну, не странный ли мальчикъ? А вѣдь правда. Сеня вчера разчувствовался, какъ-будто путный. Мы припомнили наше дѣтство, какъ онъ, бывало, пріѣзжалъ изъ пансіона домой и съ какимъ наслажденіемъ проводилъ между нами нѣсколько дней. Но это, я ду-

маю, отъ того, что monsieur Buchez былъ очень скупъ и не давалъ ему никогда до-сыта ѣсть.«

»Полно, Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна, подавая ей чашку. »Ты очень хорошо знаешь, что́ его радовало. У него отъ природы самое нѣжное сердце.«

»А умъ еще нѣжнѣе«, шепнула мнѣ Наденька.

»Я помню«, продолжала Ульяна Терентьевна, »какъ бывало блестятъ его глазенки, когда онъ тебя увидитъ....«

Наденька опять шепнула:

»Онъ зналъ, что у меня для него есть пирожное.«

»Онъ и тогда уже любилъ тебя, Наденька.«

»Его любовь неизмѣнна, какъ аппетитъ«, продолжала шептать проказница.

»Ахъ, да́, тётенька!« сказала она съ чувствомъ, »было время, что и я его любила.«

»Было!«

»По крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось, и я была очень счастлива обманомъ своихъ чувствъ.«

»Отъ чего же обманомъ?«

»Даже вчера, тётя.... пускай слышитъ глупенькій мальчикъ: я не хочу передъ нимъ таиться..... даже вчера мнѣ представилась въ чудномъ свѣтѣ наша будущность. Сеня такъ нѣжно смотрѣлъ на меня, съ такимъ чувствомъ пожималъ мнѣ руку, съ такой душой говорилъ о васъ....«

»Что́ же онъ говорилъ?«

»Онъ называлъ васъ своею благодѣтельницею,

своимъ добрымъ геніемъ; онъ былъ весь проникнутъ благодарностью къ вамъ за меня.«

»Да́, у него чудное, несравненное сердце!« сказала съ восхищеніемъ Ульяна Терентьевна.

Готфридъ, казалось, былъ того же мнѣнія.

»Онъ, тётя, возвысился даже до поэзіи въ выраженіи своихъ чувствъ. Онъ говорилъ, что вы сдѣлались ему понятны только чрезъ меня, что вы вложили въ меня все, что́ было у васъ лучшаго въ душѣ.«

»Да́, я знала, что онъ меня оцѣнитъ«, сказала Ульяна Терентьевна. »Безъ меня онъ былъ бы жалкое, заброшенное существо. Понимаютъ ли опекуны, то есть тѣ, которые у него были бы опекунами, когда бъ не я, — какъ отогрѣть ребенка, какъ приготовить его къ жизни, какъ обезпечить его на будущее? Даже отецъ его только мѣшалъ моему на него вліянію. Я очень рада, я счастлива, что́ хоть одному существу замѣнила мать.«

»Одному, тётя?« сказала Наденька.

»Да́, потому что только онъ мое созданіе, а тебя воспитывала твоя мамаша. Я только смотрѣла и училась у нея, какъ воспитываются дѣти.«

Я вслушивался съ напряженнымъ вниманіемъ въ этотъ разговоръ. Взаимныя отношенія Сени, Наденьки и Ульяны Терентьевны были теперь моими семейными дѣлами.

»Такъ вотъ какъ это было!« сказалъ я, обращаясь къ Наденькѣ. »Какъ бы я желалъ быть ва-

шимъ братомъ и учиться вмѣстѣ съ вами! Гдѣ же теперь ваша маменька?«

Наденька указала на небо.

»И моя тамъ«, сказалъ я. »Вѣрно, онѣ сошлись и подружились между собой.«

»Отъ чего ты такъ думаешь?« спросила она.

»Я совершенно увѣренъ«, отвѣчалъ я, »что онѣ должны такъ полюбить другъ друга на небѣ, какъ мы на землѣ. Вы думаете, я такъ, случайно очутился подлѣ васъ? Это онѣ такъ устроили.«

»Николаша!« сказала Наденька, съ живостью, »ты глупый мальчикъ, но говоришь иногда прекрасныя вещи!«

»И подлѣ васъ, Ульяна Терентьевна«, прибавилъ я, цѣлуя ея руку, при чемъ не могъ не подивиться, какъ была она бѣла и прекрасна!

»И подлѣ васъ, Herr Готфридъ«, сказалъ я, чтобъ порадовать добраго Нѣмца.

Дѣйствительно, я полюбилъ его уже за то, что онъ такъ привязанъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ.

Готфридъ былъ въ восхищеніи и кивалъ мнѣ головою, какъ гипсовая кукла. Ульяна Терентьевна молча пожала мнѣ руку.

Я очень былъ доволенъ, что въ эту минуту не было на лице Сени: мнѣ было бы неловко обойти его выраженіемъ своего удовольствія, а между тѣмъ онъ не внушалъ мнѣ никакой симпатіи. Я, впрочемъ, не чувствовалъ къ нему и отвращенія. Онъ былъ для меня какъ-бы пробѣломъ въ книгѣ.

Наденька опять взяла нить разговора:
»Онъ ваше созданіе, тётя? Нѣтъ, не говорите этого. Изъ рукъ такой артистки не выходятъ такія слабыя произведенія.«

»Ты меня пугаешь, Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна. »Неужели ничтожное обстоятельство, ребячество, минутная забывчивость могли вдругъ измѣнить твои понятія и чувства?«

Я не понималъ, что́ разумѣетъ подъ этимъ Ульяна Терентьевна; и Готфридъ тоже, — если судить по его высоко поднятымъ бровямъ и сморщенному лбу.

»Ничтожное, тётя?« отвѣчала Наденька. »Нѣтъ, оно показало мнѣ всю бездну, въ которую я готова была погрузиться. Мнѣ съ неба посланъ чистый ангелъ, который озарилъ меня своимъ свѣтомъ.«

Я не зналъ, о какомъ это ангелѣ говоритъ она, но отложилъ разспросы до удобнѣйшаго времени, потому что руки Ульяны Терентьевны дрожали отъ внутренняго волненія. Я ждалъ, что́ она скажетъ.

»Наденька«, сказала она, »ты еще находишься подъ вліяніемъ временнаго оскорбленія и потому не можешь судить о всегдашнихъ, постоянныхъ твоихъ чувствахъ. Обождемъ немного: время покажетъ тебѣ твое заблужденіе.«

»То, что́ я говорю теперь«, отвѣчала Наденька, »проходило уже не разъ сквозь мою душу, только никогда не представлялось мнѣ въ такой ясно-

сти, какъ сегодня. Еслибъ онъ хоть не былъ такъ чувствителенъ и нѣженъ вчера!... Въ немъ, тётя, нѣтъ и искры небеснаго огня: въ немъ одно грубое земное....«

»Боже мой, Наденька!« сказала Ульяна Терентьевна, »я слушаю тебя съ ужасомъ! Какъ! въ ту минуту, когда должно было осуществиться мое лучшее ожиданіе, ты все готова разрушить?«

»Я благодарю Бога за себя и за васъ«, отвѣчала Наденька. »Вы хотѣли устроить наше счастье противъ перваго его условія — противъ гармоніи душъ.«

»Ты не можешь этого сказать, чтобъ его душа не гармонировала съ твоею. Твоя, пожалуй, выше настроена; но гордость неприлична нравственной высотѣ: ты могла бы....«

»Да у него, тётя, нѣтъ никакой души!« воскликнула съ жаромъ Наденька, и это — надо признаться — не возвысило ее въ моихъ глазахъ.

Я бы никогда не позволилъ себѣ такого выраженія о воспитанницѣ и любимцѣ Ульяны Терентьевны.

»Стыдись, мой другъ«, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

»Я готова такъ думать, тётя«, продолжала Наденька, немного покраснѣвъ, »потому что имъ управляетъ не душа. Если она и есть у него, то спитъ непробуднымъ сномъ....«

»Разбуди ее.«

»Разбудитъ ее развѣ труба архангела, тётя. Если не могли ничего сдѣлать вы, воспитательница, съ ребенкомъ, то что́ сдѣлаетъ жена съ совершеннолѣтнимъ? Вы взваливаете мнѣ на плечи бремя выше силъ моихъ.«

»Нѣтъ, другъ мой«, сказала Ульяна Терентьевна, съ такою кротостью, которой я даже не ожидалъ отъ нея въ эту минуту, »сохрани меня Бо́гъ отъ этого. Я могу только указывать, совѣтовать, радоваться и горевать. Твое счастье для меня такъ же дорого, какъ и его. Я думала, что ты оцѣнишь въ немъ высокую честность, безкорыстіе, великодушіе, нѣжное сердце. Всѣ эти свойства очень рѣдки на свѣтѣ—повѣрь моей опытности—и, пускаясь въ жизнь, хорошо обезопасить себя дружбою такого человѣка.«

»Онъ, тётя, меня не любитъ«, сказала печально Наденька.

»Онъ?«

»Да́, онъ меня не любитъ: теперь я вижу очень ясно. Онъ не любитъ и не можетъ любить такой женщины, какъ я. Но положимъ, что онъ былъ бы привязанъ ко мнѣ такъ, какъ только можно ожидать отъ его натуры.... Тётя, не оскорбляйтесь этимъ: онъ созданъ, какъ хотите, изъ грубаго матеріяла. Положимъ, говорю; да какова будетъ моя жизнь съ человѣкомъ, для котораго я совсѣмъ не то, чѣмъ бы желала быть?«

Ульяна Терентьевна молчала.

»Наденька«, сказалъ я, »отъ чего жъ это вы вдругъ перемѣнили свои мысли? Я вчера видѣлъ васъ совсѣмъ иною.«

»И тебѣ до этого дѣло!« отвѣчала она. »Право, ты безтолковый мальчишка!«

»Пускай, но отъ чего, однакожъ?«

»А какъ ты думаешь? Отъ того, что тебя увидѣла. Теперь я влюблена въ тебя. Довольно съ тебя этого?«

»Я въ восхищеніи, только вы старше меня и не можите выдти за меня замужъ, а за Сеню могли бы.«

»Замужъ, замужъ!« повторила Наденька, передразнивая меня. »И ты лепечешь, что другіе, не зная въ этомъ толку.«

»Хорошо«, сказалъ я, »вы меня любите — я согласенъ — а за Сеню всё-таки подите замужъ, чтобъ утѣшить Ульяну Терентьевну.«

»Нѣтъ, будь ужъ такъ великодушенъ, позволь мнѣ совсѣмъ не выходить замужъ, пока ты вывыростешь. Мы тогда разомъ утѣшимъ тётю.«

Я подумалъ немного и отвѣчалъ:

»Нѣтъ, Наденька, я не могу на васъ жениться: сердце мое принадлежитъ Ульянѣ Терентьевнѣ.«

Эту фразу я почерпнулъ въ одномъ старинномъ романѣ.

Обѣ засмѣялись и обняли меня; но въ лицѣ Ульяны Терентьевны было грустное выраженіе. Она страдала за своего Сеню, и мнѣ было жаль

ея. Тутъ я вспомнилъ о музыкѣ и попросилъ Наденьку повторить вчерашнее пѣніе.

»Нѣтъ, я не люблю плаксъ«, отвѣчала она.

»Напрасно вы думаете, что я вчера плакалъ отъ вашей музыки«, возразилъ я ея тономъ.

»А отъ чего же?«

»Догадайтесь сами. А вотъ Ульяна Терентьевна, я знаю, что догадается.«

»При этомъ я поцѣловалъ ея руку, которая нѣжно пожала мои пальцы. Я былъ увѣренъ, что Ульяна Терентьевна знала, отъ чего я плакалъ.

»Ахъ ты, цыпленокъ!« сказала Наденька. »Какъ онъ важничаетъ! какъ-будто у него въ самомъ дѣлѣ есть еще какое-нибудь чувство, кромѣ слуха. Не буду жъ играть!«

»Я скажу тебѣ, Наденька, когда сѣсть за фортепьяно«, сказала Ульяна Терентьевна. »Твоя музыка будетъ намъ скоро нужна, а теперь я не расположена къ ней.«

»Что́ же мы будемъ дѣлать?« сказалъ я. »Покажите мнѣ домъ. Какія тамъ у васъ еще комнаты?«

На это согласіе было изъявлено тотъ-часъ.

Мы предоставили чайный приборъ Готфриду и пошли по комнатамъ. Ихъ было немного. За семейною комнатою слѣдовала спальня Ульяны Терентьевны, за нею — спальня Наденьки, далѣе — гостиная, выходившая въ залу, а потомъ — комната Сени, увѣшанная ружьями, патронташами и литографіями лошадей. Она мнѣ понравилась боль-

ше обѣихъ дамскихъ спален, не смотря на то, что тамъ плющъ, раскинутый на решеткѣ передъ кроватями и бросавшій на бѣлыя одѣяла прозрачную тѣнь, привелъ меня въ восхищеніе. Особенно мнѣ понравилось то, что передъ кроватью Сени, вмѣсто ковра, раскинута была барсова шкура. Въ эту минуту онъ мнѣ представился очень мужественнымъ и воинственнымъ человѣкомъ, какимъ я воображалъ въ будущемъ себя.

Я далъ себѣ слово устроить у себя такой точно кабинетъ, когда выросту и заслужу офицерскій чинъ.

VII.

ЗА МЕНЯ ПРИНИМАЮТСЯ НЕ ШУТЯ.

Показывая мнѣ комнаты, Ульяна Терентьевна остановилась у одного комода и вынула изъ него бѣлый передникъ. Какъ я удивился, когда этотъ передникъ былъ поцѣпленъ мнѣ на шею, обхватилъ мой станъ и обтянулъ почти всего меня какъ чехломъ! На мои вопросы не дано было никакого объясненія, и если бы Ульяна Терентьевна не была бы такъ серьёзна, то я бы подумалъ, что это сдѣлано только для того, чтобъ заставить Наденьку хохотать и увѣрять, что она въ жизни не видѣла смѣшнѣе гусеницы. Къ переднику придали были старыя дамскія перчатки, которыя мнѣ

было приказано надѣть; потомъ Наденька надвинула мнѣ на глаза картузъ и подвела къ зеркалу. Я все еще не помималъ, въ чемъ дѣло; но когда увидѣлъ въ зеркалѣ, что Ульяна Терентьевна надѣваетъ въ другой комнатѣ свою широкополую, досадную для меня шляпку, я догадался, что мнѣ предстоитъ садовая работа, и очень обрадовался.

Наденька осталась читать какую-то книгу, а мы вышли въ садъ, гдѣ насъ встрѣтилъ Готфридъ, такъ же, какъ и я, въ передникѣ, только безъ перчатокъ. Ульяна Терентьевна просила его принять меня къ себѣ въ науку, и я подумалъ, что едвали я не лучше самого Готфрида ископаю землю и посажу какое угодно растеніе; но не въ томъ было дѣло. Я очутился въ ботаническомъ саду и въ первый разъ въ жизни увидѣлъ, что множество лѣсныхъ и садовыхъ растеній не для всѣхъ представляетъ такую путаницу, какъ для меня. Готфридъ принялся съ усердіемъ объяснять мнѣ начала ботаники. Я никакъ не могъ вообразить, чтобъ онъ былъ такой умница; но еще больше дивился я замѣчаніямъ Ульяны Терентьевны и тонкости, съ какою она разбирала каждую травку. Я слушалъ обоихъ съ жадностью, и можете себѣ представить, каково было мое чувство, когда передо мной открылся цѣлый растительный міръ, котораго стройность, богатство и разнообразіе мнѣ никогда не приходили въ голову!

Когда я замѣтилъ столько растеній, сколько нужно было для перваго урока, мнѣ отвели особый уголокъ, въ которомъ я ископалъ одну грядку и обдѣлалъ ее по наставленію Ульяны Терентьевны. Трудъ этотъ исполнилъ я тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что заступъ и грабли мои были красивы, какъ игрушка. Они принадлежали собственно Ульянѣ Терентьевнѣ, которая, какъ я узналъ, часто работала съ Наденькою въ саду. Когда грядка была готова, мнѣ было приказано пересадить на нее тѣ растенія, которыхъ я узналъ названія, исторію и свойства. Я гордился своимъ пріобрѣтеніемъ и прыгалъ отъ радости. Съ какою улыбкою смотрѣла на меня Ульяна Терентьевна!

»Готфридъ«, сказала она, »былъ ли ты въ дѣтствѣ такимъ счастливымъ мальчикомъ?«

»O, nein, gnädige Frau«, отвѣчалъ Готфридъ съ живостью, »у меня не было такой покровительницы. Я былъ круглый сирота и сперва поступилъ въ науку къ часовому мастеру; но послѣ заболѣли у меня глаза; я долго лечился въ общественной больницѣ, а потомъ пошелъ работникомъ къ садовнику. Я тяжко работалъ отъ восхода солнца, и никто не бросилъ на меня даже благосклоннаго взгляда.«

»Бѣдный Готфридъ!« сказала Ульяна Терентьевна, обращаясь ко мнѣ.

»Неужели никто никогда?« спросилъ я.

»Нѣтъ, Herr Николаша«, отвѣчалъ онъ: »послѣ я былъ очень счастливъ. Я получилъ мѣсто садовника въ публичномъ саду и женился на прекрасной дѣвушкѣ.... Это быдъ ангелъ кротости и красоты.«

При этомъ Готфридъ посмотрѣлъ съ такимъ чувствомъ на Ульяну Терентьевну, какъ-будто передъ нимъ былъ портретъ его жены.

»Бѣдный Готфридъ!« повторила Ульяна Терентьевна.

»Отъ чего же бѣдный?« спросилъ я.

»Отъ того, что онъ здѣсь, а она тамъ.«

»Какъ! онъ ее оставилъ? зачѣмъ же?«

У Готфрида на глазахъ навернулись слезы.

»Умерла!« сказалъ я и, чтобъ утѣшить его, прибавилъ: »И моя матушка умерла, Готфридъ, а всё-таки я счастливъ.«

»И онъ не ропщетъ на свою судьбу«, сказала Утьяна Терентьевна.

»О, нѣтъ!« сказалъ Готфридъ (онъ очень часто употреблялъ о! и вообще рѣчь его казалась мнѣ такою, какъ-будто онъ хочетъ подражать Державину), »о, нѣтъ! я не ропщу на судьбу, у меня есть свое счастье.«

»Я люблю Готфрида за то«, сказала Ульяна Терентьевна, »что онъ всегда спокоенъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ веселъ, но онъ никогда не бываетъ грустенъ, и жить на свѣтѣ ему, кажется, очень пріятно.«

«О, ja!« отвѣчалъ Готфридъ. »Этимъ я обязанъ Шиллеру. Когда я былъ глупымъ мальчикомъ, онъ научилъ меня думать и воображать все прекрасное; когда я полюбилъ, я въ немъ нашелъ для своей любви выраженіе; когда меня постигло несчастье, онъ заставлялъ меня столько плакать, что я не могъ умереть отъ горя. Безъ него я непремѣнно бы умеръ. Онъ сохранилъ мнѣ жизнь и всегда будетъ украшать ее. Mein Gott! да что́ такое была бы жизнь безъ Шиллера? засохшая глина, въ которой не примется ни одно растеніе....«

»Ну, ужъ когда онъ заговорилъ о Шиллерѣ«, сказала, смѣясь, Ульяна Терентьевна. »такъ мы здѣсь пустимъ въ землю корни, прежде нежели онъ кончитъ. Прощай, Готфридъ, намъ еще предстоитъ одинъ урокъ до обѣда. Сегодня мы будемъ обѣдать въ павильонѣ.«

»Вы рѣдко удостоиваете его этой чести«, сказалъ онъ.

»Мнѣ жаль цвѣтовъ и твоихъ легкихъ, Готфридъ«, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

»Какъ легкихъ?« спросилъ я.

»Готфридъ«, отвѣчали мнѣ, »считаетъ своею обязанностью всякій разъ украшать павильонъ цвѣтами, когда мы обѣдаемъ, и во все время обѣда угощать насъ музыкой. Онъ очень хорошо играетъ на флейтѣ; но у него слабая грудь, и мнѣ всегда жаль его, когда онъ много играетъ.«

»Gnädige Frau«, сказалъ своимъ тихимъ, но восторженнымъ тономъ Готфридъ, »мое дыханіе принадлежитъ вамъ, — не оскорбитесь моею смѣлою рѣчью....«

»Нисколько, Готфридъ«, отвѣчала Ульяна Терентьевна: »я знаю, что ты мнѣ служишь не изъ денегъ.«

»О, nein!« воскликнулъ онъ.

»И я цѣню высоко твою преданность. Но побереги себя хоть ради Шиллера, если не ради меня. Довольно будетъ, если ты намъ сыграешь одну арію.«

»Gnädige Frau!« возразилъ Готфридъ, »это все равно, еслибъ сказать голодному: »довольно съ тебя одной тарелки супу.« Я не могу никогда до-сыта наиграться, когда знаю, что не мѣшаю вамъ заниматься дѣломъ и не надоѣдаю своею флейтою. Еслибъ вы позволили, я бы игралъ передъ вами до тѣхъ поръ, пока вся душа моя перешла бы въ звуки, и умеръ бы играя.«

»Это-то и худо Готфридъ. Но такъ и быть, сегодня мы будемъ слушать твою музыку.«

Готфридъ почтительно поклонился и, казалось, былъ очень счастливъ, — счастливѣе обыкновеннаго.

Мы воротились въ домъ.

»Какой славный человѣкъ вашъ Готфридъ!« сказалъ я; »мнѣ онъ очень нравится. Но зачѣмъ вы его держите въ такомъ почтительномъ отдале-

ніи? Смотрите, онъ не смѣлъ надѣть шляпы во все время, пока мы были въ саду.«

»Объ этомъ ты спроси у него, Николаша, а не у меня«, отвѣчала Ульяна Терентьевна. »Когда я видѣла его въ первый разъ, онъ говорилъ со мной съ открытой головою, и съ того времени я, можно сказать, не видала его больше въ шляпѣ. Даже когда сидитъ на козлахъ — онъ добровольно исправляетъ въ моихъ прогулкахъ роль кучера — и тогда не иначе поворачиваетъ ко мнѣ голову, какъ снявъ шляпу. Мы живемъ теперь гораздо проще прежняго, и онъ сдѣлался какъ бы нашимъ семьяниномъ, но ничего похожаго на фамильярность онъ никогда не высказалъ. Почтенное созданіе! Ты полюбишь его со-временемъ еще больше.«

Мы застали Наденьку всё еще за книгою. Какъ мнѣ сдѣлалось досадно, когда я, взглянувъ на корешокъ, не былъ въ состояніи понять даже заглавія этой книги! Я почувствовалъ, какъ мало я образованъ, въ-сравненіи съ Наденькою, или съ Ульяной Терентьевной, и во мнѣ родилась необыкновенная жажда знаній.

»Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна, »теперь твоя музыка намъ очень будетъ пригодна.«

»Ахъ тётя! догадываюсь«, отвѣчала Наденька: »вы хотите учиться съ нимъ по-Гречески. Этому мальчику иначе ничто не полѣзетъ въ голову.«

»По-Гречески!« повторилъ я. »Это, я думаю, очень трудно; да и зачѣмъ знать мнѣ Греческій

языкъ, когда я не знаю еще по-Нѣмецки? Мнѣ хочется читать сочиненія Шиллера, которыя сдѣлали столько добра Готфриду.«

»Боже, поумнѣетъ ли когда-нибудь этотъ ребенокъ?« сказала Наденька. »Учиться по-Гречески значитъ у насъ — учиться подъ музыку, милый малютка. Греки для такихъ головъ, какъ твоя, придумали вспомогательное средство при ученіи: подъ музыку вашъ братъ хоть что-нибудь пойметъ такъ, какъ понимать слѣдуетъ. Снимай-ка свой фартухъ; полно тебѣ представлять привидѣніе въ саванѣ.«

Ульяна Терентьевна взяла съ полки какую-то книгу и увела меня, оглядывающагося на Наденьку, въ залу. Я боялся, что генералъ помѣшаетъ мнѣ быть внимательнымъ во время урока; но онъ на этотъ разъ смотрѣлъ на меня одобрительно, какъ-будто былъ доволенъ, что я наконецъ попалъ въ добрыя руки.

Что́ же это за книга въ рукахъ у Ульяны Терентьевны? Наружность ея довольно пасмурна; на черномъ корешкѣ какая-то Нѣмецкая надпись. Неужели Шиллеръ не долженъ быть въ другомъ переплетѣ, кромѣ темнаго? Но это былъ не Шиллеръ. Ульяна Терентьевна развернула книгу, заглянула въ нее и спросила меня, знаю ли я, кто были Греки. Я тотъ-часъ попотчевалъ ее Данаями, Кадмами, Тезеями и цѣлымъ рядомъ войнъ; я думалъ, что моя ученость, почерпнутая изъ руко-

водства ко всеобщей исторіи, удивитъ ее и приведетъ въ восхищеніе; но она очень спокойно улыбнулась и начала мнѣ разсказывать, гдѣ была Греція, какой видъ, какое мѣстоположеніе она имѣла, начала описывать мнѣ ея климатъ, горы, рѣки, моря и первыхъ обитателей съ такою ясностью, какъ-будто говорила объ устройствѣ своей бесѣдки,—совсѣмъ не такъ, какъ гласило руководство ко всеобщей исторіи. Да въ немъ и сотой доли не было того, что́ я услышалъ отъ Ульяны Терентьевны. Особенно меня удивило, когда она приняласъ описывать разные обычаи древнихъ Грековъ, ихъ религію, законы, торговлю. »Боже мой!« думалъ я, »да откуда оня все это знаетъ?«

Между тѣмъ намъ слышалась тихая музыка Наденьки. Какъ эта музыка оживляла пейзажи гористыхъ странъ, по которымъ Ульяна Терентьевна водила мое воображеніе! Люди, съ своими суднлищами, ремеслами, искусствами, въ своихъ странныхъ одеждахъ и непохожемъ на наше вооруженіи, двигались передо мною, какъ живые. Въ одинъ часъ я узналъ Грецію больше, нежели изъ десяти выученныхъ слово-въ-слово уроковъ. Но что́ же это дѣлаетъ Наденька? или, лучше, что́ съ нею дѣлается? Она какъ-будто жалуется на судьбу свою: такъ грустна ея музыка. Она! — можетъ ли она быть недовольна жизнью подлѣ Ульяны Терентьевны?

»Ахъ, Ульяна Терентьевна!« думалъ я въ глу-

бинѣ своего сердца, глядя въ ея тихіе, успокоительные глаза — знаете ли вы, случалось ли вамъ спрашивать, что́ чувствуетъ оцѣпенѣвшій на холодномъ стеклѣ окна мотылекъ, когда утреннее солнце начнетъ согрѣвать его радужныя крылышки? то самое чувствую я подъ лучами вашихъ любящихъ взглядовъ! я именно это чувствую! и ваша дикая, гористая, вся въ лѣсахъ и утесахъ, Грецiя съ своими первыми обитателями оживляется для меня отъ дыханія вашей любви, какъ отъ присутствія въ ней благой богини Цереры, о которой вы такъ прекрасно мнѣ разсказываете. Нѣтъ, не Шиллеръ и не Жуковскій вложили такую прелесть въ эти стихи, которые вы мнѣ читаете о ея благодѣтельномъ посѣщеніи Грецiи: это ваше сочувствіе всему доброму въ человѣчествѣ сдѣлало ихъ Цереру такимъ свѣтлымъ созданіемъ. Вы лучше всѣхъ понимаете ее, потому что вы бы сами точно такъ смягчили сердца грубыхъ звѣролововъ и научили ихъ искусствамъ и любви, какъ Церера.« Я не знаю, этими ли самыми выраженіями я тогда думалъ; но чувствовалъ я именно то, что́ здѣсь высказалъ.

А Наденька между тѣмъ говоритъ своею музыкою, что жизнь очень бѣдна — я совершенно понимаю ея мысли въ этихъ тихихъ, медленныхъ, унылыхъ нотахъ — что сердце человѣческое слишкомъ чувствительно на страданія, и что человѣкъ

во все свое существованіе мечется, въ томительной жаждѣ счастья, ищетъ его вездѣ по всему свѣту; но какъ ни широкъ свѣтъ, какъ ни наполненъ онъ людьми, какъ ни манитъ человѣка призраками блаженства, какъ ни гоняется за ними человѣкъ, а кончитъ тѣмъ, что заключится онъ въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ немъ одномъ станетъ искать и пріюта, и счастья. Вдохновеніе грусти разомъ озарило мои умственныя и душевныя силы.... Я слушаю разсказъ Ульяны Терентьевны и стихи, которыми она поясняетъ рѣчь свою, и новые разсказы, поясняющіе стихи, и въ то же самое время какой-то пророческій трепетъ обхватываетъ мое сердце. Я придвигаюсь къ Ульянѣ Терентьевнѣ, я кладу свою руку на ея нѣжную руку, которая придерживаетъ листы книги; я не знаю, что́ я хочу этимъ сказать. Музыка наполняетъ мою душу томительнымъ ясновидѣніемъ. Я опускаю голову на свою руку и чувствую, что голова у меня кружится. Но, Боже, какъ я счастливъ, что въ моей безотчетной грусти я могу опереться ею на такую добрую, вѣрную руку, какъ рука Ульяны Терентьевны!

»Что́ съ тобой, Николаша?« спрашиваетъ она встревоженнымъ голосомъ, какимъ спросила бы у меня мать моя. »У тебя голова болитъ?«

»Нѣтъ«, отвѣчаю я, приподнимаясь и глядя на нее съ улыбкою, чтобъ разсѣять ея безпокойство. »Мнѣ стало жаль Наденьки. Вы слышите, что́ она

играетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ она то́ чувствуетъ, что́ говоритъ ея музыка?«

»Въ эту минуту — да«, отвѣчала, немного подумавъ, Ульяна Терентьевна. »Теперь она не можетъ быть вполнѣ счастлива. Я знаю, что́ у нея дѣлается въ душѣ, и вотъ она невольно высказываетъ свои чувства.«

»А что́ же у нея въ душѣ? Она горюетъ о Сенѣ? Она забрала себѣ въ голову, что онъ ее не любитъ. И съ чего она это взяла?«

»Пойдемъ къ ней«, сказала, вмѣсто отвѣта, Ульяна Терентьевна. »Съ исторіею мы на первый разъ познакомились довольно.... Но что́ это такъ долго нѣтъ съ охоты Сени?«

И я беру со стола книгу, которая, по-видимому, научила Ульяну Терентьевну такимъ прекраснымъ вещамъ, и несу за нею. Генералъ провожаетъ насъ благосклоннымъ взглядомъ; женщина съ ребенкомъ кротко намъ улыбается; путешественники удвоили свой шагъ, пробираясь по лѣсной дорогѣ, а »дѣвушки Россійски« говорятъ плечами какъ нельзя веселѣе.

Въ это время послышались быстрые ноты, какъ-будто для ихъ пляски, и въ одну минуту все въ душѣ моей измѣнилось. Наденька, когда я вошелъ въ семейную комнату, показалась мнѣ такимъ весе-

лымъ созданіемъ, какое когда-либо было озарено солнечнымъ свѣтомъ, пробивавшимся въ окна сквозь кусты акацій. Я хотѣлъ было спросить у

нея, что́ за тоска нашла на нее, когда мы сидѣли въ залѣ, да и позабылъ, заслушавшись веселой ея музыки. Какъ она была хороша, когда въ самыхъ выразительныхъ мѣстахъ взглядывала на меня и дѣлала глазами и головою движеніе, еще усиливавшее выразительность! Еще нѣсколько быстрыхъ аккордовъ, еще нѣсколько подмывающихъ сердце нотъ — и кончено. Наденька вскочила съ табурета, схватила меня за руки и закружилась со мной по комнатѣ; потомъ, запыхавшись отъ моей неповоротливости, упала въ кресла и отъ души смѣялась, глядя на Ульяну Терентьевну и заставляя ее тоже смѣяться. Что́ за граціозное, что́ за игривое это было существо! и какъ, однакожъ, гармонировала ея живость съ характеромъ Ульяны Терентьевны, въ которомъ все было подведено подъ какую-то строгую мѣру. Это былъ рѣзвый плющъ, бѣгущій вверхъ по изящной колоннѣ.

»Теперь пойдемъ со мной гулять по саду!« сказала Наденька черезъ минуту, и не успѣлъ я оглянуться, какъ она была уже въ соломенной Швейцарской шляпкѣ и въ перчаткахъ. Она протянула мнѣ руку, и мы пустились бѣжать съ нею по садовымъ дорожкамъ, приводя въ зависть цвѣты, кусты и все, что́ насъ видѣло. Мы бѣжали, пока у насъ стало дыханія; наконецъ должны были идти шагомъ по-неволѣ. Наденька называла меня мѣшкомъ и говорила, что я не умѣю даже бѣгать; но это была неправда, и она хорошо это знала.

Я показалъ ей свое новое владѣніе. Она спросила у меня имена посаженныхъ мною растеній, но никакъ не хотѣла похвалить меня, а назвала дикаремъ, который насилу узналъ, какъ дѣлается садовая грядка. Нужды нѣтъ, что я дикарь; пускай это будетъ моя пустыня: я не промѣняю ее на самую великолѣпную столицу. И если Наденька любитъ меня за мое дикарство, такъ я и не хочу быть ничѣмъ другимъ. А что она меня любитъ, этого не скроютъ никакія ея насмѣшки надо мною.

»Посмотри, что́ дѣлаетъ Готфридъ«, сказала Наденька. »Бѣдный Готфридъ! ему только и житья на свѣтѣ, что у насъ. Ну, кто бы позволилъ ему такъ ребячиться?«

Готфридъ, въ концѣ сада, увѣшивалъ гирляндами цвѣтовъ спустившіяся низко къ землѣ вѣтви старой липы, подъ которою устроена была стеклянная бесѣдка. Чтобъ не подрывать эффекта, который онъ надѣялся сдѣлать своею цвѣточною иллюминаціей, мы посмотрѣли на его работу изъза кустовъ и побѣжали опять по саду. Долго мы такимъ образомъ гуляли, пока замѣтили на крыльцѣ бѣлый платокъ Ульяны Терентьевны, которымъ она намъ махала. Мы воротились къ ней оживленные, свѣжіе, радостные. Она намъ объявила, что пора обѣдать. А Сени всё еще не было, и это тѣмъ больше безпокоило Ульяну Терентьевну, что западная сторона неба была въ тучахъ и обѣщала сильную грозу.

»Онъ, тётя, пріютится гдѣ-нибудь въ берлогѣ у медвѣдя«, сказала Наденька, »и очень пріятно проведетъ время, — по крайней мѣрѣ такъ пріятно, какъ мы въ его отсутствіе.«

»Какъ можно говорить такъ язвительно, Наденька?« сказалъ я. »Что́, еслибъ кто надъ вами вздумалъ такъ насмѣхаться?«

»Елибъ кто, да не ты: ты и насмѣхаться не умѣешь«, отвѣчала она и проскользнула въ комнату.

Ульяна Терентьевна продолжала съ безпокойствомъ смотрѣть на тучу, въ которой изрѣдка вспыхивала молнія.

»Зачѣмъ вы такъ безпокоитесь?« сказалъ я. »Большой бѣды случиться не можетъ. Сеня вѣдь мужчина: что́ ему гроза на охотѣ?«

»Со мной дѣлается что-то странное«, отвѣчала Ульяна Терентьевна: »я чувствую теперь себя какъ-будто на морѣ, и эта туча какъ-будто пророчитъ моему кораблю страшную бурю. Мнѣ кажется, какъ-будто въ этихъ вспышкахъ далекой молніи кроются удары, которые раздробятъ въ щепы нашъ домикъ. Какая великанская туча! Смотри, какъ она широко распускаетъ въ обѣ стороны крылья. Одного взмаха этихъ крыльевъ довольно, чтобъ снести всю мою усадьбу съ мѣста, какъ кучу сухихъ осеннихъ листьевъ. Но, Боже мой! что́ мнѣ пришло въ голову? Николаша не обращай на это вниманія. Отсутствіе Сени перепутало мои мыс-

ли, и мнѣ представляются страшилища тамъ, гдѣ видна одна красота творенія Божія. Посмотри внизъ по рѣкѣ — какъ хорошъ этотъ луговой пейзажъ, весь золотой отъ солнечнаго свѣта и отъ противоположности съ нависшими надъ нимъ тучами! А рѣка? черная, какъ-будто на географической картѣ. Этотъ видъ хорошъ во всякую пору дня.«

Пейзажъ былъ дѣйствительно прелестный, но я смотрѣлъ на тучу и въ каждомъ темномъ пятнѣ ея видѣлъ таинственныхъ страшилищъ, которыя пугали воображеніе Ульяны Терентьевны. Мнѣ казалось, что я никогда еще не видалъ такой грозной тучи. Мѣстами она была черна, какъ вороново крыло, мѣстами переходила въ цвѣтъ кремня, мѣстами блестѣла отраженіемъ солнечныхъ лучей. Мнѣ казалось, что она выступаетъ впередъ съ мрачною улыбкою, восхищаясь мыслью объ опустошеніяхъ, которыми она ознаменуетъ путь свой.

»Все готово! все готово!« пропѣла весело Наденька, показавшись въ дверяхъ.

Она подала Ульянѣ Терентьевнѣ зонтикъ и, взявъ ее подъ руку, повела къ Готфридовой бесѣдкѣ. Я послѣдовалъ за ними, оглядываясь на страшную тучу.

VIII.

ДѢЛА УСТРОИВАЮТСЯ КЪ ОБЩЕМУ УДОВОЛЬСТВІЮ, НО Я ЧУВСТВУЮ, КЪ ЧЕМУ ОНИ КЛОНЯТСЯ.

Боже мой! какое это было чудное время! Я сижу между Ульяной Терентьевной и Наденькой; на бѣлой скатерти передъ нами выложены цвѣтами наши вензеля. Съ одной стороны солнечный свѣтъ падаетъ сквозь зелень неправильными лоскутками, движущимися по волѣ вѣтра, на полъ, на мебель, на обѣденную посуду и вспыхиваетъ цѣлымъ снопомъ искръ на блестящихъ выпуклостяхъ стульевъ, тарелокъ и серебряныхъ ложекъ; съ другой — видна полная грозы туча; она подступаетъ къ намъ ближе и ближе; уже слышенъ далекій громъ; но Готфридова флейта покрываетъ его неясный гулъ и отвлекаетъ наше вниманіе отъ грозы. Гдѣ же Готфридъ? Онъ у насъ надъ головою, въ густотѣ вѣтвей, которыя служатъ бесѣдкѣ потолкомъ и кровлею. Какое наивное созданіе! И какъ онъ доволенъ своею ролью! Это высказывается въ его аріяхъ. Я ожидалъ отъ него чего-нибудь въ родѣ тоски по родинѣ. Напротивъ, ему, кажется, хочется, чтобъ мы закружились подъ его флейту, какъ »дѣвушки Россійски« на картинѣ.

А гроза между тѣмъ приближается. Уже солн-

це перестало пробиваться сквозь зелень въ бесѣдку; вѣтеръ треплетъ вѣтвями объ стекла; громъ перекатывается въ облакахъ, какъ-будто тамъ въ высотѣ бѣгутъ сто Греческихъ колесницъ, о которыхъ мнѣ разсказывала Ульяна Терентьевна. Неужели Готфридъ не перестанетъ играть и во время грозы? Мнѣ это кажется даже страшно: какою жалкою пищалкою сдѣлалась его флейта, когда на небѣ раздались полныя громовыя ноты, какихъ не брала ни одна труба на землѣ! Нѣтъ, Готфридъ, перестань....

»Пе-рре-стань!« загремѣлъ съ трескомъ громъ, и бѣдный Готфридъ долженъ былъ остановиться. Въ ту же минуту хлынулъ такой ужасный дождь, какъ-будто все небо превратилось въ лейку. Неужели Готфридъ останется на деревѣ, чтобъ уподобиться мокрой воронѣ? Этотъ вопросъ я предложилъ сперва самому себѣ мысленно, а потомъ Наденькѣ въ-слухъ.

Наденька отвѣчала мнѣ, что о Готфридѣ безпокоиться нечего, потому что онъ сидитъ у себя въ спальнѣ. Фантастическій Нѣмецъ настлалъ полъ между трехъ деревьевъ и устроилъ посреди вѣтвей висячій павильонъ съ стеклянною крышею и парусинными стѣнами, которыя въ теплую погоду опускались ниже пола, а въ холодную поднимались на свои мѣста, посредствомъ блоковъ. Я живо былъ заинтересованъ такимъ воздушнымъ жилищемъ и воображалъ, какъ хорошо тамъ спать,

когда луна свѣтитъ сквозь стеклянный потолокъ, а вѣтеръ шелеститъ кругомъ листьями.

»Ахъ, Готфридъ, какой ты славный человѣкъ!« думалъ я. »Но вѣдь это тебя сдѣлала такимъ Ульяна Терентьевна. Безъ нея ты и съ своимъ Шиллеромъ не далеко бы ушелъ.«

Какой страшный громъ и вѣтеръ! Я начинаю бояться, чтобъ молнія не вздумала раздробить въ щепы липу, подъ которою мы сидимъ, какъ это она сдѣлала съ старою сосною въ нашемъ лѣсу. Какъ шумятъ деревья! Я не желалъ бы на этотъ разъ, чтобъ наша липа была такъ густа: мнѣ всё кажется, что она не устоитъ на своихъ корняхъ противъ напора вѣтра. Неужели намъ угрожаетъ опасность быть ею задавленными? неужели мое блаженство такъ кратковременно? Въ воображеніи моемъ рисовались уже самыя мрачныя картины, и я не знаю, что́ было бы со мной, еслибъ Ульяна Терентьевна не заняла меня разспросами о томъ, гдѣ я живу въ городѣ и съ кѣмъ знакомъ. Я разсказалъ ей о Катѣ и о томъ, какъ я съ нею сошелся. Обѣ мои слушательницы были заинтересованы Катею, ея миловидностью, ея благороднымъ характеромъ и добротою; но гораздо больше занялъ ихъ почтенный Яковъ Яковлевичъ. Наденька заставляла меня представлять его походку, движенія и тонъ рѣчи, въ чемъ — надо сказать — упражнялось все наше училище, въ которомъ я былъ не послѣднимъ актеромъ. Здѣсь, однакожъ,

смущалъ меня громъ, и я не могъ вполнѣ развернуться, какъ-будто былъ близко возлѣ кого-нибудь сильнаго и грознаго. Но съ этого времени для Наденьки не было пріятнѣе потѣхи, какъ заставлять меня играть роль Якова Яковлевича. Не думаю, однакожъ, чтобъ я дѣлалъ это охотно, безъ одного обстоятельства. Именно — когда я разсказывалъ о немъ въ первый разъ, Ульяна Терентьевна слушала меня съ глубокимъ вниманіемъ, а Наденька безпрестанно хохотала. »Неужели мой Яковъ Яковлевичъ только смѣшонъ?« подумалъ я съ огорченіемъ и, взглянувъ на нее, замѣтилъ на ея щекахъ двѣ слезы. Она отерла ихъ платкомъ и принялась хохотать снова. Это меня съ нею примирило: я видѣлъ, что Яковъ Яковлевичъ для нея то же, что́ и для меня. Но черезъ минуту я уже опять сомнѣвался, не показалось ли мнѣ, что Наденька плачетъ: я считалъ ее неспособною къ слезамъ. Какъ бы то ни было, но комическія мои представленія не имѣли и тѣни насмѣшки: они были только оживленіемъ личности Якова Яковлевича; я не давалъ ему умирать; онъ жилъ и дѣйствовалъ посреди насъ. Какъ меня радовало, что мои дамы его полюбили! Мнѣ не приходило и въ голову, что для него въ могилѣ это ничего не значитъ; онъ вознаграждался въ моемъ сердцѣ за свою унылую, безцвѣтную, отчужденную жизнь. Бѣдный Яковъ Яковлевичъ!

Разказывая о своей городской жизни, я не по-

забылъ ни Софьи Карловны, ни Ѳеклуши, ни Діонисія, ни Померанцева. Но я не могъ тогда передать своихъ впечатлѣній такъ, какъ теперь, и бѣдная старушка и ея несчастная дочка скользнули неясными видѣніями въ воображеніи моихъ слушательницъ (это я вижу теперь по всему). Но имя Померанцева было имъ знакомо. Они не видали его самого, но хорошо знали его мать. Въ домѣ его матери Ульяна Терентьевна занимала мѣсяца два квартиру, пока шли торговыя и актовыя сдѣлки съ Дубининымъ. Мнѣ было очень пріятно, что Померанцевъ былъ для нихъ несовсѣмъ чужой человѣкъ, и я въ-тайнѣ надѣялся посѣтить со-временемъ его домъ вмѣстѣ съ Ульяной Терентьевной.

Громъ наконецъ умолкнулъ, дождь пересталъ, и мы, смѣясь надъ страхомъ Ульяны Терентьевны — я разсказалъ Наденькѣ, что́ она мнѣ говорила при наступленіи грозы — воротились въ домъ. А Сени всё еще не было. Мы объ этомъ молчали, но я зналъ, что Ульяна Терентьевна каждую минуту чувствовала его отсутствіе. Наденька попросила ее сѣсть за фортепьяно и принялась учить меня танцовать мазурку. Я объявилъ ей, что я мазурку давно танцую: меня научила Катя, подъ гитару своего Ивана Ѳедоровича; но какъ мой танецъ разсмѣшилъ Наденьку! Она увѣряла, что еслибъ я былъ ручной медвѣжонокъ, то доставилъ бы своему хозяину большой сборъ

мѣдныхъ грошей. Боже мой! когда эта дѣвушка останется мною довольна? А какія чудныя у нея ноги! Нѣтъ, Катя, со всей своей добротою, должна была остаться на заднемъ планѣ въ моемъ сердцѣ. Грація всѣхъ формъ и движеній Наденьки производила на меня, такъ сказать, гальваническое дѣйствіе: въ ея присутствіи я дѣлался стройнѣе; природа какъ-будто исправляла меня по этому прекрасному образцу; невозможно было противиться чудному вліянію ея манеръ, тона голоса и легкой походки; и если моя фигура преобразовывалась, противъ моей воли, въ Якова Яковлевича, то судите, какъ она была способна, дѣйствіемъ противоположнаго чувства, подчиниться вліянію этого плѣнительнаго образчика человѣческой природы. Я сдѣлалъ быстрые успѣхи въ танцахъ, и хотя Наденька, по своему обыкновенію оставалась мною недовольна, но я чувствовалъ, что я уже другой человѣкъ, и ея па, ея осанка, ея движенія продолжали совершенствовать меня даже во-снѣ. Много было писано о ничтожности физической красоты, но, Боже, какую насущную составляетъ она для насъ потребность!

Дамы, казалось, только и думали, что обо мнѣ. Послѣ танцевъ, Наденька принесла изъ своей комнаты прекрасно переплетеннаго — и уже не въ черный цвѣтъ — Шиллера, и, показавъ мнѣ прелестныя гравюры, которыми онъ былъ наполненъ,

заставила меня выучить съ ея голоса наизусть нѣсколько стиховъ, при чемъ, разумѣется, я заслужилъ отъ нея имя попугая. Но Ульяна Терентьевна восхищалась моею памятью и съ особеннымъ удовольствіемъ толковала мнѣ значеніе каждаго слова и смыслъ стиховъ. Дѣло въ нихъ шло всё о Греціи: мы читали и учили Das Eleusische Fest. Тутъ были на сценѣ и миѳологія, и поэзія, и древная жизнь Грековъ. Я былъ огреченъ совершенно, и съ этого времени уже все Эллинское начало интересовать меня живѣйшимъ образомъ.

За этимъ занятіемъ засталъ насъ Готфридъ съ своимъ самоваромъ. Съ какимъ наслажденіемъ вслушивался онъ въ стихи своего Шиллера, которые произносила Наденька голосомъ души Ульяны Терентьевны! Даже самоваръ его былъ, казалось, неравнодушенъ къ этимъ стихамъ. Да́, онъ не былъ равнодушенъ къ нимъ; онъ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ обыкновенно бываютъ самовары, какъ и Готфридъ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ обыкновенно бываютъ его сорта люди. Если въ Готфридовомъ самоварѣ была хоть капля жизни—а въ этомъ мудрено сомнѣваться — то онъ естественно долженъ былъ усовершенствовать свои способности, находясь постоянно въ такомъ обществѣ. Онъ былъ далеко не похожъ на самовары, слушающіе въ трактирахъ каляканье купчиковъ, или на помѣщичьи самовары вообще, изучившіе уборку сѣна,

яровые и озимые посѣвы и тому подобную премудрость: въ его шипѣніи было что-то поэтическое, что-то Шиллеровское.

Und es wallet, und siedet, und brauset, und ziescht,
Wie wenn Wasser mit Feuer sich mengt....

Этихъ стиховъ я до сихъ поръ не могу слышать безъ того, чтобъ не вспомнить Готфридова самовара. Въ домѣ Ульяны Терентьевны все было для меня опоэтизировано, даже и самъ Сеня, который вдругъ прискакалъ верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи своихъ псовъ, и соскочилъ передъ окномъ на землю.

»Чей это конь?« сказала Наденька, между тѣмъ какъ Ульяна Терентьевна спѣшила на-встрѣчу своему любимцу. »Ахъ, да это конь Дубинина! Я говорила, Николаша, что онъ пріютился гдѣ-нибудь въ берлогѣ у медвѣдя, — смотри, такъ вѣдь и вышло!«

Сеня вошелъ въ комнату съ Ульяной Терентьевной, которая нѣжно опиралась ему на плечо рукою, производя въ моей душѣ безотчетную ревность. Онъ былъ очень веселъ и подалъ Наденькѣ руку съ такимъ торжествомъ, какъ-будто получилъ орденъ, или какъ-будто его произвели въ майоры. (Я не зналъ, какой онъ имѣлъ чинъ, но онъ мнѣ казался капитаномъ.)

»Здоровъ ли Дубининъ?« спросила она.

»Скажите лучше: Дубинины«, отвѣчалъ Сеня. »Антонъ Ивановичъ теперь не одинъ: къ не-

му возвратилась дочь изъ пансіона. Чудная дѣвушка!«

»Вотъ что́! Отъ того-то вы такъ и веселы?«

»Отъ того такъ и веселъ, Надежда Александровна«, сказалъ Сеня, садясь къ столику.

»На ловца звѣрь бѣжитъ. А какой породы это звѣрь? я думаю, лисица? Только нѣтъ: ея папаша похожъ на волка.«

»Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна, »ты въ чужихъ людяхъ прослыла бы злоязычною. Можно ли не щадить никого ради игры словъ?«

»Скоро я буду имѣть право требовать, чтобъ о Дубининыхъ отзывались съ уваженіемъ«, сказалъ важно Сеня.

Мы всѣ посмотрѣли на него вопросительно.

»Да́, мамаша«, продолжалъ Сеня, »кажется мнѣ, что я скоро буду имѣть это право. Премилая дѣвушка! Я благодарю Бога, что гроза загнала меня въ этотъ домъ, ато бы я долго не зналъ, что въ нашемъ сосѣдствѣ есть такое сокровище. Меня приняли такъ дружески, что я не могу довольно нахвалиться. И вообразите, какой сюрпризъ для меня! Вхожу въ домъ — все перемѣнилось! новые обои, новая мебель и самъ старикъ Дубининъ какъ-то поновѣлъ. Вмѣсто пожатія руки, онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Что́ съ нимъ? но онъ тотчасъ объявилъ мнѣ о своей радости. И въ самомъ дѣлѣ, есть чему радоваться: что́ за фигура! что́ за цвѣтущая красота! что́ за любезность

въ разговорѣ! Черезъ минуту я уже чувствовалъ себя у нихъ своимъ. Вамъ это страннымъ покажется, мамаша, но, право, сердце мое съ перваго взгляда на эту обворожительную дѣвушку отдалось ей на-вѣки. Просто, Ромео и Джульета, да и все тутъ! Налейте мнѣ стаканъ чаю.«

Я смотрѣлъ на Наденьку — что́ съ нею будетъ дѣлаться. Она была видимо взволнована. Сеня это замѣтилъ также и торжествовалъ, — но недолго. Наденька вскочила съ своего мѣста, подошла къ своей теткѣ и, нѣжно ее обнявъ, поцѣловала.

»Тётя«, сказала она, прильнувъ головой къ ея плечу, »милая, безцѣнная тётя! теперь я совершенно счастлива. Ахъ, какъ мнѣ было тяжело сегодня все утро! Все мое желаніе — быть вашею, жить и умереть съ вами, существовать для васъ.... Но слѣдовало ли мнѣ таить отъ васъ то, что́ я вамъ высказала? Теперь между нами нѣтъ ничего противнаго нашей дружбѣ; теперь я принадлежу вамъ болѣе, чѣмъ когда-либо.«

»Сеня«, сказала она, съ глазами, блиставшими одушевленіемъ, »я желаю тебѣ отъ всей души счастья и буду любить твою жену, сколько это нужно отъ доброй родственницы и подруги твоего дѣтства! Ты думаешь, я не люблю тебя? Нѣтъ, я тебя люблю уже по одному тому, что ты созданіе моей тёти и что она любитъ тебя, какъ сына. Но, право, мы не были бы счастливы на другихъ условіяхъ, кромѣ нынѣшнихъ. Ты этого

не знаешь, а я глубоко чувствую! Дай мнѣ пожать твою руку, какъ брату и товарищу. Я отъ всей души желаю тебѣ семейнаго счастья и буду его поддерживать, сколько это отъ меня будетъ зависѣть.«

У Сени было доброе сердце: рѣчь Наденьки, дышавшая живѣйшимъ чувствомъ, нашла въ его сердцѣ отвѣтъ. Онъ подалъ ей руку и сказалъ слѣдующія слова, дѣлающія честь, если не его уму, то его сердцу:

»Наденька! ты благородное и прямодушное созданіе, но съ твоимъ характеромъ ты никогда не будешь хорошею женою.... право, не будешь. Ты слишкомъ начитана, и потому всѣ твои чувства перешли въ голову. Книги тебя сдѣлали причудницею; ты воображаешь себѣ мужчину такимъ существомъ, какихъ на свѣтѣ не водится. Они водятся только въ твоемъ Шиллерѣ. Я самъ радуюсь не меньше твоего, что мы поняли другъ друга, пока еще не поздно.«

»А какъ, однакожъ, это грустно!« сказала Ульяна Терентьевна, подавая Сенѣ стаканъ чаю.

»Ничего нѣтъ въ этомъ грустнаго, мамаша«, отвѣчалъ онъ, безпечно покручивая свои роскошные усы. »Вы увидите не дальше, какъ завтра, что́ это за прелестная дѣвушка. Дубинины обѣщали посѣтить насъ. Они нетерпѣливо желаютъ съ вами познакомиться.«

»И съ вами«, прибавилъ онъ, обратясь къ На-

денькѣ. »Вы думаете, я равнодушно о васъ отозвался Марьѣ Антоновнѣ? Напротивъ, мнѣ ничто не мѣшаетъ понимать и цѣнить ваши таланты.«

»И съ тобою, кудлашка«, обратился онъ ко мнѣ..

»Нѣтъ, я этому не вѣрю«, отвѣчалъ я: »батюшка мой въ ссорѣ съ Дубининымъ.«

»За имѣніе? это ничего. Теперь Дубининъ готовъ обнять и разцѣловать весь свѣтъ: въ такомъ онъ восхищеніи! и если онъ встрѣтится здѣсь съ твоимъ батюшкой, то непремѣнно это и сдѣлаетъ. Предобродушнѣйшій старикъ!«

»Если такъ, то я буду любить вашу жену, какъ и Наденьку«, сказалъ я.

»Ты уже меня и женишь? Ахъ, проказникъ! погоди-ка еще: я не былъ въ душѣ у Марьи Антоновны.«

Тутъ я рѣшился потѣшить Сеню и сказалъ:

»И я не былъ, но знаю, что за такого молодца, какъ вы, всякая дѣвушка пойдетъ съ радостью.«

Сеня отъ всего сердца засмѣялся, а я зло подумалъ въ душѣ: »Всякая, кромѣ такой, какъ Наденька.«

Однакожъ судьба Наденьки начала занимать съ этого времени мои мысли. Я не хотѣлъ согласиться, чтобы Сеня сказалъ объ этомъ важномъ предметѣ правду; но, сколько ни видалъ я молодыхъ людей, ни одинъ, по моему мнѣнію, не былъ достоинъ счастья сдѣлаться ея мужемъ. Все это былъ народъ тупой и безцвѣтный въ сравненіи

съ нею. Я очень жалѣлъ, что я такъ молодъ,— ато бы я рѣшился, за неимѣніемъ лучшаго мужа, предложить Наденькѣ мою руку. Но я чувствовалъ, что могу всему у нея научиться и сдѣлаться современемъ вполнѣ достойнымъ постояннаго ея сообщества. Съ этими мыслями я слушалъ разсказы Сени объ охотѣ и Дубининыхъ, о новомъ экипажѣ, который они привезли изъ Москвы, гдѣ Марья Антоновна воспитывалась въ пансіонѣ, о ея прекрасной прическѣ и о томъ, что она единственная наслѣдница денегъ и имѣнія своего папаши. Сеня былъ въ полномъ разливѣ своихъ чувствъ; Ульяна Терентьевна смотрѣла на него съ восхищеніемъ; Наденька интересовалась всѣми подробностями о своей будущей знакомкѣ и о прекрасныхъ вещицахъ, которыя она показывала Сенѣ; а мнѣ становилось всё грустнѣе и грустнѣе за Наденьку. Не знаю почему, мнѣ казалось, что ея путь въ жизни совсѣмъ не такъ простъ и спокоенъ, какъ Сенинъ, — что ей предстоитъ долгое странствованіе по свѣту и много, много горя.

Къ счастью, скоро подали ужинъ, и Сенина дичь разогнала мои мрачныя мысли. Мы всѣ были очень веселы и разошлись спать, взаимно довольные другъ другомъ.

Готфридъ сдѣлался моимъ камердинеромъ, и я не думаю, чтобъ Ульяна Терентьевна поручила ему постоянно обо мнѣ заботиться; нѣтъ! имъ управляло то чувство, съ которымъ онъ ухажи-

валъ за цвѣтами, ею посаженными, — въ этомъ я не сомнѣваюсь. Мнѣ самому онъ нравился потому, почему намъ нравится простой деревенскій прудъ, въ которомъ отразится мѣсяцъ, или убогія деревья, озаренныя розовымъ солнечнымъ свѣтомъ. Не прудъ и не деревья мы любимъ, а любимъ отраженное ими сіяніе величественныхъ свѣтилъ, которое никогда не наскучитъ. Такъ я любилъ въ Готфридѣ отраженіе поэтической личности Ульяны Терентьевны, и онъ былъ дорогъ моему сердцу, и мы были съ нимъ нѣжными друзьями. Безъ этой дружбы онъ бы не рѣшился, а я бы не позволилъ ему — снять съ меня башмаки, чулки и все платье и уложить меня въ постель. Съ какою доброю улыбкою закутывалъ онъ меня въ одѣяло! Я теперь знаю, что въ его сердцѣ шевельнулось въ это время сильнѣе обыкновеннаго чувство, съ которымъ бездѣтные люди извѣстныхъ лѣтъ смотрятъ на всякаго хорошенькаго ребенка. Онъ прикасался къ моимъ плечамъ и ногамъ съ женскою нѣжностью. Можетъ быть, онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что Herr Николаша сдѣлался новымъ и самымъ прочнымъ звеномъ между имъ и Ульяной Терентьевной, и что въ его любви къ этой Беатриче насталъ, нѣкоторымъ образомъ, тотъ періодъ, какой настаетъ въ любви супружеской съ рожденіемъ дѣтей. Я тогда еще не зналъ, до какой степени онъ любитъ Ульяну Терентьевну и какъ способенъ любить онъ, воспитанный однимъ

Шиллеромъ. Для него она была все. Видѣть ее и служить ей было отрадою его жизни и сдѣлалось неотмѣнимымъ условіемъ его существованія. Всего этого я въ то время еще не смыслилъ, но смотрѣлъ на Готфрида съ безотчетнымъ уваженіемъ и, чтобъ показать ему, что я принимаю его услуги только изъ дружбы, обнялъ и поцѣловалъ его. Готфридъ былъ этимъ истинно обрадованъ и, уходя отъ меня со свѣчею, обернулся въ дверяхъ и еще разъ посмотрѣлъ на меня. Женщина съ ребенкомъ на рухахъ тоже бросила въ это время на меня самый кроткій взглядъ и скрылась въ темнотѣ, какъ нѣжное видѣніе моей матери, часто являвшееся мнѣ во-снѣ.

Я уснулъ самымъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ, какимъ никогда не засыпаетъ юноша, волнуемый любовью, или поэтическими грезами, и какимъ никогда не спитъ человѣкъ въ среднихъ лѣтахъ, когда онъ позади видитъ несбывшіяся надежды, впереди — безсиліе, а въ настоящемъ чувствуетъ только вычетъ изъ жизни.

IX.

НОВЫЯ ЛИЦА. ДѢЛО ИДЕТЪ ВПЕРЕДЪ.

Какой приливъ жизни! сколько новыхъ ощущеній! сколько радостей! Сказать ли, на кого я былъ похожъ, проснувшись на слѣдующее утро? Я былъ

похожъ на человѣка, который долго находился въ разлукѣ съ своимъ семействомъ, который, возвратясь, провелъ первую ночь подъ роднымъ кровомъ и, открывъ утромъ глаза, не вѣритъ своему счастью.

Какимъ взглядомъ обвелъ я свою комнату, — эту милую комнату, въ которой я на-ново былъ рожденъ любовью Ульяны Терентьевны! Все ожило отъ моего взгляда, все со мной заговорило, и самъ я къ каждому знакомому уже предмету обратился мысленно съ рѣчью. Эти картины были для меня живыми товарищами моего счастья, которыхъ мнѣ не забыть до смерти. Во всемъ, что́ со мной происходило, онѣ принимали самое дружеское участіе.

Взглянулъ я теперь на генерала — въ его лицѣ было уже совсѣмъ другое выраженіе. Казалось, онъ перебиралъ въ умѣ всю жизнь и никогда, ни въ одну ея эпоху, не могъ припомнить такого счастливаго созданія; а почему? потому, что не было другой Ульяны Терентьевны и не видалъ онъ ни въ комъ такой теплой любви къ ближнему, какою она меня наградила. Солнце, только что поднявшееся въ уровень съ окномъ, свѣтило ему прямо въ лице, и онъ, казалось, думалъ, что только оно такъ грѣетъ, такъ благодѣтельно лелѣетъ молодыя растенія, какъ согрѣла меня у души своей Ульяна Терентьевна.

Взглянулъ я на женщину въ точеныхъ крес-

лахъ — она еще лучше самого генерала понимала, какъ меня любитъ Ульяна Терентьевна, и что́ я значу для ея души, и почему ей непремѣнно нужно любить меня такъ, какъ она любитъ. Никто такъ не чувствуетъ, къ какой любви способно человѣческое сердце, какъ мать, держащая на колѣняхъ своего ребенка.

А »дѣвушки Россійски?« Какъ онѣ ни веселы, какъ ни страстно дышатъ подъ жемчугами златыми ихъ нѣжныя груди, но онѣ бы позавидовали тому чувству, которое высоко поднимало мою дѣтскую грудь.

И какъ ни спѣшатъ путешественники сквозь темный лѣсъ, но нигдѣ не найти имъ такого успокоительнаго пріюта, какой нашелъ я въ домѣ Ульяны Терентьевны.

Мнѣ казалось, что мои отношенія къ ней сдѣлались понятны не только дѣвушкѣ, которая подавала мнѣ умываться, но и серебряному умывальнику, который теперь еще яснѣе отражалъ въ себѣ мои радостные глаза, розовыя, загорѣлыя щеки и бѣлую шею. Я удивляюсь, какъ я могъ что-нибудь замѣчать, кромѣ Ульяны Терентьевны, къ которой привлечены были всѣ мои мысли и чувства; а между тѣмъ никогда еще глаза мои не были, могу сказать, такъ открыты на весь внѣшній міръ, никогда люди и природа не впечатлѣвали себя такъ сильно въ моей душѣ. Поэтому вы услышите отъ меня такія подробности о но-

выхъ лицахъ, показавшихся въ этотъ день въ домашнемъ кругу Ульяны Терентьевны, какъ-будто я видѣлъ ихъ только вчера.

Послѣ чаю, мы едва начали свой день музыкою — Наденька учила меня гаммамъ — и ботаникою, подъ руководствомъ Готфрида, какъ прибѣжалъ къ намъ Сеня, съ радостными восклицаніями: »Ѣдутъ! ѣдутъ!« Намъ не нужно было спрашивать, кто ѣдетъ? мы знали, что это Дубинины. Ульяна Терентьевна поспѣшила въ домъ, чтобъ встрѣтить вмѣстѣ съ Сенею гостей, но мы остались въ саду, въ своихъ фартухахъ и перчаткахъ, посреди леекъ и лопатокъ, что́, кажется, доставило Готфриду особенное удовольствіе. Занятія наши, однакожъ, были скоро прерваны, потому что Сеня велъ къ намъ Марью Антоновну, чтобъ показать ей, какъ онъ говорилъ, »своихъ чернорабочихъ«. Мы должны были оставить свои гряды, освободиться отъ фартуховъ и провожать гостью по саду. Она была миловидная дѣвушка и, не будь подлѣ нея Наденьки, могла бы показаться прелестною. Но Наденька блистала посреди садовой зелени, какъ настоящая богиня Флора. Мнѣ не нравилось, что у Марьи Антоновны былъ острый носикъ и очень тонкія губы. Мнѣ было даже досадно на эти недостатки: безъ нихъ она была бы, на мой вкусъ, вдвое милѣе. Я также осудилъ бы въ ней излишнюю живость движеній. Но и Наденька была необыкновенно жива въ своихъ пріе-

махъ; только у Наденьки все выходило какъ-то мягко, а у той какъ-будто вмѣсто мускуловъ были стальныя пружинки. А впрочемъ, Марья Антоновна была очень милая дѣвица: высокаго роста, съ богатою русою косою, съ голубыми, немножко, правда, зеленоватыми, глазами и съ голосомъ, необыкновенно ласковымъ. Она спросила у Наденьки обо мнѣ: »Это́ вашъ братецъ?« съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто отъ всей души желала, чтобъ я былъ братцемъ Наденьки.

Наденька отвѣчала, что нѣтъ, но что мы очень близкіе знакомые.

»Они знакомы со вчерашняго дня!« перебилъ, засмѣявшись, Сеня.

»Если измѣрять знакомство временемъ«, сказала Наденька.

»А чѣмъ же еще?« спросила Марья Антоновна, наклоня немножко на сторону голову и посмотрѣвъ на нее совершенно такъ, какъ канарейка.

»Близость и далекость знакомства«, сказала Наденька, немножко педантичѐски, »не зависятъ ни отъ времени, ни отъ пространства.....«

Она что-то хотѣла сказать, но Марья Антоновна зачиликала какъ птичка, съ необыкновенною живостью:

»Ахъ, да́! эту мысль часто повторяла madame Fichu.... Вѣдь вы не знаете, кто madame Fichu?«

»Догадываюсь«, отвѣчала Наденька, и посмотрѣла на меня

Какъ она лукаво посмотрѣла!

»Кто же?«

»Содержательница вашего пансіона.«

»А вы ее знаете?«

Наденька засмѣялась.

»Я волшебница«, сказала она: »мнѣ извѣстно ваше прошедшее и будущее.«

»Ахъ, какъ бы я желала знать свое будущее!« сказала Марья Антоновна, необыкновенно нѣжнымъ голоскомъ, и при этомъ бросила на Сеню томный взглядъ, который я очень хорошо замѣтилъ.

Отъ меня не укрылось также и то, какъ посмотрѣлъ на нее, въ отвѣтъ, Сеня. Съ этой минуты я ужъ нарекъ ихъ мысленно мужемъ и женою.

»Извольте, я вамъ скажу«, отвѣчала Наденька: »то, о чемъ вы теперь думаете, сбудется, и очень скоро.«

На это Марья Антоновна нашла необходимымъ засмѣяться, потомъ слегка покраснѣть и потомъ поцѣловать Наденьку. Все это сдѣлано было очень мило, только такъ, какъ-будто она или подражала кому-нибудь въ своихъ пріемахъ, или долго ихъ пробовала передъ зеркаломъ, запершись у себя въ комнатѣ, пока довела до послѣдняго совершенства. Въ Наденькѣ, напротивъ, все было свое и все дѣлалось **exprompti**.

Разговоръ перешелъ къ предметамъ посторонннимъ. Мы показывали гостьѣ цвѣты и кустарни-

ки. Она всѣмъ любовалась и восхищалась, по-видимому, отъ души, только нѣсколько разъ вспоминала о неизвѣстной намъ madame Fichu, которая какъ-будто держала всѣ ея мысли на-привязи.

Я слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ съ такимъ любопытствомъ, что, еслибъ она была меньше занята кудрями и усами Сени — онъ ей, повидимому, казался совершенствомъ красоты — то ей бы было отъ моихъ неотвязныхъ взглядовъ очень неловко. Мнѣ хотѣлось напередъ рѣшить, каково съ нею будетъ намъ жить въ одномъ домѣ, но не могъ, просто — не могъ. Въ ней было что-то неуловимое, что-то такое, чего никакъ нельзя опредѣлить, и все, что́ она говорила, все, что́ высказывалось въ ея наружности, производило на меня впечатлѣніе, совершенно новое. Ничего подобнаго я до сихъ поръ еще не испытывалъ. Я назову его впечатлѣніемъ *неопредѣленности*. Я не чувствовалъ къ ней ни симпатіи, ни антипатіи, и это меня мучило. Сердце мое какъ-будто потеряло способность чувствовать, чего еще никогда со мной не случалось. »Боже мой, да что́ же она такое?« спрашивалъ я самъ себя мысленно съ такимъ безпокойствомъ, какъ будто мнѣ самому предстояло на ней жениться. Я смотрѣлъ на Наденьку испытующимъ взоромъ, какъ на живой термометръ; но и Наденька при ней потеряла часть своей выразительности. Наденька была съ нею любезна до приторности, какъ-будто то-

же воспитывалась у madame Fichu, и мало-по-малу до такой степени сдѣлалась непохожею на ту Наденьку, которая за часъ еще была со мной такъ прямодушна, такъ искренна, что я не могъ ей надивиться. Мнѣ бы слѣдовало вспомнить, что я въ ея глазахъ былъ ребенокъ, и притомъ ребенокъ, котораго она любитъ и въ котораго добрыя чувства вѣруетъ, а теперь она сошлась съ дѣвушкой незнакомою и воспитанною въ непохожихъ на ея понятіяхъ. Но нѣтъ, это не то: это происходитъ именно отъ неопредѣлительности характера, которою Марья Антоновна одарена въ ужасающей степени. Мнѣ она казалась похожею на кусокъ чего-то до такой степени холоднаго, что всякая теплота подлѣ нея должна была простынуть; ея душа представлялась мнѣ такими потемками, что всякій свѣтъ и блескъ уничтожались. отъ одного къ ней приближенія. Все это я чувствовалъ такъ сознательно, какъ чувствовалъ бы морозъ зимою, или непроглядную темноту ночью. А между тѣмъ щечки и глазки Марьи Антоновны горѣли и блистали всею силою молодости и отличнаго здоровья; разговоръ ея былъ оживленъ увлеченіемъ, истинно сердечнымъ. Она была чувствительна къ каждому цвѣтку, которымъ ей хвалились, къ каждому красивому уголку окрестностей, которыя ей показывали. Только я бы получилъ лучшее понятіе о ея чувствахъ, еслибъ она не смотрѣла такъ на Сеню. Какъ она на него смо-

трѣла! И не знаю, почему мнѣ не понравилось, что она, любуясь окрестностями, освѣдомилась, всѣ ли эти поля и лѣса принадлежатъ къ Коробутовкѣ. А когда Сеня объявилъ ей, что вся зарѣчная сторона, которую она видитъ, составляетъ его собственность и что у него столько и столько десятинъ земли и лѣсу, это, какъ мнѣ показалось, доставило ей гораздо больше удовольствія, нежели всѣ георгины, воспитанныя искусною рукою Готфрида.

Какъ развернулся сегодня Сеня! какъ онъ сдѣлался ловокъ! онъ даже похорошѣлъ со вчерашняго дня; онъ просто сдѣлался молодцемъ и красавцемъ. Но всё, однакожъ, Марья Антоновна, по моему наблюденію, смотрѣла на него какъ-то странно. Я видѣлъ ясно, что она его любитъ; но Наденька не такъ смотрѣла бы на него, хоть бы любила въ десять разъ больше. Нѣтъ, я напрасно сказалъ, что я не чувствовалъ ни симпатіи, ни антипатіи къ этой дѣвушкѣ: я чувствовалъ, или по крайней мѣрѣ начиналъ чувствовать, къ ней антипатію. Я желалъ, чтобъ она скорѣй уѣхала и чтобы моя Наденька освободилась отъ страшнаго холода, которымъ вѣяло отъ этой дѣвушки, и удалилась отъ непроглядной тьмы, которою душа ея затмѣвала, какъ мнѣ казалось, все, къ ней прикасающееся. Я былъ, поэтому, очень доволенъ, когда мы, обойдя весь садъ, повернули къ дому

Но и тамъ было мнѣ не легче. Я встрѣтился тамъ лицемъ къ лицу со старикомъ Дубининымъ.

Я видалъ прежде, и довольно часто, Дубинина; иногда мы и гостили у него съ батюшкой. Я очень хорошо помнилъ его черные курчавые волосы, его высокій ростъ, толстый, короткій, шарообразный на концѣ носъ, круглыя, твердыя на видъ, какъ бронза, щеки и веселые, насмѣшливые глаза; но — странно! — до сихъ поръ я какъ-то не обращалъ на него вниманія. Онъ былъ для меня чѣмъ-то въ родѣ цыфры въ задачѣ. Дубининъ и 12, Дубининъ и 180, Дубининъ и милліонъ — производили на мой умъ одинаковое впечатлѣніе. Теперь я какъ-будто увидѣлъ его въ первый разъ, или какъ-будто искусный живописецъ нарисовалъ его передо мною самыми яркими красками и придалъ не только его крѣпкому, лоснящемуся лицу, но даже его повязанному широкимъ бантомъ клѣтчатому платку, его темно-зеленому сюртуку и огромнымъ, отлично вычищеннымъ сапогамъ особенную выразительность. Какой громадный человѣкъ былъ этотъ Дубининъ! какъ онъ былъ крѣпко сложенъ! каждый палецъ на рукѣ его казался мнѣ великаномъ, и во всемъ убранствѣ комнаты Ульяны Терентьевны, отъ изящной мебели до дверныхъ скобокъ, не было, казалось мнѣ, ничего такого толстаго и твердаго, какъ ногти на большихъ его пальцахъ.

Я былъ небольшого роста, но, когда вошелъ

въ комнату и взглянулъ на Дубинина, я почувствовалъ себя самымъ крошечнымъ человѣкомъ и назвалъ себя мысленно homunculus. Какъ это слово пришло мнѣ въ голову въ такой отдаленности отъ училища и учителя Латинской грамматики, не знаю, но привожу его для точности изображенія тогдашняго состоянія своей души. Я не могъ даже поклониться, какъ слѣдовало кланяться такому великому мужу, и сдѣлалъ самый маленькій, ничтожный, какъ и я самъ, поклонъ. Все, однакоже, я поклонился, хотя могъ бы этого и не сдѣлать, какъ подумаю о произведенномъ на меня Дубининымъ впечатлѣніи.

»Ба, ба, ба!« закричалъ Дубининъ. (Онъ именно закричалъ, потому что голосъ его былъ громокъ, какъ труба). »Да что́ жъ это у васъ за мальчикъ, *сосѣдушка?*«

Этимъ именемъ онъ называлъ Ульяну Терентьевну, и, Боже! какъ оно не шло къ ней! Она — сосѣдушка? Ульяна Терентьевна? Нѣтъ, чтобы быть сосѣдушкой, которая бы пришлась какъ разъ по тону и голосу, какими произнесено было это слово, надобно было быть сестрой Дубинину, или самимъ Дубининымъ въ женскомъ платьѣ. Сосѣдушка!

Онъ, однакожъ, не нуждался въ ея отвѣтѣ и продолжалъ:

»Да это сынишка нашего М*, кажись? Что́ это вы, матушка, Ульяна Терентьевна (еще лучше!)

не пенцыйонъ ли ужъ у себя заводите? Ха, ха, ха!«

»Боже мой! какой грубіянъ этотъ Дубининъ!« думалъ я.

Мнѣ казалось, что Ульяна Терентьевна должна была бы обижаться не только каждымъ словомъ, но каждымъ звукомъ его рѣчи. Но Ульяна Терентьевна отвѣчала ему самымъ ласковымъ голосомъ:

»Вы ни на что́ не можете взглянуть, Антонъ Ивановичъ, чтобъ не смѣяться. У васъ самая счастливая натура.«

Я между тѣмъ подошелъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ, которая сидѣла на софѣ, и очень былъ радъ, когда спряталъ себя за нею отъ взоровъ Дубинина такъ, что только голова моя выглядывала изъ-за ея плеча.

»Да нельзя, сосѣдушка, какъ посмотришь на Божій міръ«, сказалъ Дубининъ. »Люди, право, какъ-то мудрено живутъ, а ужъ никто мудренѣе васъ. Ужъ вы меня извините, матушка Ульяна Терентьевна, а я по-сосѣдски скажу вамъ, что мудрено изволите жить.«

»Что́ жъ въ моей жизни мудренаго?« отвѣчала благосклонно Ульяна Терентьевна. »Мнѣ кажется, напротивъ, я живу такъ просто, какъ только можно придумать.«

»Правду изволили сказать!« продолжалъ Дубининъ и засмѣялся такъ добродушно — хотя ужас-

но громко — что нельзя было, глядя на него, не смѣяться.

И всѣ мы смѣялись, и онъ, кажется, былъ этимъ очень доволенъ.

»Правду изволили сказать: какъ только можно придумать. Кому? вамъ! ха, ха, ха!«

»Да укажите же мнѣ, Антонъ Ивановичъ, хоть какую-нибудь несообразность въ моей жизни«, сказала Ульяна Терентьевна, и я удивлялся ея благосклонности. »Я готова съ вами спорить и доказывать вамъ, что я права, а неправы тѣ, кому жизнь моя кажется мудреною.«

Я смотрѣлъ черезъ плече Ульяны Терентьевны на Дубинина, что́ онъ на это скажетъ, что́ можетъ онъ сказать противъ жизни Ульяны Терентьевны, которая мнѣ казалась образцевою, восхитительною жизнью. Но, къ удивленію моему, Дубининъ повѣсилъ задумчиво голову и только пропустилъ сквозь зубы слѣдующіе загадочные звуки:

»Хти, хти, хти, хти!«

Я сперва не понялъ, что́ это за слова, но черезъ минуту догадался, что это сокращеніе междометія *ахти!*

»Вы меня приводите въ отчаянье, Антонъ Ивановичъ«, сказала, смѣясь, Ульяна Терентьевна. »Откройте мнѣ, что́ васъ такъ печалитъ въ моей жизни?«

Дубининъ поднялъ голову, но уже не улыбал-

ся. Онъ смотрѣлъ на Ульяну Терентьевну съ выраженіемъ глубокомысленнымъ и почти строгимъ, какъ-будто онъ былъ ея дядя, или дѣдушка.

»Да вотъ хоть бы этотъ домъ, сударыня! Любо, дорого смотрѣть, да вѣдь это—капиталъ. Пожилъ бы да пожилъ вашъ племянникъ на денежки, которыя вы убили на усадьбу.«

»Племянникъ мой и безъ того имѣетъ средства жить.«

»Вѣдь вы всѣ избы въ деревнѣ и всѣ дворы наново отстроили! « продолжалъ Дубининъ, какъ-будто ему ничего не отвѣчали.

»Зато моя деревня не развалина. Крестьяне мои сберегутъ здоровье въ удобныхъ и просторныхъ хатахъ, скотъ у нихъ будетъ крѣпче и рослѣе въ чистыхъ и теплыхъ хлѣвахъ, и выйдетъ на повѣрку, что мое имѣньице будетъ приносить доходу втрое больше того, что́ оно у васъ приносило.«

»Будетъ, или нѣтъ, это еще какъ Богъ пошлетъ. Скотъ вашъ, пожалуй — чего, конечно, оборони Богъ — ляжетъ въ одинъ падежъ, избы и теплые хлѣвы сгорятъ — не приведи Господь — отъ одной искры, и крестьяне ваши будутъ тѣ же мужики, что́ и въ старыхъ избахъ, а денежки ваши въ ломбартѣ черезъ восемнадцать лѣтъ удвоились бы, анъ вашему племяннику было бы чѣмъ дѣтокъ воспитывать. Вотъ онъ разсчетецъ каковъ, сосѣдушка! Да и не пожаловался бы онъ на васъ тогда. Хти, хти, хти!«

»Онъ во всякомъ случаѣ не будетъ на меня жаловаться: я употребила на его имѣніе свои деньги такъ, какъ умѣла лучше. Больше этого отъ человѣка требовать нельзя. Но въ этой жизни, которую я для него и для себя устроила, есть еще выгоды — и важныя — которыхъ вы не видите.«

»*Свои?*« повторилъ Дубининъ, не слушая Ульяны Терентьевны. »Это еще хуже.«

»Отъ чего же?«

»Отъ того, сударыня, что Богъ вѣсть, какъ придется съ человѣкомъ жить на вѣку. Вотъ мы съ сосѣдомъ М*, съ отцемъ вашего пенцыйонера, были пріятели, а теперь встрѣчаться въ одномъ домѣ не хотимъ.«

»Что́ касается до этого«, отвѣчала Ульяна Терентьевна, »то я скорѣй повѣрю, что моя собственная рука поссорится со мной, чѣмъ Сеня.«

Съ какою любовью, съ какою вѣрой посмотрѣла она при этомъ на Сеню, который показывалъ въ это время гостьѣ свой кабинетъ и богатыя ружья! Гостья, казалось, была отъ нихъ въ такомъ же восхищеніи, какъ и отъ цвѣтовъ въ саду. Она ото всего была въ восхищеніи.

»Такъ, такъ, сосѣдушка«, сказалъ помолчавъ, въ размышленіи, Дубининъ, »а всё бы пусть лежала на черный день копейка.«

И опять испустилъ тихое и печальное восклицаніе: »Хти, хти, хти, хти!«

Оно въ самомъ дѣлѣ было печально, и Дубининъ показался мнѣ въ это время человѣкомъ очень чувствительнымъ. Особенно расположило меня въ его пользу то, что онъ съ какимъ-то сожалѣніемъ—по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось—вспомнилъ о бывшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ своихъ съ моимъ батюшкой. За это я прощалъ ему даже то, что онъ называлъ меня *пенцыйонеромъ*, хотя и чувствовалъ, что это очень глупо.

Но какая добрая Ульяна Терентьевна! Я до сихъ поръ не зналъ, сколько она сдѣлала добра для Сени и вмѣстѣ съ тѣмъ для своихъ крестьянъ. Мнѣ никто не сказалъ, какъ она отстроила свою деревню. Я рѣшился воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ осмотрѣть ее.

»А сколько бишь вы платите своему Нѣмцу?« спросилъ вдругъ Дубининъ.

»Я вамъ говорила уже: сто цѣлковыхъ«, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

»Дармоѣду сто цѣлковыхъ! Вѣдь сто цѣлковыхъ деньги!«

»Напрасно вы такъ думаете: онъ мнѣ очень полезенъ.«

»*Полезенъ!*«

Это слово Дубининъ произнесъ такимъ тономъ, которому я не нахожу названія. Но, кажется, онъ самъ не намѣренъ былъ придавать ему такой странной выразительности: оно у него вырвалось противъ воли.

»Какія фантазіи у людей знатныхъ!« продолжалъ онъ тономъ добродушія, который былъ ему очень свойственъ. »Но почему же не позволить себѣ маленькой прихоти? Семенъ Петровичъ разсказывалъ мнѣ, какъ вы вчера поймали гдѣ-то въ полѣ сынишку моего сосѣда и обратили его съ-разу въ генеральскаго ребенка. Право, его узнать нельзя. Волшебница вы, Ульяна Терентьевна, да и только. Изъ моей усадьбы сдѣлали Петербургскую дачу; живете на большую ногу. Глядѣть на васъ весело, а всё бы лучше, когдабъ приберегли на черный день копейку. Я это по дружбѣ, по-сосѣдски вамъ говорю, сударыня.«

»Я и не сомнѣвалась никогда въ вашемъ добромъ расположеніи«, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту лице Дубинина было самымъ выразительнымъ изображеніемъ добродушія. Что онъ грубіянъ и задора, это я зналъ давно, но никогда не считалъ его злымъ человѣкомъ.

»Но мы вамъ ужъ наскучили«, сказалъ онъ, поднимаясь. »Машенька, или какъ бишь ты учила звать тебя: Мари.... ха, ха, ха! пора намъ домой. Ей такъ у васъ пріятно, что она бы просидѣла до вечера.«

»Мы надѣемся, что Марья Антоновна часто будетъ дарить насъ этимъ удовольствіемъ«, сказала Ульяна Терентьевна.

»Позвольте, сосѣдушка, и отъ васъ того же на-

дѣяться. До сихъ поръ вы рѣдко ко мнѣ жаловали; а всё-таки я благодаренъ за отличіе отъ другихъ; теперь я семейный человѣкъ — милости просимъ.«

Маша впорхнула, какъ мотылекъ, въ нашу комнату, чтобы проститься съ Ульяной Терентьевной и увѣрить ее, что она бы не разсталась съ ея очаровательнымъ домомъ и обществомъ. (Но *домомъ* — замѣтьте — прежде общества.)

Съ какою ловкостью, съ какою даже граціею подалъ ей Сеня шляпку и зонтикъ! Право, онъ былъ молодецъ. Я ему завидовалъ. Счастье удивительно развязываетъ человѣка, а онъ былъ теперь очень счастливъ. Это выражалось въ каждомъ его движеніи.

Ульяна Терентьевна была, по-видимому, необыкновенно довольна его торжествомъ. Когда гости уѣхали, онъ тотъ-часъ обратился къ ней и расцѣловалъ ея руки съ чувствомъ самаго нѣжнаго сына.

»Что́ вы скажете, мамаша?« спросилъ онъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

»Прелестная, милая дѣвушка!« отвѣчала Ульяна Терентьевна.

»И она меня любитъ.«

»Ты увѣренъ?«

»Какъ въ вашей любви.«

»Благослови тебя Господь, если такъ«, сказала Ульяна Терентьевна, поцѣловавъ его въ лобъ.

Онъ опять перецѣловалъ ея руки и весело вы-

бѣжалъ изъ комнаты, щелкнувъ мимоходомъ пальцами передъ моимъ носомъ. Собаки побѣжали за нимъ, прыгая на него сзади и раздѣляя по-своему его радость.

X.

ДУБИНИНЪ И БАТЮШКА. СЕНЯ ТОРЖЕСТВУЕТЪ.

Зачѣмъ выбѣжалъ Сеня изъ комнаты, не знаю, но догадываюсь, что ему хотѣлось проводить глазами экипажъ Дубининыхъ по дорогѣ, видной съ высокаго берега на далекое разстояніе. Я былъ доволенъ его отсутствіемъ: я хотѣлъ знать, что́ скажетъ Наденька о новой своей знакомкѣ. Къ удивленію моему, она разлилась въ похвалахъ Марьѣ Антоновнѣ. »Прелесть! очарованіе! что́ за манеры! что́ за любезность! что́ за сердце!« Въ простотѣ души, я принималъ всѣ эти восклицанія въ буквальномъ смыслѣ. Но Ульяна Терентьевна вывела меня изъ заблужденія.

»Ты, Наденька, неправа«, сказала она. »Чего ты хочешь отъ молодой дѣвушки, воспитанной какой-нибудь madame Fichu, по найму, безъ материнскаго надзора? По мнѣ, такъ Марья Антоновна — дѣвица, достойная всякаго уваженія.«

»Оно и воздается ей«, отвѣчала Наденька.

»Мнѣ кажется«, продолжала Ульяна Терентьев-

на, »что ты составила себѣ ошибочное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ людей.«

»Можетъ быть«, отвѣчала Наденька, »только не о Дубининыхъ. Какъ бы ни былъ ограниченъ мой умъ, какъ бы ни мало была я проницательна, но люди эти такъ рѣзко бросаются въ глаза, что я смѣло могу произнести о нихъ свой судъ.«

»Не спѣши, другъ мой: можешь ошибиться.«

»Это, тётя, можно сказать и обо всякомъ другомъ сужденіи; но надобно жъ отдавать себѣ отчетъ въ наблюденіяхъ, чтобъ повѣрять ихъ опытомъ.«

»Хорошо: чѣмъ же тебѣ кажутся Дубинины?«

Я удвоилъ вниманіе.

»Отецъ — человѣкъ безъ сердца и золъ попросту, безъ затѣй, а дочь — дѣвушка тоже безъ сердца, но зла утонченно — *обворожительно*-зла. По мнѣ, онъ во столько разъ лучше ея, во сколько грабитель на большой дорогѣ лучше грабителя, прикрытаго личиною добраго человѣка.«

»Боже мой! Наденька!« воскликнула Ульяна Терентьевна съ какимъ-то испугомъ. »Можно ли доходить до такихъ крайностей въ антипатіи къ людямъ, въ которой ты сама себѣ не можешь дать отчета? Ты не взлюбила обоихъ Дубининыхъ съ перваго взгляда, а за что́ — до сихъ поръ не можешь сказать.«

»Я не взлюбила ихъ за то«, отвѣчала Наденька, »что ихъ не за что любить.«

»Да чего же ты отъ нихъ требуешь?« прерва-ла ее съ живостью Ульяна Терентьевна. »Развѣ ты въ состоянiи любить въ другихъ только свои достоинства?«

»Нѣтъ, тётя; я въ состоянiи любить человѣка безъ всякихъ особенныхъ достоинствъ, какъ, напримѣръ, этого мальчика (она указала на меня). Но мнѣ противна, смертельно противна эта несимпатичность, которая проглядываетъ въ каждомъ словѣ Дубининыхъ. Ихъ въ нашемъ быту, въ нашихъ удовольствiяхъ, въ нашихъ интересахъ ничто не заняло. Мы, въ ихъ глазахъ, похожи на мраморныя куклы, выставленныя въ магазинѣ съ надписью на ярлычкахъ, что мы означаемъ то-то и стоимъ столько-то.«

»Ахъ, Наденька!« перебила опять Ульяна Терентьевна съ нѣкоторымъ нетерпѣнiемъ, »вѣдь это только грубость понятiй....«

»Да, да!« вскричала Наденька, какъ-будто обрадовавшись счастливому выраженiю, которое не приходило ей на память, »*грубость понятiй*, и этого довольно, чтобъ уничтожить всю прелесть сообщества такихъ людей!«

»Но, другъ мой, ты сама себѣ противорѣчишь....«

»Я знаю, что́ вы хотите сказать, тётя. Нѣтъ, я принимаю ваши слова въ обширномъ смыслѣ. Грубость понятiй, по-моему, значитъ — отсутствiе всякой поэзiи въ жизни. Если угодно, Дубинины

не злы, а только грубы; но этакъ и всѣ злые люди не злы: они только грубы, — только!«

»Нѣтъ, Наденька, это натяжка«, сказала, покачавъ головой, Ульяна Терентьевна. »Но положимъ. Всё, однакоже, ты смѣшиваешь вмѣстѣ двѣ различныя личности.«

»Вы говорите о Марьѣ Антоновнѣ? Ахъ, тётя! неужели вы такъ мало проницательны? Нѣтъ, вы только снисходительнѣе меня. Вы вообще снисходительны къ людямъ, и я, признаюсь, не понимаю, какъ могло образоваться въ *васъ* это чувство. Марья Антоновна получила въ наслѣдство отъ отца всю его *грубость*, всю эту тенденцію къ *веществу* и апатію къ тому, что́ собственно составляетъ *человѣка*. Она только научилась восхищаться нѣкоторыми предметами, которыми восхищаться принято; но въ душѣ она ко всему, кромѣ себя, равнодушна.«

»Какъ! ты отвергаешь въ ней даже способность любить?«

»Нѣтъ, эти люди тоже любятъ, какъ и другіе, но только особеннымъ образомъ. Напримѣръ, я не скажу, что Марья Антоновна не любитъ Сени: она его любитъ; но для меня такая любовь едва ли была бы пріятнѣе ненависти. Доброму Сенѣ, конечно, не придетъ этого въ голову, и онъ будетъ счастливъ.«

»Что́ же ты этимъ хочешь сказать?«

»Вотъ что́. Душенка Марьи Антоновны состоитъ

изъ двухъ инстинктовъ.... я не скажу — чувствъ: слишкомъ много чести.... изъ самосохраненія и стремленія къ помѣщенію себя между другими созданіями, какъ можно пріятнѣе, по-просту — къ достиженію доступныхъ для такой душенки удовольствій.«

»Ахъ, ты глупенькая!« сказала, засмѣявшись, Ульяна Терентьевна, »да мы всѣ вертимся на этихъ двухъ началахъ.«

»Всѣ, только мы не замкнуты въ самихъ себѣ: у насъ есть симпатія ко всему творенію Божію, — вотъ въ чемъ разница. Разница невелика, но она составляетъ все отличіе человѣка отъ не-человѣка и даетъ начало всему прекрасному и великому въ человѣчествѣ! Въ Дубининыхъ этого нѣтъ: они любятъ и ненавидятъ только по отношенію къ первымъ двумъ началамъ. Поэтому-то я и могу сказать о нихъ:

Душѣ противны вы, какъ гробы!

Какой живописный жестъ сдѣлала при этомъ рукою Наденька! Я не помню, въ тѣхъ ли самыхъ выраженіяхъ высказывала она свою антипатію къ Дубининымъ, какими я выразилъ ея чувство, по воспоминанію общаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ разговоромъ; но стихъ, и тонъ, какимъ онъ былъ произнесенъ, и жестъ, которымъ онъ сопровождался, и разгорѣвшіяся щеки, и блестящіе глаза Наденьки, — все это живо

въ памяти моего слуха и воображенія, какъ-будто сцена происходила передо мной вчера.

На Ульяну Терентьевну, однакожъ, разговоръ этотъ производилъ, какъ я замѣтилъ, тяжелое впечатлѣніе, и потому я былъ доволенъ, что приходъ Сени прервалъ его.

»Новые гости!« сказалъ онъ. »Карпъ Ивановичъ!«

При этомъ имени я покраснѣлъ: мнѣ было стыдно предстать предъ батюшку въ новомъ костюмѣ. Наденька и Ульяна Терентьевна значительно переглянулись, и я покраснѣлъ больше прежняго: мнѣ показалось, что онѣ иначе объяснили себѣ мое смущеніе.

Въ это время послышался стукъ таратайки, подъѣхавшей къ крыльцу, и скоро заскрипѣли въ передней новые батюшкины сапоги. Батюшка привезъ изъ городка Н* чудные сапоги, какихъ онъ еще никогда не заказывалъ. Когда онъ ихъ примѣривалъ и прошелся по комнатѣ, я былъ восхищенъ ихъ скрипомъ, и теперь былъ очень радъ, что Ульяна Терентьевна увидитъ его въ такихъ отличныхъ сапогахъ.

Какъ величаво вошелъ батюшка въ залу! какое въ немъ выражалось чувство собственнаго достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительность къ Ульянѣ Терентьевнѣ! На немъ былъ синій сюртукъ, который онъ надѣвалъ очень рѣдко, и потому этотъ сюртукъ былъ постоянно новъ, какъ-

будто еще только на прошлой недѣлѣ вспрыскивалъ и утюжилъ его человѣкъ Дубинина, а между тѣмъ это — одно изъ древнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Сѣдые курчавые волосы батюшки, упадавшіе мягкими локонами на его загорѣлыя, румяныя щеки, очень согласовались съ синимъ цвѣтомъ. Не меньше придавала ему красы и бѣлая косынка, которою повязана была его шея. Батюшка былъ очень приличный и даже красивый мужчина въ этомъ костюмѣ. Мнѣ было весело смотрѣть, какъ онъ »подошелъ къ ручкѣ« Ульяны Терентьевны, спросилъ о ея здоровьѣ и потомъ очень пріятно поклонился Наденькѣ.

Съ какой радостью я подбѣжалъ бы къ нему! но новый мой костюмъ держалъ меня въ оцѣпенѣніи. Батюшка устремилъ на меня долгій взглядъ и, кажется, читалъ въ глубинѣ души моей. Мнѣ было передъ нимъ очень неловко.

»Что это ты, Николай«, сказалъ онъ наконецъ (онъ называлъ меня уменьшительнымъ именемъ только когда былъ мною совершенно доволенъ): »откуда это ты взялъ павлиньи перья?«

»Карпъ Ивановичъ«, прервала его Ульяна Терентьевна, »погодите, вы совсѣмъ его сконфузили. Пожалуйте со мной на минуту въ эту комнату.«

Батюшка еще обвелъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, однакожъ не сказалъ ничего и ушелъ за Ульяной Терентьевной. Они провели тамъ нѣ-

сколько минутъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца ихъ разговора. Между тѣмъ Наденька старалась меня утѣшить похвалами моему отцу. Я думаю, что у нея была эта цѣль, когда она дѣлала сравненіе между имъ и Дубининымъ, и это заставило меня убѣдиться больше прежняго, что у ней самое нѣжное сердце: иначе она не сказала бы мнѣ — я думаю, что не сказала бы — что она желала бы видѣть его портретъ рядомъ съ портретомъ Ульяны Терентьевны. Я въ ту же минуту усомнился въ ея искренности, но былъ тронутъ ея добротою, и мысль ея мнѣ очень понравилась. Глаза мои невольно устремились на стараго генерала, и какъ ни мало вѣрилъ я словамъ Наденьки, но ихъ было довольно, чтобъ я открылъ въ его лицѣ сходство съ батюшкой. У генерала, правда, были черты тоньше и изящнѣе, но выраженіе лица было почти то же самое, особенно когда я представилъ въ воображеніи положеніе головы и взглядъ батюшки въ то время, какъ онъ читаетъ Державина. Въ это время онъ всегда бывалъ очень величественъ.

Я пожалъ и поцѣловалъ у Наденьки руку, что́, кажется, она приняла съ удовольствіемъ. Вдругъ слышу громкія слова, батюшки:

»Ульяна Терентьевна! вы удивительная, благороднѣйшая женщина, и Господь наградитъ васъ по великой своей милости!«

Вслѣдъ за тѣмъ отворилась дверь, и Ульяна Те-

рентьевна возвратилась къ намъ съ батюшкой. Онъ посмотрѣлъ на меня теперь такимъ взглядомъ, что я невольно былъ увлеченъ къ нему.

»Ну, обними меня, Николаша«, сказалъ онъ: »сегодня великій день для меня и для тебя!«

Смыслъ этихъ словъ объяснился для меня впослѣдствіи. Теперь я чувствовалъ не размышляя радостную перемѣну въ обращеніи батюшки.

Мы усѣлись близко другъ отъ друга на креслахъ, — Ульяна Терентьевна возлѣ батюшки, а я возлѣ него съ одной стороны и возлѣ Наденьки съ другой. Я переходилъ глазами съ одного лица на другое. Каждое лицо выражало радость. Ульяна Терентьевна и Наденька были награждены пріѣздомъ батюшки за принужденіе, которое онѣ испытывали въ присутствіи Дубининыхъ, а мы съ батюшкой имѣли каждый свою причину радоваться. Не знаю, каковъ бы былъ между нами Сеня; но его не было въ домѣ. Онъ сдѣлался необыкновенно суетливъ и безпрестанно брался то́ за одно, то за другое дѣло, какъ-будто готовился къ какому-то необыкновенному событію. Минуту назадъ онъ рылся въ своемъ шкапу съ платьемъ, потомъ смотри — ужъ онъ бѣжитъ въ конюшню, тамъ суетится у своихъ ружей, потомъ опять исчезнетъ, появившись въ комнатѣ на одну минуту, какъ-будто искалъ кого, заглянулъ — нѣтъ, и отправился искать далѣе.

»Какое со мной приключеніе случилось!« началъ

батюшка. »Кучеръ мой — пресонливый мальчикъ; задремалъ и уронилъ возжи. Лошадь понесла — хорошо еще, что на ровномъ мѣстѣ. Всё-таки я вижу, что бѣда, а помочь нечѣмъ. Вдругъ вдали кто-то ѣдетъ; смотрю — Дубининъ. Въ одну минуту кучеръ и лакей его соскакиваютъ на землю и останавливаютъ мою лошадь. Я никогда не питалъ къ Дубинину злобы: это ему угодно было считать меня своимъ врагомъ. Но еслибъ онъ и смертельно меня обидѣлъ, я бы всё-таки чувствовалъ теперь его услугу. Вотъ я вылѣзъ изъ таратайки и пошелъ поблагодарить его. Дубининъ дружески протягиваетъ мнѣ руку. Это меня удивило. Онъ человѣкъ гордый и мстительный. Думаю: что́ съ нимъ сдѣлалось? Но какъ бы то ни было — мы помирились; онъ просилъ меня забыть все старое и отрекомендовалъ своей дочери. Очень миловидная дѣвица, можно сказать, красавица. На старости, Дубинину это большое утѣшеніе.«

»Видишь, Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна: »Дубининъ не совсѣмъ злой человѣкъ, какъ ты думала.«

»Это меня не убѣждаетъ въ противномъ«, отвѣчала Наденька: »я знаю, зачѣмъ примирился онъ съ Карпомъ Ивановичемъ. Это ему теперь нужно. Смотря по надобности, онъ готовъ сдѣлать добро и зло, но все это будетъ исходить изъ одного начала.«

Ульяна Терентьевна хотѣла что-то отвѣчать, но опять явился Сеня и помѣшалъ разговору.

Я былъ доволенъ Сенею за то, что онъ очень дружески и даже, какъ мнѣ показалось, почтительно пожалъ руку батюшки и освѣдомился о его здоровьѣ и дѣлахъ. Все, разумѣется, было хорошо, и Сеня сказалъ самымъ радушнымъ тономъ, что онъ очень радъ. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться, потому что теперь въ каждомъ движеніи Сени выражалась радость, и еслибъ его перь написать красками такъ, какъ онъ былъ, то изъ него вышло бы отличное изображеніе счастливой молодости.

Не знаю, къ чему онъ спросилъ, не встрѣтилъ ли батюшка Дубининыхъ: кажется, онъ не могъ ни о чемъ больше говорить, и, только сдѣлавъ уже вопросъ, вспомнилъ, что для батюшки эта встрѣча не могла быть такъ пріятна, какъ для него. Зато какъ онъ былъ радъ, узнавъ о примиреніи батюшки съ Дубининымъ!

»Сосѣдство наше«, сказалъ онъ, »теперь будетъ для насъ вдвое пріятнѣе! Я еще больше уважаю теперь Антона Ивановича и васъ.«

Это было сказано умно. Всѣ остались довольны Сенею, не исключая и Наденьки. Разговоръ обратился къ хозяйству. Батюшка совсѣмъ не тѣми глазами смотрѣлъ на усовершенствованія Ульяны Терентьевны, какъ Дубининъ, и мнѣ любопытно было узнавать изъ его разспросовъ разныя под-

робности домашняго управленія и экономіи нашей прекрасной сосѣдки. Когда Ульяна Терентьевна предложила батюшкѣ посмотрѣть ея плантацію выписного табаку, я пошелъ вмѣстѣ съ ними и разсматривалъ табачные листья съ такимъ любопытствомъ, какъ-будто я тоже владѣлецъ имѣнія. Наденька и Сеня остались дома, каждый за своимъ занятіемъ. Ульяна Терентьевна показала намъ и скотный дворъ, и крынки для молока изъ мозжевеловаго дерева, и свою пасику, которую она развела изъ купленныхъ у батюшки ульевъ. Тутъ явился къ намъ и Готфридъ въ своей синей курткѣ и соломенной шляпѣ, которую онъ снялъ, приблизясь къ Ульянѣ Терентьевнѣ, и держалъ подъ рукою. Готфридъ, кажется, тоже любилъ батюшку, судя по развязности, съ какою онъ объяснялъ ему ломанымъ своимъ выговоромъ разные фокусы пчеловодства. Батюшка замѣтилъ, что онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ послѣднее время; но Готфридъ увѣрялъ, что онъ всегда чувствуетъ себя здоровымъ.

»У него медленная чахотка, у бѣднаго моего Готфрида«, сказала Ульяна Терентьевна, когда онъ отошелъ къ дальнимъ ульямъ. »Онъ не долго проживетъ бѣдняжка. А жаль: добрѣйшее существо, какое только можете себѣ представить.«

Эти слова поразили меня: я не могъ вообразить, чтобъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ было такъ близко несчастье. Потерю Готфрида я считалъ для

нея несчастьемъ весьма важнымъ. Послѣ этого я началъ обходиться съ добрымъ Готфридомъ еще желюбнѣе и часто проводилъ въ его воздушной спальнѣ по цѣлому часу, разспрашивая о Шиллерѣ. Готфридъ былъ полонъ вѣры въ жизнь за гробомъ: его мечты о встрѣчѣ душъ совершенно согласовались съ поэтическими представленіями Шиллера, и я отъ всего сердца раздѣлялъ его убѣжденія. Они утѣшали меня въ предстоявшей ему близкой кончинѣ, которую я читалъ въ его безкровномъ лицѣ и въ свѣтлыхъ, неестественно блестящихъ глазахъ. Бѣдный Готфридъ! ты мелькнулъ на горизонтѣ моей жизни, какъ идеальное созданіе Шиллера, болѣе принадлежащее поэзіи, нежели дѣйствительности. Счастливъ ты, что вѣра твоя въ созданія твоего поэта не была разочарована. Судьба въ Россіи указала тебѣ женщину, которая была такъ близка къ его высокимъ идеаламъ.

Мы воротились къ обѣду съ прекраснымъ аппетитомъ. Батюшка былъ приглашенъ къ нему заблаговременно, и у его прибора положена была деревянная ложка. Онъ дома жилъ очень просто и, не привыкнувъ къ сребрянымъ ложкамъ, удивлялся, какъ люди не обжигаютъ себѣ ими губъ. Простодушная откровенность его понравилась Ульянѣ Терентьевнѣ; Готфриду было поручено сдѣлать изъ пальмы хорошую ложку, такъ какъ онъ былъ мастеръ на деревянныя работы, и теперь эта лож-

ка явилась въ первый разъ на столѣ, къ удовольствію батюшки, который высоко цѣнилъ всякую заботливость о немъ со стороны Ульяны Терентьевны.

Завѣсясь салфеткою, подъ самый подбородокъ, чтобъ не закапать своего сюртука, съ котораго сдувалъ онъ всякую пылинку, батюшка, съ своею деревянною ложкою, былъ среди насъ лицемъ патріархальнымъ. Мнѣ въ немъ всего больше нравилось то, что онъ нисколько не стѣснялся въ обществѣ людей столь образованныхъ и, какъ бы онъ самъ выразился, »модныхъ«, хотя оказывалъ явное почтеніе къ ихъ преимуществамъ. Все въ немъ было такъ просто и обычно, какъ-будто онъ обѣдалъ у себя дома; онъ оставался съ своими привычками и не хотѣлъ поддѣлываться подъ утонченные обычаи сосѣдей. Если знакомство съ Ульяной Терентьевной произвело какую-нибудь въ немъ перемѣну, то эта перемѣна выразилась только въ пріобрѣтеніи отличныхъ сапоговъ, какихъ онъ никогда еще не нáшивалъ. Сапоги были точно отличные и скрипѣли на славу.

Я думалъ, что послѣ обѣда батюшка увезетъ меня домой, и, признаюсь, очень боялся этого; но у него не было такого намѣренія. Онъ объявилъ мнѣ, что я остаюсь у Ульяны Терентьевны на всѣ вакаціи и велѣлъ мнѣ повиноваться ей во всемъ, какъ матери. Это было совершенно лишнее. Ульяна Терентьевна была для меня добрымъ

геніемъ; всѣ ея желанія были такъ благородны, всякое приказаніе выслушивалъ я отъ нея съ такою любовью, что здѣсь не могло быть мѣста несогласію. Но у родителей это ужъ обычная фраза: даже тѣ изъ нихъ, которыхъ дѣти совсѣмъ не слушаются, — оставляя ихъ на попеченіе наставниковъ, очень важно приказываютъ повиноваться какому-нибудь Карлу Карловичу, или Каролинѣ Францевнѣ, какъ самимъ себѣ.

До сихъ поръ я только мечталъ, что никогда не разстанусь съ Ульяной Терентьевной; теперь эта мечта сдѣлалась дѣйствительностью. Я видѣлъ, что я принадлежу ей по праву, утвержденному самимъ батюшкой; что если мы и разстанемся до новыхъ вакацій, то всё же я ворочусь къ ней. Батюшка сказалъ ясно, что я дома, оставаясь безъ надзора и безъ ученія, только балуюсь. Слѣдовательно онъ никогда не увезетъ меня отъ Ульяны Терентьевны. Я убѣдился въ этомъ еще больше, когда вечеромъ того же дня пріѣхалъ съ одной стороны мой зеленый сундукъ, а съ другой — выписанный изъ города портной. Ульяна Терентьевна послала за нимъ еще вчера своего кучера и поручила ему вмѣстѣ съ тѣмъ купить сукна и другихъ матерій. Меня измѣряли бумажкою во всѣхъ направленіяхъ, и портной, на другой уже день, принесъ придѣть на меня сметанный сюртукъ. Цѣлую недѣлю я часто долженъ былъ подвергаться его изслѣдованіямъ о длинѣ и толщинѣ

моихъ членовъ; наконецъ у меня явился совсѣмъ новый гардеробъ. Куда дѣвались мои красные жилеты и длиннополые сюртукн, объ этомъ я не заботится; только они исчезли навсегда и уже больше не появлялись въ моей жизни.

Я былъ такой молодецъ въ новомъ сѣромъ сюртучкѣ, въ клѣтчатомъ пикетовомъ жилетѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ и соломеной шляпѣ, которую также привезли изъ города, что покойный Яковъ Яковлевичъ и не узналъ бы меня. Я думалъ о томъ, какое пріятное впечатлѣніе произведу я на Катю и на ея мужа, у которыхъ въ домѣ я жилъ, и какой вѣсъ получу въ глазахъ своихъ товарищей, одѣтыхъ по большей части въ нанковые длиннополые сюртуки. Мнѣ было пріятно узнать, какую важность придавала Ульяна Терентьевна моей личности: до тѣхъ поръ, пока не былъ готовъ мой костюмъ, она отложила визитъ Дубининымъ. Наконецъ я одѣлся съ ногъ до головы, былъ припомаженъ собственными руками Ульяны Терентьевны, расчесанъ самою Наденькою; къ крыльцу подкатила коляска; мы сѣли въ нее втроемъ, а Сенѣ подвели коня, котораго, кажется, онъ самъ чистилъ, потому что все почти утро просидѣлъ въ конюшнѣ, и мы отправились черезъ хуторъ съ новыми хатами, мимо плантаціи табаку, мимо строящейся вѣтряной мельницы, потомъ по рѣчному берегу, вдоль прекрасныхъ полей съ одной сторо-

ны рѣки и луговъ — съ другой; наконецъ пріѣхали къ Дубининымъ.

Я могъ бы разсказать многое объ ихъ понов-ленномъ бытѣ, о противоположности съ Ульяной Терентьевной въ устройствѣ имѣнія, о томъ, что́ говорилъ Антонъ Ивановичъ, о томъ, какъ была любезна Марья Антоновна; но считаю это лишнимъ, потому что исторія этого семейства, не смотря на предстоящую женитьбу Сени, мало входитъ въ исторію Ульяны Терентьевны. Я не хочу, мнѣ тяжело отрываться отъ плѣнительныхъ личностей ея и Наденьки для изображенія людей, къ которымъ я не чувствовалъ никакой симпатіи. Довольно будетъ, если я скажу, что мы разсчитывали пробыть у нихъ не больше двухъ чесовъ, но были удержаны обѣдать. Дубининъ рекомендовалъ себя человѣкомъ старинныхъ правилъ и на этомъ основаніи позволилъ себѣ распорядиться нашими удовольствіями по-своему, что́ было очень пріятно Сенѣ, а потому не тягостно и для Ульяны Терентьевны; но я и Наденька скучали во весь обѣдъ, который былъ очень хорошъ и даже роскошенъ. Дубининъ самъ это находилъ, самъ расхваливалъ свои кушанья, приговаривая: »не красна изба углами, красна пирогами«, и самъ отдавалъ имъ справедливость отличнымъ аппетитомъ. За обѣдомъ его можно было назвать истиннымъ счастливцемъ: такъ блестѣли его глаза, когда на столѣ появлялась великолѣпная кулебяка!

Съ какой любовью выбиралъ онъ для себя увѣсистый кусокъ говядины! какая доброта разливалась по всему лоснящемуся его лицу, когда онъ упрашивалъ насъ »кушать не церемонясь!« Онъ былъ такъ хорошъ въ своемъ родѣ за обѣдомъ, что послѣ мнѣ уже трудно было и вообразить его въ другомъ положеніи. Это былъ истинно обѣденный человѣкъ.

Когда мы встали изъ-за стола, веселость Дубинина продолжалась неизмѣнно еще нѣсколько минутъ; но съ послѣднимъ глоткомъ кофе она уступила мѣсто какому-то раздумью. Онъ рѣже предлагалъ Ульянѣ Терентьевнѣ хозяйственные и денежные вопросы, пересталъ разсказывать о своихъ покупкахъ въ губернскомъ городѣ и наконецъ, повѣся голову, произнесъ самымъ трогательнымъ тономъ свое »хти-хти-хти!«

»О чемъ вздыхаетъ этотъ толстякъ?« думалъ я и, разумѣется, никогда бы не додумался. Ульяна Терентьевна была проницательнѣе меня. Она съ разу объявила своему сосѣду, что ему пора отдыхать, а намъ ѣхать домой. Дубининъ сознался откровенно, что онъ часа на три послѣ обѣда ни на что кромѣ сна не годенъ, но просилъ насъ погулять у него въ саду и остаться откушать чаю. На это Ульяна Терентьевна, къ великому моему удовольствію, не согласилась, и мы уѣхали.

»Гдѣ же Сеня?« сказала Ульяна Терентьевна, когда мы отъѣхали немного отъ деревни Дубинина.

Мы всѣ оглянулись: его не было видно. Онъ простился съ Дубининымъ такъ же, какъ и мы; онъ вмѣстѣ съ нами вышелъ на крыльце; я даже видѣлъ, какъ онъ поставилъ ногу въ стремя, а между тѣмъ остался.

Наденька шутя сказала, что этотъ часъ рѣшитъ судьбу всего нашего семейства, — то есть, я думаю, что шутя; а можетъ быть она была проницательнѣе всѣхъ насъ. Отъ этого часа именно зависѣла вся будущность Сени, Наденьки, Ульяны Терентьевны и моя.

Сеня оставался у Дубининыхъ до глубокой ночи, объяснился съ дочерью, получилъ согласіе отца и возвратился домой къ ужину женихомъ. Это событіе мы всѣ предвидѣли; но странное чувство сжало каждому изъ насъ сердце, когда счастливый любовникъ объявилъ намъ торжественно, что дѣло рѣшено. Даже Наденька не улыбнулась, — и только черезъ мгновеніе мы вспомнили, что надобно поздравлять жениха и желать ему всѣхъ благъ супружеской жизни.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ МОЕ СБЫВАЕТСЯ СЛИШКОМЪ СКОРО.

Съ этого времени начались взаимныя посѣщенія между двумя домами. Но Ульяна Терентьевна

бывала у Дубининыхъ рѣдко. Гораздо чаще посѣщали ее Дубинины, а еще чаще, или, лучше сказать, каждый день, ѣздилъ къ нимъ Сеня. Онъ бы не прочь былъ тотъ-часъ и за свадьбу, но приличіе требовало, чтобы знакомство между женихомъ и невѣстою протянулось хоть мѣсяцъ. Въ его отсутствіе жизнь наша шла чудесно. Обѣ мои наставницы трудились надо мной неутомимо, и я къ концу вакацій почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ мальчикомъ. Съ какимъ восхищеніемъ смотрѣлъ на меня батюшка, который иногда заставалъ меня за урокомъ и слушалъ мои отвѣты! Когда онъ съ блестящими на глазахъ слезами цѣловалъ у Ульяны Терентьевны руку и повторялъ, что она удивительная, благороднѣйшая женщина, я никогда не видалъ лица счастливѣе.

Но посреди радостнаго моего пребыванія въ домѣ Ульяны Терентьевны меня тревожили три обстоятельства. Первое: что Наденька никогда не говорила о Дубининыхъ и если заходила о нихъ рѣчь, то ограничивалась самыми обыкновенными выраженіями. Въ дѣвушкѣ, до такой степени живой, наблюдательной и вмѣстѣ съ тѣмъ склонной къ насмѣшливости, это могло считаться достоинствомъ: она уважала родственныя связи и не хотѣла давать воли своему языку. Но нѣтъ, въ этомъ молчаніи Наденьки, крылось для меня что-то въ родѣ грустнаго предчувствія,— того предчувствія, которое человѣкъ какъ-то боится даже и выска-

зывать. Второе обстоятельство было тоже явленіе обыкновенное, но въ душѣ моей оно пробуждало тайный, болѣзненный откликъ. Это именно ласки Ульяны Терентьевны. Онѣ были до такой степени нѣжны, какъ у матери, которая, лишаясь одного дитяти, становится слѣпо-привязанною къ остальнымъ. Наконецъ третье — былъ мой скорый отъѣздъ въ училище. Я думалъ: »Почему бы Ульянѣ Терентьевнѣ не оставить меня при себѣ, а батюшкѣ вовсе не уволить меня изъ училища? Здѣсь я въ одинъ мѣсяцъ успѣлъ больше, нежели тамъ въ годъ.« Но этой мысли я не могъ высказать ни той, ни другому; срокъ моего выѣзда сокращался такъ быстро, какъ-будто какое-то невидимое чудовище поглощало время цѣлыми сутками. Наконецъ я просыпаюсь въ послѣдній разъ въ милой моей комнатѣ; въ послѣдній разъ встрѣчаю глазами взглядъ кроткой женщины съ ребенкомъ; въ послѣдній разъ старый генералъ смотритъ, какъ я молюсь Богу; въ послѣдній разъ провожаю я по лѣсу путешественниковъ и кружусь воображеніемъ съ Россійскими дѣвушками. »Готфридъ!« думаю я, »скоро ли тебѣ придется за мной ухаживать? Я вѣрю, что тебѣ жаль со мною разставаться, хоть бы ты и не говорилъ мнѣ этого; но какъ ты мнѣ это сказалъ, и сказалъ съ такою добротою, то я, вмѣсто отвѣта, лучше молча тебяобниму и поцѣлую: иначе рыданія — это я чувствую — прервуть мои

слова, и я явлюсь къ утреннему чаю въ самомъ разстроенномъ видѣ.« Еслибъ не было тамъ Сени, я упалъ бы Наденькѣ, или Ульянѣ Терентьевнѣ на колѣни и плакалъ бы какъ въ тотъ вечеръ, когда услышалъ въ первый разъ музыку и пѣніе; но при немъ я не хочу плакать. Онъ будетъ хохотать и потомъ разскажетъ о моихъ слезахъ своей невѣстѣ! нѣтъ, онъ не увидитъ моихъ слезъ и не будетъ знать, чего стóитъ мнѣ разлука съ Ульяной Терентьевной, и съ Наденькой, и съ добрымъ Готфридомъ, и съ этимъ счастливымъ уголкомъ, полнымъ души Ульяны Терентьевны. Я пью чай съ истинно геройскимъ духомъ и только одного боюсь: чтобъ не зашелъ такой разговоръ, который бы потрясъ мою душу. Поэтому я стараюсь быть любезнымъ съ Сенею; я распрашиваю его о свойствахъ его собакъ и объ охотничьихъ правилахъ. Это долго не даетъ никому говорить, кромѣ меня и Сени; да, кажется, дамы и безъ того не расположены къ разговорчивости. Между тѣмъ я вижу, какъ Готфридъ укладываетъ платье, бѣлье и подаренныя мнѣ Ульяной Терентьевной книги, — чудныя книги, которыя въ другое время однѣ способны были бы составить мое счастье, а теперь я совсѣмъ о нихъ не думаю. Ульяна Терентьевна нѣсколько разъ выходитъ и дѣлаетъ Готфриду какія-то наставленія. Я жаднымъ слухомъ ловлю шелестъ ея платья и нѣжный скрипъ ея башмаковъ. И отъ чего Сеня

остается дома? отъ того, что Дубинины уѣхали въ городъ за покушками. Черезъ нѣсколько дней будетъ свадьба. Ничего, еще часъ, и я освобожусь отъ тягостнаго принужденія. Наконецъ раздался грохотъ нашей брички, и батюшка явился, чтобы везти меня въ училище. Я суечусь, чтобъ скрыть свое волненіе, говорю съ Готфридомъ о своихъ цвѣтахъ, которые поручаю его заботѣ, и играю съ собакой Сени. Я боюсь встрѣтиться съ глазами Ульяны Терентьевны и Наденьки, и, кажется, онѣ меня понимаютъ. По крайней мѣрѣ это облегчаетъ для меня тягость принужденія. Но, Боже мой! чего мнѣ сто́ило глядѣть на Ульяну Терентьевну, когда она, перекрестивъ, поцѣловала меня съ дрожавшими на глазахъ слезами! Я почти вырвался изъ ея рукъ и подбѣжалъ проститься къ Наденькѣ, и потомъ еще быстрѣе бросился къ Сенѣ и потомъ побѣжалъ искать Готфрида. Наконецъ я въ бричкѣ подлѣ батюшки, и лошади готовы тронуться. Въ эту минуту Наденька заглянула въ бричку съ той стороны, гдѣ я сидѣлъ, и подала мнѣ коробочку конфектъ, примолвя съ насмѣшливою улыбкою: »Для услажденія горести.« Этихъ шутливыхъ словъ, сквозь которыя только въ половину проглядывала затаенная грусть, было достаточно, чтобъ уничтожить слабую преграду моихъ слезъ. Я вдругъ зарыдалъ такъ громко, что только дребежжанье тронувшейся съ мѣста брички не дало моему плачу долетѣть до слуха Се-

ни. Батюшка не мѣшалъ мнѣ плакать и, кажется, былъ доволенъ моею привязанностью къ Ульянѣ Терентьевнѣ. Наконецъ слезы истощились, и я впалъ въ тягостное безчувствіе ко всему настоящему и прошедшему; только, когда мы стали подъѣзжать къ городу и передо мной показалась высокая почернѣвшая кровля училища, съ небольшою башенкою, подъ которою висѣлъ колокольчикъ, Корибутовка живо представилась моему воображенію, и я горько сравнилъ уроки Ульяны Терентьевны съ тѣми уроками, которые предстояли мнѣ въ училищѣ.

Какъ все мнѣ показалось теперь непріятно въ городкѣ Н*! Даже ласки Катеньки и ея мужа, которые встрѣтили меня со всегдашней своей любовью, показались мнѣ грубыми. Они, напротивъ, были отъ меня въ восхищеніи, — особенно Катя. Новый мой костюмъ дѣйствительно придалъ мнѣ другую фигуру; но Катя находила, что всѣ мои, какъ она выразилась, »ухватки« совсѣмъ иныя, и видъ иной, и совсѣмъ я не тотъ сталъ мальчикъ. Это мнѣ понравилось, и когда мы послѣ обѣда вышли въ садъ, чтобъ полакомиться яблоками, я разсказалъ ей всѣ свои приключенія въ этотъ достопамятный мѣсяцъ, и въ награду за участіе и радость, съ какими она меня слушала, рѣшился попотчевать ее конфектами, которыя подарила мнѣ на дорогу Наденька. Коробочка была у меня въ карманѣ. Я открылъ ее — и что́ же?

на конфектахъ сверху записочка. Я прочиталъ ее однимъ взгладомъ.

»Не тоскуй: мы скоро увидимся и будемъ неразлучны. Н. Б.«

Эти слова привели меня въ такое восхищеніе, что я позабылъ и о своемъ намѣреніи — потчевать Катю конфектами. Но какъ это можетъ случиться? Неужели меня возьмутъ изъ училища? Видно, такъ; видно, Ульяна Терентьевна ожидаетъ только, пока пройдетъ свадебная суматоха и установится обычный порядокъ жизни. Я былъ доволенъ этою догадкою и совершенно утѣшенъ въ своей разлукѣ. А безъ того, не знаю, что́ со мной было бы.

Я снова принялся разсказывать Катѣ объ Ульянѣ Терентьевнѣ и Наденькѣ, и это доставляло мнѣ живѣйшее удовольствіе. Мы проговорили съ ней часа два и пошли вмѣстѣ выгружать изъ зеленаго сундука мое добро. Увидя новое платье и прекрасное бѣлье, которое́ должно́ было поступить въ ея распоряженіе, Катя убѣдилась больше, нежели изъ всѣхъ моихъ разсказовъ, въ любви ко мнѣ Ульяны Терентьевны и побѣжала показывать мое богатство своему мужу. Я чувствовалъ, что это немножко диковато въ моемъ городскомъ другѣ, но я все принималъ за благо и радовался, что есть люди, сочувствующіе моему счастью.

Не буду разсказывать, какъ я явился баричемъ въ училище, какъ мнѣ завидовали долгополые то-

варищи, какое я пріобрѣлъ между ними значеніе, когда открылись мои успѣхи въ Нѣмецкомъ языкѣ и исторіи. Все это не касается біографіи Ульяны Терентьевны. Мнѣ предстоитъ еще такъ много разсказать о ней, что я долженъ буду остановиться на концѣ перваго періода нашего знакомства и приступлю ко второму въ отдѣльномъ разсказѣ, въ который войдутъ новыя лица, неимѣвшія связи съ тѣми событіями, которыя до сихъ поръ мною описаны. Поэтому, не развлекаясь эпизодами, буду держаться главной нити моего разсказа.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ Ульяны Терентьевны коротенькое письмо, въ которомъ она увѣдомляла меня о свадьбѣ Сени и освѣдомлялась, каково идетъ мое ученіе и читаю ли я подаренныя мнѣ книги. Я ожидалъ найти въ этомъ письмѣ извѣстіе объ увольненіи меня изъ училища, но ничего подобнаго въ немъ не оказалось. Я подумалъ, что еще рано, и написалъ подробный отчетъ о моей городской жизни.

Ожиданіе мое, однакожъ, не исполнялось. Я получилъ одно за другимъ нѣсколько писемъ отъ Ульяны Терентьевны и отъ Наденьки, и ни въ одномъ ни слова о моемъ увольненіи. Я спрашивалъ у Наденьки, что́ она хотѣла сказать своею запискою, но Наденька отвѣчала, что я и самъ могъ бы догадаться, еслибъ у меня были глаза, чтобъ видѣть, уши — чтобъ слышать, и толкъ въ

головѣ — чтобъ понимать, въ чемъ дѣло. Этотъ пиѳическій отвѣтъ совершенно сбилъ меня съ толку, и сколько я ни размышлялъ о немъ, ходя въ училище черезъ огороды по слѣдамъ бѣдняжки Якова Яковлевича, но никакъ не могъ догадаться что́ она разумѣетъ подъ этими словами.

Прошло два мѣсяца послѣ моего возвращенія въ городъ. Наступилъ октябрь. Листья осыпались съ деревьевъ, но погода стояла ясная, проникнутая свѣжимъ осеннимъ холодомъ. Октябрь въ этомъ году былъ похожъ на лысаго, веселаго здоровяка, который рѣшился никогда не старѣться. Особенно хороша была погода послѣ обѣда, когда день боролся за послѣднюю свою теплоту и блескъ съ холодною и темною осеннею ночью. Я любилъ въ это время возвращаться черезъ огороды и думать объ Ульянѣ Терентьевнѣ. Тропинки, проторенныя Яковомъ Яковлевичемъ, были засыпаны сухими листьями; я любилъ ихъ шелестъ подъ ногами. Притомъ я отличался въ понятіяхъ и забавахъ отъ своихъ товарищей и, если могъ, всегда отъ нихъ удалялся.

Однажды я возвращался вечеромъ изъ училища. Вдругъ вижу передъ собой — кого же? Готфрида! Бѣгу къ нему и узнаю, что его послала за мной въ квартиру Ульяна Терентьевна, но онъ не имѣлъ терпѣнія дождаться меня и, разспрося у Кати, какой дорогой я возвращаюсь, вышелъ ко мнѣ на-встрѣчу. Боже мой! такъ Ульяна Терентьевна

евна здѣсь! Готфридъ объявляетъ мнѣ, что здѣсь и Наденька. Я побѣжалъ впередъ, чтобъ не потерять и минуты; но бѣдный Готфридъ не могъ такъ скоро за мной слѣдовать: у него была одышка. Я остановился, и, когда онъ подходилъ ко мнѣ, тутъ только я замѣтилъ въ немъ необыкновенную перемѣну и спросилъ у него, не былъ ли онъ боленъ, или не случилось ли съ нимъ какого-нибудь несчастія? Онъ отвѣчалъ, что онъ по-прежнему здоровъ, а если что́ и случилось, такъ должно́ было случиться. На эти слова не дано было Готфридомъ никакого объясненія; но добрый Готфридъ такъ печально покачивалъ головою, что я началъ предполагать самыя мрачныя событія въ семействѣ Ульяны Терентьевны. Поспѣшая, сколько можно было, съ Готфридомъ впередъ, я всё еще пробовалъ выпытать у него причину его грусти. Готфридъ остался непреклоненъ: ему было тяжело выговорить ее, и онъ, указывая издали на квартиру Ульяны Терентьевны, отвѣчалъ мнѣ тихимъ, отчаяннымъ голосомъ:

»Тамъ Gnädige Frau все разскажетъ, она все вамъ сама разскажетъ, Herr Николаша!«

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ квартирѣ. Ульяна Терентьевна и Наденька встрѣтили меня въ сѣняхъ. Какія веселыя лица! быть не можетъ, чтобъ случилось какое-нибудь несчастье. Я успокоился, однакожъ не рѣшался спросить, все ли благополучно? Меня освобождаютъ отъ шине-

ли, книгъ и тетрадей, меня ведутъ въ комнату. »Что́ это значитъ?« вскрикнулъ я, увидѣвъ, что квартира Ульяны Терентьевны меблирована собственною ея мебелью и даже ея картины украшаютъ стѣны.

»Это объясненіе моей записки!« сказала Наденька.

»Какъ?«

»Какъ!« подхватила она, передразнивая меня. Ты еще и тутъ будешь квакать; еще не догадываешься!«

»Неу́жели....« началъ было я.

»Ты видишь, что *у́же*«, перебила она.

Я взглянулъ на Ульяну Терентьевну — ни тѣни грусти на ея лицѣ, ничего похожаго на то выраженіе, какое имѣло это лице во время наступающей бури. Она такъ весело улыбалась, глядя на кривлянья Наденьки, какъ-будто судьба обставила ее самыми богатыми своими цвѣтами.

»Вы совсѣмъ оставили Корибутовку?« спросилъ я, не зная, что́ думать.

»И Сеню съ его супругой и тестюшкой«, отвѣчала Наденька, »и отъ того мы такъ веселы. Мы потеряли прекрасную усадьбу, но зато пріобрѣли свободу.«

»Какимъ образомъ?« продолжалъ я, будучи не въ силахъ придти въ себя.

»Не спрашивай, мой другъ«, сказала Ульяна Терентьевна, положа мнѣ одну руку на плече, а

другую на голову, какъ въ первый вечеръ нашего знакомства. »Не спрашивай, довольно съ тебя, что мы больше не разстанемся.«

»Я больше всѣхъ тутъ въ выигрышѣ«, сказала Наденька, рѣзвясь какъ ребенокъ: »тётя теперь больше будетъ вѣрить въ мою проницательность. Я съ перваго взгляда постигла, что́ за народъ Дубинины. Съ ними невозможно жить людямъ нашего сорта.«

»А всего больше въ проигрышѣ я«, сказала Ульяна Терентьевна.

»Неужели вы жалѣете о своихъ деньгахъ?« спросила Наденька. »Деньги у меня есть, и ихъ слишкомъ для насъ достаточно.«

»Нѣтъ, мой другъ, я ихъ не трону: мы будемъ жить собственными трудами.«

»И превосходно!« подхватила, съ свойственною ей живостью, Наденька. »Развѣ у насъ не достанетъ умѣнья, или энергіи, чтобъ заработывать себѣ приличное существованіе? Вы будете учить дѣвочекъ языкамъ, я — музыкѣ и танцамъ, а маленькій нашъ *Брулъ* — ариѳметикѣ.« (Наденька часто называла меня такъ, узнавъ отъ меня исторію Якова Яковлевича, и я за это ни мало не сердился.)

»Все потерянное мы можемъ замѣнить новымъ, это правда«, сказала Ульяна Терентьевна, »одно только незамѣнимо.«

Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди.

»Что́ же?« спросилъ я съ участіемъ.

»Готфридъ пострадалъ сильно отъ нашего переворота. Ты замѣтилъ въ немъ перемѣну? Непріятности, испытанныя всѣми нами въ послѣднее время, онъ глубже всѣхъ почувствовалъ. Мы молчали и скрывали другъ отъ друга свои страданія до послѣдняго объясненія, но каждый понималъ, что́ дѣлается въ душѣ у другого. Бѣдный! я помню, какого горя стоилъ ему упадокъ нашего состоянія; но тогда онъ былъ крѣпче и, кромѣ того, могъ по крайней мѣрѣ выражать свое горе. Затаенная грусть была для него пагубна.«

Въ это время Готфридъ появился съ самоваромъ. Самоваръ шипѣлъ по-прежнему, какъ-будто ничего не произошло съ его владѣтельницею, и намъ вокругъ него было такъ весело, какъ во времена о́ны. Только Готфридъ не сидѣлъ болѣе у двери и не смотрѣлъ на насъ. Я спросилъ у Ульяны Терентьевны, что́ это значитъ?

»Бѣдный Готфридъ не шутя боленъ; онъ едва таскаетъ ноги. Заботы о переѣздѣ и установкѣ мебели еще больше изнурили его. Невозможно было уговорить его предоставить все наемнымъ людямъ и дѣвушкамъ. Онъ самъ вездѣ желалъ быть и охранять отъ порчи мои вещи, какъ-будто онѣ составляютъ часть меня самой. Теперь онъ, бѣдный, лежитъ въ своей комнатѣ. У него, вѣрно, болитъ грудь, но онъ страдаетъ молча и старается казаться здоровымъ человѣкомъ.«

Чай убрала со стола дѣвушка. Наденька заня-

ла насъ до ужина музыкой и пѣніемъ. Ульяна Терентьевна сидѣла подлѣ меня все время, перебирая рукой мои волосы. Когда накрыли для ужина столъ, меня опять поразило одно обстоятельство. Бѣлье было превосходно какъ прежде, но не было видно прекрасной серебряной посуды, которую я привыкъ видѣть на столѣ Ульяны Терентьевны; даже серебряныя вилки и ножи замѣнились простыми.

»Неужели вы оставили свою посуду Сенѣ?« спросилъ я.

»Нѣтъ, я продала ее«, отвѣчала Ульяна Терентьевна.

»Какъ! вы могли продать такую драгоцѣнность!«

»Потому-то я и продала ее, что она дорого стóила. Я отослала деньги въ банкъ, и проценты помогутъ мнѣ существовать.«

Я бы, кажется, никогда этого не сдѣлалъ«, сказалъ я; »я не разстался бъ ни съ одной наслѣдственною вещью.«

»Виноватъ въ этомъ твой батюшка«, сказала Наденька. »Я долго отстаивала посуду, и не будь онъ такъ скоръ на услугу, она осталась бы у насъ.«

»А я такъ очень ему благодарна за трудъ: безъ него у меня не было бы теперь въ распоряженіи никакой суммы денегъ.«

»Зачѣмъ же вы не потребовали съ Сени уплаты того, что́ вами издержано на его имѣніе?«

»Я потеряла въ немъ гораздо болѣе. Стóитъ

ли хлопотать о пустякахъ? Притомъ же мнѣ пришлось бы считаться съ Дубининымъ. Это было для меня нестершимо противно.«

»Какое несчастье быть человѣкомъ безъ характера и безъ убѣжденій!« сказала Наденька. »Сеня самъ по себѣ не золъ; онъ очень добръ; но добро для него такъ неясно, что онъ едва различаетъ его отъ зла, и, поддаваясь вліянію другихъ людей, онъ готовъ дѣлать винегретъ изъ того и другого.«

»Оставимъ это, Наденька«, сказала Ульяна Терентьевна. »Намъ осталось такъ много, какъ никогда не будутъ имѣть Дубинины. Пускай каждый будетъ счастливъ по-своему.«

И дѣйствительно, Ульяна Терентьевна была счастливѣе обыкновеннаго. Она говорила о томъ, какъ мы будемъ жить и трудиться вмѣстѣ, придумывала, гдѣ бы удобнѣе поселить меня въ квартирѣ, чертила планъ цвѣтника въ саду, нанятомъ вмѣстѣ съ квартирою, и одно только омрачало грустью веселое лице ея: что Готфридъ былъ боленъ. Я раза два ходилъ посмотрѣть на него и спросить, не нужно ли ему чего, но онъ спалъ, или казался спящимъ, и я, по наказу дамъ, не тревожилъ его.

XII.

ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ГОТФРИДА.

Меня удержали ночевать, съ тѣмъ, чтобы на другой день и совсѣмъ переселить меня отъ Кати. Опять я уснулъ въ комнатѣ, обвѣшанной картинами, подъ присмотромъ сѣдого генерала, и опять самый сладкій сонъ смѣнилъ волненіе радости и грусти, испытанныхъ мною въ предшествовавшій вечеръ. Не смотря на то, я спалъ чутко и за полночь сталъ чувствовать сквозь сонъ какую-то ходню и безпокойство въ домѣ. Съ трудомъ я открылъ глаза. Всѣ комнаты освѣщены, кромѣ моей; двери отворены; черезъ мою комнату раза два торопливо перебѣжала дѣвушка. Я одѣлся наскоро и поспѣшилъ въ комнату Готфрида, потому что догадался тотъ-часъ о причинѣ суматохи.

Тамъ я увидѣлъ, кромѣ Наденьки, Ульяны Терентьевны и двухъ горничныхъ дѣвушекъ, какого-то сторонняго мужчину, въ которомъ я тотъ-часъ предположилъ медика, въ чемъ и не ошибся. Пробираясь потихоньку впередъ, я не обратилъ на себя ничьего вниманія: глаза всѣхъ прикованы были къ постели умирающаго. Передъ постелью стояла на колѣняхъ Ульяна Терентьевна. и Готфридъ слабымъ, но твердымъ голосомъ что-то говорилъ ей. Я прислушивался: Готфридъ ли

это говоритъ? Рѣчь его не сохранила и слѣдовъ почтительной робости, въ которою онъ обыкновенно обращался къ Ульянѣ Терентьевнѣ. Онъ говорилъ ей, что съ перваго взгляда онъ привязался къ ней всею душею и видѣть ее сдѣлалось для него необходимостью. Онъ говорилъ, что понималъ, какъ велико между ними разстояніе, и никогда не возносилъ своихъ мыслей выше молчаливаго созерцанія. Готфридъ выражался языкомъ своего воспитателя Шиллера и дѣлалъ ему честь своею рѣчью. Я не могу передать ее въ точности, но содержаніе было таково, что онъ любилъ Ульяну Терентьевну, какъ бы любилъ ее какой-нибудь донъ-Карлосъ, что онъ жилъ только ею и для нея, что, несмотря на ея благосклонное съ нимъ обращеніе, онъ никогда не позволялъ своему чувству высказаться; что послѣ перваго переворота семейныхъ обстоятельствъ Ульяны Терентьевны онъ сдѣлался къ ней еще почтительнѣе. Онъ боялся, чтобъ не подумали о немъ, какъ о душенкѣ низкой (это именно его слова), которая пользуется ударомъ судьбы и отъ глубокой почтительности переходитъ къ оскорбительной фамильярности. Онъ этого боялся пуще всего. Онъ не сомнѣвался, что Ульяна Терентьевна знала отъ-части о его чувствахъ; онъ видѣлъ, какъ она цѣнила его преданность; она обращалась съ нимъ какъ съ семьяниномъ, но онъ принялъ на себя даже нѣкоторыя обязанности слуги, чтобъ не сократить

раздѣлявшаго ихъ разстоянія. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на госпожу, и чѣмъ бы выше была степень ея превосходства надъ нимъ, тѣмъ болѣе это бы его радовало. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ любилъ ее, какъ олицетвореніе всѣхъ женскихъ добродѣтелей, съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ; сердце его сгарало въ собственномъ огнѣ своемъ, и душа его была полна томительнаго къ ней влеченія. Высказать это ей передъ смертью составляетъ послѣднюю и лучшую радость его жизни. Оглядываясь на свое прошедшее, онъ видитъ, что любилъ ее благородно, и умираетъ съ увѣренностью, что оставитъ въ ея душѣ благодарное воспоминаніе.

Вотъ мысли, служившія основою Готфридовой рѣчи. Онъ говорилъ долго, останавливаясь отъ времени до времени, чтобъ перевести духъ. Душевное волненіе придавало его языку вдохновенную плавность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истощало его. Голосъ его дрожалъ, какъ нѣжная струна, готовая порваться. Ульяна Терентьевна слушала его не прерывая, съ глубокимъ умиленіемъ. Наконецъ онъ умолкнулъ, съ болѣзненнымъ жаромъ на щекахъ и съ глазами, блестящими послѣднимъ пламенемъ чувства.

»Ты не ошибся, добрый мой другъ Готфридъ, въ моемъ сочувствіи«, начала тихо Ульяна Терентьевна.

Въ голосѣ ея слышно было что-то похожее на

шепотъ, которымъ мать убаюкиваетъ страдающаго, больного ребенка. Онъ былъ чудно нѣженъ; каждая нота въ немъ дрожала взволнованнымъ до глубины чувствомъ любви, свойственной однѣмъ только женщинамъ.

»Я скоро«, продолжала она, »узнала прекрасныя свойства твоей души, и для меня ты былъ находкою между людьми. Я смотрѣла на тебя, какъ на нѣжный цвѣтокъ, нуждающійся въ теплотѣ и затишьи. Я дорожила твоимъ пребываніемъ въ нашемъ домѣ; мнѣ была пріятна близость существа такого чистаго, воспитаннаго благороднѣйшимъ изъ поэтовъ. Ничто не радуетъ меня въ жизни столько, какъ встрѣча съ душею, истинно человѣческою. Я блуждаю здѣсь, какъ въ чужбинѣ, гдѣ только случай можетъ изрѣдка сводить меня съ уроженцемъ моей родины. Поэтому-то о тебѣ было приложено много явныхъ и тайныхъ попеченій; поэтому ты былъ у насъ такъ свободенъ и нашелъ въ нашемъ домѣ родной кровъ, котораго никогда не имѣлъ въ своей Германіи.«

Готфридъ протянулъ ей руку. Она пожала эту блѣдную, исхудалую руку своею прекрасною рукою и, не выпуская ея, продолжала говорить:

»До какой степени моя ласковость и вообще моя личность расположили тебя ко мнѣ, это я давно знала. Я уважала твою скромность, твою молчаливую преданность и любила тебя не какъ усерднаго слугу, но какъ достойнѣйшаго друга. Твое

существованіе было отрадою моей жизни и опорою во многихъ тяжкихъ испытаніяхъ, и, сколько бы ни прошло лѣтъ послѣ угрожающей мнѣ теперь потери, твой благородный образъ никогда не изгладится въ душѣ моей. Готфридъ, ты былъ однимъ изъ немногихъ людей, оправдавшихъ любовь мою; ты своею жизнью и любовью краснорѣчиво убѣдилъ меня въ томъ, что идеальныя созданія поэтовъ не вымыселъ и что поэзія чувствъ и мыслей — драгоцѣнное наше достояніе. На колѣняхъ передъ твоей постелью, я прощаюсь съ тобой, какъ съ братомъ моего сердца, и въ эту торжественную минуту уничтожаю все разстояніе, раздѣлявшее насъ въ жизни.«

Она наклонилась и поцѣловала его долгимъ поцѣлуемъ. Глаза Готфрида блеснули необыкновеннымъ свѣтомъ и вдругъ закатились. Слабая нить его жизни порвалась въ минуту самаго сильнаго сердечнаго волненія. Я и Наденька не успѣли съ нимъ проститься; онъ одной Ульянѣ Терентьевнѣ отдалъ послѣднія минуты жизни, которая такъ долго ей одной принадлежала.

Надъ Готфридомъ никто не плакалъ; но я по себѣ знаю, что каждый изъ насъ троихъ, уединясь въ свою комнату, не разъ пролилъ о немъ самыя теплыя слезы. Мы долго даже не говорили между собой. Глубокая тишина царствовала вокругъ его гроба: мы какъ-будто боялись потревожить мирный сонъ его, и въ этомъ молчаніи

выразилось ясно, что́ составлялъ для насъ Готфридъ и какое высокое понятіе соединяли мы съ его личностью. Даже, когда батюшка пріѣхалъ къ его похоронамъ и началъ громко говорить въ залѣ, Ульяна Терентьевна молча сдѣлала ему знакъ слѣдовать за собой въ ея кабинетъ и тамъ отвѣчала на его вопросъ.

Мы похоронили Готфрида подлѣ Якова Яковлевича, въ монастырской рощѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Яковъ Яковлевичъ объяснился Катѣ въ любви. Осень обсыпала его могилу нагнанными вѣтромъ сухими листьями, и когда мы посѣщали ее въ-послѣдствіи, пока стояла сухая погода, эти листья шумѣли какимъ-то особеннымъ шепотомъ подъ нашими ногами. Бѣдный Готфридъ! я тебя сильно любилъ, какъ прекрасное отраженіе души Ульяны Терентьевны, и посвятилъ бы твоей памяти гораздо болѣе страницъ, еслибъ эта душа не уничтожала твоего блеска, какъ уничтожаетъ солнце сіяніе луны!

Въ день похоронъ Готфрида, когда мы, воротясь домой, сѣли обѣдать, батюшка былъ необыкновенно торжественъ. Онъ былъ торжественъ и и во время отпѣванія покойника, при чемъ я съ особеннымъ чувствомъ вторилъ ему своими тонкими нотами, и во время выноса гроба, котораго переднюю часть онъ поддерживалъ съ одной, а мужъ Кати съ другой стороны; и въ то время, когда бросалъ на гробъ Готфрида горсть земли,

я замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ это съ какимъ-то особенно торжественнымъ движеніемъ; но никогда онъ не былъ такъ торженственъ, какъ за обѣдомъ. Даже Ульяна Терентьевна это замѣтила и бросила на него нѣсколько вопросительныхъ взглядовъ. Батюшка видѣлъ, какъ она на него взглядывала, но молчалъ и дѣлался еще торжественнѣе. Наконецъ, когда подали пирожное, батюшка сдѣлалъ знакъ прислуживавшей намъ дѣвушкѣ, и та вынула изъ буфета подносъ съ четырьмя бокалами и полубутылкою шампанскаго. Какъ смотрѣлъ батюшка, откупоривая эту бутылку!

»Нѣтъ«, подумалъ я, »этотъ взглядъ относится не къ вину, которое мы будемъ пить на Готфридовой тризнѣ, хотя, по его пріемамъ, я видѣлъ, что онъ купилъ это вино на собственныя деньги, въ знакъ уваженія къ покойнику, и потому имѣлъ причину смотрѣть на насъ значительнѣе обыкновеннаго.«

Я не ошибся въ своей догадкѣ. Когда мы выпили въ воспоминаніе покойника, батюшка принялъ на себя такой видъ, какой, я думаю, имѣлъ Державинъ, воображая того мужа,

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустыни виды....

и, откашлявшись, обратился къ Ульянѣ Терентьевнѣ съ слѣдующею рѣчью:

»Ульяна Терентьевна! вы почтили покойника

достойнымъ образомъ, по его великому къ вамъ усердію; но сколь сіе усердіе было велико, то вамъ еще невѣдомо. Скажу паче«, продолжалъ, одушевляясь болѣе и болѣе, батюшка,« скажу паче, сколь велико было его къ вамъ почтеніе. Вамъ извѣстно, что Готфридъ не имѣетъ въ Германіи родственниковъ и не посылалъ никому своихъ денегъ, а между тѣмъ доходы его такъ далеко превышали его надобности. Онъ былъ воздержанъ и бережливъ, какъ всѣ его соотечественники; онъ былъ аккуратенъ, какъ истинный Нѣмецъ; всѣ получаемыя отъ вашего покойнаго родителя и отъ васъ деньги, а также и тѣ, которыя онъ зарабатывалъ своимъ искусствомъ на сторонѣ, — всѣ, говорю, сіи деньги, за исключеніемъ малыхъ тратъ, онъ отсылалъ въ банкъ. Проценты росли на проценты, благодаря сему благодѣтельному учрежденію, и къ концу жизни покойника у него скопилась сумма въ двадцать тысячь сребромъ. Бѣдняга почувствовалъ за нѣсколько дней свою кончину и ввѣрилъ мнѣ духовную для передачи вамъ по его смерти. Прежде, однакожъ, нежели я исполняю его волю, беру смѣлость обратить ваше вниманіе, почтеннѣйшая Ульяна Терентьевна, на деликатность этого единственнаго человѣка, что, безъ сомнѣнія, вы, при вашемъ высокомъ умѣ, и сами сообразите. Онъ не осмѣлился предложить вамъ, въ затруднительныхъ вашихъ обстоятельствахъ, денегъ, пріобрѣтенныхъ у васъ на служ-

бѣ, чтобы, какъ я разумѣю, не поставить васъ въ нѣкоторую отъ себя зависимость. До самой кончины онъ желалъ видѣть въ васъ свою госпожу, что́ свидѣтельствуетъ какъ о его умѣ, такъ равномѣрно и о благородствѣ его чувствованій.«

Батюшка обвелъ все собраніе глазами въ знакъ увѣренности, что никто не сомнѣвается въ справедливости его мнѣнія, и, вынувъ изъ бокового кармана бумагу, подалъ Ульянѣ Терентьевнѣ.

Мы поздравили ее съ поправленіемъ ея обстоятельствъ, и она не скрывала своей радости. Но она долго молчала, въ какомъ-то тихомъ раздумьи. Я знаю, что въ это время передъ нею проходила вся жизнь Готфрида.

»Какъ я теперь жалѣю«, сказала наконецъ она, »что не послушалась тебя, Наденька!«

»А можетъ быть, можно еще выкупить вашу посуду?« вскричала съ живостью Наденька и взглянула вопросительно на батюшку.

»Нѣтъ«, отвѣчалъ, покачавъ головой, батюшка; »что разъ попало въ руки Жидамъ, того не воротишь. Ваша посуда теперь перешла уже не черезъ однѣ руки и доставила барышъ не одному карману. Мы вѣдь продали одно серебро, а драгоцѣнная работа вся обратится въ пользу торгашей.«

Ульяна Терентьевна вздохнула, и больше о посудѣ не было рѣчи.

Между тѣмъ полученіе наслѣдства заняло мысли Ульяны Терентьевны, и она начала тотъ-часъ

же строить новый планъ жизни. Она только по необходимости рѣшилась остаться въ этомъ краѣ, въ сосѣдствѣ Дубининыхъ. Теперь она могла распоряжаться собой свободнѣе. Въ-слѣдствіе этого она предложила батюшкѣ на обсужденіе и согласіе слѣдующій планъ. Онъ долженъ отдать меня въ совершенное ея распоряженіе. Она увезетъ меня съ собой въ отдаленный губернскій городъ, въ которомъ есть университетъ. Тамъ она будетъ слѣдить за моимъ воспитаніемъ въ гимназіи и не разстанется со мной до тѣхъ поръ, пока я не окончу курсъ наукъ въ университетѣ. На это батюшка еще разъ объявилъ Ульянѣ Терентьевнѣ, что она удивительнѣйшая изъ женщинъ, и со слезами на глазахъ передалъ меня ей изъ рукъ въ руки, взявъ за плечи и подведя къ ея креслу. Впрочемъ онъ просилъ не лишать его удовольствія дѣлать, съ своей стороны, что можетъ для сына и позволить высылать для меня ежегодно извѣстную сумму денегъ. Договоръ былъ скрѣпленъ Наденькою, которая съ шутливымъ восторгомъ поздравляла батюшку съ освобожденіемъ отъ обузы, а мнѣ шепнула на ухо, что теперь я могу считать себя кандидатомъ на поступленіе въ число людей.

Батюшка вызвался проводить насъ въ губернскій городъ и принялъ на себя всѣ хлопоты, какъ по доставкѣ туда мебели, такъ и по устройству квартиры. Съ переѣздомъ въ губернскій городъ начинается новый періодъ жизни Ульяны Терентьев-

ны и Наденьки, который и составитъ въ-послѣдствіи отдѣльную повѣсть. Но одно обстоятельство, которымъ началась тамошняя жизнь наша, относится собственно къ этому еще разсказу.

Мы поселились сперва въ гостинницѣ и прожили тамъ нѣсколько дней, пока батюшка пріискалъ и привелъ въ надлежащій видъ квартиру. Онъ хотѣлъ, чтобъ Ульяна Терентьевна не хлопотала ни о чемъ и нашла все въ такомъ порядкѣ, какъ-будто годъ уже занимала эту квартиру. Поэтому онъ не только пріискалъ для нея повара, скупилъ всѣ мелочи, нужныя въ домашнемъ быту, но ко дню, или, лучше сказать, къ часу нашего туда переселенія, заказалъ и обѣдъ. Ульяна Терентьевна должна была вступить въ свое жилище такъ, какъ-будто воротилась съ прогулки, и прямо сѣсть за столъ.

Въ три часа по полудни батюшка явился за нами съ ямскою каретою, и насъ опять поразилъ необыкновенно торжественный видъ его. Наденька тотъ-часъ спросила, не получила ли тётя другого наслѣдства?

»Стóитъ наслѣдства!« отвѣчалъ онъ таинственно; но мы были увѣрены, что торжественность его относится не къ квартирѣ.

Теряясь въ догадкахъ, мы сѣли въ карету и скоро достигли своего новаго жилища. Квартира была превосходна. Но когда мы вошли въ столовую, гдѣ былъ поставленъ прекрасный буфетъ

Ульяны Терентьевны, мы всѣ ахнули. На буфетѣ и на столѣ стояла великолѣпная серебрянная посуда, — та самая, которую батюшкѣ поручено было продать.

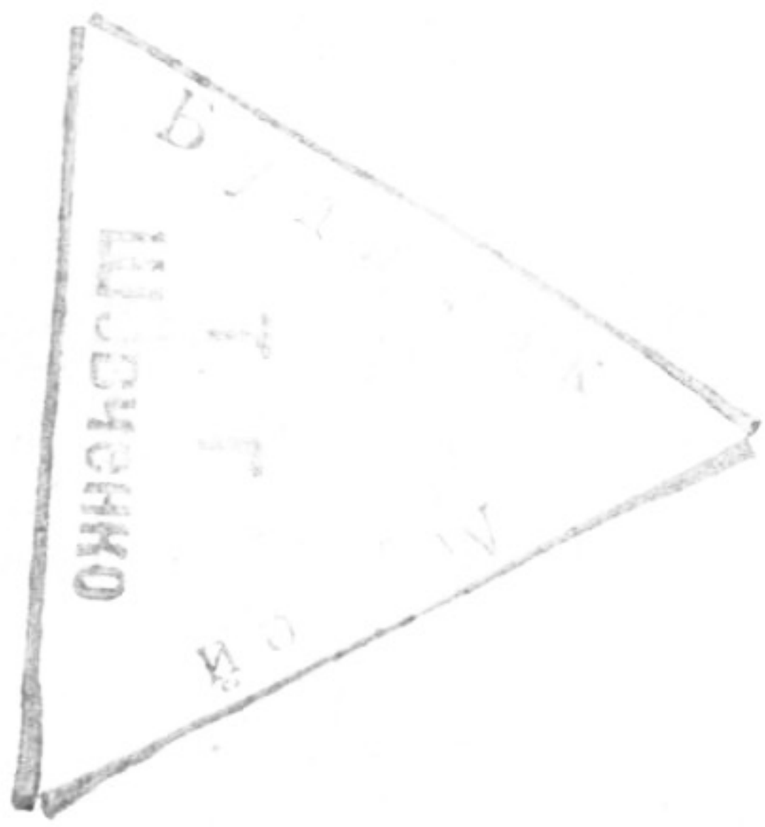
Батюшка торжественно подходитъ къ Ульянѣ Терентьевнѣ, цѣлуетъ ея руку и говоритъ:

»Удостойте, несравненная Ульяна Терентьевна, принять сей малый презентъ отъ человѣка, истинно вами облагодѣтельствованнаго.«

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Вст. № 2624
Рк - 2633

К 3